

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ФИЛОЛОГИЯ

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOLOGY

Научный журнал

2025

№ 96

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-29496 от 27 сентября 2007 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере
массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия

Индексируется в БД Scopus
и Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index

**Учредитель – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Национальный исследовательский
Томский государственный университет»**

***Редакционная коллегия журнала
«Вестник Томского государственного
университета. Филология»***

Т.А. Демешкина (Томск, Россия) –
главный редактор
И.А. Айзикова (Томск, Россия) –
зам. главного редактора
Ю.М. Ершов (Севастополь, Россия) –
зам. главного редактора
М.М. Угрюмова (Томск, Россия) –
отв. секретарь
П.П. Каминский (Томск, Россия) –
зам. отв. секретаря
К.В. Анисимов (Красноярск, Россия)
Н.В. Жиликова (Томск, Россия)
И.Е. Ким (Новосибирск, Россия)
В.С. Киселев (Томск, Россия)
А.В. Колмогорова
(Санкт-Петербург, Россия)
Н.А. Мишанкина (Томск, Россия)
Н.Е. Никонова (Томск, Россия)
Т.Л. Рыбальченко (Томск, Россия)
В.А. Суханов (Томск, Россия)
И.В. Тубалова (Томск, Россия)

***Редакционный совет журнала
«Вестник Томского государственного
университета. Филология»***

Дж.Ф. Бейлин (Стоуни-Брук, США)
Е.Л. Березович (Екатеринбург, Россия)
Е.Л. Варганова (Москва, Россия)
Н.Д. Голев (Кемерово, Россия)
Е.А. Добренко (Венеция, Италия)
М.Н. Липовецкий (Боулдер, США)
З.И. Резанова (Томск, Россия)
И.В. Силантьев (Новосибирск, Россия)
А.Н. Соболев (Санкт-Петербург, Россия)
С.Л. Фрэнкс (Блумингтон, США)
Т.В. Шмелева (Великий Новгород, Россия)

***Editorial Board
of the Tomsk State University
Journal of Philology***

T.A. Demeshkina (Tomsk, Russia) –
Editor-in-Chief
I.A. Aizikova (Tomsk, Russia) –
Deputy Editor-in-Chief
Yu.M. Yershov (Sevastopol, Russia) –
Deputy Editor-in-Chief
M.M. Ugryumova (Tomsk, Russia) –
Executive Editor
P.P. Kaminskiy (Tomsk, Russia) –
Deputy Executive Editor
K.V. Anisimov (Krasnoyarsk, Russia)
N.V. Zhilyakova (Tomsk, Russia)
I.Ye. Kim (Novosibirsk, Russia)
V.S. Kiselev (Tomsk, Russia)
A.V. Kolmogorova
(Saint Petersburg, Russia)
N.A. Mishankina (Tomsk, Russia)
N.E. Nikonova (Tomsk, Russia)
T.L. Rybalchenko (Tomsk, Russia)
V.A. Sukhanov (Tomsk, Russia)
I.V. Tubalova (Tomsk, Russia)

***Editorial Council
of the Tomsk State University
Journal of Philology***

J.F. Bailyn (Stony Brook, USA)
E.L. Berezovich (Yekaterinburg, Russia)
Ye.L. Vartanova (Moscow, Russia)
N.D. Golev (Kemerovo, Russia)
E.A. Dobrenko (Venice, Italy)
M.N. Lipovetsky (Boulder, USA)
Z.I. Rezanova (Tomsk, Russia)
I.V. Silantev (Novosibirsk, Russia)
A.N. Sobolev (Saint Petersburg, Russia)
S.L. Franks (Bloomington, USA)
T.V. Shmeleva (Veliky Novgorod, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА

Артёменко Е.Д. Окуломоторное исследование восприятия эмоционально окрашенных слов и текстов (на материале вакцинации от COVID-19)	5
Ковальчук А.В., Матюшин А.А. Конфликт между синтаксической ролью и семантической функцией при передаче конструкции X showed/demonstrated Y (на материале пресс-релизов компании «АстраЗенека», переведенных с английского языка на русский)	30
Крючкова О.Ю. Типы и функции словообразовательных моделей в аспекте разных лингвистических парадигм	54
Руднев Д.В. И по учиненному трактованию... договорились и согласились (Ништадтский мирный договор: особенности текста и языка)	71
Старикова Г.Н., Ли Т. Прагмафитоним: в обоснование неотермина фитонимики	92
Терещук А.А. Лексические интерференции в переводах труда И.Я. фон Вальгаузена «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей»	114

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Быстров Н.Л., Пашкин Н.С. Три модуса «прозрачности» в поэзии Вячеслава Иванова	131
Зейферт Е.И. Жанровая диффузия идиллии и элегии в высоком бидермейере (элегические идиллии А. Дросте-Хюльсхофф)	148
Коржова И.Н., Поль Д.В. Образ Хлопуши в русской литературе: этапы формирования национального типа	165
Королева В.В., Притомская А.Р. Роль гофмановской поэтики в создании мифологемы «гений» в романе Т. Манна «Доктор Фаустус»	184
Седельникова О.В., Андрианова И.С., Балдова А.В. «Программа рассказов по русской истории» А.Н. Майкова (подготовка текста, вступительная статья и комментарии)	201

ЖУРНАЛИСТИКА

Арестова Е.В., Свойкин К.Б. Информативная составляющая комментария в интерактивном англоязычном медиадискурсе	219
Беляев Д.А. Генезис медиаформатов отечественной гейм-журналистики	243
Дунас Д.В., Бабына Д.А. Установление повестки дня третьего уровня: опыт изучения медиапотребления российской «цифровой молодежи»	267

РЕЦЕНЗИИ

Андреева С.Л. «Сокровищница» старославянского языка. Рецензия на «Большой фразеологический словарь старославянского языка. В 5 т. / Научно-исследовательская словарная лаборатория МГТУ им. Г. И. Носова ; авторы-составители: С. Г. Шулержкова [и др.] ; редколлегия: С. А. Анохина [и др.]. Москва : ФЛИНТА, 2020– . Т. 1. 2020. 552 с.; Т. 2. 2022. 560 с.; Т. 3. 2023. 608 с.; Т. 4. 2024. 680 с.»	285
---	-----

CONTENTS

LINGUISTICS

Artemenko E.D. The role of valence in processing COVID-19-related words and texts: Evidence from eye-tracking studies	5
Kovalchuk A.V., Matyushin A.A. Conflict between syntactic roles and semantic functions of the pattern "X showed/demonstrated Y" in translations from English into Russian (on the material of AstraZeneca's press releases)	30
Kryuchkova O.Yu. Types and functions of word-formation models in the aspect of different linguistic paradigms	54
Rudnev D.V. <i>And after negotiations... the parties agreed</i> (The Treaty of Nystadt: Features of the text and language)	71
Starikova G.N., Li T. Pragmaphytonym: In support of the phytonymics neotermin	92
Tereshchuk A.A. Lexical interferences in translations of Johann Jacobi von Wallhausen's treatise "Kriegskunst zu Fuß"	114

LITERATURE STUDIES

Bystrov N.L., Pashkin N.S. Three modes of "transparency" in the poetry of Vyacheslav Ivanov	131
Zeifert E.I. Genre diffusion of idyll and elegy in high Biedermeier (elegiac idylls by Annette Droste-Hulshoff)	148
Korzhova I.N., Pole D.V. The image of Khlopusha in Russian literature: The formation of a national type	165
Koroleva V.V., Pritomskaya A.R. The role of Hoffmann's poetics in the creation of the mythologem "genius" in Thomas Mann's novel <i>Doctor Faustus</i>	184
Sedelnikova O.V., Andrianova I.S., Baldova A.V. Apollon Maikov's "A Program of Stories on Russian History" (preparation of the text, the introductory article, and the commentary)	201

JOURNALISM

Arestova E.V., Svoikin K.B. Category of informative value of the commentary in interactive English-language media discourse	219
Belyaev D.A. Genesis of media formats of domestic game journalism	243
Dunas D.V., Babyna D.A. Setting the third level agenda: A study of media consumption by Russian "digital youth"	267

REVIEWS

Andreeva S.L. The "Treasury" of the Old Slavonic language. Book review: Shulezhkova, S.G. (ed.) (2020–) <i>Bol'shoy frazeologicheskiy slovar' staroslavlyanskogo yazyka</i> [Large Phraseological Dictionary of the Old Church Slavonic Language]. In 5 volumes. Vol. 1 (2020), 552 p.; Vol. 2 (2022), 560 p.; Vol. 3 (2023), 608 p.; Vol. 4 (2024), 680 p. Moscow: FLINTA	285
---	-----

ЛИНГВИСТИКА

Научная статья

УДК 81'23

doi: 10.17223/19986645/96/1

Окуломоторное исследование восприятия эмоционально окрашенных слов и текстов (на материале вакцинации от COVID-19)

Елена Дмитриевна Артёменко¹

¹ *Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики
(НИУ ВШЭ), Санкт-Петербург, Россия, nekrasovaed@gmail.com*

Аннотация. Исследования в области когнитивной лингвистики показывают, что эмоциональная окраска слов влияет на их когнитивную обработку. Однако существует заметный пробел в исследованиях влияния эмоциональности на восприятие текстов как комплексных вербальных стимулов. В данной статье мы предлагаем результаты двух окуломоторных лабораторных экспериментов, направленных на изучение влияния эмоциональной окраски на восприятие слов и текстов. Результаты показывают, что эмоциональная окраска слов оказывает значительное влияние на объем визуального внимания и когнитивную обработку, выраженную в метрике общего времени фиксации взгляда. В отношении текстов такой зависимости обнаружено не было, однако был обнаружен значимый эффект отношения к тематике: участники с позитивным отношением к вакцинации от COVID-19 обрабатывают тексты на заданную тематику существенно дольше, чем участники с негативным отношением.

Ключевые слова: валентность слов, валентность текстов, валентность отношения, эмоциональность, восприятие слов, восприятие текстов, айтрекинг

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-10035, <https://rscf.ru/project/23-78-10035/>.

Для цитирования: Артёменко Е.Д. Окуломоторное исследование восприятия эмоционально окрашенных слов и текстов (на материале вакцинации от COVID-19) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2025. № 96. С. 5–29. doi: 10.17223/19986645/96/1

Original article

doi: 10.17223/19986645/96/1

The role of valence in processing COVID-19-related words and texts: Evidence from eye-tracking studies

Elena D. Artemenko¹

¹ National Research University Higher School of Economics (HSE University),
Saint Petersburg, Russian Federation, nekrasovaed@gmail.com

Abstract. Valence plays a significant role in communication, influencing the perception, processing, and retention of verbal stimuli. Research in cognitive linguistics indicates that the emotional tone of verbal stimuli affects cognitive processing and reading behavior. For example, words with strong valence — both positive and negative — increase visual attention, as reflected in longer fixation durations. This phenomenon, known as the emotional salience effect, is based on the theory of aversive attention and suggests that emotional words demand greater cognitive resources, thereby influencing reading speed and text comprehension. In contrast, neutral words are processed more quickly and with lower cognitive effort. Empirical data further support valence-dependent information processing, which may be driven by two motivational systems: the approach system, associated with positive verbal stimuli, and the withdrawal system, linked to negative ones. However, there remains a significant research gap regarding the impact of emotional valence on the perception of texts as complex verbal stimuli. This study presents findings from two laboratory experiments investigating the influence of emotional valence on the perception of words (Experiment 1, $N = 30$, 29,156 observations) and texts (Experiment 2, $N = 30$ participants, $N = 55,448$ observations). The key factors considered are the valence of stimuli (positive/negative/neutral) and the valence of participants' attitudes toward the topic. The results demonstrate that stimulus valence significantly affects visual attention and cognitive processing of words, as measured by total fixation duration. Specifically, negatively valenced words increased processing time compared to neutral and positive words, supporting the concept of negativity bias in emotional word processing. Additionally, positively valenced words were processed significantly faster than neutral words. However, no such effect was found for texts: there were no statistically significant differences in processing time (measured as total fixation duration) between positive, negative, and neutral texts. Instead, text processing was significantly influenced by the valence of participants' attitudes toward the topic, whereas this factor had no effect on word processing.

Keywords: word valence, text valence, attitude valence, emotionality, word perception, text perception, eye tracking

Acknowledgments: The research was supported by the Russian Science Foundation grant No. 23-78-10035, <https://rscf.ru/project/23-78-10035/>

For citation: Artemenko, E.D. (2025) The role of valence in processing COVID-19-related words and texts: Evidence from eye-tracking studies. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 96. pp. 5–29. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/96/1

Введение

В последнее десятилетие когнитивная наука вообще и когнитивная лингвистика в частности претерпели так называемый «эмоциональный поворот»: помимо «рациональной» части мозга, в когнитивных процессах существенная роль теперь отводится и «второй [эмоциональной] половине человеческого разума» (см. [1]). Тесная связь эмоций с когницией и языком также очевидна: влияние *эмоциональности* на обработку и восприятие языка неоднократно и широко подтверждалось эмпирическими исследованиями, что привело в том числе к вопросу о том, какую роль она должна играть в теориях о языке (см. [2]), и побудило ученых к порождению многочисленных объясняющих гипотез и концепций (более подробно см. [3]), а также различных способов измерения и атрибуции эмоциональности.

При этом соотнесение и выявление границ понятий *эмоциональности*, *валентности*, *тональности*, *коннотации* и др., их *результатирующего действия* [4] и зависимости от других когнитивных состояний (например, шкалы *интенсивности* (*arousal*), *оценки*, *экспрессивности* и т.п.) все еще остается дискуссионным (подробнее см. [5]) и не является предметом описания в данной работе. Поэтому в рамках настоящей статьи мы, наследуя традицию когнитивных наук, используем термин *валентность* (*valence*) для обозначения эмоциональной окраски слов, фраз или текстов [6] и как синоним термину *тональность*. В этом случае валентность может интерпретироваться с точки зрения (1) *эмоциональной насыщенности* (отсутствие эмоциональной насыщенности для нейтральных и наличие для эмоционально окрашенных стимулов), а также с точки зрения (2) *полярности* (положительная vs отрицательная валентность на полюсе эмоциональной выраженности, которая выявляется на основании соотнесенности с соответствующими эмоциональными переживаниями) [7].

Исследования в области когнитивной лингвистики показывают, что эмоциональная окраска вербальных стимулов оказывает влияние на когнитивную обработку слов и паттерны чтения. Раскроем этот тезис подробнее в том числе с точки зрения стоящих за этим эффектов когнитивных механизмов.

На уровне отдельных слов валентность влияет на *скорость* и *точность* их восприятия, что отражается в нейрофизиологических реакциях и поведенческих показателях. Этот феномен, известный как *эффект эмоциональной значимости* или *эмоционального превосходства* (*emotional superiority*), базируется на концепциях эмоционально-зависимого внимания (*emotion-based attentional priority*) и теории мотивационного внимания [8, 9] и указывает на то, что обработка эмоционально насыщенных слов требует вовлечения большего числа когнитивных ресурсов по сравнению с обработкой нейтральных слов. В пределах данной группы концепций подразумевается, что эмоциональные стимулы, *независимо от их полярности* (т.е. и *позитивные*, и *негативные*), привлекают внимание в большей степени, чем нейтральные стимулы, что проявляется в замедлении или ускорении времени их обработки, а также в модулировании специфических ответов мозга.

Реализация этой модели находит свое отражение и в различных когнитивных аспектах, связанных с обработкой вербальных стимулов. Так, эмоциональные слова запоминаются лучше, чем нейтральные, в задачах на воспоминание [10–13] и лучше распознаются в ряду нейтральных абстрактных и конкретных слов [14, 15]. Нейролингвистические исследования показывают, что эмоциональные слова вызывают увеличение амплитуды поздних вызванных потенциалов (LPP), что свидетельствует о повышенной когнитивной вовлеченности в их обработку [16]. В основе этого эффекта, предположительно, лежит адаптивный механизм, направленный на обработку *эволюционно более значимой* информации. Поскольку эмоционально окрашенные слова могут нести важную социальную и поведенческую информацию, они вызывают более глубокую когнитивную переработку, чем нейтральные слова [17]. При этом не столько полярность, сколько сам факт наличия валентности влияет на обработку информации. Все вышесказанное позволяет нам предположить, что обработка валентных слов, вне зависимости от знака валентности (позитивного или негативного), будет занимать больше когнитивных ресурсов, чем обработка нейтральных слов.

Объем визуального внимания мы операционализируем через поведенческие метрики, получаемые в лабораторных экспериментах с применением метода окулографии (или айтрекинга, *eyetracking*) [18]. Одной из наиболее показательных метрик, свидетельствующей в пользу увеличения ресурсов внимания и когнитивных ресурсов, является *общее время фиксации* (*fixationduration*) [19, 20]. Таким образом, наша первая гипотеза может быть сформулирована следующим образом:

H1. Общее время фиксации на словах/текстах с выраженной валентностью будет значимо больше, чем на словах/текстах с нейтральной валентностью.

Одновременно с этим эмпирические данные свидетельствуют в пользу валентно-зависимой обработки информации, в основе которой лежат не мотивационная система как таковая, а разные ее аспекты: система приближения и система избегания, связывающие увеличение объема внимания с отрицательными и положительными вербальными стимулами соответственно. Развернем этот тезис подробнее.

Валентно-зависимая асимметрия в обработке информации базируется на эволюционной концепции мотивационной привязанности, постулирующей, что человеческое поведение регулируется двумя основными мотивационными системами: системой приближения (*the appetitive system*), которая способствует взаимодействию с положительными стимулами, и системой избегания (*the withdrawal system*), связанной с реакцией на угрозы и негативные воздействия [21]. Последняя легла в основу гипотезы негативного превосходства (*negativity bias*), согласно которой больше внимания уделяется потенциально угрожающим стимулам, задействуя систему избегания, поскольку они могут нести важные для выживания сигналы [22].

Нейрофизиологические исследования с использованием электроэнцефалографии (EEG) и функциональной магнитно-резонансной томографии (fMRI) подтверждают эти выводы: отрицательные слова вызывают более сильные электрические и гемодинамические ответы в областях мозга, связанных с обработкой эмоций, таких как амигдала и передняя поясная кора [23]. С этим согласуются выводы исследований в области обработки вербальных слов, отмечающие преимущества в обработке отрицательных слов по сравнению с нейтральными и (или) позитивными [24, 25]. При этом, как отмечается, содержание отрицательной валентности может облегчить обработку текста, повышая внимание [13], или, напротив, может препятствовать ей, сужая фокус внимания читателей исключительно до эмоционального содержания [26] и уменьшая ресурсы внимания, доступные для других уровней обработки текста (например, [27]).

Одновременно с этим ряд исследований в области обработки вербальных стимулов свидетельствует о наличии преимуществ положительных (позитивных) слов по сравнению с нейтральными [24, 28, 29] или по сравнению с отрицательными [30, 31]. Существование подобной асимметрии в обработке эмоционально окрашенных слов позволяет нам сформулировать вспомогательную к первой гипотезе Н2.

Н2. Общее время фиксации на вербальных стимулах с негативной/позитивной валентностью будет значимо больше, чем на словах с позитивной/негативной валентностью.

Таким образом, на уровне отдельных слов валентность влияет на скорость и точность их восприятия, что отражается в нейрофизиологических реакциях и поведенческих показателях, о чем было сказано выше. Однако влияние валентности на когнитивную обработку вербальных стимулов может различаться в зависимости от типа вербального стимула и его сложности (ср.: слово и текст). На сегодняшний день очень немногие исследования изучали влияние валентности на обработку текста (подробнее см. [32]), хотя именно текстовый уровень затрагивает процессы интерпретации, запоминания и смысловой организации информации.

В частности, исследования показывают, что эмоционально заряженные тексты запоминаются лучше, чем нейтральные, особенно если они вызывают сильную аффективную реакцию [33]. Валентность также может влиять на интерпретацию текста: положительные тексты чаще воспринимаются как более убедительные и вызывают большую вовлеченность, в то время как отрицательные тексты могут усиливать критическое восприятие и аналитическую обработку информации [16].

Одновременно с этим было обнаружено, что отрицательная валентность помогает запоминанию не только отдельных слов [34, 35], но и текстов [36], поскольку эмоциональность делает ментальное представление ситуации, описанной в тексте, более детальным и сильным, особенно когда читатели

принимают точку зрения агента [37]. Бертон с коллегами, например, обнаружили, что негативные истории воспринимаются читателями медленнее и запоминаются лучше, чем нейтральные. В исследовании Мегалакаки и коллег был обнаружен противоположный эффект: было показано, что валентность оказывает значительное влияние на понимание текста, с более высокими баллами за положительные и нейтральные тексты, чем за отрицательные [38].

Кроме того, валентность текста может оказывать влияние на когнитивную нагрузку: в исследованиях, измеряющих параметры движений глаз, было обнаружено, что эмоционально окрашенные тексты требуют большего количества фиксаций и более продолжительного времени чтения по сравнению с нейтральными текстами, что свидетельствует о более глубокой когнитивной обработке и повышенном внимании [22]. Таким образом, валентность оказывает комплексное влияние на языковую обработку, определяя скорость, глубину и характер когнитивных процессов как на уровне отдельных слов, так и на уровне целых текстов. В рамках настоящей статьи мы также ставим перед собой исследовательский вопрос о существовании различий во влиянии валентности на когнитивную обработку слов и текстов.

ИБ1. Существует ли разница во влиянии валентности слов и валентности текстов на обработку вербальных стимулов?

Везде ранее речь шла о валентности самого стимула, однако, индивидуальная чувствительность к эмоциям (например, грусти или отвращению), а также отношение к тематике (аттитюд, *attitude*) могут оказывать на восприятие текста больше влияния, чем валентность слов [39]. Так, читатели, испытывающие грусть, уделяют больше внимания грустному материалу, отождествляя себя с персонажем. Сопереживание и тревога также влияют на внимание и восприятие, особенно при необходимости принимать перспективу героя [40]. Поэтому при исследовании валентности важно учитывать отношение участника к тематике, так как восприятие эмоциональной окраски текста может сильно зависеть от личных убеждений, опыта и интересов человека. Это отношение влияет на то, как участник интерпретирует слова и фразы с положительной, отрицательной или нейтральной валентностью. Например, текст, содержащий позитивные или негативные эмоции, может вызывать более сильную реакцию у человека, если тема ему близка или важна. В то время как нейтральная информация будет восприниматься менее эмоционально, независимо от содержания. Таким образом, учитывая отношение участника к теме, можно более точно интерпретировать его эмоциональные реакции и поведение в ходе исследования, обеспечив более глубокое понимание того, как валентность влияет на восприятие и когнитивную обработку. С этой целью мы считаем целесообразным оценивать восприятие слов и текстов на единую тематику с обязательным контролем манифестируемого участником коммуникации отношения к обозначенной тематике. Все это позволяет нам поставить еще один исследовательский вопрос:

ИБ2. Оказывает ли валентность отношения смещающее влияние на обработку эмоционально окрашенных слов и текстов?

В качестве такой тематики в настоящем исследовании была выбрана тематика вакцинации от COVID-19, релевантная и с точки зрения наличия полярных позиций в отношении вакцинации от COVID-19, и с точки зрения ее влияния на общественное и коммуникативное пространство [41]. Эти контрасты создают подходящие условия для изучения того, как валентность текста (*word/text valence*) (позитивная, негативная или нейтральная) и отношение к тематике (*attitude*) влияют на восприятие и реакции участников.

Для исследования влияния валентности на восприятия слов и текстов нами была предпринята серия психолингвистических экспериментов с применением технологий айтрекинга для фиксации поведенческих данных, в частности, объема визуального внимания, выражаемого в метрике общего времени фиксации (*total fixation duration*). Во избежание расхождений здесь и далее для обозначения наличия эмоциональной окраски текста и слова мы будем использовать термин валентность (*valence*) с частными случаями: позитивная, негативная и нейтральная.

Метод

Участники

Всего в исследовании приняли участие 30 человек (17 женщин, 13 мужчин) в возрасте от 22 до 45 лет (средний возраст составил 26,23 ($SD = 5,97$) лет). Данные одного человека были исключены из итогового анализа ввиду превышающих норму значений по Шкале Депрессии Бека, чтобы исключить влияние на результаты эксперимента; данные еще одного человека не попали в итоговый анализ из-за технических ошибок, связанных с особенностями калибровки айтрекера.

Оборудование

Участники проходили эксперимент, используя монитор, подключенный к рабочей станции с процессором IntelCore i7 и операционной системой Windows 11. Разрешение презентационного экрана составляло 2560 × 1440 пикселей. Размер текста составлял 20 кеглей, начертание: Arial.

Участники располагались в удобной позе в кресле на расстоянии 65–75 см от экрана презентационного монитора (расстояние дополнительно контролировалось для каждого участника). Стимулы предъявлялись с помощью специализированного программного обеспечения EventIDE (OkazoLabLtd.) за счет потоковой передачи данных в реальном времени. Для отслеживания взгляда испытуемого применялся айтрекер SMI Red250 mobile с частотой дискретизации 250 Гц совместно с контролирующим ПО EventIDE.

Перед началом экспериментов участники проходили стандартную 5-пунктную калибровку, подходящим для записи признавалось значение

ошибки дисперсии менее чем 0,5 градусов визуального угла (accuracy < 0,05).

Эксперимент 1

В рамках эксперимента 1 проводилась оценка восприятия слов, обладающих различной валентностью в задаче семантической категоризации.

Материал

В качестве материала для эксперимента 1 использовались слова положительной и отрицательной валентности, а также слова из категории нейтральных. Всего было использовано 24 слова, по 8 для каждого из условий в раз-
мере 36 предъявлений на каждое слово (всего 288 предъявлений).

Отметим, что поскольку оценка обработки слов производилась в ходе процедуры теста имплицитных ассоциаций отношения к вакцинации (подробнее см. раздел *Дизайн и процедура*), подразумевающей достаточно быструю лексическую обработку слов, слова нейтральной категории выбирались в рамках ассоциативного поля «вакцинация», однако отбирались только слова с нейтральной эмоциональной окраской по результатам многоступенчатой процедуры оценки валентности, которая будет описана ниже.

Подбор стимульных слов осуществлялся в ходе ассоциативного психолингвистического эксперимента, в котором участников просили предложить 5–7 ассоциаций для слов «хорошо», «плохо» и «вакцинация». По итогам обработки данных ассоциативного эксперимента были сформулированы два листа слов с положительной и отрицательной валентностью и лист нейтральных по валентности слов из категории вакцинация, для каждого из которых дополнительно проводилась валидация коннотативного значения.

Для валидации эмоциональной окраски стимулов был проведен масштабный онлайн-опрос ($N = 400$, 200 мужчин, 200 женщин). Участникам предлагалось оценить выраженность эмоционального компонента (по шкале от 1 до 7), а также его валентность по шкале от 1 (плохо) до 7 (хорошо). Дополнительным средством контроля валентности слова являлась оценка выраженности эмоционального компонента с опорой на дистрибутивную семантику – область лингвистики, которая занимается вычислением степени семантической близости между лингвистическими единицами на основании их распределения в больших массивах лингвистических данных (текстовых корпусах). Нами использовалась модель word2vec в программной среде R – способ построения сжатого пространства векторов слов, использующий нейронные сети. Он принимает на вход большой текстовый корпус, создает словарь, а затем вычисляет векторное представление слов. В результате были сформированы данные о валентности всех потенциальных стимулов категории «вакцинация» с опорой на корпусные языковые данные и проверена валентность оценочных стимулов.

Таким образом, для слов с положительной валентностью отбирались те, для которых по результатам онлайн-опроса и оценок семантического состояния была показана наибольшая выраженность позитивной окраски. Для негативных стимулов выбирались слова, для которых в ходе уже упомянутых анализов была показана наибольшая выраженность негативной окраски. Для категории нейтральных отбирались слова, для которых была показана наименьшая выраженность коннотативного значения ($<0,1$).

Контроль психолингвистических параметров

Для всех подготовленных слов контролировался параметр побуквенной длины и частотности словоупотребления для исключения влияния этих параметров на динамику объема визуального внимания, выражаемую в общем времени фиксации на целевых стимулах. Для сравнения длин слов использовался непараметрический *U*-критерий Манна – Уитни. Результаты анализа продемонстрировали отсутствие значимой разницы между группами слов ($p > 0,05$ во всех случаях), что исключает возможность влияния данного параметра на динамику зависимой переменной.

Частотность словоупотребления оценивалась на основании параметра *ipm* (число вхождений на миллион словоупотреблений) на основании Национального корпуса русского языка (НКРЯ). Для сравнения групп слов по параметру частотности использовался непараметрический *U*-критерий Манна – Уитни. Результаты анализа продемонстрировали отсутствие значимой разницы в значениях стандартизованного параметра *ipm* (*installs per mille*) между группами слов ($p > 0,05$ во всех случаях), что также исключает возможность влияния данного параметра на динамику зависимой переменной.

Оценка отношения к вакцинации

Оценка валентности отношения производилась на этапе постобработки теста имплицитных ассоциаций на основании *D*-метрики, измеряемой в диапазоне от $-1 < result < 1$, где диапазон -1 до 0 расценивается как негативное отношение, а диапазон 0 до 1 – как позитивное отношение. Указанная метрика рассчитывалась по методике оценки имплицитного отношения [42], суть которой заключается в выявлении индексной переменной с опорой на разницу времени реакции между конгруэнтными и инконгруэнтными блоками.

Дизайн и процедура

Перед началом эксперимента все участники подписывали информированное согласие. Дизайн экспериментального исследования был одобрен Комиссией по этической оценке эмпирических исследовательских проектов НИУ ВШЭ (Заключение комиссии от 09.01.2023).

Оценка обработки слов производилась в задаче семантической категоризации. Задача была выстроена в форме теста имплицитных ассоциаций [42]. Участникам необходимо было путем нажатия пространственно соположенных клавиш на клавиатуре (клавиши были помечены стикерами) соотносить

слова с категориями, располагавшимися в верхней части экрана. Категории соответствовали категориям стимульного материала.

Экспериментальная проба (рис. 1) включала в себя появление фиксационного креста по центру экрана, фиксация на котором в течение 800 мс запускала появления стимульного слова также в центре экрана. Если длительность фиксации на кресте не достигала указанных 800 мс, запуск стимульного экрана не осуществлялся, чтобы избежать ложных данных об объеме оculoмоторных данных на целевых стимулах.

Целевое слово располагалось по центру экрана, в левой верхней и правой части экрана – наименования категорий, относительно которых необходимо было произвести категоризацию целевого стимула.

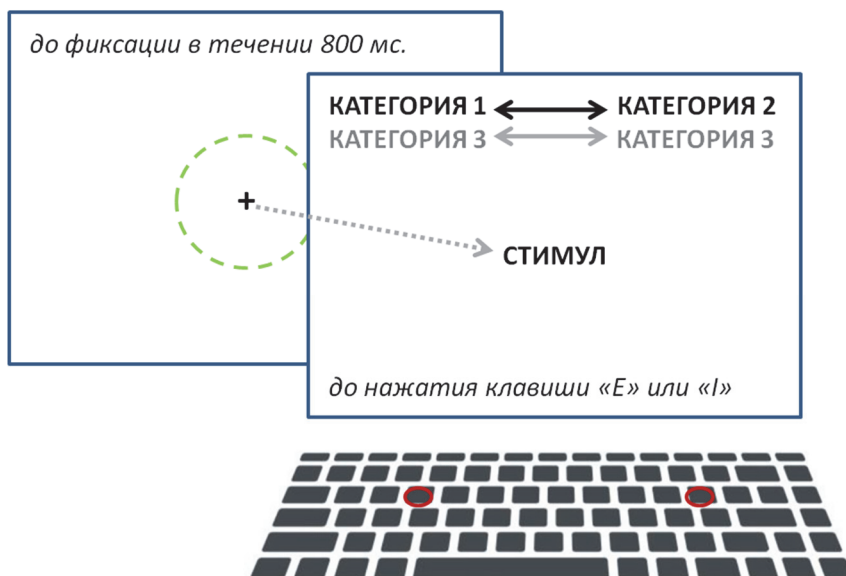

Рис. 1. Экспериментальная проба (эксперимент 1). На схеме видно, что клавиши ответов на клавиатуре соотнесены с пространственным расположением категорий на экране презентационного компьютера. Положение категорий контрбалансировалось

В случае ошибочной категоризации на экране появлялся красный крестик, сопровождавшийся надписью «Нажмите правильную клавишу». Процедура была контрбалансирована относительно расположения категорий; стимульный материал предъявлялся в случайном порядке, но таким образом, чтобы все слова всех категорий были показаны в равном количестве. Каждый блок процедуры (после смены положения категорий на экране) предварялся тренировочной сессией, результаты которой не учитывались в анализе.

Таким образом, дизайн экспериментального исследования (2×3) представлял собой сочетание двух независимых переменных: отношение

(attitudevalence: позитивное и негативное) и валентность слова (позитивная, негативная и нейтральная/вакцинация). В качестве зависимой переменной собирались данные общего времени фиксации (*totalfixationduration*) в миллисекундах (мс).

Анализ и результаты

Всего было получено 29 156 наблюдений положений взгляда. Из них на этапе предварительной обработки было получено 10 612 наблюдений относительно 13 обработанных окуломоторных метрик, включая общее время фиксации (*totalfixationduration*).

Описательные статистики для общего времени фиксации относительно групп валентности стимулов и валентности отношения представлены в табл. 1 и 2 соответственно, сразу для обоих экспериментов.

Таблица 1

Описательная статистика общего времени фиксации при обработке стимульного материала в эксперименте 1 и эксперименте 2 для переменной валентности стимула (word/textvalence)

Valence type	Эксперимент 1 (слова)			Эксперимент 2 (тексты)		
	Среднее (SD)	Max	Min	Среднее (SD)	Max	Min
Positive	441,39 (267,8)	3303,65	12,34	1771,08 (1233,14)	7294,73	500,82
Negative	502,44 (360,8)	36665,7	14,20	1773,08 (1245,30)	7700,32	500,63
Neutral	476,92 (315,48)	4179,76	10,34	1811,06 (1259,85)	7007,69	500,91

Примечание. В первой колонке для обозначения валентностей используются следующие ярлыки: positive – для стимулов с позитивной валентностью; negative – для стимулов с негативной валентностью; neutral – для нейтральных стимулов.

Таблица 2

Описательная статистика общего времени фиксации при обработке стимульного материала в эксперименте 1 и эксперименте 2 для переменной отношение к тематике (attitude)

Valence type	Эксперимент 1 (слова)			Эксперимент 2 (тексты)		
	Среднее (SD)	Max	Min	Среднее (SD)	Max	Min
Positive	470,83 (359,14)	4170,76	10,34	1590,58 (907,63)	6115,49	500,63
Negative	476,12 (279,96)	3665,70	12,34	2033,91 (1545,06)	7700,32	500,82

Примечание. В первой колонке для обозначения отношения используются следующие ярлыки: positive – для позитивного отношения к тематике; negative – для негативного отношения к тематике.

Сравнение средних проводилось с применением факторного дисперсионного анализа (ANOVA) и непараметрического *T*-критерия Вилкоксона для связанных выборок в среде программирования R. Апостериорные анализы везде приводятся с поправкой Бонферрони (BNF). В рамках выбранной логики изложения результатов мы описываем результаты вне зависимости от статистических критериев в первую очередь относительно главных эффектов, затем – в отношении взаимодействия двух основных факторов.

Анализа общего времени фиксации, затрачиваемого на обработку слов в рамках задачи семантической категоризации, продемонстрировал наличие *главного эффекта валентности стимулов*. Так, общее время обработки группы стимулов с нейтральной валентностью статистически значимо отличалось от общего времени обработки группы стимулов с позитивной ($p = 0,000$) и негативной ($p = 0,01$) валентностью. При этом между группами полярной валентности также была выявлена значимая разница в объеме визуального внимания ($p = 0,000$), динамика которой отражена на рис. 2.

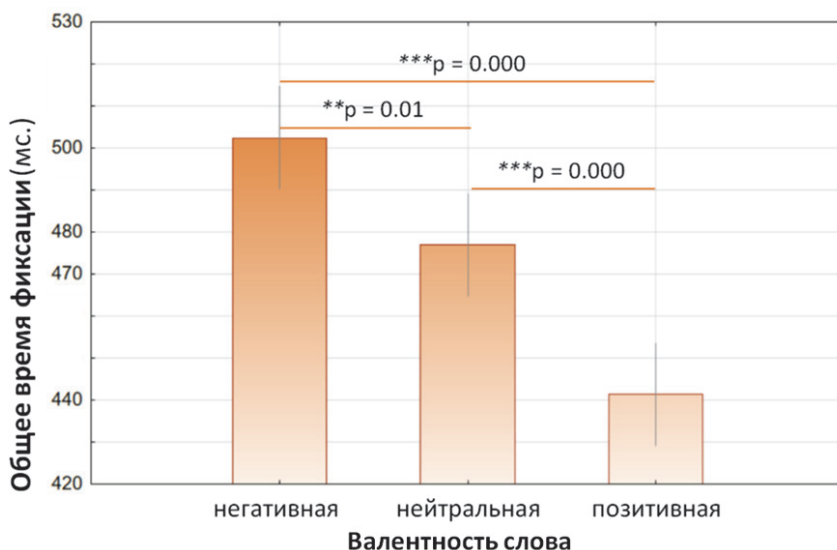

Рис. 2. Общее время фиксации для групп слов с нейтральной, позитивной и негативной валентностями. *** – уровень значимости $p < 0,001$; ** – уровень значимости $p < 0,01$

Таким образом, в отношении эмоционально-окрашенных слов можно говорить о наличии *валентно-зависимой асимметрии* в их обработке, при которой негативные стимулы оказывают ингибирующий эффект на общий объем визуального внимания, выраженный в виде общего времени фиксации, а позитивные стимулы – фасилитирующий, что подтверждает гипотезу 2. Гипотеза 1 о преимуществах в обработке эмоциональных стимулов в сравнении с нейтральными может быть отвергнута, потому что общее время

обработки валентных слов статистически значимо не отличается от общего времени обработки нейтральных слов. Различия достигаются именно за счет различий в полярно-специфической обработке валентностей слов. Однако если считать валентно-зависимую асимметрию частным случаем модели мотивационного внимания и эмоционального превосходства [8], имеющей ввиду наличие разницы в обработке эмоционально окрашенных слов в сравнении с нейтральными, но не положительных в сравнении с отрицательными, можно говорить о подтверждении обеих гипотез, поскольку результаты свидетельствуют в пользу наличия различий в паттернах обработки нейтральных и эмоционально окрашенных слов.

Анализ *главного эффекта валентности отношения* продемонстрировал отсутствие статистически значимой разницы в обработке слов в зависимости от валентности отношения участников к тематике ($p > 0,05$). Анализ взаимодействия эффектов валентности отношения и валентности слов также не показал наличия значимых интеракций ($F = 1,280$, $p = 0,279$). Таким образом, в отношении исследовательского вопроса 2 можно заключить, что валентность отношения участника никак не повлияла на асимметрию в обработке валентности слов (рис. 3).

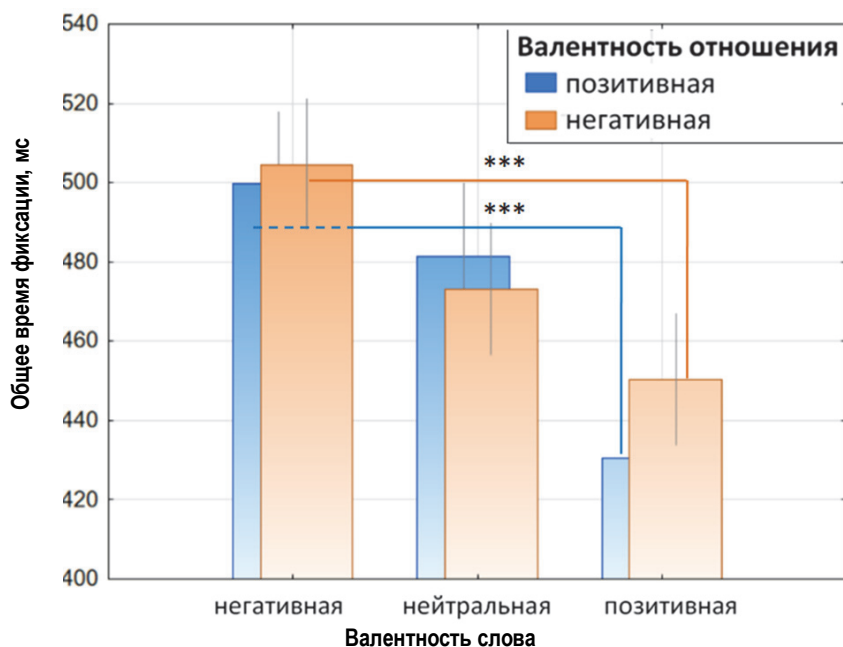

Рис. 3. Общее время фиксации для групп слов с нейтральной, позитивной и негативной валентностями.

*** – уровень значимости $p < 0,001$

Из графика анализа взаимодействия эффектов видно, что для групп людей с позитивным и негативным отношением к вакцинации сохранился пат-

терн валентной в асимметрии обработке слов. Так, слова с позитивной валентностью обрабатываются существенно быстрее слов с негативной валентностью ($p < 0,001$ в обоих случаях). Таким образом, в отношении обработки слов ответ на исследовательский вопрос 2 может быть отрицательным: отношение к тематике никак не влияет на обработку эмоционально окрашенных слов.

Для оценки влияния валентности на восприятие текстов перейдем к описанию эксперимента 2.

Эксперимент 2

В рамках эксперимента 2 проводилась оценка восприятия текстов, обладающих различной валентностью. Хронологически эксперимент 2 следовал за экспериментом 1 после продолжительной паузы с отвлечением.

Материал

В качестве материала использовались 110 коротких текстовых ложных и достоверных утверждений относительно вакцинации с положительной (40), отрицательной (40) и нейтральной (30) валентностью (см. табл. 3 с примерами утверждений).

Валентность. В рамках настоящего исследования *валентность текста* понимается как тональность текста, содержащая эмоциональную оценку по отношению к объектам, упоминаемым в тексте. Процедура оценки валентности стимулов включала три этапа. На первом этапе (экспертная оценка) пять специалистов ($N = 5$) независимо друг от друга кодировали валентность утверждений, при необходимости уточняя формулировки для усиления их эмоциональной окраски. На втором этапе утверждения тестировались в ходе онлайн-опроса ($N = 100$, 50 мужчин, 50 женщин; средний возраст = $32 \pm 12,5$ лет), в рамках которого участникам необходимо было классифицировать валентность утверждений как нейтральных, положительных или отрицательных. При отсутствии сходимости результатов утверждения помечались как спорные, реформулировались и отправлялись на повторную экспертную оценку ($N = 5$).

Достоверность и ложность. Поскольку экспериментальная задача предполагала оценку достоверности текстовых утверждений, для подбора правдивых утверждений были разработаны критерии истинности. Основная информация для правдивых утверждений была составлена на основе информации с сайта Всемирной организации здравоохранения (<https://www.who.int/ru/>), содержащейся в разделе «Коронавирусная инфекция COVID-19: вакцины и их безопасность». Для создания категории недостоверных (ложных) утверждений частично была использована информация из категории «Мифы и ложные представления о коронавирусной инфекции» и «Вакцины и иммунизация: Что такое вакцинация?» уже названного сайта, а также информация с форумов о здоровье. В качестве нейтральных стимулов использовались фактологические утверждения, не содержащие в себе сентимента. Все утверждения

оценивались экспертами на предмет внутренней согласованности, неоднозначности интерпретации, неясности валентности утверждения, утверждения с сомнительной истинностью переформулировались или исключались из итогового датасета.

Таблица 3

Примеры утверждений с позитивной и негативной валентностями

№	Утверждение	Правдивость	Валентность
1	1.1. Воспалительные заболевания сердца могут возникнуть в результате вакцинации. 1.2. Затруднение дыхания, спутанность сознания, потеря речи или подвижности могут возникнуть после вакцинации	Правда	Негативная
2	2.1. Спасению миллионов жизней и обеспечению прочной защиты от тяжелого течения заболевания, госпитализации и смерти человечество обязано вакцинации. 2.2. Простой, безопасный и эффективный способ защиты от болезней – это вакцинация	Правда	Позитивная
3	3.1. Общее ухудшение физического состояния останется на долгие годы после вакцинации. 3.2. Изменения генетического кода неизбежны в результате вакцинации	Ложь	Негативная
4	4.1. Улучшение кровообращения является одним из дополнительных положительных эффектов вакцинации. 4.2. Защита от всех существующих штаммов коронавируса гарантирована после вакцинации	Ложь	Позитивная

Для создания валентности текстов использовались различные лингвистические средства выражения тональности. Среди использованных лексических средств выражения *позитивной тональности* можно выделить (1) положительно окрашенные слова и выражения (*защита, улучшение, эффективность, безопасность*; конструкции типа *усиливает иммунитет*; наречия *безопасно, успешно, стабильно* и т.п.), (2) обобщающие позитивные слова (*миллионы*) и (3) количественные показатели акцентирования позитивного результата. Грамматические и синтаксические средства включали наличие позитивных утверждений с (1) прямыми утверждениями положительного результата (*Максимальная защита достигается после вакцинации*), (2) временных рамок успеха (*Иммунитет остается стабильно сильным продолжительное время*), (3) отрицательные конструкции с позитивным результированием (*Вакцина не вызывает побочных действий*), (4) конструкции с причинно-следственными связями (*Снижение тяжести протекания заболевания связано с вакцинацией*) и (5) перечислением положительных результатов вакцинации (*Улучшение кровообращения и повышение эффективности иммунной системы – всё это результат вакцинации*).

Среди лексических средств выражения *негативной тональности* в итоговом датасете использовались (1) медицинские термины с негативной окраской (*скончался, тяжелые симптомы, летальный исход* и т.п.), (2) слова и фразы, указывающие на вероятность неблагоприятных событий после вакцинации (*возможен, могут возникнуть* и т.п.), (3) эмоционально окрашенные негативные слова (*проблемы* и т.п.). Грамматические и синтаксические средства выражения негативной модальности включали (1) отрицания (*Опасность заражения вирусом не исключена, даже если человек вакцинировался*), (2) модальные конструкции, акцентирующие возможность наступления негативных последствий (*может возникнуть, могут наблюдаться, существует вероятность*), использование перечислений негативных последствий для нагнетания эффекта (*затруднение дыхания, спутанность сознания, потеря речи или подвижности*), эмфатическое использование временных конструкций (*уже через 10 дней наступила смерть*). Все тексты доступны в базе данных [43].

Контроль внешних параметров

Средняя длина утверждений составила 85,6 машинописных символов без пробелов. Гомогенность посимвольной длины утверждений в группах проводилась для дальнейшего корректного сравнения данных объема визуального внимания. Непараметрический критерий Манна – Уитни продемонстрировал отсутствие статистически значимой разницы между посимвольной длиной утверждений в группах правдивых и ложных утверждений ($Z = 1,465$, $p = 0,143$) и в группах позитивных и негативных ($Z = -0,977$, $p = 0,329$), позитивных и нейтральных утверждений ($Z = -1,828$, $p = 0,07$), негативных и нейтральных утверждений ($Z = -0,629$, $p = 0,529$).

Дизайн и процедура

Перед началом эксперимента все участники подписывали информированное согласие. Дизайн экспериментального исследования был одобрен Комиссией по этической оценке эмпирических исследовательских проектов НИУ ВШЭ (Заключение комиссии от 09.01.2023).

В ходе эксперимента 2 участникам необходимо было прочесть текст, представленный на экране, а затем оценить его достоверность по 8-балльной шкале Ликерта, где 1 – совершенно точно ложь, 8 – совершенно точно правда. Экспериментальная проба, таким образом, включала в себя появление фиксационного креста в левом верхнем углу экрана (совпадало с местом начала каждого стимульного текста), фиксация на котором в течении 800 мс запускала появления стимульного экрана. На стимульном экране располагался текст, включавший в себя не менее 2 и не более 4 строк. После прочтения текста участнику необходимо было нажать на кнопку «Далее» в нижней правой части экрана, чтобы запустить появление экрана ответа. На экране ответа располагалась шкала, на которой участнику следовало выбрать ответ при помощи мыши. Эксперимент включал также контрольные вопросы, появлявшиеся в случайном порядке. Каждый вопрос имел 3 варианта ответа и не содержал подсказок относительно достоверности только

что прочитанного текста, а только осуществлял функцию контроля понимания прочитанного. Все тексты предъявлялись в случайном порядке.

Фиксационный крест

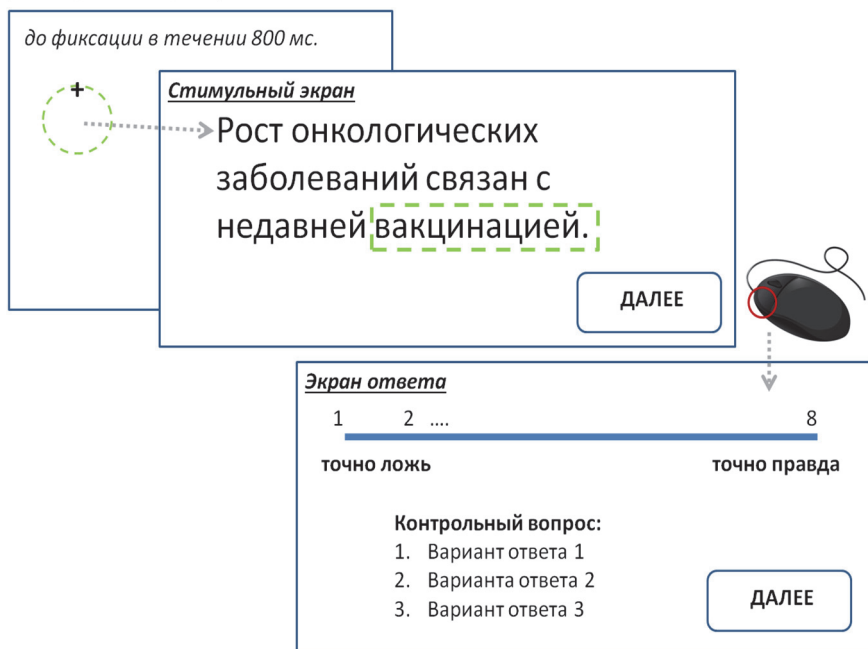

Рис. 4. Экспериментальная проба Эксперимента 2 по обработке текстов

Таким образом, дизайн экспериментального исследования представлял собой сочетание аналогичных эксперименту 1 двух независимых переменных: отношение к тематике (*attitude*: позитивная и негативная) и валентность текста (позитивная, негативная и нейтральная).

В качестве зависимой переменной собирались данные общего времени фиксации (*totalfixationduration*) в миллисекундах (мс).

Анализ и результаты

Всего было получено 55 448 наблюдений положений взгляда, из которых на этапе предварительной обработки было получено 2 997 наблюдений относительно 13 окуломоторных метрик, включая общее время фиксации.

Сравнение средних проводилось с применением факторного дисперсионного анализа (ANOVA) и непараметрического *T*-критерия Вилкоксона для связанных выборок в среде программирования R. Апостериорные анализы везде приводятся с поправкой Бонферрони (BNF).

Результаты анализа общего времени фиксации, затрачиваемого на обработку текстов, не продемонстрировали наличие *главного эффекта валентности стимулов*, в отличие от результата эксперимента 1 (см. рис. 4). Так,

значение p -метрики между всеми группами текстов (позитивными, нейтральными и негативными) приближалось к 1, что позволяет отвергнуть гипотезы 1 и 2 в отношении обработки валентно-окрашенных текстов.

Результаты анализа при этом свидетельствуют в пользу наличия главного эффекта отношения к тематике: люди с позитивным отношением к вакцинации существенно дольше обрабатывали тексты, чем люди, по результатам теста имплицитных ассоциаций продемонстрировавшие отрицательное отношение к вакцинации ($p = 0,000$) (рис. 5, 6).

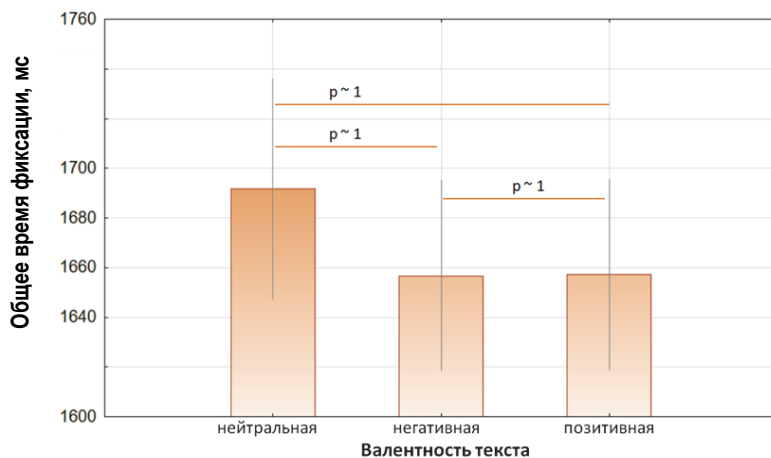

Рис. 5. Общее время фиксации на текстах с нейтральной, позитивной и негативной валентностью

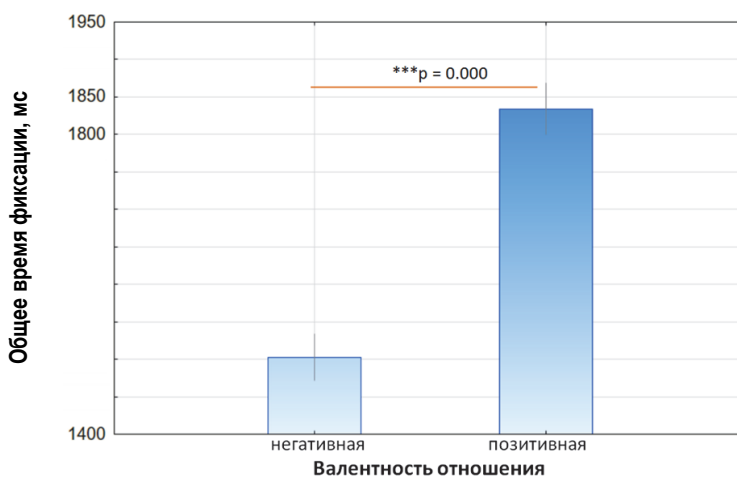

Рис. 6. Зависимость общего времени обработки текстов от валентности отношения (attitude valence) к тематике вакцинации.

*** Здесь и на рис. 7 – уровень значимости $p < 0,001$

Однако анализ взаимодействия эффектов (рис. 7) демонстрирует отсутствие интеракции между анализируемыми факторами, что может говорить об отсутствии смещающего влияния отношения на обработку эмоционально окрашенных текстов, вместо этого предполагая зависимость иного характера, о которой речь пойдет в обсуждении.

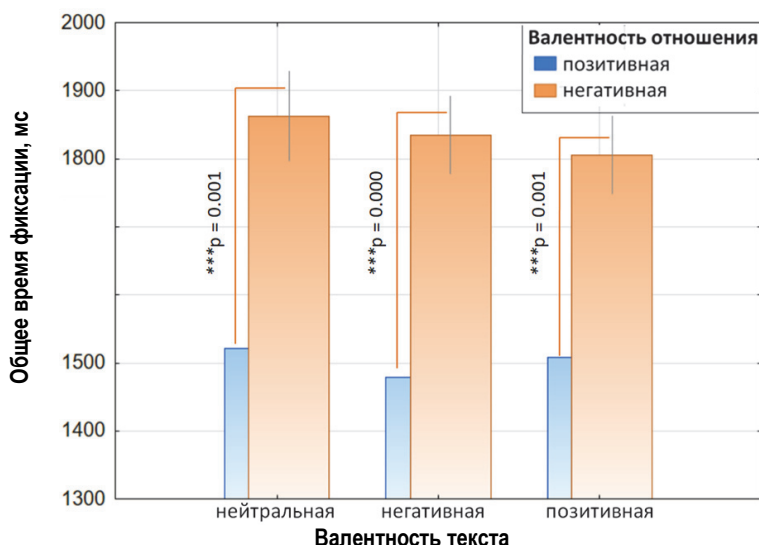

Рис. 7. Общее время фиксации на текстах с нейтральной, позитивной и негативной валентностями

Заключение

В рамках исследования различий в обработке эмоционально окрашенных и нейтральных слов и текстов на примере обработки вербальных стимулов о вакцинации от COVID-19 нами была предпринята серия психолингвистических экспериментов с записью окуломоторной активности.

В эксперименте 1 было установлено, что валентность стимулов оказывает значительное влияние на объем визуального внимания и когнитивную обработку слов, выраженную в метрике общего времени фиксации взгляда: слова с негативной валентностью увеличивали время обработки стимула по сравнению с нейтральными и позитивными, свидетельствуя в пользу негативного смещения в обработке эмоционально окрашенных слов. О том же свидетельствует и существенное сокращение обработки слов позитивной валентности по сравнению с нейтральными словами. Данные результаты свидетельствуют в пользу негативного (*negativity bias*), а не эмоционального превосходства (*emotional superiority*) при обработке эмоционально окрашенных слов.

В отношении текстов такой зависимости обнаружено не было: не было выявлено никакого статистически значимого изменения времени обработки текстов позитивной, негативной и нейтральной валентностей. Данное различие может быть связано с несколькими аспектами. Во-первых, особенность задачи: в отличие от большинства протоколов изучения восприятия лексических единиц, в рамках нашего исследования мы использовали задачу семантической категоризации, в основу которой входила активизация доступа к коннотативному компоненту языкового знака, содержащему эмоциональную окраску слова (его валентность). Отличие стимулов во втором эксперименте заключалось в их комплексности. В рамках одного текста могли использоваться как позитивные, так и негативные лексические единицы, которые формировали как отрицательную, так и положительную валентности. Структурная сложность формирования итоговой валентности текстов позволяет нам предположить более сложную систему обработки эмоционально окрашенных текстов, нежели для семантического компонента слов. Таким образом, можно заключить, что обработка эмоционально окрашенных слов и текстов требует различного перераспределения когнитивных ресурсов, и увеличение когнитивной нагрузки в первом случае провоцируется валентным компонентом значения, во втором валентность не оказывает влияния на увеличение когнитивной нагрузки.

Анализ влияния отношения к тематике вакцинации (*attitude*) на когнитивную обработку слов и текстов продемонстрировал следующую закономерность. При обработке слов отношение к тематике не оказывает никакого влияния на динамику объема когнитивной обработки, тогда как при восприятии текстов был выявлен сильный эффект валентности отношения: участники с позитивным отношением к вакцинации от COVID-19 обрабатывали тексты на заданную тематику существенно дольше, чем участники с негативным отношением. Данный результат может свидетельствовать в пользу того, что люди с негативным отношением к вакцинации от COVID-19 скорее склонны избегать информации относительно затрагиваемой темы, тогда как люди с позитивным отношением склонны более тщательно перерабатывать аргументы как в пользу вакцинации (тексты с позитивной валентностью), так и аргументы против вакцинации (тексты с негативной валентностью), что косвенно было подтверждено в наших исследованиях когнитивного искажения предвзятости подтверждения (*confirmation bias*) на материале текстовой информации других социально важных тематик: люди, имевшие позитивное отношение к тематикам, оказывались более подвержены влиянию когнитивного искажения [44]. Все это согласуется с теорией позитивного сигнала, разрабатываемой в основном в поведенческой экономике (см., например, [45]). В данном случае позитивным сигналом становится не сама валентность текста (позитивная), а факт его соответствия ранее сформированному отношению к тематике.

В переложении на структуру языка это может говорить о том, что при обработке лексических единиц в ограниченное время в задачах на время ре-

акции и семантическую категоризацию более активно задействуется система избегания (*the withdrawal system*), модулируемая самой валентностью стимула, тогда как при обработке более сложных комплексных стимулов (текстов) – система приближения (*the appetitive system*), при которой позитивным сигналом становится не валентность текста, а его соответствие отношению участника к тематике.

Список источников

1. Parisi D. The Other Half of the Embodied Mind // *Frontiers in Psychology*. 2011. Vol. 2.
2. Fooleen A. The relevance of emotion for language and linguistics // *Consciousness & Emotion Book Series*/ eds. by A. Fooleen, U.M. Lüdtke, T.P. Racine, J. Zlatev. Amsterdam : John Benjamins Publishing Company, 2012. Vol. 6. P. 347–368.
3. Нагель О.В. Словообразовательные механизмы в процессах восприятия, идентификации и использования языка: дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2017. 478 с.
4. Герасименко И.Е., Тютрина О.М. Эмотивность как лингвистическая категория // *Молодой ученый*. 2016. Т. 13.2 (117.2). С. 23–25.
5. Васильева А.В. Когнитивная обработка диминутивов носителями русского языка как родного и тюркско-русскими билингвами : дис... канд. филол. наук. Томск, 2020. 208 с.
6. Frijda N.H. *The Emotions*. Cambridge University Press, 1986. 564 p.
7. Fooleen A. Word valence and its effects // *Consciousness & Emotion Book Series* / ed. by U.M. Lüdtke. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2015. Vol. 10. P. 241–256.
8. Lang P.J., Bradley M.M., Cuthbert B.N. Emotion, attention, and the startle reflex // *Psychological Review*. 1990. Vol. 97, № 3. P. 377–395.
9. Anooshian L.J., Hertel P.T. Emotionality in free recall: Language specificity in bilingual memory // *Cognition & Emotion*. 1994. Vol. 8. Emotionality in free recall, № 6. P. 503–514.
10. Ferré P. Effects of level of processing on memory for affectively valenced words // *Cognition & Emotion*. 2003. Vol. 17, № 6. P. 859–880.
11. Doerksen S., Shimamura A.P. Source memory enhancement for emotional words // *Emotion*. 2001. Vol. 1, № 1. P. 5–11.
12. Brierley B., Medford N., Shaw P., David A.S. Emotional memory for words: Separating content and context // *Cognition & Emotion*. 2007. Vol. 21: Emotional memory for words, № 3. P. 495–521.
13. Altarriba J., Bauer L.M., Benvenuto C. Concreteness, context availability, and imageability ratings and word associations for abstract, concrete, and emotion words // *Behavior Research Methods, Instruments, & Computers*. 1999. Vol. 31, № 4. P. 578–602.
14. Altarriba J., Bauer L.M. The Distinctiveness of Emotion Concepts: A Comparison between Emotion, Abstract, and Concrete Words // *The American Journal of Psychology*. 2004. Vol. 117: The Distinctiveness of Emotion Concepts, № 3. P. 389.
15. Citron F.M.M. Neural correlates of written emotion word processing: A review of recent electrophysiological and hemodynamic neuroimaging studies // *Brain and Language*. 2012. Vol. 122: Neural correlates of written emotion word processing, № 3. P. 211–226.
16. Kensinger E.A. Age Differences in Memory for Arousing and Nonarousing Emotional Words // *The Journals of Gerontology Series B: Psychological Sciences and Social Sciences*. 2008. Vol. 63, № 1. P. P13–P18.
17. Shagass C. Eye-Tracking Performance and Engagement of Attention // *Archives of General Psychiatry*. 1976. Vol. 33, № 1. P. 121.
18. Rayner K. Eye movements in reading and information processing // *Psychological Bulletin*. 1978. Vol. 85, № 3. P. 618–660.
19. Just M.A., Carpenter P.A. A theory of reading: From eye fixations to comprehension. // *Psychological Review*. 1980. Vol. 87: A theory of reading, № 4. P. 329–354.

20. Bradley M.M. Emotion and motivation // *Handbook of psychophysiology*. 2nd ed. New York, NY : Cambridge University Press, 2000. P. 602–642.
21. Kousta S.-T., Vinson D.P., Vigliocco G. Emotion words, regardless of polarity, have a processing advantage over neutral words // *Cognition*. 2009. Vol. 112, № 3. P. 473–481.
22. Schacht A., Sommer W. Time course and task dependence of emotion effects in word processing // *Cognitive, Affective, & Behavioral Neuroscience*. 2009. Vol. 9, № 1. P. 28–43.
23. Tabert M.H., Borod J.C., Tang C.Y., Lange G., Wei T.C., Johnson R., Nusbaum A.O., Buchsbaum M.S. Differential amygdala activation during emotional decision and recognition memory tasks using unpleasant words: an fMRI study // *Neuropsychologia*. 2001. Vol. 39: Differential amygdala activation during emotional decision and recognition memory tasks using unpleasant words, № 6. P. 556–573.
24. Windmann S., Daum I., Güntürkün O. Dissociating Prelexical and Postlexical Processing of Affective Information in the Two Hemispheres: Effects of the Stimulus Presentation Format // *Brain and Language*. 2002. Vol. 80: Dissociating Prelexical and Postlexical Processing of Affective Information in the Two Hemispheres, № 3. P. 269–286.
25. Kensinger E.A. Remembering the Details: Effects of Emotion // *Emotion Review*. 2009. Vol. 1: Remembering the Details, № 2. P. 99–113.
26. Algom D., Chajut E., Lev S. A Rational Look at the Emotional Stroop Phenomenon: A Generic Slowdown, Not a Stroop Effect. // *Journal of Experimental Psychology: General*. 2004. Vol. 133: A Rational Look at the Emotional Stroop Phenomenon, № 3. P. 323–338.
27. Knickerbocker H., Johnson R.L., Altarriba J. Emotion effects during reading: Influence of an emotion target word on eye movements and processing // *Cognition and Emotion*. 2015. Vol. 29: Emotion effects during reading, № 5. P. 784–806.
28. Crossfield E., Damian M.F. The role of valence in word processing: Evidence from lexical decision and emotional Stroop tasks // *Acta Psychologica*. 2021. Vol. 218. The role of valence in word processing. P. 103359.
29. Wentura D., Rothermund K., Bak P. Automatic vigilance: The attention-grabbing power of approach- and avoidance-related social information // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2000. Vol. 78: Automatic vigilance, № 6. P. 1024–1037.
30. Dahl M. Asymmetries in the processing of emotionally valenced words // *Scandinavian Journal of Psychology*. 2001. Vol. 42. No. 2. P. 97–104.
31. Arfè B., Delatorre P., Mason L. Effects of negative emotional valence on readers' text processing and memory for text: an eye-tracking study // *Reading and Writing*. 2023. Vol. 36: Effects of negative emotional valence on readers' text processing and memory for text, № 7. P. 1743–1768.
32. Kensinger E.A., Schacter D.L. Reality monitoring and memory distortion: Effects of negative, arousing content // *Memory & Cognition*. 2006. Vol. 34: Reality monitoring and memory distortion, № 2. P. 251–260.
33. Kensinger E.A., Corkin S. Memory enhancement for emotional words: Are emotional words more vividly remembered than neutral words? // *Memory & Cognition*. 2003. Vol. 31: Memory enhancement for emotional words, № 8. P. 1169–1180.
34. Kissler J., Herbert C., Peyk P., Junghofer M. Buzzwords: Early Cortical Responses to Emotional Words During Reading // *Psychological Science*. 2007. Vol. 18: Buzzwords, № 6. P. 475–480.
35. Burton L.A., Rabin L., Vardy S.B., Frohlich J., Wyatt G., Dimitri D., Constante S., Guterma E. Gender differences in implicit and explicit memory for affective passages // *Brain and Cognition*. 2004. Vol. 54, № 3. P. 218–224.
36. Child S., Oakhill J., Garnham A. You're the emotional one: the role of perspective for emotion processing in reading comprehension // *Language, Cognition and Neuroscience*. 2018. Vol. 33: You're the emotional one, № 7. P. 878–889.
37. Megalakaki O., Ballenghein U., Baccino T. Effects of Valence and Emotional Intensity on the Comprehension and Memorization of Texts // *Frontiers in Psychology*. 2019. Vol. 10. P. 179.

38. Silva C., Montant M., Ponz A., Ziegler J.C. Emotions in reading: Disgust, empathy and the contextual learning hypothesis // *Cognition*. 2012. Vol. 125: Emotions in reading, № 2. P. 333–338.
39. Komeda H., Tsunemi K., Inohara K., Kusumi T., Rapp D.N. Beyond disposition: The processing consequences of explicit and implicit invocations of empathy // *Acta Psychologica*. 2013. Vol. 142: Beyond disposition, № 3. P. 349–355.
40. Резанова З.И., Сыпченкова Ю.Е. Риск-коммуникация в сфере здоровья: тематическая фокусировка событийного потока COVID-19 в новостном дискурсе // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2023. № 76. С. 217–228.
41. Greenwald A.G., Poehlman T.A., Uhlmann E.L., Banaji M.R. Understanding and using the Implicit Association Test: III. Meta-analysis of predictive validity // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2009. Vol. 97: Understanding and using the Implicit Association Test, № 1. P. 17–41.
42. Артемьенко Е.Д., Попова С.М., Аленина Е.А. Текстовая коллекция истинных и ложных сообщений по теме вакцинации с разметкой валентности и сентимента. Свидетельство о регистрации базы данных RU 2024623717. 23.08.2024.
43. Koltsova O., Artemenko E., Terpilowskii M., Ulianova T. Confirmation bias and users' comments in fake news detection accuracy and credibility perception: an eye tracking approach // *European journal of Information Systems (in progress)*.
44. Eil D., Rao J.M. The good news-bad news effect: Asymmetric processing of objective information about yourself // *American Economic Journal: Microeconomics*. 2011. Vol. 3 (2). P. 114–138.
45. Sharot T., Garrett N. Forming Beliefs: Why Valence matters // *Trends in Cognitive Sciences*. 2015. Vol. 20. № 1. P. 25–33. doi: 10.1016/j.tics.2015.11.002

References

1. Parisi, D. (2011) The other half of the embodied mind. *Frontiers in Psychology*. 2. doi: 10.3389/fpsyg.2011.00069
2. Foelen, A. (2012) The relevance of emotion for language and linguistics. In: Foelen, A. et al. (eds) *Consciousness & Emotion Book Series*. Vol. 6. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company. pp. 347–368.
3. Nagel', O.V. (2017) *Slovoobrazovatel'nye mekhanizmy v protsessakh vospriyatiya, identifikatsii i ispol'zovaniya yazyka* [Word-formation mechanisms in the processes of perception, identification and use of language]. Philology Dr. Diss. Tomsk.
4. Gerasimenko, I.E. & Tyutrina, O.M. (2016) Emotivnost' kak lingvisticheskaya kategoriya [Emotivity as a linguistic category]. *Molodoy uchenyy*. 13.2 (117.2). pp. 23–25.
5. Vasil'eva, A.V. (2020) *Kognitivnaya obrabotka diminutivov nositelyami russkogo yazyka kak rodnogo i tyurksko-russkimi bilingvami* [Cognitive processing of diminutives by native Russian speakers and Turkic-Russian bilinguals]. Philology Cand. Diss. Tomsk.
6. Frijda, N.H. (1986) *The Emotions*. Cambridge: Cambridge University Press.
7. Foelen, A. (2015) Word valence and its effects. In: Lüdtke, U.M. (ed.) *Consciousness & Emotion Book Series*. Vol. 10. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company. pp. 241–256.
8. Lang, P.J., Bradley, M.M. & Cuthbert, B.N. (1990) Emotion, attention, and the startle reflex. *Psychological Review*. 3 (97). pp. 377–395.
9. Anooshian, L.J. & Hertel, P.T. (1994) Emotionality in free recall: Language specificity in bilingual memory. *Cognition & Emotion*. 6 (8). pp. 503–514.
10. Ferré, P. (2003) Effects of level of processing on memory for affectively valenced words. *Cognition & Emotion*. 6 (17). pp. 859–880.
11. Doerksen, S. & Shimamura, A.P. (2001) Source memory enhancement for emotional words. *Emotion*. 1 (1). pp. 5–11.

12. Brierley, B. et al. (2007) Emotional memory for words: Separating content and context. *Cognition & Emotion*. 3 (21). pp. 495–521.
13. Altarriba, J., Bauer, L.M. & Benvenuto, C. (1999) Concreteness, context availability, and imageability ratings and word associations for abstract, concrete, and emotion words. *Behavior Research Methods, Instruments, & Computers*. 4 (31). pp. 578–602.
14. Altarriba, J. & Bauer, L.M. (2004) The distinctiveness of emotion concepts: A comparison between emotion, abstract, and concrete words. *The American Journal of Psychology*. 3 (117). P. 389.
15. Citron, F.M.M. (2012) Neural correlates of written emotion word processing: A review of recent electrophysiological and hemodynamic neuroimaging studies. *Brain and Language*. 3 (122). pp. 211–226.
16. Kensinger, E.A. (2008) Age differences in memory for arousing and nonarousing emotional words. *The Journals of Gerontology Series B: Psychological Sciences and Social Sciences*. 1 (63). pp. P13–P18.
17. Shagass, C. (1976) Eye-tracking performance and engagement of attention. *Archives of General Psychiatry*. 1 (33). P. 121.
18. Rayner, K. (1978) Eye movements in reading and information processing. *Psychological Bulletin*. 3 (85). pp. 618–660.
19. Just, M.A. & Carpenter, P.A. (1980) A theory of reading: From eye fixations to comprehension. *Psychological Review*. 4 (87). pp. 329–354.
20. Bradley, M.M. (2000) Emotion and motivation. In: *Handbook of Psychophysiology*. 2nd ed. New York, NY : Cambridge University Press. pp. 602–642.
21. Kousta, S.-T., Vinson, D.P. & Vigliocco, G. (2009) Emotion words, regardless of polarity, have a processing advantage over neutral words. *Cognition*. 3 (112). pp. 473–481.
22. Schacht, A. & Sommer, W. (2009) Time course and task dependence of emotion effects in word processing. *Cognitive, Affective, & Behavioral Neuroscience*. 1 (9). pp. 28–43.
23. Tabert, M.H. et al. (2001) Differential amygdala activation during emotional decision and recognition memory tasks using unpleasant words: An fMRI study. *Neuropsychologia*. 6 (39). pp. 556–573.
24. Windmann, S., Daum, I. & Güntürkün, O. (2002) Dissociating prelexical and postlexical processing of affective information in the two hemispheres: Effects of the stimulus presentation format. *Brain and Language*. 3 (80). pp. 269–286.
25. Kensinger, E.A. (2009) Remembering the details: Effects of emotion. *Emotion Review*. 2 (1). pp. 99–113.
26. Algom, D., Chajut, E. & Lev, S. (2004) A rational look at the emotional stroop phenomenon: A generic slowdown, not a stroop effect. *Journal of Experimental Psychology: General*. 3 (133). pp. 323–338.
27. Knickerbocker, H., Johnson, R.L. & Altarriba, J. (2015) Emotion effects during reading: Influence of an emotion target word on eye movements and processing. *Cognition and Emotion*. 5 (29). pp. 784–806.
28. Crossfield, E. & Damian, M.F. (2021) The role of valence in word processing: Evidence from lexical decision and emotional Stroop tasks. *Acta Psychologica*. 218. pp. 103359.
29. Wentura, D., Rothermund, K. & Bak, P. (2000) Automatic vigilance: The attention-grabbing power of approach- and avoidance-related social information. *Journal of Personality and Social Psychology*. 6 (78). pp. 1024–1037.
30. Dahl, M. (2001) Asymmetries in the processing of emotionally valenced words. *Scandinavian Journal of Psychology*. 2 (42). pp. 97–104.
31. Arfè, B., Delatorre, P. & Mason, L. (2023) Effects of negative emotional valence on readers' text processing and memory for text: An eye-tracking study. *Reading and Writing*. 7 (36). pp. 1743–1768.
32. Kensinger, E.A. & Schacter, D.L. (2006) Reality monitoring and memory distortion: Effects of negative, arousing content. *Memory & Cognition*. 2 (34). pp. 251–260.

33. Kensinger, E.A. & Corkin, S. (2003) Memory enhancement for emotional words: Are emotional words more vividly remembered than neutral words? *Memory & Cognition*. 8 (31). pp. 1169–1180.
34. Kissler, J. et al. (2007) Buzzwords: Early cortical responses to emotional words during reading. *Psychological Science*. 6 (18). pp. 475–480.
35. Burton, L.A. et al. (2004) Gender differences in implicit and explicit memory for affective passages. *Brain and Cognition*. 3 (54). pp. 218–224.
36. Child, S., Oakhill, J. & Garnham, A. (2018) You're the emotional one: The role of perspective for emotion processing in reading comprehension. *Language, Cognition and Neuroscience*. 7 (33). pp. 878–889.
37. Megalaki, O., Ballenghein, U. & Baccino, T. (2019) Effects of valence and emotional intensity on the comprehension and memorization of texts. *Frontiers in Psychology*. 10. P. 179.
38. Silva, C. et al. (2012) Emotions in reading: Disgust, empathy and the contextual learning hypothesis. *Cognition*. 2 (125). pp. 333–338.
39. Komeda, H. et al. (2013) Beyond disposition: The processing consequences of explicit and implicit invocations of empathy. *Acta Psychologica*. 3 (142). pp. 349–355.
40. Rezanova, Z.I. & Sypchenkova, Yu.E. (2023) Risk communication about health: Thematic focus of the COVID-19 event flow in news discourse. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 76. pp. 217–228. (In Russian).
41. Greenwald, A.G. et al. (2009) Understanding and using the Implicit Association Test: III. Meta-analysis of predictive validity. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1 (97). pp. 17–41.
42. Artemenko, E.D., Popova, S.M. & Alenina, E.A. (2024) *Tekstovaya kolleksiya istinnykh i lozhnykh soobshcheniy po teme vaktsinatsii s razmetkoy valentnosti i sentimenta. Svidetel'stvo o registratsii bazy dannykh RU 2024623717. 23.08.2024* [Text Collection of True and False Messages on the Topic of Vaccination with Valence and Sentiment Markup. Database registration certificate RU 2024623717. August 23, 2024].
43. Koltsova, O. et al. (n.d.) Confirmation bias and users' comments in fake news detection accuracy and credibility perception: An eye tracking approach. *European journal of Information Systems*. (In print).
44. Eil, D. & Rao, J.M. (2011) The good news-bad news effect: Asymmetric processing of objective information about yourself. *American Economic Journal: Microeconomics*. 3 (2). pp. 114–138.
45. Sharot, T. & Garrett, N. (2015) Forming Beliefs: Why Valence matters. *Trends in Cognitive Sciences*. 20 (1). pp. 25–33. doi: 10.1016/j.tics.2015.11.002

Информация об авторе:

Артеменко Е.Д. – канд. филол. наук, заместитель заведующего лабораторией социальной и когнитивной информатики, Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики (НИУ ВШЭ) (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: nekrasovaed@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.D. Artemenko, Cand. Sci. (Philology), deputy head, Social and Cognitive Informatics Lab., National Research University Higher School of Economics (HSE University) (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: nekrasovaed@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 13.02.2025;
одобрена после рецензирования 01.04.2025; принята к публикации 21.07.2025.

The article was submitted 13.02.2025;
approved after reviewing 01.04.2025; accepted for publication 21.07.2025.

Научная статья

УДК 81'25

doi: 10.17223/19986645/96/2

**Конфликт между синтаксической ролью
и семантической функцией при передаче конструкции
X showed/demonstrated Y (на материале пресс-релизов
компании «АстраЗенека», переведенных
с английского языка на русский)**

Александр Викторович Ковальчук¹, Алексей Аркадьевич Матюшин²

*^{1,2} Первый Московский государственный медицинский университет
им. И.М. Сеченова, Москва, Россия*

¹ kovalchuk_a_v@staff.sechenov.ru

² matyushin@sechenov.ru

Аннотация. Рассматривается конструкция X showed/demonstrated Y в аспекте ее передачи на русский язык при переводе текстов медицинской тематики. Проводится сопоставительный анализ случаев ее употребления в оригинальных и переводных пресс-релизах компании «АстраЗенека». Посредством лексико-семантического и семантико-стилистического анализа вскрываются причины, обуславливающие частый отказ от калькирования данной конструкции. Выделяются семантические группы (в зависимости от контекстуального значения конструкции X showed/demonstrated Y) и формулируются практические рекомендации по ее передаче на русский язык.

Ключевые слова: функционально-коммуникативный подход, медицинский перевод, агент действия, подлежащее с обстоятельственным значением

Для цитирования: Ковальчук А.В., Матюшин А.А. Конфликт между синтаксической ролью и семантической функцией при передаче конструкции X showed/demonstrated Y (на материале пресс-релизов компании «АстраЗенека», переведенных с английского языка на русский) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2025. № 96. С. 30–53. doi: 10.17223/19986645/96/2

Original article

doi: 10.17223/19986645/96/2

Conflict between syntactic roles and semantic functions of the pattern "X showed/demonstrated Y" in translations from English into Russian (on the material of AstraZeneca's press releases)

Aleksandr V. Kovalchuk¹, Alexey A. Matyushin²

^{1, 2} I.M. Sechenov First Moscow State Medical University, Moscow, Russian Federation

¹ kovalchuk_a_v@staff.sechenov.ru

² matyushin@sechenov.ru

Abstract. In English medical texts, particularly if they are about clinical trial results, the construction "X showed/demonstrated Y" is frequently used, where X is an inanimate subject in the semantic role of agent, and Y is an inanimate complement. Being translated into Russian, its formally close correspondence "X pokazal/prodemonstriroval Y" is frequently used. However, it often contradicts the Russian language norms. The research aims to verify and validate a semantic and stylistic status of the construction "X pokazal/prodemonstriroval Y" as a literal translation correspondence for "X showed/demonstrated Y", identify and group different ways of how the English construction can be translated by other, non-literal ways, compare their frequency, and give practical recommendations. Comparative, lexical-semantic and semantic-stylistic analyses help this research to achieve its aims. The analyzed material comprises 16 bilingual AstraZeneca press releases published during the whole year of 2023. The research reveals that the non-literal translation of "X showed/demonstrated Y" is used in every second case (50 %). Based on statistics, grammar, and dictionaries, we offer practical recommendations as such: (1) If "X showed/demonstrated Y" has an information source as the subject and a fact reported in this source as the complement, its literal translation is acceptable, although other constructions of the Russian language spectrum can be used. (2) If "X showed/demonstrated Y" has a drug as the subject and a fact about this drug as the complement, it is important to distinguish what exactly is being said about the drug: its property or its use effect. If you imply its property, a literal translation can be acceptable (e.g. *preparat pokazal svoju effektivnost'*) but its stylistic context should be taken into account as this usage is colloquial. On the other hand, if you imply its effect, it is highly recommended avoiding literal translation as the Russian verb *pokazat'/prodemonstrirovat'* has no relevant reason-cause meaning. In this case, it is possible either (a) to place the subject in position of circumstance, complement or adjective and, if necessary, change the verb (e.g. instead of "*preparat pokazal snizhenie zaboлеваemosti*", you can write "*blagodarya preparatu snizilas zaboлеваemost'*", or "*na fone terapii preparatom proizoshlo snizhenie zaboлеваemosti*", or "*v gruppe patsientov, prinyimavshih preparat, snizilas zaboлеваemost'*"; or (b) to change the verb (e.g. instead of "*preparat pokazal snizhenie zaboлеваemosti*", you can write "*preparat obespechil snizhenie zaboлеваemosti*", or "*preparat snizil zaboлеваemost'*", or "*preparat sposobstvoval snizheniyu zaboлеваemosti*").

Keywords: functional-communicative approach, medical translation, grammatical agent, adverbial modifier as subject

For citation: Kovalchuk, A.V. & Matyushin, A.A. (2025) Conflict between syntactic roles and semantic functions of the pattern "X showed/demonstrated Y" in translations from English into Russian (on the material of AstraZeneca's press releases). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 96. pp. 30–53 (In Russian). doi: 10.17223/19986645/96/2

Введение

Атрибутом текстов медицинской тематики, особенно в спектре материалов, посвященных клиническим исследованиям, является информация о лекарственных средствах, их свойствах и воздействии на организм человека. В англоязычном текстовом пространстве этот вид информации, как правило, транслируется посредством глаголов *to show* и *to demonstrate* (так, поиск в Google по ключевым словам *clinical study demonstrated* дает 738 млн вхождений, *clinical study showed* – 1,6 млрд вхождений)¹. Результаты поисковых запросов по текстам, доступным в сети Интернет на русском языке, позволяют с уверенностью говорить о высокой частотности их словарных соответствий *показывать* и *демонстрировать* в аналогичных ситуативных контекстах (поиск в Google по ключевым словам *клинические исследования продемонстрировали* – 5,9 млн вхождений, *клинические исследования показали* – 27 млн вхождений)¹. Однако при употреблении данной конструкции (*X показал/продemonстрировал Y*) в определенных ситуативных контекстах наблюдается систематическое нарушение общезыковых норм сочетаемости, что и послужило поводом к написанию данной статьи.

С целью проверить и обосновать семантико-стилистический статус конструкции *X показал/продemonстрировал Y* (где *X* – это неодушевленное подлежащее в роли агента действия², а *Y* – неодушевленное дополнение), мы на материале переводных отраслевых текстов – пресс-релизов компании «АстраЗенека» – оценили частотность использования конструкции *X showed/demonstrated Y* и рассмотрели способы ее передачи на русский язык, проанализировали статистические показатели, выявили ситуативные контексты, в которых употребление формально близкого варианта *X показал/продemonстрировал Y* соответствует либо не соответствует русской языковой норме, и сформулировали рекомендации по ее нормативному употреблению.

Актуальность и методология

В русских текстах медицинской тематики (как переводных, так и аутентичных), с одной стороны, повсеместно употребляется конструкция *X показал/продemonстрировал Y*, семантико-стилистический статус которой в ряде случаев представляется сомнительным, с другой – в переводческой практике нередко применяются различные «переводческие трансформации» [2]. Ситуации, в которых переводчик в целом вынужден прибегать к отходу от формы оригинала, достаточно хорошо описаны переводоведами

¹ Дата обращения к поисковой системе Google: 19.12.2023.

² Термином «агенса» (или «агентом действия»). – *А.К., А.М.*) обозначают одушевленного участника ситуации, ее намеренного инициатора, который контролирует ситуацию, непосредственно исполняет соответствующее действие и является «источником энергии» этого действия [1].

(см., например, работу Л.К. Латышева [3]). Однако нельзя не отметить потребность в анализе частных трудностей, о которой свидетельствуют многочисленные научные исследования, посвященные закономерностям передачи отдельных лексико-синтаксических конструкций [4–6]. Уточнить статус конструкции *X showed/demonstrated Y* и сформулировать практические рекомендации по ее передаче в переводе представляется нам задачей достаточно актуальной, поскольку в тематике клинических исследований без нее не обходится практически ни один текст: «смысловым ядром» тематики [7. С. 17] здесь оказываются клинические исследования, испытания, анализы, тесты и их результаты, а также само испытываемое терапевтическое средство, в частности препараты, их воздействие на организм, причем обязательно со ссылкой на соответствующий информационный источник. Иными словами, на актуальность данной проблемы с точки зрения лингвистики и переводческой практики указывают высокая частотность употребления конструкции *X показал/продemonстрировал Y* в медицинских текстах и связанное с ней систематическое нарушение нормы русского языка.

В исследовании применялись методы сопоставительного анализа, лексико-семантического анализа и семантико-стилистического анализа.

Материал

В качестве основного материала для исследования выбраны билингвальные тексты в жанре пресс-релиза фармацевтической компании «Астра-Зенека», опубликованные на сайте за 2023 г. Такой выбор обусловлен следующими задачами: (1) получить репрезентативную выборку английских текстов, в которых с высокой вероятностью окажется конструкция *X showed/demonstrated Y*, где *X* – неодушевленное подлежащее в роли агента действия, а *Y* – неодушевленное дополнение¹, и (2) получить для этих текстов опубликованные переводы, прошедшие как можно больше редакций и, таким образом, обладающие статусом если не эталонных, то хотя бы в целом грамотных текстов, призванных быть «визитной карточкой» компании, «залогом эффектных медиаотношений» [8. С. 7]. Вторая из указанных нами задач (получить для анализа заведомо грамотные тексты) особенно актуальна на фоне большого количества переводов низкого качества, размещенных в сети Интернет, в том числе выполненных программами автоматического перевода [9. С. 47] с минимальным постредактированием либо совсем без него. Работать с этой категорией текстов, на наш взгляд, по-своему интересно и перспективно, однако проблемы качества машинного перевода и глубины постредактирования выведены за рамки данного исследования, поскольку нас все же интересует осмысленный текст, неслучайный характер формулировок.

¹ К данной конструкции мы также относим фрагменты вроде *Forxiga's demonstration of life-saving benefits*, поскольку на глубинном уровне они в смысловом отношении эквивалентны фрагменту *Forxiga demonstrated life-saving benefits* (т.е. *X demonstrated Y*).

При анализе формулировок нам представляются неправомерными попытки объяснить, какими лингвистическими и (или) экстралингвистическими факторами руководствовался переводчик в той или иной ситуации, хотя бы потому, что над текстом перевода в переводческом бюро, как правило, работает целый коллектив [10. С. 108]: один или несколько переводчиков, редактор, проектный менеджер, иногда сам заказчик. Поэтому таких попыток в данном исследовании мы не предпринимаем. Однако посредством сопоставительного анализа принципиально возможно дать оценку целесообразности переводческих преобразований как таковых, указать на их объективные причины (т.е. без учета соображений лиц, причастных к созданию текста). Благодаря анализу не единичного текста, а целого ряда, образующего небольшой корпус, в достаточной мере прослеживаются некоторые интересующие нас закономерности, характерные для выбранной тематики.

Далеко не все материалы «АстраЗенеки», размещенные на английском сайте компании, переводятся на русский язык. Более того, переводные материалы появляются на русском сайте с задержкой в среднем 1 месяц, но в отдельных случаях значительно большей. По этой причине для подготовки билингвальной выборки мы за точку отсчета взяли именно русские пресс-релизы (переводные, «вторичные») за прошедший календарный год (31 текст), сопоставили их с материалами английского пресс-центра (оригинальные, «первичные») (117 текстов) и отобрали для целей нашего исследования только такие тексты, которые соотносятся между собой как оригинал и перевод и были опубликованы за весь 2023 г. (16 билингвальных текстов общим объемом 8,7 а. л.¹). Собранный материал обработан нами и представлен в виде сводной таблицы, в которой пресс-релизы ранжированы в порядке их появления на сайте компании в течение календарного года; указан режим доступа; приводятся статистические показатели, где S/D означает лексемы *show/demonstrate* в интересующей нас конструкции *X showed/demonstrated Y*, П/д – лексемы *показывать/демонстрировать* в качестве контекстуальных переводческих соответствий для лексем из столбца S/D. Дополнения, обозначенные в исследуемой конструкции как Y, в таблице разделены на две основные группы, первая из которых имеет две подгруппы. Для всех случаев передачи конструкции *X showed/demonstrated Y* указаны следующие переводческие решения: *clq* – формально близкий вариант, *adv* – замена подлежащего на обстоятельство, *obj* – замена подлежащего на дополнение, *sbst* – замена глагола *показать/продемонстрировать* на другой глагол при сохранении структуры *X verb Z*, *zr* – нулевой перевод.

¹ При подсчете корпусного объема исключался раздел References (в русских переводах – «Литература»), поскольку в нем заведомо не может быть конструкции *X показал/продемонстрировал Y*, выбранной нами в качестве объекта данного исследования: библиографические ссылки при переводе с английского на русский, как это общепринято в отечественной переводческой традиции, передаются методом графического переноса (т.е. в русском тексте пишутся по-английски).

**Результаты анализа выборки из 16 билингвальных пресс-релизов:
случаи сохранения и отказа от формально близкого варианта при передаче
конструкции X showed/demonstrated Y (с указанием типа замены
для подлежащего с обстоятельственным значением)**

№	Перевод опубликован	Оригинал опубликован	Статистика по пресс-релизам				
			S/D	П/д	Факт, сообщаемый о препарате		Факт, о ко- тором сооб- щается в информаци- онном ис- точнике
					Свойство	Эффект	
1	16.01.2023 [11]	19.12.2022 [12]	3	2	sbst	clq	clq
2	08.02.2023 [13]	26.01.2023 [14]	1	0		obj	
3	10.02.2023 [15]	07.02.2023 [16]	3	3		clq, clq	clq
4	01.03.2023 [17]	16.02.2023 [18]	3	1		obj	clq, adv
5	10.03.2023 [19]	22.02.2023 [20]	2	1			obj, adv
6	20.03.2023 [21]	22.02.2023 [22]	4	1	sbst		clq, obj, obj
7	25.04.2023 [23]	16.04.2023 [24]	5 ⁴	2	obj		clq, clq, obj
8	22.05.2023 [25]	17.05.2023 [26]	7	4	sbst, clq, sbst	obj	clq, clq, clq
9	15.06.2023 [27]	26.05.2023 [28]	5	2		obj, obj	clq, zr, clq
10	05.06.2023 [29]	02.06.2023 [30]	4	2		obj	obj, clq, clq
11	27.07.2023 [31]	03.07.2023 [32]	2	1		sbst	clq
12	02.10.2023 [33]	23.10.2023 [34]	3	2		clq	clq, zr
13	26.10.2023 [35]	16.10.2023 [36]	2	1	sbst		clq
14	14.11.2023 [37]	23.10.2023 [38]	7	2		obj, obj, obj, obj, obj	clq, zr
15	17.11.2023 [39]	09.11.2023 [40]	3	2		sbst	clq, clq
16	27.12.2023 [41]	21.12.2023 [42]	5	3		sbst	clq, clq, clq
Итого			59¹	29	25 случаев: clq – 5, obj – 12, sbst – 8		32 случая: clq – 22, adv – 2, obj – 5, zr – 3

Примечание. ¹ При анализе искомой конструкции два случая со связкой to show пришлось исключить, поскольку агентом действия является одушевленное подлежащее (patients), тогда как в данной статье объектом исследования выступает конструкция с неодушевленным существительным в роли агента действия.

Количественные результаты исследования

В выборке, состоящей из 16 билингвальных текстов фармацевтической компании «АстраЗенека» за 2023 г., получен следующий количественный результат:

1. В каждом английском пресс-релизе конструкция X showed/demonstrated Y используется хотя бы 1 раз, в среднем – 3 раза.

2. Поиск по текстам английских пресс-релизов показал, что лексема demonstrate в искомой конструкции встречается 31 раз, лексема show – 29 раз.

3. Поиск по текстам русских переводных пресс-релизов показал, что лексема *демонстрировать* встречается 18 раз (причем из них 8 случаев не имеют в оригинале соответствия show/demonstrate), лексема *показывать* – 34 раза (из них без формально близкого соответствия 15 случаев). Таким образом, 60 вхождений лексем demonstrate и show соответствуют, в общей сложности, 29 вхождений лексем *демонстрировать* и *показывать* – в отношении 2:1 по английским и русским текстам соответственно.

4. В английских текстах обе лексемы используются практически с одинаковой частотностью (31 и 29 вхождений), тогда как в русских переводах лексема *показывать*, по сравнению с *демонстрировать*, для передачи лексемы show/demonstrate используется в 2 раза чаще (19 и 10 соответственно). Объяснить тот факт, что в русском переводе предпочтение отдается лексеме *показывать*, можно, пожалуй, стилистической тяжеловесностью лексемы *демонстрировать*, обусловленной ее более книжным характером¹, который ощущается в сравнении со стилистически нейтральной *показывать* (сравните в синонимичных значениях: «**демонстрировать** непонимание обстановки» [45] – **показывать** непонимание обстановки, «**показывать** лучший результат в беге» – **демонстрировать** лучший результат в беге [45] (здесь и далее полужирный шрифт наш. – А.К., А.М.)).

5. Во всех рассмотренных случаях в отношении лексем show/demonstrate (57 вхождений) неодушевленным подлежащим в роли агента действия выступает один из элементов ряда (ранжированы по убыванию частотности, с указанием количества вхождений): results (20), Enhertu (6), trials (6), Tagrisso (4), datopotamab deruxtecan (2), analysis (2), data (2), Forxiga (2), Imfinzi (2), medication (2), research (2), treatment (2), treatment approach (1), combination (1), Lynparza (1), medicines (1), PROpel (1), Wainua (1). В смысловом отношении их можно объединить в следующие группы: информационный источник (results, trials, analysis, data, research, PROpel – 32) и препарат (Enhertu, Tagrisso, datopotamab deruxtecan, Forxiga, Imfinzi, medication, treatment, treatment approach, combination, Lynparza, medicines, Wainua – 25).

6. Дополнения при рассматриваемых нами лексемах show/demonstrate мы распределили в зависимости от их контекстуального значения по трем семантическим группам: свойство Y препарата X (8 вхождений), эффект Y от применения препарата X (18), факт Y, о котором сообщается в информационном источнике X (32). Как следует из этой статистики, среди трех видов дополнений наибольшую группу составляют случаи, в которых с помощью лексем show/demonstrate сообщаются те или иные факты Y со ссылкой на информационный источник X (32 вхождений из 57). Справедливость именно такого разделения, обусловленная нашими практическими соображениями, находит прямое подтверждение в общих постулатах, сформули-

¹ Следует отметить, что помета «книжное» у глагола *демонстрировать* зафиксирована, к примеру, в словаре Ушакова [43], однако отсутствует в Малом академическом словаре [44] и Большом толковом словаре русского языка [45].

рованных в одной из фундаментальных работ по коммуникативной грамматике: «В позиции подлежащего имя собственно-предметное **не обозначает деятеля**, агенса, но выступает **либо как носитель признака** (в нашей классификации называется «свойство препарата». – А.К., А.М.), **либо в сообщениях о наличии, существовании, местонахождении предмета** [«факт, о котором сообщается в информационном источнике»], **либо о его каузативном воздействии на предмет или лицо**» [эффект от применения препарата] [46. С. 40–41].

6.1. По результатам сопоставительного анализа выборки, в англо-русских переводах конструкции X showed/demonstrated Y, где X означает информационный источник, а Y – некий факт, который в этом источнике сообщается, соответствует аналогичная конструкция X *показал/продемонстрировал* Y (с тем же значением переменных) в 22 случаях (например, *These significant FLAURA2 results **show** Tagrisso has the potential to offer patients in the first-line setting a new treatment option* [26] – *Результаты исследования FLAURA2 **показали**, что осимертиниб в составе нового варианта терапии первой линии может продлить жизнь пациентов без прогрессирования заболевания* [25]; *These results **demonstrate** an increase in pathologic complete response* [30] – *Результаты исследования **демонстрируют** увеличение частоты полного патоморфологического ответа* [29]); оставшиеся 10 представляют собой отход от формы оригинала в виде (а) замены подлежащего на обстоятельство (2 случая) (например, *[Trials] **showed** the Calquence capsule and tablet formulations are bioequivalent* [20] – *В ходе этих исследований **была установлена** биоэквивалентность акалабрутиниба в форме капсул и таблеток* [19]) и дополнение (5 случаев) (например, *Updated results from the CASPIAN trial **showed** Imfinzi plus chemotherapy tripled patient survival at three years* [22] – *Были представлены обновленные результаты исследования CASPIAN, **согласно которым** дурвалумаб в комбинации с химиотерапией в три раза увеличивал выживаемость через три года* [21]), (б) нулевого перевода (так называемого переводческого опущения) [47] – 3 случая (например, *These **exciting data demonstrate** durvalumab immunotherapy can significantly delay disease progression for patients with endometrial cancer and the addition of the PARP inhibitor olaparib can improve the benefit further* [28] – *Иммунотерапия дурвалумабом может значимо замедлить прогрессирование рака эндометрия, а добавление ингибитора PARP олапариба еще больше усиливает эффект* [27]). Таким образом, конструкция X showed/demonstrated Y, использованная в английских текстах в функции «ввести некий факт Y» вместе со ссылкой на информационный источник X, сохранилась в переводе в 22 случаях (69%) из 32, тогда как в 10 случаях (31%) от формально близкого варианта отказались.

6.2. Несколько реже в качестве дополнения при лексемах show/demonstrate выступают факты, которые сообщаются о препарате, – 25 вхождений. По результатам анализа английской конструкции X showed/demonstrated Y, где X означает препарат, а Y – некий факт, который об этом препарате сообщается, в переводах соответствует аналогичная

конструкция *X показал/продемонстрировал Y* (с тем же значением переменных) в 5 случаях (например, *Datopotamab deruxtecan (Dato-DXd) demonstrated a statistically significant and clinically meaningful improvement in progression-free survival* [34] – *Датопотамаб дерукстекан (Dato-DXd) продемонстрировал статистически и клинически значимое увеличение выживаемости без прогрессирования (БПИ)* [33]; *Tagrisso has also shown proven clinical activity in treating central nervous system (CNS) metastases across settings* [26] – *Осимертиниб также показал клиническую эффективность при наличии метастазов в центральную нервную систему (ЦНС) в различных ситуациях* [25]); оставшиеся 21 вхождение представляет собой отход от формы оригинала в виде (а) замены подлежащего на дополнение (12 случаев) (например, *Enherthu demonstrated a median PFS of 6.9 months* [38] – *Медиана выживаемости без прогрессирования (БПИ) на фоне терапии трас-тузумабом дерукстеканом составила 6,9 месяца* [37]), (б) замены лексики *show/demonstrate* на другой глагол, дающий приемлемую сочетаемость, при том что синтаксическая роль существительного в позиции *X* не меняется (8 случаев) (например, *Datopotamab deruxtecan (Dato-DXd) demonstrated a statistically significant improvement for the dual primary endpoint of progression-free survival* [31] – *Датопотамаб дерукстекан (Dato-DXd) статистически значимо увеличивает выживаемость без прогрессирования* [32]). Таким образом, конструкция *X showed/demonstrated Y*, использованная в английских текстах в функции ввести некий факт *Y* о свойстве препарата или эффекте от его применения, сохранилась в переводе в 5 (20%) случаях из 25, тогда как в 20 случаях (80%) от формально близкого варианта отказались.

7. В общей сложности английской конструкции *X showed/demonstrated Y*, где *X* – неодушевленное подлежащее в роли агента действия (без дифференциации на информационный источник и препарат), а *Y* – неодушевленное дополнение (также без дифференциации), соответствует аналогичная русская конструкция *X показал/продемонстрировал Y* в 29 (51%) случаях из 57.

Качественные результаты исследования и их обсуждение

В этом разделе мы с опорой на количественные результаты, проанализированные выше, рассмотрим объект нашего исследования – конструкцию *X showed/demonstrated Y* – в аспекте соблюдения общезыковых норм сочетаемости у ее формально близкого соответствия *X показал/продемонстрировал Y* в переводных текстах и выявим ряд закономерностей.

Прежде всего, следует отметить синонимичный характер глаголов *to show* и *to demonstrate*, обусловленный тем, что в предметно-логическом плане они означают одно и то же, а именно «свидетельствовать о чем-либо». Стилистическая разница между ними в английском языке, по данным словаря «Лонгман», заключается в том, что глагол *to demonstrate* «звучит более

убедительно, весома, и поэтому предпочтителен в научных текстах»¹ [48]. Наша выборка представлена медицинскими пресс-релизами – текстами, которые, по жанровому определению, находятся на стыке официально-делового и публицистического стилей, а с учетом тематики (клинические исследования) – на стыке научного стиля в том числе. Думается, нейтрально-книжный регистр текстов – достаточное основание для употребления лексемы *demonstrate* в качестве контекстуального синонима лексемы *show*.

Как было отмечено выше, искомая конструкция *X показал/продемонстрировал Y* сохранилась в тексте перевода в 29 (51%) случаях из 57, из них 21 вхождение – в функции ввести некий факт *Y* вместе со ссылкой на информационный источник *X*, а остальные – в функции сообщить о препарате *X* некий факт *Y*.

В связи с этими результатами важно отметить, что, с одной стороны, в русском языке имеется словарная фиксация в отношении ситуаций, когда тот или иной информационный источник *показывает/демонстрирует* тот или иной факт, т.е., будучи по смыслу обстоятельством, на деле оказывается формальным подлежащим: «Анализ почвы показал степень ее радиоактивности. Результаты голосования показали следующее» [45], «Книга демонстрирует новые грани таланта автора. Эти события демонстрируют нашу отсталость. Опыт демонстрировал возможности новой технологии» [45]. Однако, с другой стороны, поскольку «предмет не способен к целенаправленному, намеренному действию» [46. С. 40], среди стилистов и переводоведов хорошо известна рекомендация при переводе на русский язык избегать конструкций, в которых неодушевленный деятель совершает активное действие [49. С. 143], «столь частых в английском языке» [50. С. 90]. В работах переводоведов по этому поводу используется термин «подлежащее, имеющее обстоятельственное значение» [51. С. 114]. В английском и русском языках принципиальная разница относительно этого явления заключается в его продуктивности (и, как следствие, узуальности). Также важно отметить, что английское подлежащее, имеющее обстоятельственное значение, может употребляться в значении причины [52. С. 23]. Следовательно, в данном случае на причинно-следственную связь указывает не сказуемое-связка (интересно отметить, что у глаголов *to show/demonstrate* причинно-следственное значение в толковых словарях отсутствует [53–57]), а сама синтаксическая конструкция с неодушевленным существительным, оказавшимся в роли агента действия.

В отношении оставшихся 5 случаев (в каждом из них конструкция *X показал/продемонстрировал Y* употребляется в функции сообщить о препарате *X* некий факт *Y*) мы предлагаем, отталкиваясь от анализируемых нами формулировок на языке перевода, различать две подгруппы – в зависимости от того, какой именно факт сообщается о препарате: эффект от его приме-

¹ In scientific contexts, they often prefer prove or demonstrate, which sound more definite (перевод наш. – А.К., А.М.).

нения или его неотъемлемое свойство. Целесообразность именно такого выделения рассмотрим далее на примерах. В первой группе оказываются 4 случая; в каждом из них интересующая нас конструкция имеет следующий вид: «[Препарат] показал/демонстрировал [изменение стороннего показателя]», – к примеру, *датопотамаб дерукстекан показал статистически и клинически значимое увеличение выживаемости без прогрессирования*. В каждом из них сообщается, какой эффект препарат оказывает на тот или иной клинический показатель, т.е. подразумевается причинно-следственная связь («показал» в значении «стал причиной», сравните: *датопотамаб дерукстекан стал причиной статистически и клинически значимого увеличения выживаемости без прогрессирования*). Однако, во-первых, в толковых словарях причинно-следственное значение «быть/стать/являться причиной» у глагола *показывать* как таковое отсутствует [43–45, 58, 59], во-вторых, подлежащее с обстоятельственным значением, как уже было отмечено выше, характерно для английского, не для русского языка [50. С. 90].

Здесь необходимо пояснить, что некоторые современные словари фиксируют у глаголов *показывать/демонстрировать* значения, как будто отражающие интересующую нас причинно-следственную связь, а именно:

Показывать 4. Проявить, обнаружить какое-л. свойство, качество, состояние. П. прекрасные знания. П. (свой) нрав, характер. П. истинный героизм. Стараться не п. своего смущения. П. себя хорошим руководителем. П. себя с хорошей стороны. П. себя (проявить вполне свои качества). П. своё лицо (обнаружить сущность, раскрыть свои мысли, чувства, намерения). Не п. (и) виду (ничем не обнаружить свои чувства, мысли, намерения). П. для вида (притвориться, создать видимость чего-л.) [45].

Однако тщательный анализ словарных примеров, процитированных выше, позволяет прийти к заключению: глагол *показывать* в обозначенном значении предполагает, что «свойство, качество, состояние» именно присущи, неотъемлемы, характерны и прочее, а не являются эффектом от действий агенса. Так, например, *показывать героизм* означает своим поступком *указать на присущую себе доблесть*, но никак не *совершать такие действия, которые приводят к появлению своей или чьей-то доблести*. Следовательно, конструкция вида *препарат показал увеличение выживаемости*, с опорой на данные современных толковых словарей, должна читаться как «препарат **указал на** увеличение выживаемости» (а не «препарат **проявил свойство увеличивать** выживаемость», как может показаться на первый взгляд и как было бы контекстуально правильно). Для лучшего понимания этой тонкой разницы предлагаем сравнить две ситуации: (1) *Удар по голове показал, что нападавший обладал недюжинной силой* и (2) *Передозировка показала, что наступил летальный исход*. В первой ситуации глагол *показал* употребляется в смысле *указал на то, что* («проявить, обнаружить какое-л. свойство, качество, состояние» [45] – в смысле: по тому, каким был удар по голове, **можно судить** о том, что нападавший обладал недюжинной силой) и такое употребление с позиции языковой нормы пред-

ставляется правомерным, поскольку закреплено в толковом словаре. Во второй ситуации глагол *показал* явно использован в значении *привел к тому, что*, но как раз это значение, как мы отмечали выше, ему не свойственно. Для облегчения восприятия данной семантической ошибки позволим себе привести еще несколько обиходно-бытовых примеров, составленных нами по аналогии с анализируемым словоупотреблением: *экскаватор **показал** стремительное расширение котлована; кофе в подарок **показал**, что количество посетителей значительно увеличилось* (сравните: *дапаглифлозин **показал** снижение риска сердечно-сосудистой смерти* [11]).

Все семантические ограничения, обозначенные нами выше в отношении глагола *показывать*, в равной мере применимы к глаголу *демонстрировать*, для которого зафиксировано аналогичное значение: «Проявлять, обнаруживать свойства, качества кого-, чего-л.; наглядно свидетельствовать о чём-л. Книга демонстрирует новые грани таланта автора. Эти события демонстрируют нашу отсталость. Опыт демонстрировал возможности новой технологии. Д. непонимание обстановки. Д. уровень подготовки спортсменов» [45]¹.

Таким образом, все 4 случая, в которых препарат *показал/продemonстрировал* то или иное изменение величины у стороннего объекта (т.е. *showed/demonstrated* имеет причинно-следственное значение *привел к*), оказываются на данный момент за рамками русской языковой нормы.

Во второй группе представлен всего 1 случай, имеет вид: «[Препарат] *показал/продemonстрировал* [свое какое-то свойство]», – *осимертиниб также продemonстрировал клиническую эффективность при наличии метастазов в центральную нервную систему (ЦНС) в различных ситуациях*. В данной ситуации речь идет не о состоянии некоего стороннего объекта, а о свойстве самого препарата, а именно о его *клинической эффективности*, которую он обнаружил. Нормативность такого словоупотребления прежде могла представляться дискуссионной постольку, поскольку указанное значение обнаруживается в толковом словаре Д.Н. Ушакова с пометой *разговорное* [43]. Однако в источниках более современных какие-либо ограничения на значение «проявлять, обнаруживать свойства, качества кого-, чего-л.; наглядно свидетельствовать о чём-л.» у глаголов как *показывать*, так и *демонстрировать* отсутствуют [44, 45]. Следует, однако, отметить, что у глагола *показать* в Большом толковом словаре русского языка лексикографы выделяют спортивно-соревновательное подзначение: «Дать те или иные количественные результаты (в соревнованиях, спорте и т.п.). П. лучший результат в беге. П. скорость в сто километров. П. класс, марку (разг.; обнаружить высокое мастерство)» (42). Думается, это подзначение как раз уместно в медицинском пресс-релизе, где препараты в сравнении друг с другом могут интуитивно ощущаться читателем как спортсмены, показавшие на соревнованиях те или иные результаты, однако для текстов более

¹ Отметим, что в Малом академическом словаре [44] указанное значение приводится только для глагола «показывать»; у глагола «демонстрировать» оно отсутствует.

сухих, строгих (академического научного и официально-делового стилей) метафорический потенциал такого словоупотребления будет, скорее всего, расцениваться как стилистическая ошибка.

Таким образом, в конструкциях типа *X показал/продемонстрировал Y* (где *X* означает препарат, а *Y* – некий факт, который об этом препарате сообщается) мы предлагаем в позиции *Y* различать факт как результат применения препарата и факт как свойство препарата, на тех основаниях что: в первом случае (факт как результат) фиксация причинно-следственного значения типа «приводить к», в котором употребляется лексема *показать/продемонстрировать*, в современных толковых словарях отсутствует и налицо семантическая ошибка, тогда как во втором случае (факт как свойство) для значения «проявить свои качества» словарная фиксация имеется и такое словоупотребление можно считать вполне допустимым (отметим, однако, что в случае несоответствия регистру контекста или жанрово-стилистическому характеру текста, оно будет приводить к ошибке стиля).

Справедливость разделения, предложенного нами выше, подтверждается также тем, что семантической ошибки (выбор слова в отсутствующем у него значении) в данной конструкции можно избежать за счет перехода от подачи факта как эффекта к факту как свойству. Так, в рассмотренном выше фрагменте *датопотамаб дерукстекан продемонстрировал статистически и клинически значимое увеличение выживаемости без прогрессирования* устранить семантическую ошибку можно таким образом: *датопотамаб дерукстекан продемонстрировал **свою способность к статистически и клинически значимому увеличению выживаемости без прогрессирования*** (т.е., по сути, модифицировать до конструкции вида «*[препарат] X показал себя способным к Y [изменению стороннего показателя]*». Как уже отмечалось ранее, такое словоупотребление (*X показал/продемонстрировал Y*, где *X* – препарат, а *Y* – **свойство** этого препарата) вызывает некоторые сомнения с точки зрения стиля из-за спортивно-состязательного оттенка, закрепленного за данным значением, и может приводить к ошибке. Однако едва ли стоит отрицать принципиальную разницу между полным отсутствием значения (из-за чего даже при общем понимании смысла все же затруднено понимание логики высказывания, если поставить перед собой резонный вопрос: *каким образом препарат может **показать** изменение величины стороннего объекта?*) и наличием у значения потенциала для стилистических ограничений (понятен общий смысл, понятна логика, но, к примеру, высказывание *препарат показал отличный результат* может наводить на мысли о спортивно-соревновательном контексте, в котором препараты, как спортсмены, соревнуются между собой, что не всегда уместно).

Заключение и практические рекомендации

На материале 16 билингвальных медицинских пресс-релизов, опубликованных в английском и русском пресс-центрах фармацевтической компании «АстраЗенека», мы рассмотрели высокочастотную конструкцию *X showed/demonstrated Y*, где *X* – это неодушевленное подлежащее в роли

агента действия, а *Y* – неодушевленное дополнение, а также различные способы ее передачи в переводах, распределили их по группам, сравнили частотность и выявили некоторые закономерности.

Оказалось, что при переводе на русский язык отказ от формально близкого соответствия для этой конструкции (в частности, от лексем *показывать/демонстрировать*) происходит в каждом втором случае (51%). Если в роли агента действия выступает тот или иной информационный источник, а дополнением является некий факт, который в этом источнике сообщается (32/57 вхождений), то переводчики и редакторы считают приемлемым вариант с лексемой *показывать/демонстрировать* в 69% случаев (22/32). Однако если в роли агента действия оказывается препарат, а дополнением – некий факт, который об этом препарате сообщается (25/57), то формально близкий вариант остается в 20% случаев (5/25), среди которых часто имеет место семантическая ошибка (4/5).

В связи с последним утверждением («часто имеет место семантическая ошибка») важно напомнить, что исследование проводилось на материале качественных переводов, прошедших перед публикацией многократную проверку. Среди 16 пресс-релизов искомая конструкция *X showed/demonstrated Y* в функции ввести некий факт, сообщаемый о препарате, встречается в 25 случаях; среди них 4 случая, в которых из-за одной и той же семантической ошибки нарушена языковая норма (15%). Вероятно, это указывает на необходимость либо расширить понятийный объем глаголов *показывать/демонстрировать*, регулярно используемых в значении «приводить к», возможно, сопроводив пометой *специальная лексика*, либо указать на ошибочность такого узуального употребления. Нам бы хотелось привлечь к данному вопросу внимание лексикографов.

Итак, с позиции русской языковой нормы можно сформулировать несколько практических рекомендаций:

(1) Если в конструкции *X showed/demonstrated Y* подлежащим оказывается информационный источник, а дополнением – сообщаемый в этом источнике факт, то формально близкий вариант оказывается приемлемым, хотя в русском языковом спектре также имеются иные функционально аналогичные конструкции (и об этом стоит помнить переводчикам и знать в принципе всем, кто создает тексты на русском языке), – конструкции, в которых подлежащее не выступает в роли агента действия, а становится обстоятельством (*в ходе исследования было обнаружено, что Y*), дополнением (*ученые провели исследование и пришли к заключению, что Y*), которое в ряде случаев оказывается частью вводной конструкции (*По результатам исследования, Y*).

(2) Если в конструкции *X showed/demonstrated Y* подлежащим оказывается лекарственный препарат, а дополнением – сообщаемый об этом препарате факт, то важно различать, что именно об этом препарате сообщается – свойство препарата или эффект от его применения. Если свойство, имеющееся у препарата, то формально близкую конструкцию можно считать приемлемой (напр., *препарат показал свою эффективность*), однако не упускать

из внимания ее спортивно-соревновательный потенциал. Если подразумевается эффект, оказываемый препаратом, то переводчику настоятельно рекомендуется отказаться от лексико-грамматического калькирования конструкции X showed/demonstrated Y, поскольку в нормативном русском языке у глаголов *показывать/демонстрировать* на данный момент нет значения *приводить к такому-то результату*. В этом случае возможно либо (а) поместить существительное, наделенное ролью агента действия, в позицию обстоятельства, дополнения или определения, что на практике, как правило, сопровождается заменой глагола (например, вместо препарат показал снижение заболеваемости можно написать благодаря препарату снизилась заболеваемость, или на фоне терапии препаратом произошло снижение заболеваемости, или в группе пациентов, принимавших препарат, снизилась заболеваемость), либо (б) заменить глагол *показывать/демонстрировать* на тот, что дает приемлемую сочетаемость (например, вместо препарат показал снижение заболеваемости можно написать препарат обеспечил снижение заболеваемости, препарат снизил заболеваемость, препарат способствовал снижению заболеваемости).

Список источников

1. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд., доп. М. : Большая рос. энцикл., 2002. 709 с.
2. Комиссаров В.Н. Теория перевода. М. : Высш. шк., 1990. 80 с.
3. Латышев Л.К. Курс перевода. Эквивалентность перевода и способы её достижения. М. : Междунар. отношения, 1981. 198 с.
4. Маганов А.С. Передача английских конструкций с придаточными предложениями, вводимыми сочетанием «предлог+союз what», при переводе на русский язык: (на материале прессы и художественной литературы) : дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. 160 с.
5. Картавова П.Ю. Анализ перевода конструкций типа «Если болезнь не лечить» на английский язык // *Litera*. 2023. № 1. С. 57–68.
6. Дзапарова Е.Б. Передача сравнительных конструкций оригинала на язык перевода: специфика переводческих стратегий // *Известия Осетинского научно-исследовательского института краеведения* 2016. № 20 (59). 10 с.
7. Москальская О.И. Грамматика текста. М. : Высш. шк., 1981. 183 с.
8. Пискунова М.И. Пресс-релиз и другие PR-тексты : учеб.-метод. пособие. М. : Ф-т журн. МГУ, 2017. 34 с.
9. Шевчук Е.В., Никифорова Ж.А. Постредактирование и типичные ошибки в автоматизированном переводе научно-публицистических текстов // *Вопросы методики преподавания в вузе*. 2021. Т. 10, № 39. С. 46–54.
10. Сдобников В.В. Объективное и субъективное в редактировании перевода // *Научный диалог*. 2021. № 2. С. 107–126.
11. Комитет по лекарственным препаратам для медицинского применения (CHMP) рекомендовал к одобрению в ЕС препарат дапаглитфлозин для терапии симптоматической хронической сердечной недостаточности // Пресс-центр компании «АстраЗенека». 2023. URL: <https://astrazeneca.ru/media/press-releases-for-specialized-media/2023/20230116-ru201.html> (дата обращения: 14.11.2023).
12. Forxiga approved in the EU for the treatment of symptomatic chronic heart failure // The official media center of AstraZeneca. 2023. URL: <https://www.astrazeneca.com/media-centre/press-releases/2023/forxiga-approved-in-the-eu-for-the-treatment-of-symptomatic-chronic-heart-failure.html> (дата обращения: 14.11.2023).

13. Трастузумаб дерукстекан зарегистрирован на территории ЕС в качестве первого препарата с целенаправленным действием на рецептор HER2 для лечения пациентов с HER2-слабоположительным метастатическим раком молочной железы // Пресс-центр компании «АстраЗенека». 2023. URL: <https://astrazeneca.ru/media/press-releases-for-specialized-media/2023/20230208-ru201.html> (дата обращения: 14.11.2023).

14. Enhertu approved in the EU as the first HER2-directed therapy for patients with HER2-low metastatic breast cancer // The official media center of AstraZeneca. 2023. URL: <https://www.astrazeneca.com/media-centre/press-releases/2023/enhertu-approved-in-the-eu-as-the-first-her2-directed-therapy-for-patients-with-her2-low-metastatic-breast-cancer.html>. (дата обращения: 14.11.2023).

15. Дапаглифлозин зарегистрирован в ЕС для лечения симптоматической хронической сердечной недостаточности // Пресс-центр компании «АстраЗенека». 2023. URL: <https://astrazeneca.ru/media/press-releases-for-specialized-media/2023/20230210-ru201.html>. (дата обращения: 14.11.2023).

16. Forxiga approved in the EU for the treatment of symptomatic chronic heart failure // The official media center of AstraZeneca. 2023. URL: <https://www.astrazeneca.com/media-centre/press-releases/2023/forxiga-approved-in-the-eu-for-the-treatment-of-symptomatic-chronic-heart-failure.html> (дата обращения: 16.11.2023).

17. «АстраЗенека» представила результаты финального анализа общей выживаемости пациентов с метастатическим кастрационно-резистентным раком предстательной железы – ключевой вторичной конечной точки в исследовании III фазы PROpel // Пресс-центр компании «АстраЗенека». 2023. URL: <https://astrazeneca.ru/media/press-releases-for-specialized-media/2023/20230301-ru201.html>. (дата обращения: 16.11.2023).

18. AstraZeneca and MSD present final results of key secondary overall survival endpoint from Phase III PROpel trial at ASCO GU Cancers Symposium // The official media center of AstraZeneca. 2023. URL: <https://www.astrazeneca.com/media-centre/press-releases/2023/overall-survival-analysis-of-the-lynparza-propel-phase-iii-trial-in-metastatic-castration-resistant-prostate-cancer.html> (дата обращения: 16.11.2023).

19. Акабрутиниб в таблетированной форме одобрен в ЕС для лечения хронического лимфоцитарного лейкоза // Пресс-центр компании «АстраЗенека». 2023. URL: <https://astrazeneca.ru/media/press-releases-for-specialized-media/2023/20230310-ru201.html> (дата обращения: 20.11.2023).

20. Calquence tablet formulation approved in the EU for patients with chronic lymphocytic leukaemia // The official media center of AstraZeneca. 2023. URL: <https://www.astrazeneca.com/media-centre/press-releases/2023/calquence-tablet-formulation-approved-in-the-eu-for-patients-with-chronic-lymphocytic-leukaemia.html> (дата обращения: 20.11.2023).

21. Комбинация дурвалумаба и тремелиумаба одобрена в ЕС для лечения распространенного рака печени и немелкоклеточного рака легкого // Пресс-центр компании «АстраЗенека». 2023. URL: <https://astrazeneca.ru/media/press-releases-for-specialized-media/2023/20230320-ru201.html> (дата обращения: 20.11.2023).

22. Imfinzi plus Imjudo approved in the EU for patients with advanced liver and non-small cell lung cancers // The official media center of AstraZeneca. 2023. URL: <https://www.astrazeneca.com/media-centre/press-releases/2023/imfinzi-plus-imjudo-approved-in-the-eu-for-patients-with-advanced-liver-and-non-small-cell-lung-cancers.html> (дата обращения: 20.11.2023).

23. Применение дурвалумаба в составе терапии до и после хирургического вмешательства на 32% снизило риск рецидива, прогрессирования заболевания и летального исхода у пациентов с операбельным немелкоклеточным раком легкого в исследовании III фазы AEGEAN // Пресс-центр компании «АстраЗенека». 2023. URL: <https://astrazeneca.ru/media/press-releases-for-specialized-media/2023/20230425-ru201.html> (дата обращения: 21.11.2023).

24. Imfinzi-based treatment before and after surgery reduced the risk of disease recurrence, progression events or death by 32% in resectable non-small cell lung cancer in the AEGEAN Phase III trial // The official media center of AstraZeneca. 2023. URL: <https://www.astrazeneca.com/media-centre/press-releases/2023/imfinzi-based-treatment-before-and-after-surgery-reduced-the-risk-of-disease-recurrence-progression-events-or-death-in-resectable-non-small-cell-lung-cancer.html> (дата обращения: 21.11.2023).

25. В исследовании III фазы FLAURA2 применение осимертиниба в комбинации с химиотерапией привело к значимому увеличению выживаемости без прогрессирования у пациентов с распространенным раком легкого с мутациями в гене EGFR // Пресс-центр компании «АстраЗенека». 2023. URL: <https://astrazeneca.ru/media/press-releases-for-specialized-media/2023/20230522-ru201.html> (дата обращения: 21.11.2023).

26. Tagrisso plus chemotherapy demonstrated strong improvement in progression-free survival for patients with EGFR-mutated advanced lung cancer in FLAURA2 Phase III trial // The official media center of AstraZeneca. 2023. URL: <https://www.astrazeneca.com/media-centre/press-releases/2023/tagrisso-plus-chemo-improved-pfs-in-lung-cancer.html> (дата обращения: 21.11.2023).

27. Комбинация химиотерапии как с дурвалумабом и олапарибом, так и только с дурвалумабом, значительно увеличивает выживаемость без прогрессирования при распространенном раке эндометрия // Пресс-центр компании «АстраЗенека». 2023. URL: <https://astrazeneca.ru/media/press-releases-for-specialized-media/2023/20230615-ru201.html> (дата обращения: 21.11.2023).

28. DUO-E is the first global Phase III trial of immunotherapy plus PARP inhibition to demonstrate clinical benefit in this setting // The official media center of AstraZeneca. 2023. URL: <https://www.astrazeneca.com/media-centre/press-releases/2023/imfinzi-lynparza-prolonged-pfs-in-endometrial-cancer.html> (дата обращения: 21.11.2023).

29. По данным исследования III фазы MATTERHORN, дурвалумаб в комбинации с химиотерапией способен увеличивать частоту полного патоморфологического ответа у пациентов с раком желудка и пищеводно-желудочного перехода // Пресс-центр компании «АстраЗенека». 2023. URL: <https://astrazeneca.ru/media/press-releases-for-specialized-media/2023/20230705-ru201.html> (дата обращения: 1.12.2023).

30. First global Phase III trial of immunotherapy and chemotherapy combination to demonstrate clinical benefit in this setting // The official media center of AstraZeneca. 2023. URL: <https://www.astrazeneca.com/media-centre/press-releases/2023/imfinzi-plus-chemotherapy-significantly-improved-pathologic-complete-response-in-gastric-and-gastroesophageal-junction-cancers-in-matterhorn-phase-iii-trial.html> (дата обращения: 1.12.2023).

31. В исследовании III фазы TROPION-Lung01 по оценке эффективности и безопасности датопотамба дерукстекана у пациентов с распространенным немелкоклеточным раком легкого достигнута комбинированная первичная конечная точка – выживаемость без прогрессирования // Пресс-центр компании «АстраЗенека». 2023. URL: <https://astrazeneca.ru/media/press-releases-for-specialized-media/2023/20230727-ru201.html> (дата обращения: 1.12.2023).

32. Datopotamab deruxtecane met dual primary endpoint of progression-free survival in patients with advanced non-small cell lung cancer in TROPION-Lung01 Phase III trial // The official media center of AstraZeneca. 2023. URL: <https://www.astrazeneca.com/media-centre/press-releases/2023/datopotamab-deruxtecane-met-dual-primary-endpoint-of-progression-free-survival-in-patients-with-advanced-non-small-cell-lung-cancer.html> (дата обращения: 1.12.2023).

33. Датопотамба дерукстекана продемонстрировал статистически и клинически значимое преимущество в отношении выживаемости без прогрессирования у пациентов с HR-положительным, HER2-слабоположительным или HER2-отрицательным раком молочной железы в исследовании III фазы TROPION-Breast01 // Пресс-центр компании «АстраЗенека». 2023. URL: <https://astrazeneca.ru/media/press-releases-for-specialized-media/2023/20231002-ru201.html> (дата обращения: 1.12.2023).

34. Datopotamab deruxtecان significantly extended progression-free survival vs. chemotherapy in patients with HR-positive, HER2-low or negative breast cancer in TROPION-Breast01 Phase III trial // The official media center of AstraZeneca. 2023. URL: <https://www.astrazeneca.com/media-centre/press-releases/2023/datopotamab-deruxtecان-significantly-extended-progression-free-survival-vs-chemotherapy-in-tropion-breast01-phase-iii-trial.html> (дата обращения: 1.12.2023).

35. Заявка на регистрацию комбинации осимертиниба с химиотерапией для лечения пациентов с распространенным раком легкого с мутациями в гене EGFR будет рассмотрена в США в приоритетном порядке // Пресс-центр компании «АстраЗенека». 2023. URL: <https://astrazeneca.ru/media/press-releases-for-specialized-media/2023/20231026-ru201.html> (дата обращения: 1.12.2023).

36. Decision based on FLAURA2 Phase III trial results which extended median progression-free survival by nearly 9 months versus standard of care // The official media center of AstraZeneca. 2023. URL: <https://www.astrazeneca.com/media-centre/press-releases/2023/tagrisso-plus-chemotherapy-granted-priority-review-us-patients-egfr-mutated-advanced-lung-cancer.html> (дата обращения: 3.12.2023).

37. «АстраЗенека» представила обновленные результаты исследований по раку легкого, раку желудка, раку эндометрия, раку молочной железы и другим солидным опухолям на конгрессе Европейского общества медицинской онкологии ESMO – 2023 // Пресс-центр компании «АстраЗенека». 2023. URL: <https://astrazeneca.ru/media/press-releases-for-specialized-media/2023/20231114-ru201.html> (дата обращения: 14.01.2024).

38. Enhertu demonstrated clinically meaningful survival across multiple HER2-expressing advanced solid tumours in DESTINY-PanTumor02 Phase II trial // The official media center of AstraZeneca. 2024. URL: <https://www.astrazeneca.com/media-centre/press-releases/2023/enhertu-demonstrated-clinically-meaningful-survival-across-multiple-her2-expressing-advanced-solid-tumours-in-destiny-pantumor02-phase-ii-trial.html> (дата обращения: 14.01.2024).

39. В исследовании III фазы EMERALD-1 достигнута первичная конечная точка – выживаемость без прогрессирования у пациентов с раком печени // Пресс-центр компании «АстраЗенека». 2024. URL: <https://astrazeneca.ru/media/press-releases-for-specialized-media/2023/20231117-ru201.html> (дата обращения: 14.01.2024).

40. Imfinzi plus bevacizumab met primary endpoint for progression-free survival in liver cancer eligible for embolisation in EMERALD-1 Phase III trial // The official media center of AstraZeneca. 2024. URL: <https://www.astrazeneca.com/media-centre/press-releases/2023/imfinzi-combination-improves-pfs-in-liver-cancer.html> (дата обращения: 14.01.2024).

41. В США выдано первое в мире регистрационное удостоверение на препарат эплонтерсен, предназначенный для лечения транстиретиновой семейной амилоидной полинейропатии у взрослых // Пресс-центр компании «АстраЗенека». 2024. URL: <https://astrazeneca.ru/media/press-releases-for-specialized-media/2023/20231227-ru201.html> (дата обращения: 27.01.2024).

42. Wainua (eplontersen) granted first-ever regulatory approval in the US for the treatment of adults with polyneuropathy of hereditary transthyretin-mediated amyloidosis // The official media center of AstraZeneca. 2024. URL: <https://www.astrazeneca.com/media-centre/press-releases/2023/wainua-eplontersen-granted-first-ever-regulatory-approval-us-treatment-of-adults-with-polyneuropathy-hereditary-transthyretin-mediated-amyloidosis.html> (дата обращения: 27.01.2024).

43. Большой толковый словарь русского языка / авт. и рук. проекта, гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 2004. 1534 с.

44. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2004.

45. Ушаков Д. Н. Толковый словарь Ушакова онлайн. 2008. URL: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=52476> (дата обращения: 13.02.2024).

46. Малый академический словарь. М. : Институт русского языка Академии наук СССР, 1957–1984.
47. Казаков А.В., Надеева Е.Ю. Особенности опущения как переводческой трансформации на материале статьи Another Reality: the creative gift and the spiritual sense // Общество. Наука. Инновации (НПК-2021) : сб. ст. XXI Всерос. науч.-практ. конф. Т. 1. Киров : Вятский государственный университет, 2021. С. 187–191.
48. Longman of contemporary English. 5th ed. 2013. P. 54–55.
49. Швейцер А.Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. М. : Наука, 1988. 215 с.
50. Левицкая Т.Р., Фитерман А.М. Пособие по переводу с английского языка на русский. М. : Высш. шк., 1973. 136 с.
51. Бузаджи Д.М., Ланчиков В.К., Маганов А.С., Зотина Т.А. Профессиональная компетенция преподавателей перевода английского языка : учеб.-метод. пособие. М. : Московский государственный лингвистический университет, 2010. 240 с.
52. Бузаджи Д.М. Структуры и связи. Ещё раз о роли синтаксиса в переводе // Мосты. Журнал переводчиков. 2008. № 2 (18). С. 21–31.
53. Macmillan English Dictionary for Advanced. Macmillan Education, 2020. 692 p.
54. Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/> (дата обращения: 13.02.2024).
55. Oxford Dictionary of English, Revised Edition. Oxford University Press, 2005.
56. Collins Cobuild Advanced Learner's English Dictionary. New Digital Edition 2008. HarperCollins Publishers, 2008.
57. Merriam-Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/> (дата обращения: 13.02.2024).
58. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка: Толково-словообразовательный: свыше 136 000 словарных статей : в 2 т. М. : Рус. яз., 2000. Т. 1. 1210 с.
59. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М. : Азъ, 1992. 928 с.

References

1. Yartseva, V.N. (ed.) (2002) *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. 2nd ed. Moscow: Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya.
2. Komissarov, V.N. (1990) *Teoriya perevoda* [Translation Theory]. Moscow: Vysshaya shkola.
3. Latyshev, L.K. (1981) *Kurs perevoda. Ekvivalentnost' perevoda i sposoby ee dostizheniya* [Translation Course. Translation Equivalence and Ways to Achieve It]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
4. Maganov, A.S. (2003) *Peredacha angliyskikh konstruksiy s pridatochnymi predlozheniyami, vvodimymi sochetaniem "predlog+soyuz what", pri perevode na russkiy yazyk: (na materiale pressy i khudozhestvennoy literatury)* [Transfer of English constructions with subordinate clauses introduced by the combination "preposition + conjunction what" in translation into Russian: (based on the press and fiction)]. Philology Cand. Diss. Moscow.
5. Kartavova, P.Yu. (2023) Analiz perevoda konstruksiy tipa "Esli bolezn' ne lechit" na angliyskiy yazyk [Translation analysis of constructions like "Esli bolezn' ne lechit" into English]. *Litera*. 1. pp. 57–68.
6. Dzaparova, E.B. (2016) *Peredacha sravnitel'nykh konstruksiy originala na yazyk perevoda: spetsifika perevodcheskikh strategiy* [Transfer of comparative constructions of the original into the target language: the specifics of translation strategies]. *Izvestiya Osetinskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta kraevedeniya*. 20 (59).
7. Moskal'skaya, O.I. (1981) *Grammatika teksta* [Text Grammar]. Moscow: Vysshaya shkola.
8. Piskunova, M.I. (2017) *Press-reliz i drugie PR-teksty* [Press Release and Other PR Texts]. Moscow: Moscow State University.

9. Shevchuk, E.V. & Nikiforova, Zh.A. (2021) Postredaktirovanie i tipichnye oshibki v avtomatizirovannom perevode nauchno-publitsisticheskikh tekstov [Post-editing and typical errors in automated translation of scientific and journalistic texts]. *Voprosy metodiki prepodavaniya v vuze*. 39 (10), pp. 46–54.

10. Sdobnikov, V.V. (2021) Ob"ektivnoe i sub"ektivnoe v redaktirovaniy perevoda [Objective and subjective in translation editing]. *Nauchnyy dialog*. 2. pp. 107–126.

11. AstraZeneca. (2023) Komitet po lekarstvennym preparatam dlya meditsinskogo primeneniya (CHMP) rekomendoval k odobreniyu v ES preparat dapagliflozin dlya terapii simptomaticheskoy khronicheskoy serdechnoy nedostatochnosti [The Committee for Medicinal Products for Human Use (CHMP) recommended dapagliflozin for approval in the EU for the treatment of symptomatic chronic heart failure]. *AstraZeneca*. [Online] Available from: <https://astrazeneca.ru/media/press-releases-for-specialized-media/2023/20230116-ru201.html> (Accessed: 14.11.2023).

12. AstraZeneca. (2023) Forxiga approved in the EU for the treatment of symptomatic chronic heart failure. *AstraZeneca*. [Online] Available from: <https://www.astrazeneca.com/media-centre/press-releases/2023/forxiga-approved-in-the-eu-for-the-treatment-of-symptomatic-chronic-heart-failure.html> (Accessed: 14.11.2023).

13. AstraZeneca. (2023) Trastuzumab derukstekan zaregistrirovan na territorii ES v kachestve pervogo preparata s tselenapravlenным deystviem na retseptor HER2 dlya lecheniya patsientov s HER2-slabopolozhitelnym metastaticheskim rakom molochnoy zhelezy [Trastuzumab deruxtecán is registered in the EU as the first drug with a targeted action on the HER2 receptor for the treatment of patients with HER2-weakly positive metastatic breast cancer]. *AstraZeneca*. [Online] Available from: <https://astrazeneca.ru/media/press-releases-for-specialized-media/2023/20230208-ru201.html> (Accessed: 14.11.2023).

14. AstraZeneca. (2023) Enhertu approved in the EU as the first HER2-directed therapy for patients with HER2-low metastatic breast cancer. *AstraZeneca*. [Online] Available from: <https://www.astrazeneca.com/media-centre/press-releases/2023/enhertu-approved-in-the-eu-as-the-first-her2-directed-therapy-for-patients-with-her2-low-metastatic-breast-cancer.html> (Accessed: 14.11.2023).

15. AstraZeneca. (2023) Dapagliflozin zaregistrirovan v ES dlya lecheniya simptomaticheskoy khronicheskoy serdechnoy nedostatochnosti [Dapagliflozin registered in the EU for the treatment of symptomatic chronic heart failure]. *AstraZeneca*. [Online] Available from: <https://astrazeneca.ru/media/press-releases-for-specialized-media/2023/20230210-ru201.html> (Accessed: 14.11.2023).

16. AstraZeneca. (2023) Forxiga approved in the EU for the treatment of symptomatic chronic heart failure. *AstraZeneca*. [Online] Available from: <https://www.astrazeneca.com/media-centre/press-releases/2023/forxiga-approved-in-the-eu-for-the-treatment-of-symptomatic-chronic-heart-failure.html> (Accessed: 16.11.2023).

17. AstraZeneca. (2023) "AstraZeneca" predstavila rezul'taty final'nogo analiza obshchey vyzhivaemosti patsientov s metastaticheskim kastratsionno-rezistentnym rakom predstatel'noy zhelezy – klyuchevoy vtorichnoy konechnoy tochki v issledovanii III fazy PROpel [AstraZeneca presented the results of the final analysis of overall survival in patients with metastatic castration-resistant prostate cancer – a key secondary endpoint in the phase III PROpel study]. *AstraZeneca*. [Online] Available from: <https://astrazeneca.ru/media/press-releases-for-specialized-media/2023/20230301-ru201.html> (Accessed: 16.11.2023).

18. AstraZeneca. (2023) AstraZeneca and MSD present final results of key secondary overall survival endpoint from Phase III PROpel trial at ASCO GU Cancers Symposium. *AstraZeneca*. [Online] Available from: <https://www.astrazeneca.com/media-centre/press-releases/2023/overall-survival-analysis-of-the-lynparza-propel-phase-iii-trial-in-metastatic-castration-resistant-prostate-cancer.html> (Accessed: 16.11.2023).

19. AstraZeneca. (2023) Akalabrutinib v tabletirovannoy forme odobren v ES dlya lecheniya khronicheskogo limfotsitarnogo leykoza [Acalabrutinib in tablet form approved in

the EU for the treatment of chronic lymphocytic leukemia]. *AstraZeneca*. [Online] Available from: <https://astrazeneca.ru/media/press-releases-for-specialized-media/2023/20230310-ru201.html> (Accessed: 20.11.2023).

20. AstraZeneca. (2023) Calquence tablet formulation approved in the EU for patients with chronic lymphocytic leukaemia. *AstraZeneca*. [Online] Available from: <https://www.astrazeneca.com/media-centre/press-releases/2023/calquence-tablet-formulation-approved-in-the-eu-for-patients-with-chronic-lymphocytic-leukaemia.html> (Accessed: 20.11.2023).

21. AstraZeneca. (2023) Kombinatsiya durvalumaba i tremelimumaba odobrena v ES dlya lecheniya rasprostrannogo raka pecheni i nemelkokletochnogo raka legkogo [Combination of durvalumab and tremelimumab approved in the EU for the treatment of advanced liver cancer and non-small cell lung cancer]. *AstraZeneca*. [Online] Available from: <https://astrazeneca.ru/media/press-releases-for-specialized-media/2023/20230320-ru201.html> (Accessed: 20.11.2023).

22. AstraZeneca. (2023) Imfinzi plus Imjudo approved in the EU for patients with advanced liver and non-small cell lung cancers. *AstraZeneca*. [Online] Available from: <https://www.astrazeneca.com/media-centre/press-releases/2023/imfinzi-plus-imjudo-approved-in-the-eu-for-patients-with-advanced-liver-and-non-small-cell-lung-cancers.html> (Accessed: 20.11.2023).

23. AstraZeneca. (2023) Primenenie durvalumaba v sostave terapii do i posle khirurgicheskogo vmeshatel'stva na 32% snizilo risk retsidiva, progressirovaniya zabolevaniya i letal'nogo iskhoda u patsientov s operabel'nym nemelkokletochnym rakom legkogo v issledovanii III fazy AEGEAN [The use of durvalumab as part of therapy before and after surgery reduced the risk of relapse, disease progression and death by 32% in patients with operable non-small cell lung cancer in the AEGEAN phase III study]. *AstraZeneca*. [Online] Available from: <https://astrazeneca.ru/media/press-releases-for-specialized-media/2023/20230425-ru201.html> (Accessed: 21.11.2023).

24. AstraZeneca. (2023) Imfinzi-based treatment before and after surgery reduced the risk of disease recurrence, progression events or death by 32% in resectable non-small cell lung cancer in the AEGEAN Phase III trial. *AstraZeneca*. [Online] Available from: <https://www.astrazeneca.com/media-centre/press-releases/2023/imfinzi-based-treatment-before-and-after-surgery-reduced-the-risk-of-disease-recurrence-progression-events-or-death-in-resectable-non-small-cell-lung-cancer.html> (Accessed: 21.11.2023).

25. AstraZeneca. (2023) V issledovanii III fazy FLAURA2 primeneniye osimertiniba v kombinatsii s khimioterapiyey privelo k znachimomu uvelicheniyu vyzhivaemosti bez progressirovaniya u patsientov s rasprostrannym rakom legkogo s mutatsiyami v gene EGFR [In the phase III FLAURA2 study, the use of osimertinib in combination with chemotherapy led to a significant increase in progression-free survival in patients with advanced lung cancer with mutations in the EGFR gene]. *AstraZeneca*. [Online] Available from: <https://astrazeneca.ru/media/press-releases-for-specialized-media/2023/20230522-ru201.html> (Accessed: 21.11.2023).

26. AstraZeneca. (2023) Tagrisso plus chemotherapy demonstrated strong improvement in progression-free survival for patients with EGFR-mutated advanced lung cancer in FLAURA2 Phase III trial. *AstraZeneca*. [Online] Available from: <https://www.astrazeneca.com/media-centre/press-releases/2023/tagrisso-plus-chemo-improved-pfs-in-lung-cancer.html> (Accessed: 21.11.2023).

27. AstraZeneca. (2023) Kombinatsiya khimioterapii kak s durvalumabom i olaparibom, tak i tol'ko s durvalumabom, znachitel'no uvelichivaet vyzhivaemost' bez progressirovaniya pri rasprostrannom rake endometriya [Combination of chemotherapy with both durvalumab and olaparib, or with durvalumab alone, significantly increases progression-free survival in advanced endometrial cancer]. *AstraZeneca*. [Online] Available from: <https://astrazeneca.ru/media/press-releases-for-specialized-media/2023/20230615-ru201.html> (Accessed: 21.11.2023).

28. AstraZeneca. (2023) DUO-E is the first global Phase III trial of immunotherapy plus PARP inhibition to demonstrate clinical benefit in this setting. *AstraZeneca*. [Online] Available from: <https://www.astrazeneca.com/media-centre/press-releases/2023/imfinzi-lynparza-prolonged-pfs-in-endometrial-cancer.html> (Accessed: 21.11.2023).

29. AstraZeneca. (2023) Po dannym issledovaniya III fazy MATTERHORN, durvalumab v kombinatsii s khimioterapiyey sposoben uvelichivat' chastotu polnogo patomorfologicheskogo otveta u patsientov s rakom zheludka i pishchevodno-zheludochnogo perekhoda [According to the phase III MATTERHORN study, durvalumab in combination with chemotherapy is able to increase the frequency of complete pathomorphological response in patients with stomach and gastroesophageal junction cancer]. *AstraZeneca*. [Online] Available from: <https://astrazeneca.ru/media/press-releases-for-specialized-media/2023/20230705-ru201.html> (Accessed: 1.12.2023).

30. AstraZeneca. (2023) First global Phase III trial of immunotherapy and chemotherapy combination to demonstrate clinical benefit in this setting. *AstraZeneca*. [Online] Available from: <https://www.astrazeneca.com/media-centre/press-releases/2023/imfinzi-plus-chemotherapy-significantly-improved-pathologic-complete-response-in-gastric-and-gastroesophageal-junction-cancers-in-matterhorn-phase-iii-trial.html> (Accessed: 1.12.2023).

31. AstraZeneca. (2023) V issledovanii III fazy TROPION-Lung01 po otsenke effektivnosti i bezopasnosti datopotamaba deruxtekana u patsientov s rasprostranennym nemelkokletochnym rakom legkogo dostignuta kombinirovannaya pervichnaya konechnaya tochka – vyzhivaemost' bez progressirovaniya [In the phase III TROPION-Lung01 study to evaluate the efficacy and safety of datopotamab deruxtecane in patients with advanced non-small cell lung cancer, the combined primary endpoint of progression-free survival was achieved]. *AstraZeneca*. [Online] Available from: <https://astrazeneca.ru/media/press-releases-for-specialized-media/2023/20230727-ru201.html> (Accessed: 1.12.2023).

32. AstraZeneca. (2023) Datopotamab deruxtecane met dual primary endpoint of progression-free survival in patients with advanced non-small cell lung cancer in TROPION-Lung01 Phase III trial. *AstraZeneca*. [Online] Available from: <https://www.astrazeneca.com/media-centre/press-releases/2023/datopotamab-deruxtecane-met-dual-primary-endpoint-of-progression-free-survival-in-patients-with-advanced-non-small-cell-lung-cancer.html> (Accessed: 1.12.2023).

33. AstraZeneca. (2023) Datopotamab deruxtekan prodemonstriroval statisticheski i klinicheski znachimoe preimushchestvo v otnoshenii vyzhivaemosti bez progressirovaniya u patsientov s HR-polozhitel'nyim, HER2-slabopolozhitel'nyim ili HER2-otritsatel'nyim rakom molochnoy zhelezy v issledovanii III fazy TROPION-Breast01 [Datopotamab deruxtecane demonstrated a statistically and clinically significant benefit in terms of progression-free survival in patients with HR-positive, HER2-weakly positive or HER2-negative breast cancer in the phase III TROPION-Breast01 study]. *AstraZeneca*. [Online] Available from: <https://astrazeneca.ru/media/press-releases-for-specialized-media/2023/20231002-ru201.html> (Accessed: 1.12.2023).

34. AstraZeneca. (2023) Datopotamab deruxtecane significantly extended progression-free survival vs. chemotherapy in patients with HR-positive, HER2-low or negative breast cancer in TROPION-Breast01 Phase III trial. *AstraZeneca*. [Online] Available from: <https://www.astrazeneca.com/media-centre/press-releases/2023/datopotamab-deruxtecane-significantly-extended-progression-free-survival-vs-chemotherapy-in-tropion-breast01-phase-iii-trial.html> (Accessed: 1.12.2023).

35. AstraZeneca. (2023) Zayavka na registratsiyu kombinatsii osimertiniba s khimioterapiyey dlya lecheniya patsientov s rasprostranennym rakom legkogo s mutatsiyami v gene EGFR budet rassmotrena v SShA v prioritetnom poryadke [An application for registration of a combination of osimertinib with chemotherapy for the treatment of patients with advanced lung cancer with mutations in the EGFR gene will be reviewed in the United States on a priority basis]. *AstraZeneca*. [Online] Available from: <https://astrazeneca.ru/media/press-releases-for-specialized-media/2023/20231026-ru201.html> (Accessed: 1.12.2023).

36. AstraZeneca. (2023) Decision based on FLAURA2 Phase III trial results which extended median progression-free survival by nearly 9 months versus standard of care. *AstraZeneca*. [Online] Available from: <https://www.astrazeneca.com/media-centre/press-releases/2023/tagrisso-plus-chemotherapy-granted-priority-review-us-patients-egfr-mutated-advanced-lung-cancer.html> (Accessed: 3.12.2023).

37. AstraZeneca. (2023) "AstraZeneka" predstavila obnovlennyye rezul'taty issledovaniy po raku legkogo, raku zheludka, raku endometriya, raku molochnoy zhelezy i drugim solidnym opukholyam na kongresse Evropeyskogo obshchestva meditsinskoy onkologii ESMO – 2023 [AstraZeneca presented updated results of studies on lung cancer, stomach cancer, endometrial cancer, breast cancer and other solid tumors at the congress of the European Society for Medical Oncology ESMO – 2023]. *AstraZeneca*. [Online] Available from: <https://astrazeneca.ru/media/press-releases-for-specialized-media/2023/20231114-ru201.html> (Accessed: 14.01.2024).

38. AstraZeneca. (2024) Enhertu demonstrated clinically meaningful survival across multiple HER2-expressing advanced solid tumours in DESTINY-PanTumor02 Phase II trial. *AstraZeneca*. [Online] Available from: <https://www.astrazeneca.com/media-centre/press-releases/2023/enhertu-demonstrated-clinically-meaningful-survival-across-multiple-her2-expressing-advanced-solid-tumours-in-destiny-pantumor02-phase-ii-trial.html> (Accessed: 14.01.2024).

39. AstraZeneca. (2024) V issledovanii III fazy EMERALD-1 dostignuta pervichnaya konechnaya tochka – vyzhivaemost' bez progressirovaniya u patsientov s rakom pecheni [The primary endpoint of progression-free survival in liver cancer patients was met in the phase III EMERALD-1 trial]. *AstraZeneca*. [Online] Available from: <https://astrazeneca.ru/media/press-releases-for-specialized-media/2023/20231117-ru201.html> (Accessed: 14.01.2024).

40. AstraZeneca. (2024) Imfinzi plus bevacizumab met primary endpoint for progression-free survival in liver cancer eligible for embolisation in EMERALD-1 Phase III trial. *AstraZeneca*. [Online] Available from: <https://www.astrazeneca.com/media-centre/press-releases/2023/imfinzi-combination-improves-pfs-in-liver-cancer.html> (Accessed: 14.01.2024).

41. AstraZeneca. (2024) V SSHa vydano pervoe v mire registratsionnoe udostoverenie na preparat eplontersen, prednaznachennyy dlya lecheniya transtiretinovoy semeynoy amiloidnoy polineypatii u vzroslykh [The world's first registration certificate for the drug eplontersen, intended for the treatment of transthyretin familial amyloid polyneuropathy in adults, was issued in the USA]. *AstraZeneca*. [Online] Available from: <https://astrazeneca.ru/media/press-releases-for-specialized-media/2023/20231227-ru201.html> (Accessed: 27.01.2024).

42. AstraZeneca. (2024) Wainua (eplontersen) granted first-ever regulatory approval in the US for the treatment of adults with polyneuropathy of hereditary transthyretin-mediated amyloidosis. *AstraZeneca*. [Online] Available from: <https://www.astrazeneca.com/media-centre/press-releases/2023/wainua-eplontersen-granted-first-ever-regulatory-approval-us-treatment-of-adults-with-polyneuropathy-hereditary-transthyretin-mediated-amyloidosis.html> (Accessed: 27.01.2024).

43. Kuznetsov, S.A. (ed.) (2004) *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Large Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Saint Petersburg: Norint.

44. Zolotova, G.A., Onipenko, N.K. & Sidorova, M.Yu. (2004) *Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka* [Communicative Grammar of the Russian Language]. Moscow: V.V. Vinogradov Russian Language Institute RAS.

45. Ushakov, D.N. (2008) *Tolkovyy slovar' Ushakova onlayn* [Ushakov's Explanatory Dictionary Online]. [Online] Available from: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=52476> (Accessed: 13.02.2024).

46. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1957–1984) *Malyy akademicheskyy slovar'* [Small Academic Dictionary]. Moscow: Russian Language Institute USSR AS.

47. Kazakov, A.V. & Nadeeva, E.Yu. (2021) [Features of omission as a translation transformation based on the article Another Reality: the creative gift and the spiritual sense]. *Obshchestvo. Nauka. Innovatsii (NPK-2021)* [Society. Science. Innovations (NPK-2021)].

Proceedings of the 21st All-Russian Conference. Vol. 1. Kirov. 12–30 April 2021. Kirov: Vyatka State University. pp. 187–191. (In Russian).

48. Longman. (2013) *Longman Dictionary of Contemporary English*. 5th ed. Longman. pp. 54–55.

49. Shveytser, A.D. (1988) *Teoriya perevoda: status, problemy, aspekty* [Translation Theory: Status, Problems, Aspects]. Moscow: Nauka.

50. Levitskaya, T.R. & Fiterman, A.M. (1973) *Posobie po perevodu s angliyskogo yazyka na russkiy* [Handbook of Translation from English into Russian]. Moscow: Vysshaya shkola.

51. Buzadzi, D.M. et al. (2010) *Professional'naya kompetentsiya prepodavateley perevoda angliyskogo yazyka* [Professional Competence of Teachers of English Translation]. Moscow: Moscow State Linguistic University.

52. Buzadzi, D.M. (2008) *Struktury i svyazi. Eshche raz o roli sintaksisa v perevode* [Structures and connections. Once again about the role of syntax in translation]. *Mosty. Zhurnal perevodchikov*. 2 (18). pp. 21–31.

53. Macmillan Education. (2020) *Macmillan English Dictionary for Advanced Learners*. Macmillan Education.

54. *Cambridge Dictionary*. (n.d.) [Online] Available from: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/> (Accessed: 13.02.2024).

55. Oxford University Press. (2005) *Oxford Dictionary of English*. Revised Edition. Oxford University Press.

56. HarperCollins Publishers. (2008) *Collins Cobuild Advanced Learner's English Dictionary*. New Digital Edition. HarperCollins Publishers.

57. *Merriam-Webster Dictionary*. (n.d.) [Online] Available from: <https://www.merriam-webster.com/> (Accessed: 13.02.2024).

58. Efremova, T.F. (2000) *Novyy slovar' russkogo yazyka: Tolkovo-slovoobrazovatel'nyy: svyshe 136 000 slovarnykh statey* [New Dictionary of the Russian Language: Explanatory and word-formation: over 136,000 dictionary entries]. Vol. 1. Moscow: Russkiy yazyk.

59. Ozhegov, S.I. & Shvedova, N.Yu. (1992) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Az".

Информация об авторах:

Ковальчук А.В. – ассистент Центра изучения иностранных языков Первого Московского государственного медицинского университета им. И.М. Сеченова (Москва, Россия). E-mail: kovalchuk_a_v@staff.sechenov.ru

Матюшин А.А. – канд. фарм. наук, магистр лингвистики, доцент Института лингвистики и межкультурной коммуникации Первого Московского государственного медицинского университета им. И.М. Сеченова (Москва, Россия). E-mail: matyushin@sechenov.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

A.V. Kovalchuk, assistant, I.M. Sechenov First Moscow State Medical University (Moscow, Russian Federation). E-mail: kovalchuk_a_v@staff.sechenov.ru

A.A. Matyushin, Cand. Sci. (Pharmacology), Master of Linguistics, associate professor, I.M. Sechenov First Moscow State Medical University (Moscow, Russian Federation). E-mail: matyushin@sechenov.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 05.06.2024;
одобрена после рецензирования 03.06.2025; принята к публикации 21.07.2025.*

*The article was submitted 05.06.2024;
approved after reviewing 03.06.2025; accepted for publication 21.07.2025.*

Научная статья

УДК 8.81'36

doi: 10.17223/19986645/96/3

Типы и функции словообразовательных моделей в аспекте разных лингвистических парадигм

Ольга Юрьевна Крючкова¹

¹ *Саратовский национальный исследовательский государственный университет
им. Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия, vpks@rambler.ru*

Аннотация. Рассмотрены типы и функции словообразовательных моделей с позиций структурно-семантического, коммуникативного и когнитивного подходов. Предложена когнитивная интерпретация словообразовательных моделей, классифицированных ранее с позиций иных парадигмальных подходов. Определены два основных типа концептуализации, с которыми связан словообразовательный механизм русского языка, – концептуализация действительности и концептуализация коммуникативного опыта. Выявлена соотносительность и вместе с тем неполная коррелятивность типов и функций словообразовательных моделей, выделенных с разных теоретических позиций, в установках разных лингвистических парадигм.

Ключевые слова: словообразование, функции словообразования, словообразовательные модели, лингвистические парадигмы

Для цитирования: Крючкова О.Ю. Типы и функции словообразовательных моделей в аспекте разных лингвистических парадигм // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2025. № 96. С. 54–70. doi: 10.17223/19986645/96/3

Original article

doi: 10.17223/19986645/96/3

Types and functions of word-formation models in the aspect of different linguistic paradigms

Olga Yu. Kryuchkova¹

¹ *Saratov National Research State University, Saratov, Russian Federation, vpks@rambler.ru*

Abstract. Word formation study, like all spheres of linguistics, has been enriched in its development by the concepts and methodological approaches of different scientific paradigms. In the history of word formation, the structural and communicative-cognitive paradigms have clearly made themselves known. The volume of accumulated data and the level of their theoretical comprehension at the present stage allow us to move to the integration of knowledge, require a synthesizing view of the objects of word formation study. The article presents a multi-paradigm analysis of word-formation model types from the point of view of performed functions. It also considers the correlation of functional types (purpose) of word-formation models, distinguished from

the positions of structural, communicative, cognitive approaches. Within the framework of the structural paradigm, the types of word-formation models were identified in terms of the semantic relations between the original (producing) and the newly formed (derived) word generated by them; such types of word formation as syntactic and lexical derivation (with a distinction between mutation and modification) and equivalence word-formation models were singled out and characterized. In the aspect of communicative conditionality of word production processes, Elena Zemskaya proposed a communicatively oriented classification of word-formation models, which provided a basis for studying word-formation derivation as a means of ensuring the communicative needs of speakers. The author clarifies the role of word-formation derivation in the processes of conceptualization and categorization of the world from the position of cognitively oriented approach, raising the question about what aspects of human experience are systematized by the action of the word-formation mechanism. Derivatives of word-formation models belonging to different semantic and communicative types, in terms of their cognitive essence (functions of fixation and representation of cognitive experience) are distributed in general between two types of conceptualization – *conceptualization of reality* and *conceptualization of communicative experience*. At the same time, the boundaries between the representatives of the two named types of conceptualization are mobile, which is connected with the non-rigid differentiation of different cognitive vectors in the processes of linguistic categorization of knowledge. Correlation of semantic varieties of word-formation models, their communicative and cognitive types, makes it possible to see, on the one hand, the role and interaction of cognitive and communicative needs and operations in the realization of word-formation mechanisms of language, and to characterize, on the other hand, the role of word-formation derivation in providing the needs of world modeling and communication.

Keywords: word formation, functions of word formation, word formation models, linguistic paradigms

For citation: Kryuchkova, O.Yu. (2025) Types and functions of word-formation models in the aspect of different linguistic paradigms. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 96. pp. 54–70. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/96/3

Введение

Словообразование, как и вся лингвистика, обогатилось в своем развитии концепциями и методологическими установками разных научных парадигм и подходов. В истории словообразования отчетливо заявили о себе структурная и коммуникативно-когнитивная парадигмы. Становление последней связано с теорией и практикой коммуникативного, ономаσιологического (как первого этапа когнитивного анализа) и собственно когнитивного подходов.

Объем накопленных данных и уровень их теоретического осмысления на современном этапе позволяют перейти к интеграции знаний, требуют синтезирующего взгляда на объекты науки об образовании слов. Для выработки синтезирующей теории в области словообразования необходимы исследования полипарадигмального характера, рассматривающие одни и те же объекты с позиций разных парадигмальных подходов, ставящие задачу соотнесения данных, полученных в разных системах координат.

В настоящей статье таким объектом в его полипарадигмальном рассмотрении являются типы словообразовательных моделей – структурно-семантических аналогов производных слов. Предметом анализа является соотношение типов и функций словообразовательных моделей, выделяемых с позиций структурного, коммуникативного, когнитивного подходов.

Используя типологию деривационных моделей по характеру выражаемой ими семантики (созданную с позиций методологической установки на выявление характера структурно-семантических отношений мотивирующего и мотивированного языковых знаков) и типологию моделей по их коммуникативному назначению (появившуюся в результате перенесения фокуса внимания на коммуникативную обусловленность и коммуникативную предназначенность деривационных процессов), мы рассматриваем данные типы моделей с точки зрения репрезентированных в них когнитивных операций, фиксации познавательного опыта и предлагаем когнитивную типологию деривационных моделей. Когнитивная интерпретация словообразовательных моделей, классифицированных ранее с позиций иных парадигмальных подходов, позволяет охарактеризовать известные типы словообразовательных моделей в ином ракурсе, определить их роль в процессах концептуализации знаний. Опора на предшествующие классификации – достижения ранее сформировавшихся научных парадигм – позволяет не множить классификации, основанные на разных критериях, а выявлять новые свойства в уже известных объектах. Такой тип анализа может быть определен как синтезирующий. Применение синтезирующего парадигмального подхода к моделям словопроизводства дает возможность интегральной интерпретации одних и тех же моделей – с точки зрения структурно-семантических отношений между мотивирующей и мотивированной единицами, с точки зрения коммуникативного назначения словопорождающих образцов, а также с точки зрения их когнитивных функций. Интегральное описание словообразовательных моделей обнаруживает соотносительность и вместе с тем неполную коррелятивность типов и функций словообразовательных моделей, выделенных с разных теоретических позиций, в установках разных лингвистических парадигм.

Типы и функции словообразовательных моделей, выделенные с позиций структурно-семантического и коммуникативного подходов

Значительным достижением теории словообразования в эпоху господства структурализма стало выделение в 1960-е гг. семантических разновидностей словообразовательной деривации, классификация моделей словообразования по характеру выражаемой ими семантики. В работах Е. Куриловича, М. Докулила, затем Е.С. Кубряковой [1–3] были выделены и охарактеризованы такие виды словопроизводства, как синтаксическая и лексическая деривация, в составе последней группы моделей разграничиваются, в свою очередь, мутация и модификация. Это позволило установить разные

типы соотношений производных слов с их производящим на шкале семантической тождественности/нетождественности. Модели синтаксической деривации, модификационные и мутационные словообразовательные модели образовали шкалу перехода от словопроизводства с сохранением лексической семантики производящего слова к ее существенному преобразованию: словопроизводство, результатом которого становится лишь частеречная транспозиция производящего слова, изменение грамматической семантики; видоизменение (модификация) лексической семантики производящего без частеречной транспозиции; переход деривата в иной ономаσιологический класс в сравнении с производящим словом с частой, но необязательной частеречной транспозицией. Эти виды семантических соотношений были дополнены эквивалентностным семантическим типом словообразовательных моделей, обеспечивающих образование производных, тождественных по своей семантике производящим единицам, но отличающихся от них более краткой формой, ее компрессией (аббревиатуры, универбы) [4–10]. Эквивалентностные словообразовательные модели встраиваются в ту же шкалу семантических соотношений производящих и производных слов, занимая на этой шкале место предельного тождества.

Таким образом, в рамках структурной парадигмы были выявлены функции словообразовательных моделей с точки зрения генерируемых ими семантических отношений исходного (производящего) и вновь образуемого (производного) слова.

Начиная с середины 1970-х гг. одним из фундаментальных положений науки об образовании слов становится тезис о коммуникативной обусловленности словопроизводственных процессов, в соответствии с которым «коммуникативная предназначенность словообразования является источником внутренней энергетике словообразовательной системы» [11. С. 23]. Успешно развивается направление, определяемое как «словообразование и текст» (см., например, работы Е.Л. Гинзбурга, Л.В. Сахарного, Е.А. Земской, Б.Ю. Нормана, Н.Д. Голева). Классификационное преломление данное положение нашло в концепции Е.А. Земской, выделившей пять функций словообразования по отражению в словообразовательных моделях различных коммуникативных установок говорящего: 1) создать необходимое наименование (собственно номинативное словообразование: *компьютеризация*, *сверхпроводимость* и под.); 2) изменить синтаксическое построение речи (конструктивное словообразование: *моржевание*, *притчевость* и под.); 3) произвести более краткую номинацию (компрессивное словообразование: *пятитажка*, *завлаб* и под.); 4) получить экспрессивную форму выражения (экспрессивное словообразование: *старушенция*, *часик* и под.); 5) использовать средство выражения, соответствующее той или иной сфере речи, т.е. согласовать свой способ выражения с определенной сферой речи, областью общения (стилистическое словообразование: *табуретка*, *позабыть* и под.) [12. С. 8–12].

Предложенная Е.А. Земской коммуникативно ориентированная (функциональная) классификация словообразовательных моделей дала основу

для изучения словообразовательной деривации как средства обеспечения коммуникативных потребностей говорящих.

**Словообразовательные модели с точки зрения
их когнитивной природы. Корреляция типов и функций
словообразовательных моделей,
выделяемых с позиций разных парадигмальных установок**

В 1990-е и особенно в 2000-е гг. отчетливо обозначается интерес к когнитивной роли словообразования, к участию словообразовательных механизмов в процессах познания и вербализации его результатов (значительный вклад в становление когнитивного направления в словообразовании сыграли работы Е.С. Кубряковой). Актуальной задачей современной теории словообразования является построение новых, когнитивно ориентированных типологий деривационных структур. Цель когнитивно ориентированных типологий заключается, как отмечает Е.С. Кубрякова, в установлении функций словообразовательных единиц в процессах концептуализации и категоризации мира, в уяснении того, на систематизацию каких аспектов человеческого опыта направлено действие словообразовательного механизма. Такого рода типологию предлагает Е.С. Кубрякова на примере словообразовательных категорий. «Разные словообразовательные категории, – отмечает, например, Е.С. Кубрякова, – не тождественны именно в том, какой опыт взаимодействия человека с окружающей его средой они обобщают и в какой сортировке этого опыта они принимают участие» [13. С. 11]. В основу когнитивной типологии словообразовательных категорий, по мнению Е.С. Кубряковой, должен быть положен тип обрабатываемой словообразовательными средствами информации (сенсомоторной, т.е. «пришедшей по всем каналам чувственного восприятия мира», или же мыслительной, «непосредственно с наглядным опытом не связанной») [13. С. 11].

Обращаясь к анализу словообразовательных моделей с точки зрения их когнитивной природы, т.е. выявляя характер их участия в процессах обобщения и вербализации опыта взаимодействия человека с окружающей средой, мы устанавливаем определенные корреляции между коммуникативными и когнитивными функциями словопроизводственных процессов, а также корреляции когнитивных механизмов словообразования с семантическими разновидностями словообразовательных моделей (необходимость согласования когнитивных и коммуникативных факторов при анализе языковых явлений подчеркивает в ряде работ Е.С. Кубрякова, закрепляя эту мысль в обозначении новой научной парадигмы как когнитивно-дискурсивной).

Рассмотрим соотносительность коммуникативных и семантических типов словообразования с характером связанных с ними когнитивных операций.

Производные моделей, различающихся своей коммуникативной и семантической направленностью, являются одновременно и выразителями разных типов концептуализации, единицами, фиксирующими различный по своему характеру познавательный опыт. Два полюса, две крайние точки

шкалы когнитивных функций словообразовательной деривации образуют, с одной стороны, номинативные (мутационные) словообразовательные модели и, с другой стороны, модели стилистического и компрессивного словообразования.

Номинативные (мутационные) словообразовательные модели генерируют производные слова, появление которых обосновано познанием и осмыслением (концептуализацией) *мира действительного*, связано с опытом его освоения – чувственным или отвлеченным от наглядности. Производные собственно номинативных по своему коммуникативному предназначению словообразовательных моделей используются в речевой коммуникации как лексические репрезентанты категоризованных языком знаний, полученных в ходе осмысления человеком окружающего мира. Общей когнитивной функцией собственно номинативного словообразования является языковая категоризация *знаний о мире*, актуальных для коммуникативного взаимодействия.

Производные же **стилистического словообразования** (типа *табуретка, жилетка, селедка*) и производные, создаваемые в рамках **компрессивных** (эквивалентностных) **моделей** (аббревиатуры, универбаты), являются единицами, повторно репрезентирующими уже вербализованное понятие, и в этом смысле имеют *метаязыковую* природу, возникают как результаты актов языковой рефлексии. Такие модели характеризуются *вторичностью* связанных с ними когнитивных операций.

Учитывая тот факт, что весь словообразовательный механизм в целом характеризуется вторичностью ввиду действия обязательного для него принципа мотивированности [13. С. 12], необходимо дифференцировать типы когнитивной вторичности, выявляемой в моделях собственно номинативного словообразования, с одной стороны, и в моделях стилистического и компрессивного словообразования – с другой. В актах номинативной деривации отражается мотивированность *нового понятия другим/другими понятием/понятиями*, появление *нового предмета мысли*, концептуализация и языковая категоризация нового кванта знания о мире с опорой на смежные, но другие явления, уже получившие языковую репрезентацию, ср.: действие и инструмент его осуществления (*точить – точилка, варить кофе – кофеварка*), действие и лицо, производящее действие (*учить – учитель, рубить – рубщик*), качественный признак и лицо, характеризуемое данным признаком (*веселый – весельчак, красивый – красавец*).

Вторичность когнитивных операций, фиксируемых в актах стилистического и компрессивного словообразования, иная, нежели вторичность в актах собственно номинативного словообразования. Производные с собственно стилистической функцией и различного рода сокращенные производные фиксируют не знание о новом объекте (и не видоизменение этого знания, см. об этом ниже), а когнитивную операцию *выбора формы проявления знания*, соответствующей условиям общения. Производные стилистического и компрессивного словообразования целиком обусловлены характером конкретных коммуникативных актов и отвечают требованиям

внешних, ситуативных условий коммуникации; такие производные входят в состав языковых средств, обеспечивающих социально обусловленное переключение коммуникативных кодов, служат средствами речевого воплощения конкретных коммуникативных установок. Ср. характеристику стилистической и компрессивной функций словообразования у Е.А. Земской: стилистическая функция обеспечивается производными, назначение которых соответствовать определенному виду коммуникации, компрессивная функция – производными, служащими целям сокращения уже имеющихся в языке номинативных единиц [12. С. 9–10]. Добавим, что производные компрессивного словообразования в конечном счете также обеспечивают соответствие определенной коммуникативной модели – установке на свернутое, редуцированное выражение смысла, допускаемое или требуемое условиями коммуникации.

Таким образом, если коммуникативный эффект (коммуникативная роль) моделей стилистического и компрессивного словообразования различен, то когнитивная их основа – общая. Результирующие единицы стилистического и компрессивного словообразования (а также рост продуктивности таких моделей) объективируют представления о коммуникативных нормах, коммуникативных приоритетах, релевантных для данной коммуникативной ситуации, коммуникативной сферы, наконец, для данного этапа развития языка (ср., например, активное развитие моделей аббревиации и универбации в 1-й четверти XX столетия – в эпоху разрешения антиномии говорящего и слушающего в пользу говорящего [14. С. 30]).

Таким образом, производные стилистических и компрессивных моделей становятся языковыми репрезентантами концептуальных структур, сформированных на основе *коммуникативного опыта* и коммуникативных предпочтений говорящих. Производные стилистических и компрессивных моделей, наделенные, как и любое слово, номинативной функцией, создаются, однако, не для реализации этой функции, а для речевой репрезентации избираемых говорящими форм общения. Общей когнитивной функцией стилистического и компрессивного словообразования является *функция концептуализации коммуникативного опыта, коммуникативной компетенции, категоризации знаний о формах общения*.

Модели **экспрессивного** словопроизводства (образующие центральную категорию в сфере словообразовательной модификации) и **конструктивного** (синтаксического) словообразования занимают срединное положение на шкале когнитивных функций словообразовательной деривации (*концептуализация действительности – концептуализация коммуникативного опыта*), имеют двойственную природу. Специфика экспрессивного и конструктивного словообразования состоит в том, что в словообразовательном акте не вербализуется новое понятие, не означает новый предмет мысли (что характерно для собственно номинативных моделей), а характеризуется (оценивается) или представляется в ином ракурсе (в иной форме, с иной степенью абстрагированности) уже осмысленное и «сохраненное» в языке (ср.:

«когда речь идет о коннотативных образованиях лексемы, то нового понятия, по существу, не возникает, а присутствует использование лексического значения производящего знака в сфере «эмоция – оценка» [15. С. 212]).

Операции с уже вербализованными сущностями сближают экспрессивное и конструктивное словообразование с моделями стилистической и компрессивной деривации, однако отличаются от них наличием *понятийной* составляющей (понятийной направленностью). Общей и основной когнитивной функцией экспрессивного и конструктивного словообразования является *функция видоизменения (перекатегоризации) уже закрепленного в языке знания*, а не собственно метаязыковые процедуры. С когнитивной точки зрения сущность моделей экспрессивно-оценочного и конструктивного словообразования можно определить как *метапонятийную* (в отличие от *метакоммуникативной* рефлексии, лежащей в основе моделей стилистического и компрессивного словообразования).

Вместе с тем промежуточное положение моделей экспрессивно-оценочного и конструктивного словообразования на шкале когнитивных функций словообразования (*концептуализация действительности – концептуализация коммуникативного опыта*) выражается в том, что интерпретативные акты как когнитивные механизмы моделей экспрессивного и конструктивного словообразования обращены одновременно и к миру действительному, и к языку, ср.: двойственную – коммуникативную и одновременно понятийную – природу коннотативного словообразования подчеркивает А.Л. Шарандин: «...коннотация как семантическое явление имеет интерпретационный характер, который отражает коммуникативно-дискурсивную природу ее формирования» [15. С. 212].

Метаязыковая (метакоммуникативная) сущность производных слов, порожаемых моделями экспрессивной и конструктивной деривации, состоит в том, что они обеспечивают определенный фокус *речевого* варьирования знаний о внеязыковых феноменах, приписывая им модус субъективного отношения или изменяя форму речевой организации (синтаксическое построение речи). Метаязыковой характер экспрессивного словообразования отмечает Е.А. Земская, определяя назначение таких словообразовательных моделей формулой «получить экспрессивную форму выражения». Именно метаязыковая сущность подчеркивается также при традиционном описании производных синтаксической деривации (единиц конструктивного словообразования в классификации Е.А. Земской), отличающихся от своих производящих не значением, а лишь принадлежностью к другой части речи (синтаксической функцией).

Однако метакоммуникативные свойства экспрессивно-оценочного и конструктивного (синтаксического) представляют собой вторичный эффект когнитивного моделирования таких единиц, в основе которого лежат видоизменения понятий. Так, экспрессивно-оценочная деривация, избирательно реализуемая в языке и речи, различно осуществляемая (или не осуществляемая) на базе разных типов производящих слов, определяется *характером*

понятийного содержания исходных единиц, представляет собой когнитивную операцию соотнесения знаний о феноменах, означенных потенциально производящими словами, с возможностью/невозможностью их оценочной интерпретации. Ср., например, узуальные диминутивные образования типа *ручка, ножка, вазочка, стаканчик*, окказиональные *адвокатик, ураганчик, философийка* и не реализуемые в языке и речи **тенденцийка, *ветеранчик* (о стимулах и ограничениях к диминутивно-оценочному словообразованию см. в [16]).

Другие словообразовательные модели, традиционно включаемые в ряд модификационных (со значениями единичности, невзрослости, женскости, собирательности, подобия, см. [17]), отличаются в когнитивном плане от экспрессивно-оценочного словообразования, поскольку лежащие в их основе когнитивные акты базируются на знаниях о возможных видоизменениях и связях *реалий* окружающей среды, т.е. в конечном итоге определяются концептуализацией мира действительного. Их когнитивная функция заключается в языковой фиксации *иного предмета мысли* (хотя и близкого к уже означенному предмету), что в принципиальном плане сближается с когнитивной направленностью собственно номинативных (мутационных) словообразовательных моделей.

Собственно модификационная деривация носит иной когнитивный характер. Ср.: об интерпретационной сущности модификационного словообразования, репрезентирующего когнитивную способность человека перерабатывать объективную отражательную информацию «с точки зрения *отношения* к ней», пишет А.Л. Шарандин [15. С. 205], подчеркивая, что «наиболее ярко модификационное словообразование представлено в производных словах с коннотативным значением» [15. С. 211] (см. также [18]). Возможность вторичного характера когнитивных операций (функция перекатегоризации уже закрепленного в языке знания) подчеркивается, на наш взгляд, в рассуждении Ю.С. Маслова о видообразовании и способах глагольного действия: «...и вид и способ действия отражают какие-то различия в типах протекания глагольного действия или *в типах представления этого протекания говорящим* (курсив мой. – О.К.)» [19. С. 160]. Показательным для понимания когнитивных различий мутационной и модификационной деривации в целом является, например, следующее положение, высказанное Е.В. Петрухиной о разновидностях внутриглагольного словообразования: «...если внутриглагольная деривация затрагивает и меняет результативно-целевую перспективу исходного глагола <...>, то в результате словообразовательного процесса возникает номинация нового действия, а сама деривация является мутацией, например: *кричать – перекричать (кого-либо), сидеть – отсидеть (ногу), гулять – прогулять (лекцию)*. Если же меняются лишь временны́е, пространственные, количественные, оценочные характеристики исходного действия (ср. *кричать – закричать, покричать, прокричать, накричаться* и т.п.), то в основе деривации лежит модификация» [20. С. 13–14].

Таким образом, дериваты, традиционно описываемые в составе модификационных категорий, неоднородны и в разной степени тяготеют к противоположным точкам описываемой когнитивной шкалы – понятийной и метаязыковой концептуализации (не случайно традиционной является дискуссия о составе модификационных словообразовательных категорий, о разграничении мутации и модификации).

Синтаксические дериваты, носящие непропозитивный характер (не создающие нового пропозитивного содержания) и реализующие в коммуникативных актах, по Е.А. Земской, конструктивную функцию (используются или создаются в речи в целях изменения ее структуры), также имеют двойственную когнитивную природу, являются одновременно знаками *понятийно* направленного «когнитивного шага» (подробный анализ механизмов и результатов синтаксической деривации см., например, в [21]). Коммуникативная функция синтаксических дериватов не ограничивается лишь их технической текстообразующей ролью. В речевой коммуникации производные конструктивных словообразовательных моделей видоизменяют не только синтаксическое построение речи, но и ее семантический рисунок. Так, например, отглагольные и отадективные существительные (*nomina abstracta*), обеспечивая номинализацию пропозициональных структур, «перестройку лексемы в духе другой части речи» [22. С. 34], маркируют достижение более высокого уровня концептуализации соответствующих неязыковых сущностей. Неязыковые сущности, обозначенные субстантивными формами с предельно абстрактными значениями, оказываются представленными в абсолютизированном виде, что, в свою очередь, свидетельствует об их в высшей степени обобщенном осмыслении, максимально абстрагированном от конкретной ситуативности, от соотнесенности с субъектом и объектом фиксируемой производным словом ситуации (см., например, [23. С. 361; 24. С. 63]). Изменение категориального оформления (перекатегоризация) понятий в актах словообразовательной деривации, не служащих собственно номинативным целям, накладывает, однако, «свой отпечаток на появившееся в результате транспозиции новообразование»: «действие и качество перестают восприниматься как признаки какого-либо предмета, а интерпретируются как самостоятельные сущности, в отвлечении от их действительных носителей»; «поэтому по отношению к ним возможна дальнейшая в тексте предикация или атрибутивность» [15. С. 200]. Не случайно исследователями отмечается свойственная синтаксическим дериватам тенденция приобретать качества лексических, переход слова «из одного содержательного, “энциклопедического” класса в другой» [22. С. 37].

Рассуждая о различных когнитивных функциях, репрезентируемых средствами словообразования, необходимо иметь в виду, что нет и не может быть абсолютно четкого и однозначного распределения словообразовательных моделей между этими двумя типами концептуализации – *концептуализацией действительности* и *концептуализацией коммуникативного опыта*. Подвижность границ между репрезентантами двух названных типов кон-

цептуализации связана прежде всего с нежесткой дифференциацией различных векторов освоения сущего в процессе языковой категоризации знаний. Это выражается, в частности, и в естественных для языка случаях переходности (например, производные одного функционального типа приобретают качества другого), и в фактах функционально-семантического синкретизма словообразовательных дериватов, словообразовательных моделей и категорий (возможность совмещения производными словами разных функций в акте коммуникации отмечает Е.А. Земская [12. С. 12]). Ср., например, производные типа *толстуха*, *хохотушка* со смешанным мутационно-модификационным типом словообразовательного значения (о совмещении разных типов словообразовательных значений см. [25, 26]); модели экспрессивного словообразования, порождающие производные с меняющейся в зависимости от контекста или лексико-семантической базы коммуникативной функцией (слово *стульчик* в одном контексте может профилировать оценку говорящим самого предмета, в другом – оценку ситуации общения, тогда как дериваты *часок*, *минутка*, *годик* целиком ситуативны, служат маркерами регистра общения); производные моделей как мутационной, так и синтаксической деривации могут относиться к разным стилистико-дискурсивным регистрам (о жанрово-стилистической дифференциации словообразовательных средств русского языка и роли функционально-стилистического фактора в развитии словообразовательной системы русского языка см. [27. С. 11–15]).

Смысл выделения различных типов концептуализации, объективируемых средствами словообразования, заключается не в распределении без остатка всех словообразовательных моделей и производных слов между этими типами, а в выявлении различных по своему характеру ментальных составляющих словообразовательного механизма, отвечающего на различные запросы коммуникации и фиксирующего в силу разнообразия коммуникативных потребностей различные виды познавательного опыта и его конкретные элементы.

Заключение

Анализ функций словообразовательных процессов, проведенный в духе триангуляционной методики (ее суть состоит в использовании в рамках одного исследования различных типов данных, данных нескольких подходов, см. [28]), выявил в целом соотносимость результатов, полученных при рассмотрении одних и тех же объектов с разных теоретических позиций, что поддерживает представление о корректности (принципиальной непротиворечивости) предложенных построений. В то же время постановка разных вопросов при рассмотрении одних и тех же объектов, высвечивая точки расхождений, обнаруживает «трудные случаи» интерпретации явления, диагностирует его внутреннюю неоднородность.

Соотнесение семантических разновидностей словообразовательных моделей, их коммуникативных и когнитивных типов дает возможность уви-

деть, с одной стороны, роль и взаимодействие когнитивных и коммуникативных потребностей и операций в реализации словообразовательных механизмов языка (ответить на вопрос, «какие структуры знания стоят за определенными языковыми формами» [29. С. 5]), и, с другой стороны, охарактеризовать роль словообразовательной деривации в обеспечении нужд миромоделирования и коммуникации (ответить на вопрос, «с помощью каких языковых форм могут быть репрезентированы те или иные форматы знания» [29. С. 5]).

Изучение семантических разновидностей словообразовательных моделей, их коммуникативных и когнитивных типов необходимо дополнить историческим анализом. Есть впечатление, что представленная нами когнитивная шкала – от моделей, детерминированных потребностями концептуализации и категоризации знаний о мире (понятийных моделей), – через модели, обеспечивающие возможности перекатегоризации знаний (метапонятийные), – к моделям, связанным с задачами концептуализации коммуникативного опыта, потребностями в разнообразных формах предъявления знаний (метаязыковым) (движение от категорий «реляционных» к категориям «дескриптивным», если воспользоваться наименованиями типов категорий у Б.М. Гаспарова [30]), не противоречит тенденциям исторического развития русского словообразования. Имеющиеся исследования свидетельствуют о более позднем (сравнительно с номинативными моделями) формировании моделей экспрессивного и конструктивного словообразования, еще более позднем развитии деривации стилистической и компрессивной направленности (речь, конечно, идет о вхождении названных типов словопроизводства в максимальную фазу своей продуктивности) [5, 27, 31, 32]; неоднократно на примере разных языковых подсистем прослежена вторичность разного рода оценочных, интерпретационных значений по отношению к значениям «реального» характера, апеллирующим к миру действительному [33, 34].

Полипарадигмальный подход к интерпретации языкового материала способствует более глубокому пониманию сущности рассматриваемого объекта, позволяет представить его как органическое целое; ср. замечание Е.С. Кубряковой о том, что получение разных результатов в случаях применения «разных отправных точек зрения при анализе материала в рамках единой дисциплины <...> не только не препятствует осознанию целостности изучаемого объекта, но, наоборот, способствует его более глубокому, а потому и более адекватному пониманию» [29. С. 7].

Синтезирующие лингвистические описания языковых явлений, базирующиеся на фундаменте предварительного аспектного их рассмотрения, обладают значительной эвристической ценностью, служат консолидации достижений разных лингвистических парадигм, формированию новых синтезирующих концепций языка, с которыми многие ученые связывают будущее лингвистической науки (см., например, [35–38]).

Список источников

1. Курилович Е. Очерки по лингвистике : сб. ст. М. : Изд-во иностранной литературы, 1962. 456 с.
2. Dokulil M. Tvoření slov v češtině. Vyd. 1. Teorie odvozování slov. Praha, 1962. 263 s.
3. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений: Семантика производного слова. М. : Наука, 1981. 200 с.
4. Уханов Г.П. Об отношении сложносокращённых слов к словосочетаниям с той же предметной отнесенностью // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1961. № 1. С. 187–196.
5. Алексеев Д.И. Сокращённые слова в русском языке. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1979. 328 с.
6. Лопатин В.В. Суффиксальная универбация и смежные явления в сфере образования новых слов // Новые слова и словари новых слов / отв. ред. Н.З. Котелова. Л. : Наука, 1978. С. 72–80.
7. Осипова Л.И. Активные процессы в современном русском словообразовании (суффиксальная универбация и усечение) : дис. ... д-ра филол. наук. М., 1994. 506 с.
8. Копоть Л.В. Универбация как вид компрессивного словообразования в современном русском языке : дис. ... канд. филол. наук. Майкоп, 2005. 201 с.
9. Тихонов А.Н. Универбация // Русский язык: энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий : В 2 т. Т. 1. М. : Флинта: Наука, 2008. С. 655–656.
10. Теркулов В.И. Методика прогнозирования отношений эквивалентности для сложносокращённых слов // Лингвистические исследования и их использование в практике преподавания русского и иностранных языков : материалы I Междунар. науч.-метод. конф. (21 мая 2018 г.). Донецк : ДонНТУ, 2018. С. 69–79.
11. Голев Н.Д. Словообразование как эволютивный синергетический процесс // Актуальные проблемы современного словообразования : материалы Междунар. науч. конф. / под общ. ред. проф. Л.А. Араевой. Кемерово : Кузбассвузиздат, 2008. С. 21–31.
12. Земская Е.А. Словообразование как деятельность. 2-е изд., стер. М. : КомКнига, 2005. 224 с.
13. Кубрякова Е.С. Образы мира в сознании человека и словообразовательные категории как их составляющие // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2006. Т. 65, № 2. С. 3–13.
14. РЯиСО 1968 – Русский язык и советское общество. Социолого-лингвистическое исследование. Лексика современного русского литературного языка. М. : Наука, 1968. 186 с.
15. Шарандин А.Л. Словообразовательное формообразование и модификационное словообразование в системе русской деривации // Системные, когнитивно-дискурсивные и синхронно-диахронические аспекты деривационных процессов в русском языке / отв. ред. Е.В. Петрухина, В.И. Теркулов, О.Ю. Крючкова. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2024. С. 197–218.
16. Крючкова О.Ю. Деминутивно-оценочная редупликация в языке и речи // Язык и общество. Функциональный подход к языку как признак современной научной парадигмы / отв. ред. Л.И. Баранникова. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1995. С. 58–65.
17. Русская грамматика. Т. 1. М. : Наука, 1980. 784 с.
18. Болдырев Н.Н. Интерпретирующий потенциал вторичных структур // Когнитивные исследования языка. 2021. № 1 (44). С. 15–24.
19. Маслов Ю.С. Глагольный вид в современном болгарском литературном языке // Вопросы грамматики болгарского литературного языка / отв. ред. С.Б. Бернштейн. М. : АН СССР, 1959. С. 157–312.

20. Петрухина Е.В. Особенности аспектуальной деривации в русском языке (на славянском фоне) // *Южнославянский филолог.* св. 2. 2023. Кн. LXXIX. С. 11–27.
21. Резанова З.И. Функциональный аспект словообразования: Русское производное имя. Томск : ТГУ, 1996. 218 с.
22. Урысон Е.В. Синтаксическая деривация и «наивная» картина мира // *Вопросы языкознания.* 1996. № 4. С. 25–38.
23. Гак В.Г. Языковые преобразования. М. : Школа «Языки русской культуры», 1998. 768 с.
24. Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж : Истоки, 2006. 226 с.
25. Лопатин В.В. Основные единицы сопоставительного описания словообразовательной системы славянских языков // *Сопоставительное изучение словообразования славянских языков* / отв. ред. Г.П. Нецименко. М. : Наука, 1987. С. 46–53.
26. Улуханов И.С. О совмещении значений морфем // *Облик слова* / отв. ред. Л.П. Крысин. М. : Русские словари, 1997. С. 105–112.
27. Крючкова О.Ю. Влияние жанрово-стилистического развития русской письменной речи XI–XVII веков на словообразовательные процессы // *Жанры речи. Международный научный журнал.* 2018. № 2 (18). С. 96–103.
28. Тарасов Е.Ф. Жизнь языка в культуре и социуме (вместо вступительного слова) // *Жизнь языка в культуре и социуме : материалы конференции, посвященной 75-летию доктора филологических наук, профессора Евгения Федоровича Тарасова.* Москва ; Калуга : Эйдос, 2010. С. 3–8.
29. Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка // *Вопросы когнитивной лингвистики.* 2009. № 1 (018). С. 5–12.
30. Гаспаров Б. М. Введение в социограмматику // *Проблемы языковой системы и ее функционирования* (Учен. зап. Тартуского ун-та. Вып. 425). Тарту, 1977. С. 24–45.
31. Азарх Ю.С. К истории существительных с суффиксами субъективной оценки в русском языке // *Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования.* 1978 / отв. ред. Р.И. Аванесов. М. : Наука, 1980. С. 151–175.
32. Крючкова О.Ю. Динамика структурно-семантических моделей производных слов и ее коммуникативно-когнитивная основа (на материале вторичных диминутивов) // *Вестник Самарского государственного университета. История, педагогика, филология.* 2016. № 3.2. С. 15–20.
33. Дмитриева О.И., Крючкова О.Ю. Динамика словообразовательных процессов: семантико-когнитивный, жанрово-стилистический, структурный аспекты. Саратов : Научная книга, 2010. 364 с.
34. Крючкова О.Ю. Динамические тенденции в области русской словообразовательной деривации и методические принципы изучения правил словопроизводства // *Динамические аспекты русского словообразования.* Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2021. С. 6–30.
35. Кубрякова Е.С. Парадигмы научного знания в лингвистике и ее современный статус // *Известия РАН. Серия литературы и языка.* 1994. Т. 53, № 2. С. 3–15.
36. Зубкова Л.Г. Общая теория языка в развитии. М. : Изд-во РУДН, 2002. 472 с.
37. Лузина Л.Г. О когнитивно-дискурсивной парадигме лингвистического знания // *Парадигмы научного знания в современной лингвистике* / отв. ред. Е.С. Кубрякова, Л.Г. Лузина. М. : РАН. ИНИОН, 2008. С. 40–48.
38. Кошелев А.Д. Современная теоретическая лингвистика как Вавилонская башня (о «мирном» сосуществовании множества несовместимых теорий языка) // *Известия РАН. Серия литературы и языка.* 2013. Т. 72, № 6. С. 3–22.

References

1. Kurilovich, E. (1962) *Ocherki po lingvistike* [Essays on Linguistics]. Moscow: Izd-vo inostrannoy literatury.
2. Dokulil, M. (1962) *Tvoření slov v češtině*. Vol 1. Praha: Academia.
3. Kubryakova, E.S. (1981) *Tipy yazykovykh znacheniy: Semantika proizvodnogo slova* [Types of Linguistic Meanings: Semantics of a derivative word]. Moscow: Nauka.
4. Ukhanov, G.P. (1961) Ob otnoshenii slozhnosokrashchennykh slov k slovosochetaniyam s toy zhe predmetnoy otnesennost'yu [On the relationship of abbreviated words to phrases with the same subject reference]. *Nauchnye doklady vysshey shkoly. Filologicheskie nauki*. 1. pp. 187–196.
5. Alekseev, D.I. (1979) *Sokrashchennye slova v russkom yazyke* [Abbreviated Words in Russian]. Saratov: Saratov State University.
6. Lopatin, V.V. (1978) Suffiksálnaya univerbatsiya i smezhnye yavleniya v sfere obrazovaniya novykh slov [Suffixal univerbation and related phenomena in the sphere of formation of new words]. In: Kotelova, N.Z. (ed.) *Novye slova i slovari novykh slov* [New Words and Dictionaries of New Words]. Leningrad: Nauka. pp. 72–80.
7. Osipova, L.I. (1994) *Aktivnye protsessy v sovremennom russkom slovoobrazovanii (suffiksálnaya univerbatsiya i usechenie)* [Active processes in modern Russian word formation (suffixal univerbation and truncation)]. Philology Dr. Diss. Moscow.
8. Kopot', L.V. (2005) *Univerbatsiya kak vid kompressivnogo slovoobrazovaniya v sovremennom russkom yazyke* [Univerbation as a type of compressive word formation in the modern Russian language]. Philology Cand. Diss. Maykop.
9. Tikhonov, A.N. (2008) Univerbatsiya [Univerbation]. In: *Russkiy yazyk: entsiklopedicheskiy slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov i ponyatiy* [Russian Language: Encyclopedic dictionary-reference book of linguistic terms and concepts]. Vol. 1. Moscow: Flinta: Nauka. pp. 655–656.
10. Terkulov, V.I. (2018) [Methodology for predicting equivalence relations for complex abbreviated words]. *Lingvisticheskie issledovaniya i ikh ispol'zovanie v praktike prepodavaniya russkogo i inostrannykh yazykov* [Linguistic Studies and Their use in the Practice of Teaching Russian and Foreign Languages]. Proceedings of the 1st International Conference. 21 May 2018. Donetsk: Donetsk National Technical University. pp. 69–79. (In Russian).
11. Golev, N.D. (2008) [Word formation as an evolutionary synergetic process]. *Aktual'nye problemy sovremennogo slovoobrazovaniya* [Current Problems of Modern Word Formation]. Proceedings of the International Conference. Kemerovo. 24–25 June 2007. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat. pp. 21–31. (In Russian).
12. Zemskaya, E.A. (2005) *Slovoobrazovanie kak deyatel'nost'* [Word Formation As an Activity]. 2nd ed. Moscow: Kom Kniga.
13. Kubryakova, E.S. (2006) Obrazy mira v soznanii cheloveka i slovoobrazovatel'nye kategorii kak ikh sostavlyayushchie [Images of the world in human consciousness and word-formation categories as their components]. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*. 2 (65). pp. 3–13.
14. Panov, M.V. (ed.) (1968) *RYaISO 1968 – Russkiy yazyk i sovetskoe obshchestvo. Sotsiologo-lingvisticheskoe issledovanie. Leksika sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [RYaISO 1968 – Russian language and Soviet society. Sociological and linguistic study. Lexicon of the modern Russian literary language]. Moscow: Nauka.
15. Sharandin, A.L. (2024) Slovoobrazovatel'noe formoobrazovanie i modifikatsionnoe slovoobrazovanie v sisteme russkoy derivatsii [Word-formation and modification word-formation in the system of Russian derivation]. In: Petrukhina, E.V., Terkulov, V.I. & Kryuchkova, O.Yu. (eds) *Sistemnye, kognitivno-diskursivnye i sinkhronno-diakhronicheskie aspekty derivatsionnykh protsessov v russkom yazyke* [Systemic, Cognitive-Discursive and

Synchronic-Diachronic Aspects of Derivational Processes in the Russian Language]. Moscow: Moscow State University. pp. 197–218.

16. Kryuchkova, O.Yu. (1995) Deminutivno-otsenchnaya reduplikatsiya v yazyke i rechi [Deminutive-evaluative reduplication in language and speech]. In: Barannikova, L.I. (ed.) *Yazyk i obshchestvo. Funktsional'nyy podkhod k yazyku kak priznak sovremennoy nauchnoy paradigmy* [Language and Society. Functional approach to language as a feature of a modern scientific paradigm]. Saratov: Saratov State University. pp. 58–65.

17. Shvedova, N.Yu. (ed.) (1980) *Russkaya grammatika* [Russian Grammar]. Vol. 1. Moscow: Nauka.

18. Boldyrev, N.N. (2021) Interpretiruyushchiy potentsial vtorichnykh struktur [Interpretive potential of secondary structures]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka*. 1 (44). pp. 15–24.

19. Maslov, Yu.S. (1959) Glagol'nyy vid v sovremenном bolgarskom literaturnom yazyke [Verb aspect in the modern Bulgarian literary language]. In: Bernshteyn, S.B. (ed.) *Voprosy grammatiki bolgarskogo literaturnogo yazyka* [Questions of Grammar of the Bulgarian Literary Language]. Moscow: USSR AS. pp. 157–312.

20. Petrukhina, E.V. (2023) Osobennosti aspektual'noy derivatsii v russkom yazyke (na slavyanskom fone) [Features of aspectual derivation in the Russian language (against the Slavic background)]. *Juzhnoslovenski filolog. sv.* 2. Book 79. pp. 11–27.

21. Rezanova, Z.I. (1996) *Funktsional'nyy aspekt slovoobrazovaniya: Russkoe proizvodnoe imya* [Functional Aspect of Word Formation: Russian derivative name]. Tomsk: Tomsk State University.

22. Uryson, E.V. (1996) Sintaksicheskaya derivatsiya i "naivnaya" kartina mira [Syntactic derivation and the "naive" picture of the world]. *Voprosy yazykoznanii*. 4. pp. 25–38.

23. Gak, V.G. (1998) *Yazykovye preobrazovaniya* [Language Transformations]. Moscow: Shkola "Yazyki russkoy kultury".

24. Popova, Z.D. & Sternin, I.A. (2006) *Semantiko-kognitivnyy analiz yazyka* [Semantic-Cognitive Analysis of Language]. Voronezh: Istoki.

25. Lopatin, V.V. (1987) Osnovnye edinit'sy sopostavitel'nogo opisaniya slovoobrazovatel'noy sistemy slavyanskikh yazykov [Basic units of comparative description of the word-formation system of Slavic languages]. In: Neshchimenko, G.P. (ed.) *Sopostavitel'noe izuchenie slovoobrazovaniya slavyanskikh yazykov* [Comparative Study of Word Formation of Slavic Languages]. Moscow: Nauka. pp. 46–53.

26. Ulukhanov, I.S. (1997) O sovmeshchenii znacheniy morfem [On the combination of meanings of morphemes]. In: Krysin, L.P. (ed.) *Oblik slova* [The Form of the Word]. Moscow: Russkie slovari. pp. 105–112.

27. Kryuchkova, O.Yu. (2018) Vliyaniye zhanrovo-stilisticheskogo razvitiya russkoy pis'mennoy rechi XI–XVII vekov na slovoobrazovatel'nye protsessy [The influence of genre and stylistic development of Russian written speech of the 11th–17th centuries on word-formation processes]. *Zhanry rechi. Mezhdunarodnyy nauchnyy zhurnal*. 2 (18). pp. 96–103.

28. Tarasov, E.F. (2010) [Life of language in culture and society (instead of an introductory speech)]. *Zhizn' yazyka v kul'ture i sotsiume* [Life of Language in Culture and Society]. Proceedings of the Conference. Moscow. 14–15 April 2010. Moscow; Kaluga: Eydos. pp. 3–8. (In Russian).

29. Kubryakova, E.S. (2009) V poiskakh sushchnosti yazyka [In search of the essence of language]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*. 1 (018). pp. 5–12.

30. Gasparov, B.M. (1977) Vvedeniye v sotsiogrammatiku [Introduction to Sociogrammatiks]. In: *Problemy yazykovoy sistemy i ee funktsionirovaniya (Uchen. zap. Tartuskogo un-ta. Yyp. 425)* [Problems of the Language System and Its Functioning (Academic Record of Tartu University. Issue 425)]. Tartu: Tartu State University. pp. 24–45.

31. Azarkh, Yu.S. (1980) K istorii sushchestvitel'nykh s suffiksami sub"ektivnoy otsenki v russkom yazyke [On the history of nouns with suffixes of subjective evaluation in the Russian

language]. In: Avanesov, R.I. (ed.) *Obshcheslavianskiy lingvisticheskiy atlas. Materialy i issledovaniya*. 1978 [General Slavic Linguistic Atlas. Materials and Research. 1978]. Moscow: Nauka. pp. 151–175.

32. Kryuchkova, O.Yu. (2016) Dinamika strukturno-semanticheskikh modeley proizvodnykh slov i ee kommunikativno-kognitivnaya osnova (na materiale vtorichnykh diminutivov) [Dynamics of structural-semantic models of derivative words and its communicative-cognitive basis (based on secondary diminutives)]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya*. 3.2. pp. 15–20.

33. Dmitrieva, O.I. & Kryuchkova, O.Yu. (2010) *Dinamika slovoobrazovatel'nykh protsessov: semantiko-kognitivnyy, zhanrovo-stilisticheskiy, strukturnyy aspekty* [Dynamics of Word-Formation Processes: Semantic-cognitive, genre-stylistic, structural aspects]. Saratov: Nauchnaya kniga.

34. Kryuchkova, O.Yu. (2021) Dinamicheskie tendentsii v oblasti russkoy slovoobrazovatel'noy derivatsii i metodicheskie printsipy izucheniya pravil slovoпроизводства [Dynamic trends in the field of Russian word-formation derivation and methodological principles for studying the rules of word production]. In: *Dinamicheskie aspekty russkogo slovoobrazovaniya* [Dynamic Aspects of Russian Word Formation]. Saratov: Saratov State University. pp. 6–30.

35. Kubryakova, E.S. (1994) Paradigmy nauchnogo znaniya v lingvistike i ee sovremennyy status [Paradigms of scientific knowledge in linguistics and its modern status]. *Izvestiya RAN. Ser. lit. i yaz.* 2 (53). pp. 3–15.

36. Zubkova, L.G. (2002) *Obshchaya teoriya yazyka v razviti*i [General Theory of Language in Development]. Moscow: RUDN University.

37. Luzina, L.G. (2008) O kognitivno-diskursivnoy paradigme lingvisticheskogo znaniya [On the cognitive-discursive paradigm of linguistic knowledge]. In: Kubryakova, E.S. & Luzina, L.G. (eds) *Paradigmy nauchnogo znaniya v sovremennoy lingvistike* [Paradigms of Scientific Knowledge in Modern Linguistics]. Moscow: INION RAS. pp. 40–48.

38. Koshelev, A.D. (2013) Sovremennaya teoreticheskaya lingvistika kak Vavilonskaya bashnya (o "mirnom" sosushchestvovanii mnozhestva nesovmestimyykh teoriy yazyka) [Modern theoretical linguistics as the Tower of Babel (on the "peaceful" coexistence of many incompatible theories of language)]. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*. 6 (72). pp. 3–22.

Информация об авторе:

Крючкова О.Ю. – д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой теории, истории языка и прикладной лингвистики Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского (Саратов, Россия). E-mail: vpks@rambler.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

O.Yu. Kryuchkova, Dr. Sci. (Philology), full professor, head of the Department of Theory, History of Language and Applied Linguistics, Saratov National Research State University (Saratov, Russian Federation). E-mail: vpks@rambler.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 10.12.2024;
одобрена после рецензирования 28.04.2025; принята к публикации 21.07.2025.*

*The article was submitted 10.12.2024;
approved after reviewing 28.04.2025; accepted for publication 21.07.2025.*

Научная статья
УДК 811.161.1'42
doi: 10.17223/19986645/96/4

И по учиненном трактовании... договорились и согласились **(Ништадтский мирный договор: особенности текста и языка)**

Дмитрий Владимирович Руднев^{1,2}

¹ Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

² Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия
^{1,2} rudnevd@mail.ru

Аннотация. Описан язык «Ништадтского мирного договора», заключенного на немецком языке и позже переведенного на русский, на морфологическом, лексическом и синтаксическом уровне. Морфологические особенности договора проанализированы в сопоставлении с деловыми текстами Петровской эпохи. Проанализировано соответствие между лексикой и синтаксисом русского текста договора и немецкого текста-источника. Сделан вывод о значительном воздействии исходного немецкого текста на лексические и синтаксические особенности русского перевода, обусловленном стремлением переводчиков максимально точно следовать немецкому тексту.

Ключевые слова: история русского языка, XVIII в., деловой язык, немецкий язык, перевод, заимствование, европеизмы, славянизмы, международный договор

Благодарности: статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РНФ № 24-28-00325 «Печатные указы петровского времени как источник изучения русского языка XVIII века».

Для цитирования: Руднев Д.В. *И по учиненном трактовании... договорились и согласились* (Ништадтский мирный договор: особенности текста и языка) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2025. № 96. С. 71–91. doi: 10.17223/19986645/96/4

Original article
doi: 10.17223/19986645/96/4

And after negotiations... the parties agreed **(The Treaty of Nystadt: Features of the text and language)**

Dmitriy V. Rudnev^{1,2}

¹ St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation

² Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation
^{1,2} rudnevd@mail.ru

Abstract. The Treaty of Nystadt, which ended the many years of bloody Northern War, has not yet received a comprehensive linguistic description. Concluded in German, the Treaty was soon translated into Russian and Swedish and published in the fall

of 1721 in Russia and Sweden. The article describes and analyzes the morphological, lexical and syntactic features of the Russian text of the Treaty of Nystadt. The morphological features of the Treaty are analyzed in comparison with the texts of Peter's decrees of the same time. It is concluded that the morphological design of the Russian text more or less corresponds to the business text of the Peter the Great era: it lacks book preterites and represents the morphological variation and instability of nominal forms. At the same time, the text almost does not contain those morphological forms that were associated with the old chancery language. The lexical basis of the text is a fusion of Russian words, Slavonicisms and borrowings-Europeanisms. A comparison of the vocabulary of the Russian translation and the original German text revealed a clear desire of Russian translators to literally translate the original German text into Russian, which manifested itself in numerous borrowings from the German language. The need to bring the content of the text to the general reader forced the publishers of the Russian text to introduce numerous glosses into it (more than 60). However, many borrowed words are not accompanied by glosses in the text of the treaty; this fact indicates their assimilation into the Russian language by the time the treaty was concluded. The impact of the syntax of the original German text on Russian one is manifested in the peculiarities of word order, which is more or less accurately reproduced in the Russian translation, and in the peculiarities of the use of auxiliary and modal vocabulary, as well as various modal intensifiers. Experiencing a strong influence of the original German text, nevertheless, when translating modal constructions, translators in some cases use Polonisms (*pozvol'yat'*, *dopuskat'*, *imet'* + infinitive), which were included in the Russian business language of the first quarter of the 18th century. When selecting speech means, translators sought to preserve the colloquial speech basis of the text, clearing it of outdated bureaucratic (chancery) elements and introducing into it some "weak" signs of bookishness (morphological Slavonicisms such as endings *-ago*, *-yva*, Slavonicisms in the field of auxiliary vocabulary). These elements of bookishness reflected the authorities' intention to increase the status of the document in society, and at the same time pointed to the importance of the content of the Treaty of Nystadt.

Keywords: history of the Russian language, business language, 18th century, German language, translation, borrowings, Europeanisms, Slavonicisms, gloss, international treaty

Acknowledgments: The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 24-28-00325.

For citation: Rudnev, D.V. (2025) *And after negotiations... the parties agreed* (The Treaty of Nystadt: Features of the text and language). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 96. pp. 71–91. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/96/4

Введение

Эпоха Петра I – время многочисленных преобразований и реформ, в значительной степени спровоцированных главным событием царствования – Северной войной, завершившейся заключением Ништадтского мирного договора. Затянувшаяся более чем на двадцать лет, она потребовала напряжения всех сил государства: «Терпение и моральные силы Петра дошли до предела. Бесконечная война измотала и его, и Россию» [1. С. 124].

28 апреля 1721 г. в Ништадте (совр. Уусикаупунки) начались переговоры. Русскую сторону представляли Я. Брюс и А. Остерман. Во время пе-

переговоров шведская сторона пыталась склонить Петра I к заключению перемирия, однако царь, помнивший историю безуспешного Аландского конгресса (1718–1719), в ходе которого шведская сторона всеми способами затягивала переговоры, не согласился на это (описание последних лет войны, предшествовавших заключению мира, см. в [2]). Не получив помощи от европейских союзников, шведы довольно быстро уступили русскому давлению, и 30 августа 1721 г. мирный договор был подписан: «Петр получил все, что хотел, и даже больше, чем мечтал в 1703 году» [3. С. 24].

Петр получил известие о заключенном мире 3 сентября, находясь на пути в Выборг: «...курьер с Ништадта вручил ему пакет с подлинным трактатом. Брюс и Остерман писали: “Мы оной перевесть не успели, понеже на то время потребно было, и мы опасались, дабы между тем ведомость о заключении мира не пронеслась”» [4. С. 424]. 4 сентября Петр на бригантине вернулся в Петербург и лично сообщил горожанам радостную весть. По случаю мира была объявлена амнистия и прощены недоимки, в сентябре и октябре в столицах шли праздники, завершившиеся преподнесением царю титула царя отечества и императора всероссийского.

Материал и методы

Несмотря на очевидную значимость текста Ништадтского мирного договора для русского общества и государства, собственно лингвистического описания и изучения этот документ до сих пор не получил: «...работы, направленные на изучение текста самого договора с привлечением современных методов исследования документов, практически не представлены» [5. С. 50].

Текст договора был напечатан в октябре 1721 г., его публикация, видимо, была прямым следствием 14 статьи договора: «...обе высокодоговаривающиеся стороны в своих землях публичными указами о сем публиковать и объявить изволят». В рамках предлагаемой статьи представлено разнородное лингвистическое описание печатного текста договора, его грамматических и лексических особенностей. Своеобразие лексики и отчасти синтаксиса договора невозможно понять без учета переводного характера текста, на что прямо указывают слова Брюса и Остермана. Примечательно, что для многих отечественных историков сам «факт заключения Ништадтского мирного договора между Россией и Швецией на немецком языке остается неизвестным или неожиданным» [6. С. 1198]. Между тем немецкий язык использовался в качестве рабочего языка и в ходе Аландского конгресса, поскольку русские и шведские дипломаты свободно им владели: «...стороны договорились для упрощения и ускорения начала переговорного процесса использовать немецкий – в частности, прикладывать к полномочным грамотам и паспортам копии на этом языке» [6. С. 1200].

Лингвистическое изучение памятника позволит охарактеризовать не только особенности дипломатического языка петровского времени, но также делового языка эпохи и публичных печатных текстов в целом: напе-

чатанный договор, с одной стороны, отчетливо демонстрирует формирование языка новой русской канцелярии, с другой – рассчитан на самую большую аудиторию, поскольку последствия многолетней русско-шведской войны затронули огромное количество людей из разных слоев и социальных групп тогдашнего населения России – пленников, перемещенных лиц, землевладельцев, купцов, их семей и имущества. На публичный характер текста договора указывает уже начало документа: *Извѣстно и вѣдомо да будет сім* (Ратификация. С. 3), которому в немецком тексте соответствует формула *Kund und zu wissen sey hiermit* (Friedens-Vertrag. S. 3). Начальная формула *Kund und zu wissen sey hiermit* (с ее возможным расширением словами *öffentlich / männiglich / jedermanniglich / allermänniglich*) имеет устойчивый характер в немецких документах XVII–XVIII вв., предназначенных для обнародования.

Цель статьи – представить комплексное лингвистическое описание русского печатного текста договора с привлечением исходного немецкого текста. Для сопоставительного анализа использован шведский печатный текст договора, изданный на двух языках – немецком и шведском – в две колонки, причем левая колонка содержит немецкий текст, что демонстрирует его первичность относительно шведского. Русский и шведский печатные тексты имеют одинаковую структуру, включая в свой состав преамбулу, 24 статьи договора и ратификацию. В целях экономии текстового пространства и облегчения поиска при цитатах, извлеченных из статей договора, указывается только номер статьи; цитаты из преамбулы и ратификации даются с указанием страниц опубликованных текстов. Основными исследовательскими методами являются описательный и сравнительно-сопоставительный. В рамках статьи последовательно рассматриваются морфологические, лексические и синтаксические особенности русского текста, в соответствии с этим строится структура статьи.

Результаты исследования

Морфологические особенности

При описании морфологических особенностей было использовано первое печатное издание договора; при более поздних переизданиях в текст вносились многочисленные морфологические правки, сводившиеся к устранению устаревших морфологических форм. Особенности морфологического оформления различных частей речи во многом типичны для деловых документов петровского времени (далее для сравнения использованы тексты указов 1719–1720 гг., напечатанных в (КУ)). Для имен характерно варьирование при оформлении ряда падежных форм. В области существительного к ним относятся окончания существительных современного 2-го склонения (< *ѣ и *jō) в формах ед. ч. род. п. (-ѣ/-у), мн. ч. дат. п. (-ам/-ом), мн. ч. пр. п. (-ах/-ѣх), существительных 3-го склонения (< *ї) в форме мн. ч. тв. п. (-ями/-ми).

Старая форма мн. ч. пр. п. (-ѣх) редка и имеет лексикализированный характер: в тексте встретилась только от существительных *город*, *место* и *лето*, причем слова *город* и *лето* 'год' использованы только в старой форме, а слово *место* употреблено один раз в старой и дважды в новой форме: *как в вышепомянутых Провінціях, Городѣх и мѣстах* (ст. 4), *в другіх Государства свѣискаго городѣх и гавенах* (ст. 17); *во всѣх мѣстѣх, и вездѣ* (ст. 15); *не о тѣх лѣтѣх разумѣтіся имѣет* (ст. 6). От существительного *край* по одному разу встретились формы *краях* и *краех*: *во всѣх протчѣх Мѣстах и Краях* (ст. 3), *при берегах и морскіх краех* (ст. 18). Отметим, что в (КУ) не используется форма *лѣтѣх*, зато регулярно употребляется форма *годѣх* (КУ. С. 108, 122, 198, 201, 255 и др.), причем форма *годах* не отмечена вовсе.

В петровских документах число существительных, употреблявшихся в старой форме мн. ч. пр. п. -ѣх (обычно в локативном значении), в целом невелико (ср.: *о селѣх, в домѣх, о дворѣх, в городѣх, в уездѣх, в местѣх, в селѣх* (КУ. С. 5, 8, 16, 35, 39, 40, 42, 43, 48, 62, 65 и пр.).

Такой лексической ограниченности лишена старая форма мн. ч. тв. п. (-ми) от существительных 3-го склонения: *между обоіх стран Государствами, землями, подданными и жителями* (Ратификация. С. 3), *внѣ оного лежащими областми* (ст. 1), *и оного Землями, Городами, Государствами и областми* (ст. 1), *с Городами и крѣпостми* (ст. 4), *со всѣми принадлежностями* (ст. 4), *с своими ...имѣющими маетностями и собственностями* (ст. 12), *их печатми утверждены* (ст. 24). Наряду со старыми формами представлены новые формы: *Васаллами, подданными и жителями* (ст. 1), *Городами, Крѣпостями, Гавенами* (ст. 4), *со всѣми... обрѣтающимися жителями* (ст. 4). Отметим, что слово *житель*, подобно другим словам м. р. с суффиксом -тель, хотя исторически и относилось к склонению на *јѡ, в истории русского языка подпало под влияние склонения на *ї, что обусловило возможность употребления окончания -ми.

В договоре представлена старая форма мн. ч. дат. п. (-ом/-ем) существительных 2-го склонения. В документах петровского времени она частотна при указании на адресата предписываемого действия и не лексикализована (ср.: *татаром, прикащиком, помѣщиком, комисаром, однодворцом, губернатором* (КУ. С. 6, 7, 9–11 и др.). В тексте договора формы дат. п. редки, видимо, вследствие прагматики жанра договора (фиксируется совместная деятельность равных участников договора, а не одностороннее предписание действий подчиненным), тем не менее в ратификации договора дважды встретились старые формы от существительных *наследник* и *последователь*: *Его Царскому Величеству, Его наслѣдником и послѣдователем росіискаго Престола* (Ратификация. С. 23). Наряду со старыми отмечены новые падежные формы: *уступает ... Его Царскому Величеству, и Его Потомкам, и наслѣдникам Росіискаго Государства* (ст. 4).

Если употребление перечисленных форм в целом соответствует деловой традиции петровского времени, то этого нельзя сказать об употреблении существительных м. р. в ед. ч. род. п. и ед. ч. пр. п. с окончанием -у. Такие

формы, связанные с устно-разговорной стихией (о чем несколько десятилетий спустя писал Ломоносов в своей «Грамматике»), были частотны в деловых документах эпохи Петра I (*без убытку, дается сроку, на острове, прошлого 715 году, кроме наряду* (КУ. С. 12, 13, 16, 18, 25 и т.д.) и более позднего времени, являясь яркой приметой исходной устно-речевой основы деловой речи. В тексте договора окончание -у использовано для оформления формы ед. ч. пр. п. лишь один раз: *хотяб оные нынѣ в Швеціи или в **полону** илиб годѣ индѣ были* (ст. 12) и очень ограниченно представлено для формы ед. ч. род. п.: *нікакого Права ніже **запросу**... имѣть не будут* (ст. 5), *без **вычету*** (ст. 5), *для **вывозу** всего того и **багажу** Армеиского* (ст. 13), *без всякого **выкупу*** (ст. 14), *из **плѣну** освобождены* (ст. 14), *во утверждение всего того сего мирного **трактату*** (ст. 24). Примечательно, что в приведенных примерах (включая последний) существительные имеют пропозитивный характер. В целом очевидно избегание в тексте договора форм существительных, которые, возможно, оценивались как слишком разговорные и не соответствовали высокому содержанию договора. Тем не менее такие формы встречаются, к их числу отнесем единичный и редкий для этой эпохи случай употребления формы им.-вин. п. мн. ч. на -а: *на всѣ вышепомянутые Провінціи, **Острова, Земли и мѣста*** (ст. 4).

В области морфологии имен прилагательных отметим варьирование окончаний у прилагательных м. р. в ед. ч. им. п. на -ой/-ый, м.-ср. р. в ед. ч. род. п. на -ого/-аго/-ова, у прилагательных ж. р. в ед. ч. род. п. на -ой/-ья, а также у прилагательных в форме мн. ч. им.-вин. п. на -ые/-ья. Перечисленные падежные флексии широко используются в тексте договора, за исключением окончания -ова, которое дважды встретилось у слова *другой*: *одін протів **другова*** (ст. 24). В документах петровского времени это окончание, являвшееся отражением морфологических особенностей предшествующей приказной эпохи, представлено ограниченно (*другова, какова, старова, легкова, такова, проѣзжева, прохожева, старова* (КУ. С. 5, 39, 63, 87, 111, 114, 120, 130, 187 и др.).

Чередование окончаний -ой/-ый, -ого/-аго, -ой/-ья, -ые/-ья исторически восходит к чередованию русизмов и славянизмов в русском языке. В тексте договоров можно отметить некоторую связь морфологических славянизмов с оформлением стилистически маркированного контекста. Такая связь может быть обнаружена при употреблении окончаний -ой и -ый у прилагательных мужского рода. В тексте в самых разных контекстах господствует первое из них: *от нынѣ непрестанно **пребываемои вѣчнои, истиннои и ненарушімои** мир* (ст. 1), *чрез **особлівои трактат*** (ст. 16) и т.д.; окончание -ый появляется в преамбуле договора при описании статуса участников переговоров, например: *...**Высокоблагороднии** Граф Господин Іоганн Ліліенстет, Его Королевскаго Величества Свѣискаго и Его **Государственнии** Совѣтник и купно Канцеляріи Совѣтник* (Ратификация. С. 3–4). Вместе с тем фиксируется употребление окончания -ый и во вполне нейтральном контексте: *намѣреніе имѣют **истіннии и постояннии** мир учиніть* (ст. 8).

Не проявляется или слабо проявляется связь между употреблением церковнославянских по происхождению окончаний со стилистическими задачами и в других случаях. Так, употребление окончаний род. п. *-ой* и *-ья* у прилагательных женского рода характеризуется лишь высокой частотностью первого и редкостью (всего несколько случаев) второго: *от Короны Свѣиской* (ст. 4), *от Курлянской Границы* (ст. 4), *послѣ учиненной Конфіскаціи* (ст. 12), *при испражденіи помянутой земли* (ст. 13), *с Свѣиской страны* (ст. 18) и т.д. – *Потомками Свѣискія Короны* (ст. 1), *с Свѣискія страны* (ст. 2), *всѣ жители провинции Лифляндскія и Эстляндскія* (ст. 9), *с платежем в каждом Государствѣ обыкновенныя* пошлыны (ст. 16). Никакого стилистического различия между формами не прослеживается.

Невозможно обнаружить различий и в использовании окончаний *-ого* и *-аго* у прилагательных мужского рода; они употребляются как взаимозаменяемые, например: *Его Королевского Величества Свѣиского к тому уполномоченным* (ст. 13), *в Государствѣ и землях Его Королевского Величества Свѣисаго* (ст. 16), *от страны Его Королевскаго Величества Свѣисаго* (ст. 21); *наслѣдникам Росіискаго Государства* (ст. 4), *наслѣдников Росіискаго Государства* (ст. 4), *Его Царского Величества воіскам* (ст. 13), *от стороны Его Царскаго Величества* (ст. 13) и т.д.

Можно утверждать, что славянская форма *-аго* несколько чаще встречается в титулатуре, в остальных случаях выбор формы не мотивирован.

То же самое можно видеть при употреблении прилагательных в форме им.-вин. п. мн. ч. с окончаниями *-ые* и *-ья*. Отметим, что в церковнославянском языке окончание *-ья* было присуще прилагательным мужского и женского рода в форме мн. ч. им. п. (у прилагательных женского рода также в вин. п.). В деловых текстах Петровской эпохи это окончание имеет обобщенный характер и употребляется (подобно новому, русскому по происхождению, окончанию *-ые*) обобщенно, т.е. у всех родовых форм в им. и вин. п., например: *в вѣчныя времена* (ст. 6), *в тѣх Провінціях обрѣтающыяся города* (ст. 9), *не минушіяся сроком Аренды* (ст. 12), *за взятыя... доходы* (ст. 12), *и иныя воинскія Пріпасы* (ст. 13), *и протчія установленныя права* (ст. 16) – *на всѣ вышепомянутые Провіціи* (ст. 4), *в домашніе дѣла* (ст. 7), *в вѣчныя времена* (ст. 8), *таковыя торговые дома* (ст. 17).

Свободная взаимозаменяемость окончаний *-ой/-ый*, *-ого/-аго*, *-ой/-ья*, *-ые/-ья* присуща и указам петровского времени, однако в них доля славянских окончаний ниже, а в некоторых указах они могут и полностью отсутствовать. Возможно, славянские окончания, не будучи связаны (или слабо связаны) с лексическим значением слов, благодаря своей повышенной частотности в тексте договора, привносили в него оттенок торжественности и книжности (повышенную частотность таких форм можно обнаружить в некоторых петровских указах, написанных в торжественной манере, см. (КУ. С. 105–118, 141–155, 172–173, 183–186, 211–218 и др.).

На это указывает и особенность употребления в договоре глагольных форм. С одной стороны, в тексте полностью отсутствуют старые, книжные формы претеритов (аорист, имперфект), с другой стороны, совершенно не представлены и приказные возвратные формы глаголов на *-тца*. При оформлении форм настоящего-будущего времени на *-тця* и инфинитивов на *-тця* и те и другие одинаково оформляются сочетанием *-тця*: *в нѣх вступатся ...не могут и не имѣют* (ст. 4), *которые до сѣх Земель особливо касаються* (ст. 4), *в пожеланном покоѣ и безопасности владѣть и пользоватся* могла (ст. 8), *хотя он внутрь или внѣ земли обрѣтается* (ст. 11), *которыя ...остатся намѣрены будут* (ст. 14) и т.д.

Невозвратные инфинитивные формы глагола имеют финаль *-ть*, формы на *-ти* отсутствуют: *доказать может* (ст. 11), *надлежит поступать* (ст. 2), *и свободу имѣть будут* (ст. 12), *всяк... получить мог* (ст. 12) и пр. Возвратные формы инфинитива, как было отмечено, употребляются без *ь*. Вместе с тем отмечено несколько случаев употребления форм, оканчивающихся на *-тця*: *не о тѣх лѣтѣх разумѣтця имѣет* (ст. 6), *в ...образ наслѣдства мѣшатця... не будет* (ст. 7), *в дома свои... возвратитця могут и имѣют* (ст. 14), *имѣют... весьма престать и кончитця* (ст. 15). Такие формы изредка представлены и в петровских указах (*строитця, отправлятця, содержатця, касатця, разоритця* (КУ. С. 30, 120, 151, 196, 217) и др.).

Лексические особенности

Лексический состав текста имеет гибридный характер, включая значительное количество русизмов, славянизмов и европейских заимствований (в том числе семантических калек). В некоторых случаях граница между славянизмом и европейской калькой неотчетлива, так как словообразовательные средства церковнославянского языка использованы для передачи иноязычного слова. Так, слово *испраж(д)нение* использовано для передачи в одном случае фр. *evacuation*: *до совершенного испражненія – biß zur völligen evacuation* (ст. 13), в другом случае германизированной формы этого слова *evacuierung*: *при испражденіи помянутой земли и мѣст – bey Evacuierung jetztgedachten Landes und Oerter* (ст. 13). Слово *испражнение* является словообразовательным и фонетическим славянизмом, вместе с тем это поморфемная калька, где приставка *ис-* соответствует *-e(x)*, корень *-праж(д)-* – *-vasi-*, суффикс *-ениj-* соответствует фр. *-(a)tion* или нем. *-(ir)ung*.

Употребление славянизмов в тексте договора в целом соответствует условиям их использования в деловой письменности петровского времени, описанным в научной литературе (см. [7. С. 71–140; 8]). Главным образом употребляется неполнозначенательная лексика: местоимения, наречия, союзы. Славянизмы понимаются нами в стилистическом ключе («по употреблению»), т.е. включают в свой состав «и такие элементы речи, которые по своему происхождению вовсе не принадлежат к числу исключительных особенностей именно церковнославянского языка и свойственны не в меньшей

мере определенным стадиям развития самой русской речи» [9. С. 446]. По словам В.В. Замковой, «в качестве славянизма начинают выступать не только слова церковнославянского происхождения, но и древнерусские и иные слова, уже устаревшие к середине XVIII в., но сохранившие свою приподнято-торжественную окраску» [10. С. 122], например, слова *сей, оный, тако, есть, суть*, употреблявшиеся в древнерусском языке, но к петровскому времени вышедшие из живой речи и ставшие элементами книжной письменности.

Наиболее распространенными славянизмами в договоре являются местоимения *сей, оный*, которые широко используются на протяжении всего текста: *во время сея войны* (ст. 2), *что ко оным зависит* (ст. 4), *до сего времени имѣли* (ст. 4), *за оною чрез сеи мир останется* (ст. 8) и т.д.

Остальные славянизмы употребляются ограниченно: *такожде* (13 раз), *так* (12), *понеже* (6), по пять раз *есть, якоже*, трижды *паче, дабы, паки*, дважды *вкупѣ, токмо, суть, како, инде, яко*, по одному разу *купно, якобы, ибо, елико, никако* и т.д. Например: *и тако мир между оными и короною Свеискою формальным трактатом вкупѣ с сім нынѣ возобновлен быть не может* (ст. 15); *не токмо паки возвращены и очищены быть, но такожде им свободно да будет* (ст. 17).

Употребление славянизмов в большинстве случаев перемежается с использованием русизмов. В тексте регулярно отмечаются случаи конкуренции типа *дабы – чтоб; такожде – також; како, яко – как; тако – так; елико – сколько(ко)*, ср.: *елико* им возможно (ст. 1) – *сколько* возможно (ст. 13), *сколь* скоро возможно (ст. 16); *так* и таковым образом (ст. 2) – *так* и таковым образом (ст. 4); *о том мыслили, како тому до сего времени бывшему кровопролитію окончаніе учинить и землѣ разорительное сло как наискорѣя прекратить* (Ратификация. С. 3).

Морфологические славянизмы и неполнознаменательная лексика создают многочисленные вкрапления в разговорную основу текста и способствуют его окнижению, олитературиванию. Реже ту же функцию выполняют знаменательные слова, например пары *страна – сторона, плен – полон*: *Обѣ Высокіе договаріваючыяся страны* (ст. 1) – *обѣ Высокодоговаріваючыяся стороны* (ст. 12), *в полону* (ст. 12) – *из плѣну* (ст. 14).

Олитературивание создается и минус-приемом – избеганием в тексте форм, которые, видимо, считались приказными. Так, примечательной чертой текста договора стало использование для оформления условных отношений только союза *ежели*. Часто употреблявшийся в петровских указах наряду с ним союз *буде*, унаследованный из приказной деловой письменности, в тексте договора отсутствует.

К числу славянизмов обычно относят распространившиеся с петровского времени прономинализированные слова типа *вышепомянутый*. Такие слова не являются славянизмами в полном смысле этого слова: это европейские кальки, образованные по славянским моделям. В тексте договора встретились четыре адъектива с анафорическим значением: *вышепомянутый, помянутый, настоящий, следующий*.

Слово *вышепомянутый* соответствует немецким словам с элементом *ob-/ober-*, активно использовавшимся в немецких деловых текстах: *послѣ вышеупомянутого времени* – *nach obgesetzter Zeit* (ст. 3), *на всѣ вышепомянутые Провинціи* – *auff alle oberwehnte Provintzien* (ст. 4). Ср. в словаре Аделунга: *Obgedacht, Obgemeldet, Obgenannt* ‘вышепомянутый, вышеобъявленный, вышереченный’ [11. Ч. 2. С. 161]; *Oberwähnt* ‘вышепомянутый’ [11. Ч. 2. С. 161].

Слово *помянутый* соответствует различным немецким адъективам с анафорическим значением, широко использовавшимся в немецких документах, но без элемента *ob-/ober-*: к *помянутым* Провінціям – *zu ermeldten Provintzien* (ст. 4), *чрез помянутую Редуцію* – *durch erwehnte Reduction* (ст. 11), *помянутых подданных* – *besagter Unterthanen* (ст. 11), *в помянутых их требованіях* – *in gedachten ihren Forderungen* (ст. 12), *помянутой земли и мѣст* – *jetztgedachten Ländes und Oerter* (ст. 13).

Калькированный характер имеют адъективы *настоящий* и *следующий*: *настоящему заключенію Мира* – *gegenwärtigem Friedens-Schlusse* (ст. 3) (ср.: *Gegenwärtig* ‘2) настоящий, теперешний, нынешний’ [11. Ч. 1. С. 648]); *о слѣдующемъ всегда пребываеомъ вѣчномъ заключеніи мира* (Ратификация. С. 4) – *des nachfolgenden immerwährenden ewigen Friedens-Schlusses* (Friedens-Vertrag. S. 5), *границы слѣдующіе быть и остатся имѣютъ* – *die Gränztze folgende seyn und bleiben sollen* (ст. 8) (причастия от глаголов *folgen, nachfolgen* ‘следовать’).

Кроме того, калькированный характер имеют фразеологизмы с местоименным значением ‘любой, всякий’: *wie sie auch Nahmen haben mögen* – *какого званія оныѣ нѣбыли* (ст. 3), *wie sie Nahmen haben mögen* – *какоеб имя ни имѣли* (ст. 13).

Круг заимствованных слов в тексте договора широк. В связи с этим следует отметить, что немецкий текст договора неоднороден в языковом отношении: в соответствии с особенностями немецкого дипломатического языка того времени он включает в свой состав не только немецкие слова, но также латинские и французские термины и дипломатические формулы, набранные другим шрифтом.

Переводчики договора на русский язык в одних случаях переводили термины на русский язык, в других случаях их транслитерировали, часто сопровождая глоссами. В тексте договора (включая текст преамбулы и ратификации) использовано 70 маргинальных глосс (в сборниках петровских указов XVIII в. глоссы в тексте договора воспроизводились, однако позже при его переиздании глоссы стали опускаться). Такое обилие глосс указывает на то, что, с одной стороны, переводчики договора старались максимально точно следовать исходному немецкому тексту, включая в перевод многочисленные заимствования, однако, с другой стороны, опубликованный текст предназначался широкому кругу читателей и потому нуждался в многочисленных пояснениях.

Почти всегда использованные глоссы стоят в той же форме, что и поясняемое слово. Например: *по размѣнѣ Ратификаціи о сем Мирном Трактатѣ* (ст. 5) – глосса: *Договорѣ*; *о Комерціи сім себѣ выговорил* (ст. 6) – глосса:

Купечество. Трижды глосса дается в исходной словарной форме: как честным *Васаллам* и подданным надлежит поступать (ст. 12) – глосса: **Знатныя подданныя**. На десятой странице договора три глоссы подряд (видимо, по недосмотру издателей) вводятся при помощи союза *то есть*: *А в Лан-марках остается граница* (ст. 8) – глосса: **То есть в Лопорской землѣ**.

Примечательной особенностью употребления глосс является то, что они могут быть даны в тексте неоднократно. Так, слово *лен* (*Lehn*) глоссируется трижды словом *уезд*. Дважды глоссируются слова и сочетания *вассалы* (*Vasallen*) – **знатные подданные**; *сепаратный артикул* (*separaten Artikel*) – **особливая статья**; *конгресс* (*Congress*) – **съезд**; *нация* (*Nation*) – **народ**; *зюйд* и *ост* – **юг и восток**. Дважды глоссирован глагол *трактовать*, хотя и в разных формах: *трактовать* – **договариваться**, *трактовано* – **договаривано**.

Глоссы к одним и тем же словам могут не совпадать. Так, дважды глоссируется слово *ратификация* (*Ratification*), встретившее в тексте восемь раз, но две глоссы к нему не совпадают, ср.: *по размѣнѣ Ратификацеи* (ст. 3) – глосса: *Подтверждение договора, которая [...] чинится за подписаніем саміх Государей*; **Ратификаціи о сем мирном Инструментѣ** (ст. 24) – глосса: *Подтвержденные грамоты*. По-разному глоссируется прилагательное *публичный*: на с. 13 как *государственный*, на с. 15 как *явственный*. Обращение к немецкому тексту показывает, что прилагательное *публичный* использовано для перевода разных слов; ср.: на *публічныя... маетности* – *auff einige publique... Land-Güter* (ст. 12) (глосса **Государственные**); *публічними указами о сем публіковать и объявить изволят* – *durch öffentliche Edicta solches publiciren und bekant machen lassen wollen* (ст. 14) (глосса **Явственными**). Во втором случае глосса обращена к слову не только в русском тексте, но и в немецком, передавая смысл немецкого слова на русский язык.

Впрочем, так происходит не всегда. Например, слово *трактат* глоссируется словом *договор* в первый и единственный раз (ст. 5), однако далее не поясняется. Любопытно, что слово *договор* используется в качестве глоссы и к слову *контракт* (ст. 12). Слово *амнистия* толкуется через слово *забвение* (ст. 2) и далее не глоссируется (ст. 12), слова *архивы* и *документы* глоссируются как *канцелярийские писма и дела и доказательства* (ст. 4) и далее не поясняются (ст. 12, 13). Слово *гавен* (*Hafen*) имеет глоссу *пристань* в ст. 17, но не имеет ее (видимо, по недосмотру) при первом упоминании в ст. 4, аналогично глагол *претендовать* (*pretendiren*) глоссируется словом *взыскивать* в ст. 12 и не глоссируется в той же статье выше.

Большинство глосс в тексте употреблено по одному разу; собранные вместе, они образуют маленький словарь иностранных слов. Приведем некоторые из них: *фарватер* – **проход водяной** (ст. 4), *сумма* – **число** (ст. 5), *комерция* – **купечество** (ст. 6), *форма* – **образ** (ст. 7), *магистраты* – **гражданские правительства** (ст. 9), *редукция* – **отписка вотчин** (ст. 11), *патент* – **объявительная грамота** (ст. 11), *неутральный* – **не в войне обретающийся** (ст. 12), *капиталь* – **истинные денги** (ст. 12), *претензии* – **иски** (ст. 12), *партикулярные персоны* – **кто из жителей** (ст. 12), *контрибуции* –

поборы (ст. 13), пропорциональный – правомерный (ст. 14), публиковать – народно извещать (ст. 14), кондиции – уговоры (ст. 15), итурм – буря (ст. 18), характер – чин (ст. 20), со свитою – с людьми (ст. 20), инструмент – мирная запись (ст. 24) и т.д.

К приведенному списку следует сделать два замечания. Во-первых, в ст. 13 во фразе *все болшее и мѣлкое оружіе и ко оному приналежащее, Аммуницію, магазіны и инья воинскія припасы, какоеб имя ни имѣли... взять и вывести* глоссируются два слова: к первому из них дана глосса *Воинскія припасы*, ко второму – *Потребности*. Можно предположить, что последняя глосса должна была относиться к слову *магазин*, а не *припасы*, которое к тому же использовано в составе первой глоссы. Во-вторых, в тексте договора глоссируется слово *документ*, которое отсутствует в немецком тексте – ему соответствует *Urkunde* ‘письменное свидетельство, документ, доказательство, записка’ [11. Ч. 2. С. 768]: *по силѣ объявленія своїх доказателств, писем и документов – mittelst Vorzeigung seiner Beweizthümer / Brieffschafften und Urkunden* (ст. 12); *какія архівы, документы и писма – einige Archiven, Urkunden und Brieffschafften* (ст. 13). Это свидетельствует о том, что слово *документ* в русском тексте не является результатом транслитерации.

Обращает на себя внимание также и тот факт, что целый ряд слов, глоссированных в тексте договора, уже был известен в русском языке. Так, были известны слова *архив* (с 1719 г. [12. Вып. 1. С. 99]), *вассал* (с 1712 г. [12. Вып. 2. С. 219]), *документ* (с 1708 г. [12. Вып. 6. С. 190]), *ратификация* (с конца XVII в., из польского языка, ср. *ratyfikacja* [13. С. 119]), *секвестр* (через польский язык не позже 1713 г. [14. С. 84–85]), *трактат* (с 1660-х гг., из немецкого языка, ср. *Traktat* [13. С. 115–116]), *трактовать* (с конца XVII в., из польского языка, ср. *traktować* [15. С. 63–64]), *характер* (с 1690-х гг. [16. С. 196–199]) и мн. др. (целый ряд глоссированных слов встречается, например, в (КУ): *кондиция*, *партикулярный*, *персона*, *публичный*, *сумма* и др.). Их глоссирование – прямое следствие того, что текст договора был обращен широкому кругу читателей, которые вполне могли не знать ни этих слов, ни их значений.

Иностранная терминология, в том числе дипломатическая, не только транслитерировалась, но и переводилась при наличии в русском языке более или менее подходящих аналогов.

В одних случаях перевод на русский язык осуществлялся при помощи русских слов. Так, слово *Successor* передается как *наследник* (ст. 1, 4, 8), *hohe paciscirende Theile* – *высокіе договаріваючыся страны* (ст. 1), *directe oder indirecte* – *прямым или посторонним образом* (ст. 1), *Hostilitäten* – *неприятелства* (ст. 3), *mit Habitationen* – *с поселеніями* (ст. 4), *incorporiret* – *приєднаніи* (ст. 4), *concerniren* – *касаются* (ст. 4), *in denen Terminen* – *в такіе сроки* (ст. 5), *specialiter authorisirte* – *имянно уполномоченных* (ст. 6), *intendiret* – *вознамірено* (ст. 7), *ernstliche Intention* – *ревностное наміреніе* (ст. 8), *einige Ombrage* – *нікакого підозрѣнія* (ст. 8), *in der Distance von* – *в разстояніи* (ст. 8), *in perpetuum cediren* – *вѣчно уступаєт* (ст. 8), *exerciret* –

отправлена (ст. 10), *intra oder extra Territorium* – внутри или вне земли (ст. 11), *Proprietarii* – помѣщики (ст. 12), *legitimiret haben wird* – удостовѣрят (ст. 12), *ihre Hypothequen* – своими закладами (ст. 12), *restituiren* – возвращает (ст. 13), *à Dato* – от числа (ст. 13), *trouppen* – воіскам (ст. 13) и мн. др.

В других случаях передача происходит при помощи уже освоенных заимствований, число которых оказывается достаточно велико: *in einer geraden Linie* – прямою линією (ст. 8), *bey dem General-Gouvernement* – у Генералного губернамента (ст. 12), *von Publicirung* – от публикованія (ст. 12), *an proviant und fourage* – правіантом и фуражем (ст. 13), *bagage von der armée* – багажу Армеіского (ст. 13), *Commercien* – Коммерции (ст. 16), *der Privilegien* – привілегиу (ст. 16), *die Schwedische Losung* – шведскоу Лозунг (ст. 19), *durch ... Commissarios* – чрез ... Коммиссаров (ст. 22), *von beyderseits Ministres Plenipotentiaires* – с обоіх стран от Полномочных Міністров (ст. 24) и пр.

В подтверждение сказанного об освоенности некоторых заимствований приведем следующие примеры: 1) *sowohl insgemein/als jedesmahl insonderheit* – так **Генерално**, как на каждое время (ст. 20), где наречие *insgemein* ‘обыкновенно’ [11. Ч. 1. С. 855] переведено при помощи заимствования **генерално**; 2) *in der Güte gehandelt und conveniret werden soll* – добродѣтельно **трактовано** и соглашенось быть имѣет (ст. 21), где глагол *handeln* ‘переговоры с кем иметь’ [11. Ч. 1. С. 754] переведен заимствованием **трактовать**.

В некоторых случаях переводчики сокращали фразы при переводе, например: *alle Hostilitäten und Feindseligkeiten* – всѣ **непріятельскія поступки** (ст. 15), так как *Hostilität und Feindseligkeit* имели разное происхождение, но один смысл. Аналогичным образом переводчики поступают при переводе *ohne einige Ausnahme und Restriction* – без всякаго **изъятія** (ст. 12), *defraiyrung der Gesandten gänzlich cessiren und aufhören* – свободное содержаніе Послов весьма **перестало** (ст. 20).

Если русское слово не полностью покрывало значение переводимого понятия, вводились дополнительные слова, например: *promte und gleiche Justice* – **скорой суд и справедливостъ** (ст. 12). Слово *Justice* имеет значения ‘суд’, ‘судопроизводство’ и ‘справедливость, законность’, последнее значение отсутствовало в слове **суд**, поэтому переводчики были вынуждены ввести слово **справедливостъ** (опустив тавтологичное определение *gleich* ‘равный’). Аналогичны, по-видимому, случаи *mit allen Appertinentien und Dependentionen* – со **всѣми принадлежностями и что ко оным зависѣт** (ст. 4) и *renunciiren* – **отступает и отрицается** (ст. 4), где переводчики не нашли однословных эквивалентов к словам *Dependention* и *renunciiren*.

Иногда использованное при переводе русское слово невозможно понять, если не обратиться к немецкому тексту, ср.: *Privilegien, Gewohnheiten/ Rechten und Gerechtigkeiten* – **привіліях, обыкновеніях, правах и справедливостях** (ст. 9). Слово **справедливостъ** является калькой нем. *Gerechtigkeit*, но употреблено в непривычном значении; в данном случае оно имеет значение ‘право, привилегія’ [11. Ч. 1. С. 668] (ср. иллюстрацию этого значения в словаре И.К. Аделунга: «Eine Stadt hat viele Gerechitigkeiten, город имеет много прав»).

Синтаксические особенности

Синтаксис русского текста договора обнаруживает тесную связь с синтаксисом немецкого источника. Продемонстрируем это на примере небольшого по объему текста 22-й статьи:

Немецкий текст	Русский текст
22. <i>Wann auch inskünfftige zwischen beiderseits Reiche und Unterthanen einige differentien und Zwistigkeiten sich hervor thun möchten/ so soll dieser ewige Frieden-Schluß dennoch bey seiner völligen Krafft und Würckung bleiben/ die differentien und Zwistigkeiten aber durch beyderseits dazu benennete Commissarios ohnverzüglich untersucht und nach der Billigkeit abgethan und beygelegt werden.</i>	22. <i>И хотябъ впредь, междо обоими Государствами и подданными, какіе ссоры и несогласія произошли: то однакожь имѣетъ сіе заключеніе вѣчного мира, въ совершенной силѣ и деіствѣ пребыть. А ссоры и несогласія чрезъ назначенныхъ къ тому съ обоіхъ странъ Коммиссаровъ, немедленно разысканы и по справедливости окончаны и успокоены бытъ.</i>

Обращает на себя внимание то, что порядок слов в русском тексте полностью копирует немецкий порядок слов. Особенно отчетливо следование русского текста немецкому обнаруживается в постановке предикатов в конце предикативных отрезков, что свойственно немецкому синтаксису, но не характерно для русского. В приведенном фрагменте это глаголы и глагольные группы *sich hervor thun möchten* – произошли, *bleiben* – пребыть, *abgethan und beygelegt werden* – окончаны и успокоены бытъ. Схожую картину дают другие фрагменты договора: положение русских предикатов во фразах в целом соответствует положению немецких предикатов.

Копирование немецкого синтаксиса ощущается в употреблении разнообразных глагольно-именных оборотов, которые повторяют соответствующие обороты немецкого текста. В приведенном выше фрагменте, например, *bey seiner völligen Krafft und Würckung bleiben* – въ совершенной силѣ и деіствѣ пребыть (устойчивое сочетание *Krafft und Würckung* представлено также в ст. 5). Таких примеров много и в других частях текста.

Примечательной чертой русского текста договора – на фоне других русских деловых текстов эпохи – является редкость употребления союза *a* с присоединительным оттенком. Всего союз *a* употреблен около 20 раз (в том числе дважды в составе союза *a именно*, соответствующего немецкому союзу *nemlich*), пять случаев из них приходится на 8-й пункт договора, где описывается будущая линия границы между государствами: союз *a* в этом случае соответствует немецкому *und* в том же значении. Ср.: *...und folget diese uhralte Gräntze nach Norden hinauff acht Meilen; Und von da gehet sie in einer geraden Linie durch Kexholms-Lehn biß an den Ort/wo die See Porojerwy – И послѣдуетъ сія старинная граница къ Сѣверу вверхъ восемь миль, а оттуды идетъ оная прямою линіею, чрезъ Кеѣгольмской Ленъ даже до того мѣста, гдѣ озеро Пороервиі.* Между тем широкое употребление присоединительного союза *a* отмечается в деловых текстах вплоть до конца XVIII в.

Опасаясь изменить смысл текста, авторы перевода с немецкого языка на русский скрупулезно переводили не только полнозначную, но и служебную лексику – союзы, частицы, разного рода конкретизаторы и интенсификаторы, модальную лексику. Немецкому *wann* в переводе соответствует *когда* или *ежели*, *nachdem* – *понеже*; *als* – *как, яко, понеже*; *auch* – *также*, *также*, *и*; *gleichwohl* – *однако*, *wieder* – *наки*, *uberdem* – *сверх того* и т.д. Например:

wann es möglich ist – *ежели возможно* (ст. 5), *wann selbige eine Ihro Königl. Majest. zugehörige Festung vorbeý seglen* – *когда оные мимо Его Королевскаго Величества принадлежащей крепости пойдут* (ст. 19), *welches gleichwohl nicht von denen Jahren verstanden werden muß* – *что однакоже не о тех летех разумѣтся имѣет* (ст. 6), *die sämtliche Einwohner der Provintzien Lieff- und Estland/ wie auch Oesel* – *всѣ жители провинцией Лифляндскія и Эстляндскія, также и острова Эзеля* (ст. 9) и пр.

Представлено и семантическое калькирование в служебной лексике, например, при переводе нем. *Krafft* – *по силе* ‘в соответствии, согласно’: *krafft der in dem vorhergehenden andern Artickul verabredeten und festgestellten Amnestie* – *по силѣ предшествующаго втораго Артикула договоренной и постановленной Амнистии* (ст. 4); *gleicher gestalt* – *таким образом*: *Gleicher Gestalt sollen auch* – *Таким же образом имѣют* (ст. 12); *ohngeachtet* – *несмотря на*: *aller Schwedischer Seits geschehenen Vorstellungen ohngeachtet* – *не смотря на всѣ съ Свѣискія страны учиненныя представленія* (ст. 2).

Императивные конструкции в договоре представлены двумя тематическими группами: во-первых, комиссивами-обещаниями, выражающими намерение и желание договаривающихся сторон взять на себя обязательство (обязательный характер таких обещаний регулируется принципом *Pacta sunt servanda*); во-вторых, конструкциями со значением предписания, запрета и разрешения, являющимися разными формами принуждения адресата к действию.

Первая группа выражена в договоре конструкциями *хотеть* и *иметь* (+ инф.) (нем. *wollen und sollen*), *обязаться* и *обещать* (+ инф.) (нем. *verbinden und versprechen*), *хотеть* и *обещать* (+ инф.) (нем. *wollen und versprechen*), *обещать* (+ инф.) (нем. *versprechen*), *изволить* (+ инф.) (нем. *wollen*) и др., которые в русском тексте имеют в основном калькированный характер (из перечисленных конструкций в договоре с персидским шахом от 1723 г. представлена только конструкция с глаголом *обещать*). Например: *Überdem wollen Ihro Czar. Maj. gehalten seyn/ und versprechen ...die Summa von zwey Millionen Reichs-Thaler ...bezahlen und liefern zu lassen* – *Сверх того хочет Его Царское Величество обязан быть и обѣщает ...Сумму Двух Миліонов Ефимков ...заплатить и отдать указать* (ст. 5); *...beyde hohe paciscirende Theile in ihren Ländern durch öffentliche Edicta solches publiciren und bekant machen lassen wollen* – *...обѣ высокодоговаривающіяся стороны в своих землях публичною указами о сем публиковать и объявить изволят* (ст. 14).

Среди конструкций второго типа наиболее частотна модель со значением предписания *иметь* (+ инф.), встретившаяся в тексте договора 45 раз. Эта модель обычно соответствует немецкой конструкции *sollen* (+ Inf.) (ст. 1–6, 8, 11–19, 21–24) и, по-видимому, представляет собой полонизм в языке петровского времени (см. об этом [17. С. 22–25]).

Es soll ferner beyderseits eine allgemeine Amnestie und ewige Vergessenheit alles dessen seyn/ was... – Имѣет еще с обоѣх стран Генералная Амністія и вѣчное забвеніе всего того быть, что... (ст. 2); *daß won nun an zu ewigen Zeiten zwischen beyde Reiche die Gräntze folgende seyn und bleiben sollen* – что от сего числа в вѣчные времена между обоими Государствами границы слѣдующіе *быть* и *остатся имѣют* (ст. 8).

Конструкция *иметь* (+ инф.) могла соответствовать немецкой конструкции *mögen* (+ Inf.): *jedoch/ daß in selbigen die Griechische Religion hinführo ebenfals frey und ohngehindert exerciret werden könne und möge* – однакож во оных и вѣра Греческаго исповѣданія впредь також свободно и без всякаго помѣшательства *отправлена быть может* и *имѣет* (ст. 10).

В некоторых случаях конструкции *sollen* (+ Inf.) в русском переводе соответствует форма будущего времени: *Dahingegen es ihnen/ wann sie den gewöhnlichen Huldigungs-Eyd abgelegt/ ohnweigerlich erlaubet und zugelassen seyn soll/ aus dem Lande zu reisen* – Протів тогоже им, когда они обыкновенную присягу учинят, безпрекословно *допущено* и *позволено будет* из земли *выѣзжать* (ст. 12).

Исследователи отмечают широкое распространение модели «*иметь* + инфинитив» для «выражения предписываемых договором обязательств» в Петровскую эпоху и «в позднейших дипломатических документах» [18. С. 12–13].

Другие модели со значением предписания встречаются редко: *обязан* (6 раз), *должен* (3 раза), *надлежит* (1 раз) в сочетании с инфинитивом: *...ohne ein mehrers davon abzutragen/ als sie nach denen Landes-Statuten schuldig und verbunden seyn können* – ...не платя с того нічего болше, как они по своїм земскім уложеніям *должны* и *обязаны* быть могут (ст. 12); *Überdem wollen Ihro Czar. Maj. gehalten seyn/ und versprechen ... bezahlen und lieffern zu lassen* – Сверх того *хочет* Его Царское Величество *обязан* быть и *обѣщает* ...заплатить и *отдать* *указать* (ст. 5); *...als es treuen Vasallen obliegt und gebühret* – ...как честным Васаллам и подданным *надлежит* *поступить* (ст. 12); *...Sr. Czarischen Maj:t zu huldigen/ und Deroselben würckliche Unterthanen zu seyn/ schuldig und gehalten seyn* – ...имѣют быть *должны* и *обязаны* Его Царскому Величеству присягу учинить, и Его дѣйствительными подданными быть (ст. 12); *...sie alsdann sollen gehalten seyn/ die Schwedische Losung zu schiessen* – ...то оные *должны будут* свѣйскою Лозунг стрѣлять (ст. 19).

В одних случаях употребление в русском тексте модальных операторов *должен* и *обязан* производится в соответствии с немецким текстом: первому соответствует *schuldig*, второму – *verbunden*. Однако при переводе нем. *gehalten* («повинен, обязан» [11. Ч. 1. С. 750]) недифференцированно используются и *должен*, и *обязан*.

Запрет в договоре выражается при помощи моделей *не иметь, не мочь, запрещаться* в сочетании с инфинитивом: ...*auch denen trouppen bey harter Straffe verboten seyn/ bey ihren Abzuge einige Bedienten von der Finnischen Nation gegen ihren Willen/ aber gar keine Finnische Bauers-Leuthe von dort mit sich wegzuführen* – ...також и воіскам под жестокім наказаніем **запрещено быть имѣет** при их выходе какихъ служителей из Финской Націи противъ их воли, а весьма никакіхъ финскихъ крестьян оттуды с собою вывозитъ (ст. 13); *Es können aber solche Eigenthümer... nicht das geringste fodern noch prætendiren* – Но тѣ помѣщики **не могутъ**... нічого требовать и претендовать (ст. 12); ...*solches ihr Verhalten keinesweges künfftig soll zugerechnet* – ...тот их поступок **никакимъ образомъ** впредь **не имѣет** причтенъ быть (ст. 2).

Целый ряд операторов использован для выражения разрешения: *мочь, свободно, позволять(ся), допускать(ся), иметь свободу, иметь мочь, иметь мочь и свободу*, в сочетании с инфинитивом или отглагольным существительным. Например: *Dahingegen es ihnen/ wann sie den gewöhnlichen Huldigungs-Eyd abgelegt/ ohnweigerlich erlaubt und zugelassen seyn soll/ aus dem Lande zu reisen* – Противъ тогоже им, когда они обыкновенную присягу учинят, безпрекословно **допущено и позволено будетъ** из земли **выѣзжать** (ст. 12); ...*auff eben solche Art zu verfahren völlige Macht und Freiheit haben* – ... такимъ же образомъ поступать совершенную **мочь и свободу имѣть будутъ** (ст. 12); ...*jedennoch aber Sr. Czarischen Majest. frey stehen/ bey Evacuirung jetzgedachten Landes und Oerter/ alles grobe und kleine Geschütz ...wieder mitnehmen und abführen zu lassen* – Однакож Его Царскому Величеству **свободно будетъ** при испражненіи помянутой земли и мѣст все болѣе и мѣлкое оружіе... с собою взять и вывести (ст. 13); *Inzwischen aber können beydes die Schwedische und Reussische Unterthanen... ihren Handel frey und ohngehindert treiben* – А между тѣм **могутъ** обои Россійскіе и Свѣіскіе подданные...свои торги свободно и невозбранно отправлять (ст. 16); ...*der Privilegien und Vortheile im Commercio zu geniessen haben/ welche amicissimæ genti darin nen zugestanden und gegönnet werden* – ...таковыя привілегіи и пользы в своемъ купечествѣ получать, какія дружбебнѣишымъ народамъ во оныхъ **позволены** (ст. 16); ...*sondern ihnen auch frey gelassen werden/ in denen cedirten Städten und Hafen ebenfals dergleichen Handels-Häuser sich anzuschaffen und einzurichten* – ...но такожде имъ **свободно да будетъ** в уступленныхъ городѣхъ и гавеняхъ таковыя торговые дома себѣ получить и учредить (ст. 17).

Набор моделей с семантикой разрешения (особенно учитывая небольшой объем текста) очень разнообразен. В деловых текстах Петровской эпохи использовались модальные операторы *позволять(ся), реже позволять(ся), допускать(ся), мочь, давать(ся) на волю, вольно, волен, не запрещать(ся)* [19].

В тексте широко представлены различные интенсификаторы императивности, которые находят прямое соответствие в немецком тексте: *верно* – *treulich* (ст. 1), *getreulich* (ст. 4, 13); *allerdings* – *всемѣрно* (ст. 2), *весьма* (ст. 8, 12), *wo möglich* – *если возможно* (ст. 3, 24), *ohnverweilet* – немедленно

(ст. 3), *ohnweigerlich* – *безспорно* (ст. 3, 11–13), *безпрекословно* (ст. 12), *gäntzlich* – *весма* (ст. 3, 4, 13, 15, 20), *ohngesäumt* – *немедленно* (ст. 12) и пр. Калькированный характер имеет и необычное для русских деловых текстов сочетание *так(о) и таковым образом* – нем. *also und dergestalt* (ст. 2, 4, 5, 8), характерное для немецких деловых текстов.

Наблюдения над особенностями синтаксиса русского текста приводят к выводу о том, что он испытывает сильное влияние исходного немецкого текста, вместе с тем при переводе модальных конструкций используется ряд полонизмов (*позволять(ся)*, *допускать(ся)*, *иметь* + инф.).

Выводы

1. Русский текст Ништадтского мирного договора содержит явные признаки переводного характера. В тексте представлены многочисленные заимствования из немецкого языка на лексическом и синтаксическом уровне. Стремясь сохранить смысл немецкого текста договора, русские переводчики старались дословно перевести его на русский язык.

2. Такой подход к тексту источника обусловил широкое использование глосс: при издании русского печатного текста он был снабжен многочисленными глоссами (64 глоссы в основном тексте договора, 3 – в преамбуле к договору и 3 – в ратификации). Вместе с тем далеко не вся заимствованная лексика в русском тексте договора сопровождается глоссами – отчасти по недосмотру, но в большей степени отражая факт освоенности широкого пласта заимствований к моменту заключения договора.

3. Активное глоссирование русского текста договора является показателем его направленности на широкий круг читателя. В пользу этого говорит и тот факт, что глоссами снабжаются слова, давно вошедшие в русский деловой язык, которые, однако, могли быть неизвестны простому читателю.

4. Морфологические особенности русского текста в целом соответствуют деловым текстам Петровской эпохи: в нем отсутствуют книжные претериты, представлено морфологическое варьирование именных форм. Однако вариативные ряды не содержат или почти не содержат тех форм, которые ассоциировались с предшествующей приказной эпохой (окончание -у существительных мужского рода в род. п. и пр. п. ед. ч., окончание -ова прилагательных м. р. в род. п. ед. ч., финаль -тца у возвратных глаголов).

5. Перечисленные особенности позволяют сделать вывод, что переводчики стремились сохранить речевую основу текста, близкую к разговорной, очистив ее от приказных элементов и введя в нее некоторые «слабые» приметы книжности (морфологические славянизмы типа окончаний -аго, -ья, славянизмы в области неполнозначной лексики). Элементы книжности, вводимые в текст договора, были отражением как установки властей на повышение своего социокультурного статуса в обществе, так и ценности содержания Ништадтского мирного договора, завершившего тяжелейшую Северную войну.

Источники примеров

КУ – Копии ЕГО ЦАРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА Указов состоявшихся. В 1719, и в 1720 Годех. В Санктпитебурхе, в Правительствующем Сенате, собраны, и напечатаны. Июня в 28 день, 1721 Году. 451, 40 с.

Ратификация – Ратификация королевского величества шведского, на трактат вечного мира, учиненной с его царским величеством в Ништадте, со внесением всего одного трактата. [СПб.] : Печатана в Санктпитебургской типографии, 5 октября 1721. 24 с.

Friedens-Vertrag – Friedens-Vertrag/ zwischen ihro königl. Maj. unsern allergnädigsten König Friedrich den Isten und das Königreich Schweden ab der einen, und seiner czarischen Majestät/ Peter den Isten und das Reussische Reich/ ab der andern Seite/ abgehandelt und geschlossen zu Neustad im Gross-Fürstenthum Finnland/ den 30. Augusti. Und ratificiret den 9. Sept. im Jahr nach der Geburt Christi 1721. Freds-fördrag/ emellan hans kongl. maj:t vår allernädigste konung Friedrich den Iste och Sweriges rike/ å den ena, samt hans czariske maj:t/ Peter den Iste och ryska riket å den andra sijdan afhandlat och slutit uti Nystad i storfürstendömet Finland den 30 aug. Samt ratificerat den 9 sept. år effter Christi börd 1721. Med hans kongl. maj:tz allernädigste privilegio. Stockholm/ Tryckt hos J.L. Horn, kongl. ant. arch. boktr. 40 s.

Список источников

1. Дегоев В.В. Дипломатическая Полтава. Был ли Ништадтский мир обречен на успех? // Свободная мысль. 2021. № 6. С. 115–128.

2. Никифоров Л.А. Внешняя политика России в последние годы Северной войны: Ништадтский мир. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1959. 498 с.

3. Анисимов Е.В. Война и мир Петра Великого // Вестник МГИМО-Университета. 2021. Т. 6, № 14. С. 7–29.

4. Павленко Н.И. Петр Великий. М.: Мысль, 1994. 591 с.

5. Лебедева О.В. Ништадтский мир и его роль в становлении российской государственности в период с 1721 по 1917 гг. // Вестник МГИМО-Университета. 2021. Т. 6, № 14. С. 49–70.

6. Ларина Я. Российско-шведская дипломатическая коммуникация в петровское время: хроника выбора рабочего языка // Quaestio Rossica. 2023. Т. 11, № 4. С. 1196–1214. doi: 10.15826/qr.2023.4.842

7. Майоров А.П. Очерки лексики региональной деловой письменности XVIII века. М. : Азбуковник, 2006. 261 с.

8. Майоров А.П. Славянизмы в деловом языке 1-й половины XVIII века // Филологические науки. 2009. № 4. С. 29–36.

9. Винокур Г.О. О славянизмах в современном русском литературном языке // Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. М. : Учпедгиз, 1959. С. 443–459.

10. Замкова В.В. Славянизмы в деловом языке середины XVIII века // Очерки по истории русского литературного языка и литературы XVIII века (Ломоносовские чтения). Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1969. Вып. 2–3. С. 121–129.

11. Полный немецко-русский лексикон, из большого грамматично-критического Словаря господина Аделунга составленный, с присовокуплением всех для совершенного познания Немецкого языка нужных словоизречений и объяснений; издано Обществом Ученых людей. В 2 ч. В Санктпитебурге: печатан в Императорской типографии, у Ивана Вейтбрехта, 1798. Ч. 1. 1798. X, 1048 с. Ч. 2. 1798. 1060 с.

12. Словарь русского языка XVIII века / гл. ред. Ю.С. Сорокин. Л. : Наука, 1984–1991. Вып. 1–6; СПб. : Наука, 1992–2019. Вып. 7–22.

13. Сергеев Ф.П. Вхождение терминов-европеизмов в русский дипломатический язык XVIII в. // Грани познания. 2012. № 5 (19). С. 115–120.

14. Шацкая М.Ф. Нота, ультиматум, санкции... // Русская речь. 2002. № 3. С. 82–85.
15. Шацкая М.Ф. Говорка ... переговоры. Русская дипломатическая лексика // Русская речь. 2005. № 6. 62–65.
16. Сергеев Ф.П. Русская дипломатическая терминология XI–XVII вв. Кишинев : Картя молдовеняскэ, 1971. 219 с.
17. Besters-Dilger J. Модальность в польском и русском языках (Историческое развитие выражения необходимости и возможности как результат вне- и межславянского влияния) // Wiener Slavistisches Jahrbuch. 1997. Vol. 43. P. 17–31.
18. Шердакова Л.Н. Синтаксические особенности языка дипломатических документов конца XVII – начала XVIII вв. : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л. : [Ленингр. гос. пед. ин-т им. А.И. Герцена], 1960. 20 с.
19. Руднев Д.В., Борисова Т.Ю. Средства выражения разрешения в деловой речи XVIII века // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 2: Филология. С. 9–20. doi: 10.25205/1818-7919-2023-22-2-9-20

References

1. Degoev, V.V. (2021) Diplomaticeskaya Poltava. Byl li Nishtadtskiy mir obrechen na uspek? [Diplomatic Poltava. Was the Treaty of Nystad Doomed to Success?]. *Svobodnaya mysl'*. 6. pp. 115–128.
2. Nikiforov, L.A. (1959) *Vneshnyaya politika Rossii v poslednie gody Severnoy voyny: Nishtadtskiy mir* [Russia's Foreign Policy in the Last Years of the Northern War: The Treaty of Nystad]. Moscow: USSR AS.
3. Anisimov, E.V. (2021) Voyna i mir Petra Velikogo [War and Peace of Peter the Great]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. 14 (6). pp. 7–29.
4. Pavlenko, N.I. (1994) *Petr Velikiy* [Peter the Great]. Moscow: Mysl'.
5. Lebedeva, O.V. (2021) Nishtadtskiy mir i ego rol' v stanovlenii rossiyskoy gosudarstvennosti v period s 1721 po 1917 gg. [The Treaty of Nystad and its Role in the Formation of Russian Statehood in the Period from 1721 to 1917]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. 14 (7). pp. 49–70.
6. Larina, Ya. (2023) Rossiysko-shvedskaya diplomaticeskaya kommunikatsiya v petrovskoe vremya: khronika vybora rabochego yazyka [Russian-Swedish Diplomatic Communication in the Time of Peter the Great: A Chronicle of the Choice of the Working Language]. *Quaestio Rossica*. 4 (11). pp. 1196–1214. doi: 10.15826/qr.2023.4.842
7. Mayorov, A.P. (2006) *Ocherki leksiki regional'noy delovoy pis'mennosti XVIII veka* [Essays on the Lexicon of Regional Business Writing of the 18th Century]. Moscow: Azbukovnik.
8. Mayorov, A.P. (2009) Slavyanizmy v delovom yazyke 1-y poloviny XVIII veka [Slavicisms in the business language of the first half of the 18th century]. *Filologicheskie nauki*. 4. pp. 29–36.
9. Vinokur, G.O. (1959) *Izbrannye raboty po russkomu yazyku* [Selected Works on the Russian Language]. Moscow: Uchpedgiz. pp. 443–459.
10. Zamkova, V.V. (1969) Slavyanizmy v delovom yazyke serediny XVIII veka [Slavicisms in the business language of the mid-18th century]. In: *Ocherki po istorii russkogo literaturnogo yazyka i literatury XVIII veka (Lomonosovskie chteniya)* [Essays on the history of Russian literary language and literature of the 18th century (Lomonosov readings)]. Vols 2–3. Kazan: Kazan State University. pp. 121–129.
11. Adelung, F.P. (1798) *Polnyy nemetsko-rossiyskoy leksikon, iz bol'shago grammatikal'no-kriticheskogo Slovarya gospodina Adelunga sostavlennyy, s prisovokupleniem vsekhn dlya sovershennago poznaniya Nemetskago yazyka nuzhnykh slovoizrecheniy i ob'yasneniy* [Complete German-Russian Lexicon, Compiled from the large grammatical-critical Dictionary of Mr. Adelung, with the addition of all the necessary expressions and explanations for a

complete knowledge of the German language]. Parts 1–2. Saint Petersburg: Imperatorskaya tipografiya, u Ivana Veytbrekhta.

12. Sorokin, Yu.S. (ed.) (1984–2019) *Slovar' russkogo yazyka XVIII veka* [Dictionary of the Russian Language of the 18th Century]. Vols 1–22. Leningrad; Saint Petersburg: Nauka.

13. Sergeev, F.P. (2012) Vkhodzhenie terminov-evropeizmov v russkiy diplomaticheskii yazyk XVIII v. [The entry of europeanisms into Russian diplomatic language in the 18th century]. *Grani poznaniya*. 5 (19). pp. 115–120.

14. Shatskaya, M.F. (2002) Nota, ul'timatum, sanktsii... *Russkaya rech'*. 3. pp. 82–85.

15. Shatskaya, M.F. (2005) Govorka ... peregovory. *Russkaya diplomaticheskaya leksika* [Govorka ... peregovory. Russian diplomatic vocabulary]. *Russkaya rech'*. 6. pp. 62–65.

16. Sergeev, F.P. (1971) *Russkaya diplomaticheskaya terminologiya XI–XVII vv.* [Russian diplomatic terminology of the 11th – 17th centuries]. Kishinev: Kartya moldovenyaske.

17. Besters-Dilger, J. (1997) Modal'nost' v pol'skom i russkom yazykakh (Istoricheskoe razvitiye vyrazheniya neobkhodimosti i vozmozhnosti kak rezul'tat vne- i mezhslyavianskogo vliyaniya). *Wiener Slavistisches Jahrbuch*. 43. pp. 17–31.

18. Sherdakova, L.N. (1960) *Sintaksicheskie osobennosti yazyka diplomaticheskikh dokumentov kontsa XVII – nachala XVIII vv.* [Syntactic features of the language of diplomatic documents of the late 17th – early 18th centuries]. Abstract of Philology Cand. Diss. Leningrad.

19. Rudnev, D.V. & Borisova, T.Yu. (2023) *Sredstva vyrazheniya razresheniya v delovoy rechi XVIII veka* [Means of expressing permission in business speech of the 18th century]. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya*. 2 (22). pp. 9–20. doi: 10.25205/1818-7919-2023-22-9-20

Информация об авторе:

Руднев Д.В. – д-р филол. наук, канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия); профессор кафедры русского языка Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: rudnev@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

D.V. Rudnev, Dr. Sci. (Philology), Cand. Sci. (History), leading research fellow, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation); professor, Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: rudnev@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 07.04.2024;
одобрена после рецензирования 17.06.2024; принята к публикации 21.07.2025.

The article was submitted 07.04.2024;
approved after reviewing 17.06.2024; accepted for publication 21.07.2025.

Научная статья
УДК 81.373.2
doi: 10.17223/19986645/96/5

Прагмафитоним: в обоснование неотермина фитонимики

Галина Николаевна Старикова¹, Ли Тун²

^{1, 2} *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

¹ *gstarikova@yandex.ru*

² *tongli2020@yandex.ru*

Аннотация. Дается краткий обзор истории формирования терминологии фитонимики, на фоне общих проблем понятийного аппарата ономотологии вскрываются терминологические проблемы данного сегмента общей науки – многоименность, полисемия, наличие спецификационных лакун. Обосновывается введение термина «прагмафитоним» для обозначения сортовых названий растений (селекционной номенклатуры), ставится вопрос о необходимости разработки для него субординатных наименований.

Ключевые слова: ономотология, терминология, фитоним, фитонимика, прагмафитоним, системное описание

Для цитирования: Старикова Г.Н., Ли Т. Прагмафитоним: в обоснование неотермина фитонимики // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2025. № 96. С. 92–113. doi: 10.17223/19986645/96/5

Original article
doi: 10.17223/19986645/96/5

Pragmaphytonym: In support of the phytonymics neotermin

Galina N. Starikova¹, Li Tong²

^{1, 2} *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation*

¹ *gstarikova@yandex.ru*

² *tongli2020@yandex.ru*

Abstract. The aim of article is to show the conceptual system state of phytonymics, a currently emerging onomatology direction, whose tasks are a multi-aspect study of plant proprietary names. The article substantiates the inclusion of selection agro-nomenclature in the circle of phytonyms, introduces the term *pragmaphytonym* for such names, raises the question of the need to develop hyponyms for it. The material for the work was provided by terminological industry reference books and linguistic studies on onomastic topics, dedicated to the problems of phytolexicon. Phytonyms in a strictly special meaning ("names of individual plants"), such as the Tree of the Dead, the Del Norte Titan, are the rarest type of onyms. This is explained in the article by the fact that from the composition of other types of bionyms (zoonyms, anthroponyms) these are distinguished by their inanimate nature and, as a consequence, the absence of the need to perform a vocative function. The conducted analysis showed the development interdependence of special names for objects of flora and fauna (*zoonym* – *phytonym*,

faunonym – floronym) due to the connection of these elements of the natural world in the consciousness of any culture bearers. Both pairs of basic terms are characterized by polysemy, generated by the term element *-onym*, which participates in the formation of fundamentally different categories of specialized vocabulary. One includes proper terms (*toponym, cosmonym*), the other contains linguistics terms for nominal vocabulary (*antonym, paronym*), and both groups are constantly replenished (*gluttonym* "name of a food product", *karonym* "name of a ship", *coloronym* "name of a color", *linguonym* "name of a language, dialect, colloquialism", etc.). The development of phytonymics into a full-fledged section of the proper names science should be facilitated by expanding the range of research objects, which should include varietal names of cultivated plants. In this case, the bearers of the name are objects of a special kind, occupying a middle (intermediate) position between objects of natural and artificial formation. Such duality is akin to some *chrematonyms* – names of precious stones, gold nuggets, large pearls, etc. They owe their origin to nature, but the fact of discovery, extraction, and functional purpose act as a product of human activity. They are similar to other sets of artificially created homogeneous objects (*pragmatonyms*) in the form, semantics, and pragmatics of names. The aboveserves as the basis for identifying *pragmaphytonyms* as a special type in the composition of *phytonyms* and *pragmatonyms*. The emergence of works, proving the specificity of certain classes of varietal names against the background of others, will contribute to the formation of genus-specific phytoterminology and the development of phytonymics in general.

Keywords: onomatology, terminology, phytonym, phytonymics, pragmaphytonym, systematic description

For citation: Starikova, G.N. & Li, T. (2025) Pragmaphytonym: In support of the phytonymics neotermin. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 96. pp. 92–113. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/96/5

Введение в проблему

Ономатология (ономастика) относится к числу научных направлений, активно разрабатываемых в лингвистике в последние десятилетия. За относительно небольшой срок в данной области языкознания произошли существенные изменения, выразившиеся в появлении значительного количества ономастических работ диссертационного уровня, серьезном расширении их проблематики, что не могло не привести и к развитию метаязыка науки. Последнее проявилось в росте понятийного аппарата ономатологии, уточнении семантики ряда терминов и их места в общей терминологической системе научного направления. Показательно, что если первое издание «Словаря русской ономастической терминологии» Н.В. Подольской [1] включало около 700 словарных статей, то во втором издании [2] их число увеличено не менее чем на 100 (*апеллятивная стадия, бионим, геме́роним, некроним, политоним, терроним* и др.). Развитие терминологии выразилось в нем также устранением номинативного дублирования (например, в парах *астротопоним – планетоним, геоним – геотопоним, марсионим – марсоним, онимизация – ономатизация* и др. исключаются вторые номинации), корректировкой некоторых дефиниций (*гинеко́ним, хрема́тоним, эпоним* и др.), признанием факта вхождения в ономастическую понятийную систему ряда

терминов, поданных в издании 1978 г. как термины-футуронимы¹ (*агионим, анемоним, документоним, фалероним, эргоним* и др.). В то же время маркировка знаком вхождения (†) неотерминов в переиздании Словаря (*батионим, библионим, инсулоним, наутоним* и др.), появление в современных исследованиях онимов, отсутствующих в справочнике Н.В. Подольской (*глуттоним, рестороним, флороним, эпонимизация* и др.), свидетельствуют о продолжающемся развитии науки о именах собственных (ИС) и ее терминологического аппарата.

Несмотря на достигнутые успехи в области метаязыка, ономатология страдает теми же болезнями, что свойственны лингвистической терминологии в целом: многоименностью (синонимией, в том числе частичной), полисемией, нередкой асистемностью, на что неоднократно указывалось ведущими учеными – как в отношении языкознания в целом [3. С. 86]², так и ономастики в частности – не только русской [4. С. 5]³, но и общеславянской [5. С. 6]⁴.

Все это обязывает уделять данной проблеме определенное внимание при изучении отдельных онимических разрядов, в нашем случае – это названия растений (*фитонимы*), что требует также рассмотрения некоторые других ономатологических терминов, связанных с указанным рядом сущностных характеристик: *зооним, номен, товарный знак, прагматоним*. Материалом для статьи послужили терминологические отраслевые справочники и лингвистические исследования ономастической тематики, посвященные проблемам фитолексики.

Результаты исследования

Фитоним / флороним: проблемы сосуществования терминов. Окружающий человека природный мир представлен богатейшим разнообразием растительных сообществ в виде деревьев, кустарников, трав, цветов, водорослей, мхов, лишайников. Ведущий начало с древнейших времен лексический пласт, обозначающий растения (*береза, боб, вяз, горох, дуб, клен, рожь*

¹ Термины-футуронимы – «еще не употребляющиеся в научной литературе, но появление которых можно прогнозировать, так как соответствующее понятие уже существует, но пока имеет форму выражения в виде свободного словосочетания» [1. С. 16].

² См.: «Она настолько не упорядочена, что изложение материала часто приходится начинать с перечня терминов, уже существующих для концептов, которые предполагается изучить».

³ См.: «Она сложна и противоречива. Поэтому вопрос о ее совершенствовании все еще актуален, несмотря на то, что уже имеется претендующий на нормативность словарь ономастических терминов».

⁴ См.: «Основные трудности, с которыми мы встречаемся при сопоставлении отдельных ономастических терминологий, связаны с использованием нескольких разных терминов для обозначения одного и того же явления или типа имен, с разным пониманием (содержанием) одного и того же термина в разных ономастических школах, а также с конкуренцией международных и отечественных терминов».

и др.), постоянно пополнялся во все периоды развития русского языка в силу значимости для его носителей обозначаемых названиями реалий – как в сугубо физическом, так и в духовно-сакральном плане. Отражая в своих названиях социально-исторический, культурно-мифологический, бытовой и профессиональный опыт носителей языка, флористические номинативные единицы активно изучаются языковедами в самых разных аспектах¹. Для маркировки такой лексики в лингвистике используются многочисленные специальные обозначения – семантические дублиеты и квазисинонимы, поскольку им соответствуют номинации различного типа: нарицательные, проприальные и те, что называют онимоподобными.

Наиболее популярный термин в этом списке – *фитоним*, введенный в научный обиход монографией А.В. Суперанской 1973 г. [7. С. 189]. В том же году он включен в Общеславянский терминологический ономастический словарь [8], а в 1978 г. закреплён в словаре Н.В. Подольской с дефиницией ‘собственное имя любого растения, от греч. *φυτό* – растение’ [1. С. 158]. Как представляется, своим появлением он во многом обязан термину *зооним*, обозначающему кличку, ИС животного, поскольку флора и фауна неразрывно связаны в представлениях человека как значимые элементы природного мира². Войдя в круг активно изучаемых ономастикой проприальных разрядов еще в 1960-е гг., *зооним* быстро сформировал гнездо образованных от него терминов: *зоонимия*, *зоонимный*, *зоонимика*, *зоонимический*, *зоонимикон*, *зоофорный*, *отзоонимный*, *мифозооним*, *антропозооним*, *топозооним* и некоторые др. Более того, уже в [2] зафиксированы его видовые наименования *гиппоним* (*иппоним*) ‘кличка лошади’ и *киноним* ‘кличка собаки’, а в новейшей литературе выделены также *фелинонимы* ‘клички кошек’, *орнитонимы* ‘имена птиц’ и даже введены зоотермины, учитывающие половую принадлежность животных: *вакконимы* ‘клички коров’ и *тавронимы* ‘клички племенных быков’.

Пришедший немногим позже в науку, *фитоним* располагает существенно более скромным набором производных терминов в рамках ономатологии: *фитонимия*, *фитонимный*, *фитофорный*, *отфитонимный*. Причина тому – разная степень представленности этих ИС в общем ономастическом пространстве: если *зоонимия* рассматривается исследователями как его околядерная часть, тесно связанная с антропонимами и топонимами, то *фитонимия* характеризуется точечной локацией на его периферии, поскольку острой потребности в присвоении собственного имени отдельному растению нет. Как показывает материал, подобное возможно лишь изредка и только с деревьями-долгожителями: дуб «Соловейко», тополь «Лесная

¹ Достаточно полно обзор этой литературы представлен, например, в разделе «Аспекты исследования фитонимики в отечественной науке» в кандидатской диссертации И.В. Лукьяновой [6. С. 15–37].

² Например, о тесном взаимодействии растительного кода традиционной культуры с ее зоокодом пишет В.Б. Колосова [9], на интернациональный характер этой связи указывает Б.Н. Головкин [10. С. 93].

гостиница», секвойя «Генерал Шерман», Дерево бедных – примеры из [2. С. 144]. На сайте Международного ономастического совета (The International Council of Onomastic Sciences, ICOS) подчеркивается: «В идеале, дендронимия¹ должна быть изучением собственных названий отдельных деревьев, таких как Титан Дель Норте (The Del Norte Titan), гигантская калифорнийская секвойя, обнаруженная в июне 1998 г. в государственном парке Джедедия Смитом Редвудом, Калифорния, США» (<https://icosweb.net>). И хотя пособия по ономастике в разделах о типах имен всегда указывают и *фитонимы*, но ни одно из них не содержит описания названий растений. Не включают их в свой вокабулярий и современные общелингвистические справочники, даже щедро отражающие онимические термины, как [11]. Вполне логично, что *фитоним*, в отличие от *зооним*, отсутствует в составе базовых понятий славянской ономастики, представленном в контенте ICOS [12].

По нашим данным, к настоящему моменту русистика не располагает исследованиями, посвященными исключительно этому виду собственных названий. Отчасти такому несуществующему типу работ соответствуют статья Т.А. Агапкиной, Е.Л. Березович, О.Д. Суриковой, рассматривающая ИС деревьев в восточнославянских заговорах² [13], и монография А.В. Часовниковой [14], где анализируются популярные в христианстве растительные образы Адамовой головы, Петрова креста, Святой вербы, в анализ которых попала и нарицательная лексика, причем во второй работе она является основным объектом описания. В связи со сказанным не приходится удивляться, что в словарях в терминологическом гнезде с элементом *фито*- отсутствует *фитонимика* как название соответствующего данному типу онимов раздела ономастики. Поэтому, в нарушение принципа системности, предписывающего терминам на **-онимика** (*антропонимика*, *гидронимика*, *топонимика*) обозначать научные направления, а единицам на **-онимия** – совокупность имен (*антропонимия*, *гидронимия*, *топонимия*) [2], в работах в последнем значении встречаются не только *фитонимия*, но и *фитонимика*. Соответственно, как синонимы могут употребляться прилагательные *фитонимный* и *фитонимический*, что противоречит семантике их словопроизводственных моделей в ономотологии [4. С. 8].

И все же *фитоним* и его дериваты относятся к весьма частотным терминам в исследованиях, поскольку они приложимы также к номинативным единицам другого вида: общеупотребительным апеллятивным названиям литературного (*ромашка*, *подорожник*, *жимолюсть*) и регионального (*сенокосник*, *попутник*, *волчья ягода*) типов языка, специальным разрядам лексики, в числе которых научная номенклатура (*Plantago major* / *Подорожник*

¹ Раздел фитонимики, посвященный изучению ИС деревьев (от греч. δέντρο ‘дерево’). В научной парадигме российской ономотологии правильнее называть этот ее раздел *дендронимика*.

² См.: «Именование почитаемых деревьев – достаточно распространенная культовая практика» [13. С. 12].

обыкновенный, *Hypericum elegans* Steph. / Зверобой изящный) и названия выведенных человеком сортов растений («Огонек» – арбуз, «Мальчик-с-пальчик» – огурец, «*Indigoletta*» – роза)¹. Еще более значение термина *фитоним* (как следствие, и его производных) может расширяться за счет распространения его на названия частей растения и его тканей², которые также могут иметь и свои специальные обозначения – *фитосоматизмы* [17. С. 35], *фитоморфони́мы* [18. С. 7]. Таким образом, у термина *фитоним* наблюдается явное расхождение замысла его создания и обнаруживаемого практикой лингвистических исследований объема его содержания – того, что называют терминологической интенцией и экстенцией³: слово обозначает более широкий предметный круг, чем изначально предполагалось формой его образования. Аналогичная ситуация наблюдается и в случае с *зоонимом* и гипонимами данных терминов.

Как видится, во многом для преодоления этой полиреферентности в науку на рубеже последних веков были введены два новых термина – *флороним* и *фауноним*, задуманные для применения по отношению к нарицательной лексике соответствующей тематики из разнородных грамматических классов. Так, *фаунонимы* определяются как «языковые единицы, лексические значения которых в функции первичной номинации обозначают объекты и явления животного мира, связанные с ними процессы и явления: названия самих животных; их качества и характеристики; черты отличительные и сходные с другими живыми организмами; особенности поведения животных» [20. С. 26]. К этой группе относятся не только такие единицы, как *медведь*, *лягушка*, *конь*, но и *берлога*, *гнездо*, *лапа*, *спячка*, *бурый*, *сивый*, *квакать*, *ржать*, *обитать*, *спать* и проч. Аналогичное понимание отмечено и у термина *флороним* – например, раздел с таким названием в подготавливаемом Ю.А. Южаковой словаре, отражающем поэтическую картину мира С.А. Есенина, включает статьи *Черемуха*, *Ромашка*, *Огурцы*, *Лист*, *Сучья*, *Пень*, *Увядание* и др. [21. С. 129–134]. При этом материал большинства работ, где встречается этот термин, выявляет и все другие свойственные *фитониму* значения [22, 23], что позволяет воспринимать употребление *флоронима* как факт проявления свободы выбора номинатором (и пользователем) не греческого, а латинского корня при терминообразовании (и терминопотреблении). Обращение к работам в системе elibrary.ru со словом *флороним* в названии показывает явное тяготение его употребления по отношению к иноязычному материалу (до 75% случаев), хотя данный факт

¹ Например, разные типы ботанических названий (народных, научных, селекционных) анализируются в диссертации В.В. Копчевой (Томск, 1985) [15].

² См., например, [16. С. 34].

³ «Под интенцией термина (слова, названия) мы понимаем стремление, намерение выделить именуемый объект с максимальной степенью точности внутри определенного понятийно-предметного поля и дать ему наиболее подходящее название, отражающее какую-либо его характерную черту и согласующееся с системой наименований в данной области. Под экстенцией термина (слова, названия) мы понимаем зону предметно-понятийного поля, перекрываемого его значением» [19. С. 123].

можно интерпретировать и как признание высокой степени проработанности данной тематики на материале русского языка.

Таким образом, *флороним* не устранил, а даже усугубил «напряжение полисемии» синонимичного термина, поскольку позволяет соотнести его и с *flora* ‘растительный мир, совокупность всех видов растений в пределах данной местности или геологического периода’, восходящим к имени римской богини весны и цветов Флоре, и с *flos, -ris* ‘цветок’. Например, исключительно для обозначения цветов он употребляется в работах [24, 25].

Как видим, приложимость онимических терминов как к проприальному, так и апеллятивному номинативному фонду языка – одна из остро осознаваемых проблем в ономатологии и шире – общей ономазиологии. В этой связи симптоматично замечание Н.В. Комлевой, анализирующей функциональную нагрузку образов, выражаемых лексемами *черемуха, сирень* и др. в художественных текстах: «В ономастическом пространстве поэзии Б.А. Ахмадулиной **настоящих фитонимов** (имен растений) нет, но сами **геоботанические названия** растений занимают важную позицию» [26. С. 459]. За данным частным замечанием стоит признание серьезной терминологической проблемы, требующей дифференцирующих обозначений для разных номинативных классов в пределах отдельных тематических объединений, в том числе и в составе фитолексики¹, что породило на многие годы дискуссию, вынесенную в заглавия большого количества работ: «Упорядоченная совокупность номенклатурных наименований или... терминология?» [28], «Собственные имена или нарицательные?» [29] и подобные. Первый вопрос наиболее актуален для номинативных единиц, представляющих научные (*Aquilegia sibirica* Lam. / *Водосбор сибирский*), второй – селекционные (*георгина* «Маленькая леди», *редис* «18 дней») названия растений, противопоставленные общенародным (*вьюнок, кровохлебка*) искусственным характером номинации. Поскольку научная фитономенклатура, отвечающая своим образованием строгому принципу *definition per genus et differentiam*, не входит в сферу наших интересов, внимание настоящего исследования обращено к определению статуса названий выведенных человеком сортов растений. Решение этой проблемы обнаруживает прямую связь понятия *фитоним* (*флороним*) с терминами другого сегмента ономатологии, важнейшим из которых является *прагматоним* (*прагмоним*) и его «предтермины» *номен, товарный знак* [30, 31].

Прагматоним: шаги в становлении термина в российской ономастике. *Номены* толкуются в словаре Н.В. Подольской как слова или словосочетания, называющие видовые разновидности предметов, выступающих объектами какой-либо отрасли науки, производства, искусства и т.п., а их совокупность образует *номенклатуру* [1. С. 91]. Приведенные в статьях примеры (*номены зоологии: лошадь Пржевальского, медведь бурый, карликовый шимпанзе; н[оменклатура] родства, н. ботаническая*) указывают на

¹ Так введен термин *фармакофитоним* для обозначения лекарственных растений [27].

приложимость терминов к значительному кругу номинативных единиц, еще более расширенному введением гипонимического термина *прагматоним* (от греч. *πράγμα* ‘вещь’) для номенов, обозначающих сорта, марки, товарные знаки (сорта каракуля «Гулигаз», «Урык-гуль»; сорта хризантем «Пурпурный дворец», «Корона золотой зари»; марки вин «Рубин», «Рислинг»; марки машин «Жигули», «Волга») [1. С. 113]. По мнению исследовательницы, это особый лексический пласт, отличный не только от апеллятивного общенародного, но и от других групп специальной (терминологической и проприальной) лексики. Приведенная в Словаре дефиниция при *прагматоним* отразила практику использования термина в европейской ономастике – наряду с синонимичными *серионимы*, *эконимы*, *продуктонимы* (*товаронимы*), *коммерсонимы*, *хрематонимы*, хотя там они репрезентируются как группы ИС [5. С. 6–7].

Определив нарицательный статус номенов и номенклатуры, Н.В. Подольская во втором издании Словаря исключает статью на *номен*, а семантику ‘словесное обозначение марки товара, в равной степени относящееся к каждому экземпляру в данной серии и ко всей серии в целом’ закрепляет за термином *товарный знак* (*ТЗ*) / *словесный товарный знак* (*СТЗ*), здесь же отмечает сложившиеся в ономотологии разные взгляды на природу СТЗ: 1) не оним, 2) онимоподобный, 3) ИС [2. С. 127]. Как представляется, подобные расхождения в квалификации таких названий объясняются рядом факторов. В их числе – нечеткость объема семантики у термина *номен*: так, если взять номинации типа *озеро Байкал* или *капуста «Слава»*, то единицами различных номенклатур могут считать лексемы *озеро*, *капуста*, либо *Байкал*, *«Слава»*, либо оба компонента в комплексе. Например, А.А. Реформатский относил к географической номенклатуре топонимы (Азия, Мещера, Закарпатье), проприальный статус которых ни у кого не вызывает сомнения [32. С. 21]. Как собрания разных типов номенов, образующих три вида ботанической номенклатуры (народной / научной / селекционной: *желтушник* / *колокольчик ломкий* / *роза Сиреневая мечта*), представлены названия растений в диссертации В.В. Копчевой [15].

Начальное толкование термина *прагматоним* как апеллятивного названия для серийной («сортовой») производственной продукции [1. С. 113], противоречащее традициям использования этого и подобных ему специальных обозначений в исследованиях зарубежных ономотологов, последующая попытка заменить его на *СТЗ*, подчеркивающий своей формой выпадение из рядности онимических терминов [2. С. 127], – еще одна причина различного определения лингвистического статуса «марочных» наименований в русистике. Вероятно, поэтому в переиздании Словаря Н.В. Подольская закрепляет за *прагматонимами* новое значение – «различные категории имен собственных, имеющие денотаты в прагматической сфере деятельности человека, связанные с практикой, с предметной областью» [2. С. 110], противопоставив их *идеонимам* – именам, представляющим денотаты «в умственной, идеологической и художественной сфере человеческой деятельности» [2. С. 61]. Оба термина признаны гиперонимами для различных разрядов ИС: названий населенных пунктов, внутригородских объектов (улиц, домов,

деловых объединений людей), уникальных материальных предметов и др. – для первого и названий произведений искусства, праздников и др. – для второго. И хотя все они представляют группы классических онимов, обозначающих единичные деноминаты, уже с начала 1970-х гг. исследователи применяют *прагматоним* в основном по отношению к серийным наименованиям [33, 34], что характерно и для большинства работ последних лет [35, 36].

Становление семантики термина с первых шагов его употребления сопровождалось также конкуренцией номинативных вариантов *прагмоним* и *прагматоним* – ср. [33] и [34], [37] и [38], завершившейся явным преобладанием в новейших работах второго из них. Хотя справедливости ради нужно отметить не только наличие другого значения у термина, но и актуализацию современной справочной литературой иной его формы. Так, вопреки сложившимся традициям, *прагмоним* определяется максимально широко – ‘слово или словосочетание, используемое как имя собственное для наименования реалий **материальной и духовной** культуры, науки, техники и т.д., результатов интеллектуальной, творческой деятельности людей’ [11. С. 145]. Как видим, эта дефиниция объединяет понятия *прагматоним* и *идеоним*, введенные в [2], – объединяет вполне логично, поскольку мыслительная и собственно производственная деятельность составляют нечто целое, а их принципиальное противопоставление носит искусственный характер, что, кстати, признавалось и автором Словаря [2. С. 16]¹. Судя по иллюстративной части статьи в [11], термин закреплён как за единичными деноматами (названия кораблей, произведений литературы, живописи, музыки и др.), так и за множественными (названия марок автомобилей), что одновременно отражает позицию авторов в дискуссии о природе (апеллятивной / проприальной) знаков для маркирования объектов *серийного* типа.

И хотя еще в 1960-х гг. утверждалось, что «для современного употребления названия марок, сортов, видов изделий – имена собственные, названия изделий, растений – нарицательные» [29. С. 62], проприальность подобных номинативных единиц долго оспаривалась лингвистами. Главный контраргумент в этом споре – множественность предметов именования, к которым приложима та или иная «этикетка», что противоречит определению *онима* – «слово, словосочетание или предложение, которое служит для выделения именуемого им объекта среди других объектов; его индивидуализации и идентификации» [2. С. 91]. Как считала А.В. Суперанская, «объект, именуемый собственным именем, всегда определен и конкретен» [7. С. 113].

К признанию онимической сути названий классов однородных предметов² исследователи приходили разными путями. Так, И.В. Крюкова, включившая прагматонимы в группу рекламных имен, считает, что у последних

¹ См.: «Деление ИС на идеонимы и прагматонимы – достаточно условно и лишь отчасти соответствует делению объектов на духовные и материальные ценности».

² Подобные наименования могут квалифицироваться в исследованиях по-разному: *номены, номенклатурные знаки, торговая номенклатура, коммерческие наименования, бренды, товаронимы, прагматонимы / прагмонимы, неймы* и др.

«индивидуализируются и воспринимаются предметно не конкретные объекты материального мира, а абстрактные сущности (право собственности на определенный вид товара, род деятельности предприятия, основная идея и концепция средства массовой информации или торжественного мероприятия)» [39. С. 5–6]. Ряд исследователей предлагает видеть в прагматонимах (товарных знаках) особую индивидуализацию одинаковых или однотипных множеств, когда ИС относится в равной степени к каждому экземпляру в данной серии и ко всей серии в целом¹ [40. С. 60]. С.О. Горяев обосновывает отнесение прагмонимов (номенклатурных названий) к «пограничному» разряду ИС², опираясь на их формальные признаки и сущностные свойства: написание с большой буквы, общие с «классическими» онимами функции, мотивы и механизмы наименования [41. С. 129–131].

Таким образом, включение подобных имен в состав проприальной лексики следует признать одним из решенных вопросов ономотологии на современном этапе ее развития [39. С. 10]. Как следствие, утратила злободневность проблема прежнего разграничения *номена* и *онима*³, чем, возможно, объясняется приход в ономастику английского термина *нейм* из сферы коммерческого маркетинга – как некоего «нейтрализатора» их бывшего противопоставления [43, 44].

Прагмафитоним и его возможные гипонимы как неотермины для обсуждения. Говоря о прагматонимах как о СТЗ, товарной номенклатуре, исследователи обычно имеют в виду названия потребительской продукции различных секторов промышленности – автомобилей, бытовых приборов, тканей, игрушек, продуктов питания, напитков и др., единодушно относя их к рекламным (коммерческим) именам. Как полагает М.Е. Новичихина, подобные ИС выполняют двойную функцию: характеризуют объект номинации как товар и отражают цель нейминга – способствовать его продвижению на рынке [31. С. 165]. Безусловно, этим критериям отвечают и сортовые названия растений – не случайно статья доктора сельскохозяйственных наук С.В. Гончарова о «правильных наименованиях» озаглавлена «Называть, чтобы лучше продавать». По мнению специалиста, «наименование – первый этап продвижения сорта», поскольку оно «раньше остальных характерных признаков сорта, будь то урожайность, качество зерна пшеницы или «хруст» огурца, способно вызвать эмоциональный отклик у потребителя» [45. С. 27].

¹ Например, из этой же группы онимов *фалероним* ‘собственное имя любого ордена, медали, знака отличия’ [1. С. 155], отчасти – *политоним* ‘имя собст., называющее некоторые атрибуты, эмблемы, символы государства, в т.ч. гербы, знамена, флаги, гимны’ [2. С. 107].

² См.: «...вненаучные (коммерческие, производственные и т.д.) номенклатурные единицы вполне могут рассматриваться как собственные имена» [41. С. 129].

³ Хотя в последние годы в литературе наблюдаются спорадические появления терминов *фитоним* и *флороним* как синонимов к *фитолексема*, приложимых к нарицательным наименованиям растений [42].

С первых лингвистических работ, посвященных названиям сортов и гибридов растений – культиваров¹, подчеркивается их связь с прагматонимами, поскольку они, подобно последним, тоже маркируют «единичные понятия собирательных единств» [46. С. 117]. И если в статье 1979 г. З.И. Комарова отмечает лишь близость сортовых наименований картофеля «серийным» ТЗ, то в монографии 1991 г. подобную сельскохозяйственную номенклатуру прямо ставит в один ряд с названиями марок машин (прагматонимами) [47. С. 59]. В.В. Копчева селекционные названия включает в класс условно-символических имен, к которым, вслед за Н.Д. Голевым [48. С. 49], относит также наименования разного рода заведений, продуктов человеческой деятельности, прочие онимы: «Сколь разнообразными ни бывают предметы, скрывающиеся под этими именами, сами имена наделены общими чертами, особыми принципами создания и функционирования», к каковым ею отнесены искусственный характер номинации и высокая степень проявления в ней субъективного начала [15. С. 126]. По мнению исследовательницы, селекционная номенклатура представляет своеобразный деноминат: «...объект, данный природой, изменяется в соответствии с волей оригинатора (= селекционера), т.е. объект, хотя и состоит из природного, естественного материала, во многом произведенная, искусственная вещь, она содержит нечто, несвойственное природе» [15. С. 60]. Данное утверждение согласуется с понятием *модели сорта*, с разработки которой начинается селекционная работа: «Модель сорта – это гипотетическое растение с генетически детерминированным соотношением морфологических, биохимических, технологических и других показателей, эффективно реагирующее (увеличением продуктивности) на улучшение условий выращивания» [49. С. 6].

Таким образом, сортовые названия растений не только являются ИС, но и образуют особую прагматонимную группу в составе фитонимов (возможно: фитонимную в составе прагматонимов), что требует, на наш взгляд, сложного термина для их идентификации в общей системе онимов и одновременно – для их дифференции по отношению к другим видам имен своего класса. Требование терминологической рядности² запрещает создание специальных обозначений типа *фитонпрагматоним* или *прагмато(прагмо)фитоним*, поскольку за подобными образованиями в ономатологии закреплены результаты трансонимизации – перехода ИС из одного разряда в другой [1. С. 152], например пес *Байкал* – топозооним, кафе «*Анюта*» – антропорестороним, торт «*Вишневый сад*» – библиоглуттоним и др. Изученная

¹ Как пишет доктор биологических наук Б.Н. Головкин, «в международной практике принят термин, объединяющий все разнообразие культурных форм, – *культивар* (сокращенно *св*). Происходит он от словосочетания *cultivated varieties* – культивируемые разновидности. «Кодекс номенклатуры культурных растений» определяет его как “совокупность культивируемых растений, которая явственно отличается какими-либо признаками... и которая при воспроизведении (половом или бесполом) сохраняет свои отличительные признаки”» [10].

² «Терминологические схемы предполагают системность» [4. С. 6].

литература вопроса позволила выявить лишь единственный пример фитотопонима – название английского городка County Oak¹. И фитонимы (как ИС), и прагматонимы являются продуктами вторичной номинации, при которой задействованы ресурсы как нарицательной, так и проприальной лексики. В последнем случае трудно представить некое «третичное» по своей природе наименование, при котором имя новой реалии (продукта селекции, производства) соотносили бы не с первичным онимом, а с его вторичной ролью – как если бы название сорта огурцов «Анюта» стали выводить не из женского имени, а из названия кафе или наименование туалетной воды «Вишневый сад» – из названия торта.

Представляется, что одним из ведущих свойств сортовых наименований как одной из групп рекламных имен, вытекающим из искусственного характера номинации, является прагматичность. Она выражается наличием ясной целеустановки номинаторов при их образовании – способствовать позиционированию культивара и его торговому продвижению через привлечение внимания адресата к названию. Достижение цели обеспечивается прагматическим компонентом семантики ИС, который «состоит из бесконечного числа субъективных значений и ассоциаций, возникающих на основе объективной информации о денотате» [51. С. 91]. Исходя из сказанного, на обсуждение научной общности предлагается термин *прагмафитоним* (< *прагматический фитоним* < *фитоним прагматического типа*), обозначающий имя собственное для сортов, гибридов растений – результатов селекционной работы в агросфере, профессиональной и любительской. Один из типов коммерческих имен (коммерсонимов), порожденных искусственным неймингом, гипоним по отношению к *прагматоним* и *фитоним*. Термин отражает два классификационных признака номинации: по типу объекта маркирования (растение) и связи с производственной деятельностью человека (продукт производства).

Нуждается ли *прагмафитоним* в спецификациях субординатного уровня? Иначе говоря, требуются ли данному сегменту ономотологии гипонимические наименования типа **лаханиконимы* (от *λαχανικά* ‘овощи’), **фрутонимы* (от *φρούτα* ‘фрукты’) или же термины еще более низкого порядка вида **мелионимы* (от *μήλιά* ‘яблоня’) и подобные им – для разных групп культурных растений? По мнению Н.В. Васильевой, смысл в «денотатной диверсификации онима» возникает только тогда, когда «такие термины несут в себе теоретический инновационный заряд», т.е. их введение помогает представить, «как устроено знание» [52. С. 61–62]. Так, лингвистическими исследованиями доказано, что для разных классов онимов (антропонимы, топонимы, эргонимы) характерны свои модели именования, причем они разнятся в отдельных группах одного класса (имена и прозвища, ойконимы (ИС населенных пунктов) и гидронимы, названия заведений питания и охранных фирм). И это утверждение справедливо для всех разделов

¹ «Это было название дуба, который рос на границе графства. Дуб умер и исчез, граница переместилась. Но название до сих пор живо как название населённого пункта, выросшего на месте, где когда-то росло это дерево» [50].

ономастики, характеризующихся развитой терминологией. Например, Е.Н. Варникова указывает, что система русской зоонимии представлена принципиально различными видовыми классами кличек животных, отличающимися свойственными лишь им структурно-семантическими моделями: разнятся, например, не только гиппонимы и кинонимы в целом, но и клички лошадей в племенных и домашних хозяйствах, у собак охотничьих и декоративных пород и т. д. [53. С. 142]. Эти выводы основаны на результатах разноаспектных описаний широкого именного материала.

Поэтому ответ на вопрос, до какого уровня следует доводить разработку специальных обозначений в случае с *прагмафитонимами*, должны дать исследования, посвященные отдельным типам селекционных названий. К настоящему моменту таких работ немного. Из числа первых – диссертация Р.Я. Ивановой 1973 г. о именах отечественных сортов винограда [54], статьи З.И. Комаровой о сортовых наименованиях картофеля [46, 55] и диссертация В.В. Копчевой 1985 г., в одном из разделов которой рассматривается также цветочная селекционная номенклатура [15]. К несомненным достижениям этих работ следует отнести не только привлечение внимания лингвистов к подобным названиям, но и определение важнейших направлений их изучения, в числе которых выявление мотивов, средств и способов имяобразования, их динамика на оси времени [46, 55], сравнение результатов естественной и искусственной номинации [15], сопоставление результатов нейминга в разных языках [54]. Сегодня можно констатировать, что в последнее десятилетие наблюдается возрождение определенного интереса ономатологов к этому типу имен [24, 43, 44, 56, 57], уступающее пока «стартовым» исследованиям данной тематики если не масштабностью привлекаемого материала, то глубиной его разработки.

При этом в указанных работах вопрос о строгой терминологической дифференциации различных деноминатов не ставится, а по отношению к объекту изучения применяются описательные обозначения: *названия сортов* (картофеля – [46, 55], *цветов* – [24], *культурных растений* – [55]), *ампелографическая терминология (номенклатура)* [54, 57], *селекционная номенклатура* [15], *аграрные неймы сортов огурцов и томатов* [43, 44], редко – общий термин *фитонимы* [46]. Безусловно, данный факт не принижает результатов проведенных исследований, но порой лишает их исполнителей свободы стилистических замен составных номинаций на однословные типа **пататонимы* (от *патáта* ‘картофель’), **ампелонимы* (от *áмπελος* ‘лоза, виноград’), **томатонимы* (от *тоμάта* ‘томат’) и др., что особенно важно для работ сопоставительного характера, когда будет накоплен материал для сравнения. Им может стать описание названий любого из типов культиваров, представленных огромными списками разновидностей сортов и гибридов¹. Однако для повышения эффективности научных изысканий сравни-

¹ Так, уже сорок лет назад специалистами указывалось, что «у роз их не менее 25 тысяч, у яблони – свыше 10 тысяч, по несколько тысяч у риса, мягкой пшеницы, садовых

тельно-сопоставительного плана внимание исследователей должно быть обращено в первую очередь на те группы прагмафитонимов, где априори ожидаются максимально интересные результаты нейминга. Полагаем, что это должны быть названия популярных у населения во всех природно-климатических зонах культур, обладающих большим разнообразием характеристик по многим параметрам – форме, цвету, размеру, вкусу, способам переработки плодов, габитусным признакам, особенностям выращивания растений и др. Для нас такой культурой стал томат, сортовые наименования которого обнаруживают много интересного с позиций структуры, способов деривации, семантики, прагматики, в представлении которых предлагается задействовать термин *томатоним* как частный вид *прагмафитонима*.

Заключение

Становление любого научного направления неизбежно сопровождается терминологической рефлексией, что справедливо и в отношении ономотологии – комплексной науки о именах собственных, ставших, пожалуй, в настоящее время одним из самых изучаемых средств номинации в русистике. Введение в сферу внимания исследователей интереснейшего по многим параметрам материала с возможностью разноаспектного его описания выявило такие несовершенства ономастического понятийного аппарата, как многоименность, полисемию его единиц, наличие терминологических лакун. Все обозначенные «болезни» проявились и в секторе терминологии фитонимики, несмотря на то что фитонимы в строго специальном для онимов значении – редчайший тип ИС, противопоставленный другим видам бионимов (зоонимам, антропонимам) своей неодушевленностью и, как следствие, отсутствием в своем арсенале вокативной функции, что делает их образование неактуальным для общества.

Проведенный анализ позволил высказать предположение о взаимообусловленности появления специальных названий для реалий флоры и фауны (*зооним* – *фитоним*, *фауноним* – *флороним*) и параллельности развития их семантики в силу, как уже отмечалось, связи этих элементов природного мира в сознании носителей любой культуры. Обе пары базовых терминов характеризуются многозначностью, порожденной терминоэлементом *-оним*, участвующим в образовании принципиально разных разрядов специальной лексики: в один входят *антропоним*, *космоним* и др., в другой – *антоним*, *пароним* и др., причем оба постоянно пополняются (*милитарионимы* ‘названия военных реалий’, *армонимы* ‘имена видов оружия’, *каронимы* ‘названия кораблей’ – *колороним* ‘наименование цвета’, *лингвоним* ‘название языка, диалекта, говора’, *цибоним* ‘название продуктов питания’, *профессионимы* ‘названия профессий’ и др.). Запрос в elibrary.ru свидетель-

тюльпанов. А коллекция одной лишь кукурузы во Всесоюзном институте растениеводства имени Н.И. Вавилова насчитывает 8 000 сортов» [10. С. 96].

ствуется о предпочтительности для научного сообщества первой пары: *фитоним* упоминается в 4 390 работах, *зооним* – в 3 106, тогда как вторые термины только в 356 и 196 соответственно (по состоянию на 15.11.2024), благозвучнее и удобопроизносимее производные также от этой пары (ср., например, *фитофорный* и *флорофорный*, *зоофорный* и *фаунофорный*).

Несомненно, терминология многочисленных сегментов ономатологии, включая зоонику, разработана уже неплохо, в том числе на субординатном уровне. Формированию фитонимики в полноценный раздел науки о ИС должно способствовать расширение круга объектов исследования за счет селекционной номенклатуры растений. Носителями имени в этом случае выступают объекты особого рода, занимающее срединное (промежуточное) положение между предметами природного и искусственного образования. Подобная двойственность сродни некоторым хрематонимам – названиям драгоценных камней, золотых самородков, крупных жемчужин и др.: происхождением обязаны природе, но фактом обнаружения, добычи, функциональным предназначением – человеческой деятельности. С другими наименованиями множеств однородных предметов (прагматонимами) их сближает форма, семантика, прагматика имен, что служит основанием для выделения прагмафитонимов в особый тип в группе фитонимов и прагматонимов.

Если в составе прагматонимов прагмафитонимы являются всего лишь одной из многочисленных групп ИС, то в классе фитонимов это не только особый, но и основной тип, что превращает фитонику по ведущему объекту изучения в прагмафитонику. Появление работ, доказывающих как специфичность сортовых названий отдельных культиваров на фоне других, так и наличие универсальных и особенных традиций нейминга в разных культурах, будет способствовать формированию родо-видовой фитотерминологии и развитию не только частной, но и общей прагмафитоники, а также фитоники в целом.

Список источников

1. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / отв. ред. А.В. Суперанская. М. : Наука, 1978. 199 с.
2. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / отв. ред. А.В. Суперанская. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Наука, 1988. 187 с.
3. Арнольд И.В. Основы научных исследований в лингвистике : учеб. пособие. М. : Высш. шк., 1991. 140 с.
4. Матвеев А.К. Ономастика и ономаология: терминологический этюд // Вопросы ономастики. 2005. № 2. С. 5–11.
5. Гарвалик М. К вопросу о современной ономастической терминологии // Вопросы ономастики 2007. № 4. С. 5–13.
6. Лукьянова И.В. Диалектная фитонимика в когнитивно-ономастическом аспекте : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2018. 255 с.
7. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М. : Наука, 1973. 366 с.
8. Základní soustava a terminologie slovanské onomastiky. Grundsystem und Terminologie der slawischen Onomastik. Věnováno VII. mezinárodnímu sjezdu slavistů. Gewidmet dem VII.

internationalen Slawistenkongress // Zpravodaj Místopisné Komise ČSAV. Roč. XIV. Č. 1. Praha, 1973. URL: <https://icosweb.net/> (дата обращения: 20.09.2024).

9. Колосова В.Б. Мотивация славянских названий растений, образованных от зоонимов // Традиционная культура. 2014. № 3. С. 77–84.

10. Головкин Б.Н. О чем говорят названия растений. М. : Агропромиздат, 1986. 160 с.

11. Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий. Русский язык : в 2 т. / А.Н. Тихонов, Р.И. Хашимов, Г.С. Журавлева и др. ; под общ. ред. А.Н. Тихонова, Р.И. Хашимова. Т. 1. 2-е изд., стер. М. : Флинта, 2014. 840 с.

12. Basic system and terminology of the Slavonic onomastics. URL: <https://icosweb.net/> (дата обращения: 20.09.2024).

13. Агапкина Т.А., Березович Е.Л., Сурикова О.Д. Имена деревьев в восточнославянских заговорах // Вопросы ономастики. 2021. Т. 18, № 1. С. 9–61.

14. Часовникова А.В. Христианские образы растительного мира в народной культуре. Петров крест. Адамова голова. Святая верба. М. : Индрик, 2003. 248 с.

15. Копочева В.В. Соотношение искусственной и естественной номинации (на материале названий растений) : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1985. 254 с.

16. Яковлева Е.С. К описанию русской языковой картины мира // Русский язык за рубежом. 1996. № 1–3. С. 34–48.

17. Алешина Е.К. Исследование наименований растений и национальная языковая картина мира: к постановке проблемы // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2009. Т. 8, вып. 2: Филология. С. 34–37.

18. Блинова О.И. Фитоморфони́мы как источник народной речевой культуры // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2014. Вып. 2 (143). С. 7–10.

19. Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В. Общая терминология: вопросы теории / отв. ред. Т.Л. Канделаки. 6-е изд. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 248 с.

20. Фролова В.А. Фаунонимические глаголы современного немецкого языка : дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород: НГЛУ, 2003. 232 с.

21. Южакова Ю.А. Поэтическая картина мира С.А. Есенина : обзор лексико-семантических групп и полей. Рязань : ИП Коняхин А.В., 2024. С. 129–134.

22. Рябо О.П. Сложноструктурные флоронимы в английском языке: когнитивно-фреймовая и мотивационно-номинативная интерпретация : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Пятигорск, 2003. 43 с.

23. Лукошкина Ж.В., Неворова Е.А., Усманов Т.И. Современные флоронимы: обыденные и терминологические наименования растений как репрезентанты обыденной и научной картин мира // Вестник Пятигорского государственного университета. 2020. № 2. С. 80–88.

24. Давлетова Р.Р. Мир как сад и сад как мир: новые названия цветов и декоративных растений в современном русском литературном языке // Студенческий электронный журнал СтРИЖ. 2016. № 6 (10). С. 1–5.

25. Федяева Н.Д. Цветы и цвета в русском языке: о некоторых чертах ассоциативных полей флоронимов в аспекте создания рекламного текста // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 1. С. 375.

26. Комлева Н.В. Названия растений в структуре ономастического пространства поэзии Беллы Ахмадулиной // Ономастика Поволжья : материалы XV Междунар. науч. конф. (Арзамас, 13–16 сентября 2016 г.) / под ред. Л.А. Климковой, В.И. Супруна. Арзамас ; Саров : Интерконтакт, 2016. С. 458–462.

27. Рубцова О.Г. Названия лекарственных растений в разноструктурных языках (на материале русского, марийского, немецкого и латинского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Чебоксары, 2015. 24 с.

28. Чернявский М.Н. Упорядоченная совокупность номенклатурных наименований или ... терминология? // Семиотические проблемы языков науки, терминологии и информатики. М. : МГУ. 1971. С. 350–353.

29. *Шарапова М.К.* Собственные имена или нарицательные? // Русская речь. 1968. № 3. С. 61–62.
30. *Крюкова И.В.* Прагматоним: эволюция взглядов на словесные товарные знаки в отечественной ономастической науке // Научная мысль Кавказа. Приложение. 2004. № 2. С. 121–125.
31. *Новичихина М.Е.* Коммерческое название, рекламный текст, бренд, товарный знак, номен: разграничение понятий // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2004. № 1. С. 165–170.
32. *Реформатский А.А.* Топономастика как лингвистический факт // Топономастика и транскрипция. М., 1964. С. 9 – 34.
33. *Комолова З.П.* Опыт количественного исследования прагматонимов (на материале товарных знаков США) // Вопросы терминологии и лингвистической статистики. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1972. С. 50–60.
34. *Комолова З.П.* Семантическая мотивированность прагматонимов (на материале товарных знаков СССР и США) // Проблемы семантики. М., 1974. С. 333–339.
35. *Файзуллина И.И.* Ономастическое поле прагматонимов современного русского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2009. 26 с.
36. *Фоменко О.С.* Прагматонимы-глобализмы: лингвистический статус и функциональная характеристика : автореф. дис. . канд. филол. наук. Волгоград, 2009. 24 с.
37. *Исакова А.А.* Языковая адаптация прагматонимов английского происхождения в русском рекламном тексте : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2004. 25 с.
38. *Исакова А.А.* Эволюция прагматонимического пространства: структура, семантика, прагматика (на материале современной механонимии) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 2008. 45 с.
39. *Крюкова И.В.* Рекламное имя : от изобретения до прецедентности : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2004. 40 с.
40. *Соболева Т.А., Суперанская А.В.* Товарные знаки. М., 1986. 176 с.
41. *Горяев С.О.* Номенклатурные единицы как факт ономастики // Ономастика и диалектная лексика : сб. науч. тр. / под ред. М.Э. Рут. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2003. Вып. 4. С. 125–131.
42. *Боваева Г.М.* Фитолексемы как экспликатеры биоморфного кода в калмыцких фольклорных мини-текстах: на материале загадок // Успехи гуманитарных наук. 2022. № 12. С. 139–146.
43. *Евтугова Н.Н., Новикова Е.В.* Лингвопрагматические и этнокультурные особенности аграрного нейминга (на примере названий сортов огурцов) // Коммуникативные исследования. 2023. Т. 10, № 2. С. 223–238. doi: 10.24147/2413-6182.2023.10(2).223–238
44. *Евтугова Н.Н., Новикова Е.В.* Этнокультурная специфика аграрного нейминга (на примере названий сортов томатов и огурцов) // Профессиональная коммуникация в полиязычном пространстве: междисциплинарный подход : сб. науч. тр. по материалам I Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 100-летию кафедры иностранных и русского языков РГАУ-МСХА им. К.А. Тимирязева. М., 2023. С. 17–22.
45. *Гончаров С.В.* Называть, чтобы лучше продавать // Кукуруза и сорго. 2010. № 3. С. 27–29.
46. *Комарова З.И.* О некоторых закономерностях «искусственной номинации» (на материале номенклатурных названий сортов картофеля) // Вопросы ономастики. 1979. № 13. С. 116–121.
47. *Комарова З.И.* Семантическая структура специального слова и ее лексикографическое описание. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1991. 156 с.
48. *Голев Н.Д.* Заметки об условно-символической номинации в русском языке // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск, 1980. Вып. IX. С. 47–58.

49. Гавриш С.Ф. Биологический потенциал культуры томата (*Lycopersicon esculentum*) и его использование в селекции сортов для защищенного грунта : автореф. дис. ... д-ра с.-х. наук. СПб., 1992. 68 с.
50. Coates R. What is onomastics? URL: <https://icosweb.net/> (дата обращения: 20.09.2024).
51. Мезенко А., Генкин В., Деревяго А. Теория имени собственного : учеб. пособие. Витебск : ВГУ им. П.М. Машерова, 2022. 202 с.
52. Васильева Н.В. Нужен ли ономастике новый терминологический словарь? // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : материалы III Междунар. науч. конф., Екатеринбург, 07–11 сентября 2015 г. Екатеринбург : Уральский федеральный университет им. Б.Н. Ельцина, 2015. С. 60–62.
53. Варникова Е.Н. К вопросу о системности русской зоонимии // В созвездии слов и имен : сб. науч. ст. к юбилею Марии Эдуардовны Руг / редкол. : Е.Л. Березович (отв. ред.), Т.Н. Дмитриева, Н.В. Кабинина и др. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017. С. 133–147.
54. Иванова Р.Я. Названия сортов винограда в современном русском языке (к проблеме номинации) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пенза, 1973. 26 с.
55. Комарова З.И. Выявление мотивировочного признака фитонимов // Проблемы ономастиологии. Курск : Изд-во Курского пед. ин-та, 1977. С. 70–73.
56. Данькова Т. Н. Номенклатурные наименования сортов растений в современном русском языке // Теория и практика инновационных технологий в АПК : материалы национальной науч.-практ. конф., Воронеж, 14–29 марта 2022 г. Ч. III. Воронеж : Воронеж. гос. аграрный ун-т им. Императора Петра I, 2022. С. 118–123.
57. Шкуропий О.И., Иванов М.В., Сливко И.В. Структура ампелографических наименований // Российская цивилизация в эпоху глобальной эволюции: обеспечение безопасности и поиск путей решения проблем в условиях меняющегося миропорядка : сб. ст. по материалаам II Междунар. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов, преподавателей, Армавир, 25–26 ноября 2022 г. Армавир : ООО «Редакция газеты “Армавирский собеседник”» (Армавирская типография), 2023. С. 302–304.

References

1. Podol'skaya, N.V. (1978) *Slovar' russkoy onomasticheskoy terminologii* [Dictionary of Russian Onomastic Terminology]. Moscow: Nauka.
2. Podol'skaya, N.V. (1988) *Slovar' russkoy onomasticheskoy terminologii* [Dictionary of Russian Onomastic Terminology]. 2nd ed. Moscow: Nauka.
3. Arnol'd, I.V. (1991) *Osnovy nauchnykh issledovaniy v lingvistike* [Fundamentals of Scientific Research in Linguistics]. Moscow: Vysshaya shkola.
4. Matveev, A.K. (2005) Onomastika i onomatologiya: terminologicheskii etyud [Onomastics and onomatology: terminological study]. *Voprosy onomastiki*. 2. pp. 5–11.
5. Garvalik, M. (2007) K voprosu o sovremennoĭ onomasticheskoy terminologii [On the issue of modern onomastic terminology]. *Voprosy onomastiki*. 4. pp. 5–13.
6. Luk'yanova, I.V. (2018) *Dialektnaya fitonimika v kognitivno-onomasiologicheskom aspekte* [Dialectal phytonymics in the cognitive-onomasiological aspect]. Philology Cand. Diss. Tomsk.
7. Superanskaya, A.V. (1973) *Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo* [General Theory of Proper Names]. Moscow: Nauka.
8. International Council of Onomastic Sciences. (1973) Základní soustava a terminologie slovanské onomastiky. Grundsystem und Terminologie der slawischen Onomastik. Věnováno VII. mezinárodnímu sjezdu slavistů. Gewidmet dem VII. internationalen Slawistenkongress. *International Council of Onomastic Sciences*. [Online] Available from: <https://icosweb.net/> (Accessed: 20.09.2024).

9. Kolosova, V.B. (2014) Motivatsiya slavyanskikh nazvaniy rasteniy, obrazovannykh ot zoonimov [Motivation of Slavic names of plants formed from zoonyms]. *Traditsionnaya kul'tura*. 3. pp. 77–84.
10. Golovkin, B.N. (1986) *O chem govoryat nazvaniya rasteniy* [What Do Plant Names Mean?]. Moscow: Agropromizdat.
11. Tikhonov, A.N. & Khashimov, R.I. (eds) (2014) *Entsiklopedicheskiy slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov i ponyatiy. Russkiy yazyk* [Encyclopedic Dictionary-Reference Book of Linguistic Terms and Concepts. Russian language]. Vol. 1. 2nd ed. Moscow: FLINTA.
12. International Council of Onomastic Sciences. (n.d.) Basic system and terminology of the Slavonic onomastics. *International Council of Onomastic Sciences*. [Online] Available from: <https://icosweb.net/> (Accessed: 20.09.2024).
13. Agapkina, T.A., Berezovich, E.L. & Surikova, O.D. (2021) Imena derev'ev v vostochnoslavianskikh zagovorakh [Tree names in East Slavic incantations]. *Voprosy onomastiki*. 1 (18). pp. 9–61.
14. Chasovnikova, A.V. (2003) *Khristianskie obrazy rastitel'nogo mira v narodnoy kul'ture. Petrov krest. Adamova golova. Svyataya verba* [Christian Images of the Plant World in Folk Culture. Peter's cross. Adam's head. Holy willow]. Moscow: Indrik.
15. Kopocheva, V.V. (1985) *Sootnoshenie iskusstvennoy i estestvennoy nominatsii (na materiale nazvaniy rasteniy)* [Correlation of artificial and natural nomination (based on plant names)]. Philology Cand. Diss. Tomsk.
16. Yakovleva, E.S. (1996) K opisaniyu russkoy yazykovoy kartiny mira [On the description of the Russian linguistic picture of the world]. *Russkiy yazyk za rubezhom*. 1–3. pp. 34–48.
17. Aleshina, E.K. (2009) Issledovanie naimenovaniy rasteniy i natsional'naya yazykovaya kartina mira: k postanovke problemy [Study of plant names and national linguistic picture of the world: on the formulation of the problem]. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya*. 2 (8). pp. 34–37.
18. Blinova, O.I. (2014) Fitomorfoniimy kak istochnik narodnoy rechevoy kul'tury [Phytomorphonyms as a source of folk speech culture]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2 (143). pp. 7–10.
19. Superanskaya, A.V., Podol'skaya, N.V. & Vasil'eva, N.V. (2012) *Obshchaya terminologiya: voprosy teorii* [General Terminology: Theoretical issues]. 6th ed. Moscow: Knizhnyy dom "LIBROKOM".
20. Frolova, V.A. (2003) *Faunonimicheskie glagoly sovremennogo nemetskogo yazyka* [Faunonymic verbs of the modern German language]. Philology Cand. Diss. Nizhniy Novgorod.
21. Yuzhakova, Yu.A. (2024) *Poeticheskaya kartina mira S.A. Esenina : obzor leksiko-semanticeskikh grupp i poley* [Poetic Picture of the World of S.A. Yesenin: A review of lexical-semantic groups and fields]. Ryazan: IP Konyakhin A.V. pp. 129–134.
22. Ryabko, O.P. (2003) *Slozhnostrukturnye floronimy v angliyskom yazyke: kognitivno-freymovaya i motivatsionno-nominativnaya interpretatsiya* [Complex-structured floronyms in English: cognitive-frame and motivational-nominative interpretation]. Abstract of Philology Dr. Diss. Pyatigorsk.
23. Lukoshkina, Zh.V., Neverova, E.A. & Usmanov, T.I. (2020) Sovremennye floronimy: obydennye i terminologicheskie naimenovaniya rasteniy kak reprezentanty obydennoy i nauchnoy kartin mira [Modern floronyms: everyday and terminological names of plants as representatives of everyday and scientific pictures of the world]. *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2. pp. 80–88.
24. Davletova, R.R. (2016) Mir kak sad i sad kak mir: novye nazvaniya tsvetov i dekorativnykh rasteniy v sovremennom russkom literaturnom yazyke [The world as a garden

and a garden as a world: new names of flowers and ornamental plants in the modern Russian literary language]. *Studencheskiy elektronnyy zhurnal StRIZh*. 6 (10). pp. 1–5.

25. Fedyaeva, N.D. (2013) Tsvety i tsveta v russkom yazyke: o nekotorykh chertakh assotsiativnykh poley floronimov v aspekte sozdaniya reklamnogo teksta [Flowers and colors in the Russian language: on some features of associative fields of floronyms in the aspect of creating advertising texts]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. 1.

26. Komleva, N.V. (2016) [Plant names in the structure of the onomastic space of Bella Akhmadulina's poetry]. *Onomastika Povolzh'ya* [Onomastics of the Volga Region]. Proceedings of the 15th International Conference. Arzamas. 13–16 September 2016. Arzamas; Sarov: Interkontakt. pp. 458–462. (In Russian).

27. Rubtsova, O.G. (2015) *Nazvaniya lekarstvennykh rasteniy v raznostrukturnykh yazykakh (na materiale russkogo, mariyskogo, nemetskogo i latinskogo yazykov)* [Names of medicinal plants in languages of different structures (based on the Russian, Mari, German and Latin languages)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Cheboksary.

28. Chernyavskiy, M.N. (1971) Uporyadochennaya sovokupnost' nomenklaturnykh naimenovaniy ili ... terminologiya? [An ordered set of nomenclature names or... terminology?]. In: *Semioticheskie problemy yazykov nauki, terminologii i informatiki* [Semiotic Problems of Languages of Science, Terminology and Computer Science]. Moscow: Moscow State University. pp. 350–353.

29. Sharashova, M.K. (1968) Sobstvennyye imena ili naritsatel'nye? [Proper names or common nouns?]. *Russkaya rech'*. 3. pp. 61–62.

30. Kryukova, I.V. (2004) Pragmatonim: evolyutsiya vzglyadov na slovesnye tovarnye znaki v otechestvennoy onomasticheskoy nauke [Pragmatonym: evolution of views on verbal trademarks in domestic onomastic science]. *Nauchnaya mysl' Kavkaza. Prilozhenie*. 2. pp. 121–125.

31. Novichikhina, M.E. (2004) Kommercheskoe nazvanie, reklamnyy tekst, brend, tovarnyy znak, nomen: razgranichenie ponyatiy [Commercial name, advertising text, brand, trademark, nomen: distinction between concepts]. *Vestnik VGU. Seriya: "Filologiya. Zhurnalistika"*. 1. pp. 165–170.

32. Reformatskiy, A.A. (1964) Toponomastika kak lingvisticheskiy fakt [Toponomastics as a linguistic fact]. In: *Toponomastika i transkriptsiya* [Toponomastics and Transcription]. Moscow: Nauka; USSR AS. pp. 9 – 34.

33. Komolova, Z.P. (1972) Opyt kolichestvennogo issledovaniya pragmonimov (na materiale tovarnykh znakov SShA) [Experience of a quantitative study of pragmonyms (based on US trademarks)]. In: *Voprosy terminologii i lingvisticheskoy statistiki* [Issues of Terminology and Linguistic Statistics]. Voronezh: Voronezh State University. pp. 50–60.

34. Komolova, Z.P. (1974) Semanticheskaya motivirovannost' pragmatonimov (na materiale tovarnykh znakov SSSR i SShA) [Semantic motivation of pragmatonyms (based on the trademarks of the USSR and the USA)]. In: *Problemy semantiki* [Problems of Semantics]. Moscow: [s.n.]. pp. 333–339.

35. Fayzullina, I.I. (2009) *Onomasticheskoe pole pragmatonimov sovremennogo russkogo yazyka* [Onomastic field of pragmatonyms of the modern Russian language]. Abstract of Philology Cand. Diss. Ufa.

36. Fomenko, O.S. (2009) *Pragmatonimy-globalizmy: lingvisticheskiy status i funktsional'naya kharakteristika* [Pragmatonyms-globalisms: linguistic status and functional characteristics]. Abstract of Philology Cand. Diss. Volgograd.

37. Isakova, A.A. (2004) *Yazykovaya adaptatsiya pragmonimov angliyskogo proiskhozhdeniya v russkom reklamnom tekste* [Linguistic adaptation of pragmonyms of English origin in Russian advertising text]. Abstract of Philology Cand. Diss. Saratov.

38. Isakova, A.A. (2008) *Evolutsiya pragmatonimicheskogo prostranstva: struktura, semantika, pragmatika (na materiale sovremennoy mekhanonimii)* [Evolution of the pragmatonymic space: structure, semantics, pragmatics (based on modern mechanonymy)]. Abstract of Philology Dr. Diss. Krasnodar.

39. Kryukova, I.V. (2004) *Reklamnoe imya: ot izobreteniya do pretседentnosti* [Advertising name: from invention to precedent]. Abstract of Philology Dr. Diss. Volgograd.
40. Soboleva, T.A. & Superanskaya, A.V. (1986) *Tovarnye znaki* [Trademarks]. Moscow: Nauka.
41. Goryaev, S.O. (2003) Nomenklaturnye edinitsey kak fakt onomastiki [Nomenclature units as a fact of onomastics]. In: Rut, M.E. (ed.) *Onomastika i dialektnaya leksika* [Onomastics and Dialectal Vocabulary]. Vol. 4. Yekaterinburg: Ural State University. pp. 125–131.
42. Bovaeva, G.M. (2022) Fitoleksemy kak eksplikatory biomorfnoy koda v kalmytskikh fol'klornykh mini-tekstakh: na materiale zagadok [Phytolexemes as explicators of the biomorphic code in Kalmyk folklore mini-texts: based on riddles]. *Uspekhi gumanitarnykh nauk*. 12. pp. 139–146.
43. Evtugova, N.N. & Novikova, E.V. (2023) Lingvopragmaticheskie i etnokul'turnye osobennosti agrarnogo neyminga (na primere nazvaniy sortov ogurtssov) [Lingvopragmatic and ethnocultural features of agrarian naming (based on the example of names of cucumber varieties)]. *Kommunikativnye issledovaniya*. 2 (10). pp. 223–238. doi: 10.24147/2413-6182.2023.10(2).223–238
44. Evtugova, N.N. & Novikova, E.V. (2023) [Ethnocultural specificity of agricultural naming (on the example of names of tomato and cucumber varieties)]. *Professional'naya kommunikatsiya v poliyazychnom prostranstve: mezhdisziplinarnyy podkhod* [Professional Communication in a Multilingual Space: Interdisciplinary approach]. Proceedings of the 1st International Conference. Moscow. 19–21 October 2023. Moscow: [s.n.]. pp. 17–22. (In Russian).
45. Goncharov, S.V. (2010) Nazyvay', chtoby luchshe prodat' [Name to sell better]. *Kukuruza i sorgo*. 3. pp. 27–29.
46. Komarova, Z.I. (1979) O nekotorykh zakonomernostyakh "iskusstvennoy nominatsii" (na materiale nomenklaturnykh nazvaniy sortov kartofelya) [On Some Regularities of "Artificial Nomination" (Based on Nomenclature Names of Potato Varieties)]. *Voprosy onomastiki*. 13. pp. 116–121.
47. Komarova, Z.I. (1991) *Semanticheskaya struktura spetsial'nogo slova i ee leksikograficheskoe opisaniye* [Semantic Structure of a Special Word and Its Lexicographical Description]. Sverdlovsk: Ural State University.
48. Golev, N.D. (1980) Zametki ob uslovno-simvolicheskoy nominatsii v russkom yazyke [Notes on Conditional-Symbolic Nomination in the Russian Language]. In: *Aktual'nye problemy leksikologii i slovoobrazovaniya* [Actual Problems of Lexicology and Word Formation]. Vol. 9. Novosibirsk: [s.n.]. pp. 47–58.
49. Gavrish, S.F. (1992) *Biologicheskyy potentsial kul'tury tomatov (Lycopersicon esculentum) i ego ispol'zovanie v selektsii sortov dlya zashchishchennogo grunta* [Biological potential of tomato crop (Lycopersicon esculentum) and its use in breeding varieties for protected ground]. Abstract of Agriculture Dr. Diss. Saint Petersburg.
50. Coates, R. (n.d.) What is onomastics? *International Council of Onomastic Sciences*. [Online] Available from: <https://icosweb.net/> (Accessed: 20.09.2024).
51. Mezenko, A., Genkin, V. & Derevyago, A. (2022) *Teoriya imeni sobstvennogo* [Theory of Proper Names]. Vitebsk: Vitebsk State University named after P.M. Masherov.
52. Vasil'eva, N.V. (2015) [Does onomastics need a new terminological dictionary?]. *Etnolingvistika. Onomastika. Etimologiya* [Ethnolinguistics. Onomastics. Etymology]. Proceedings of the 3rd International Conference. Yekaterinburg. 07–11 September 2015. Yekaterinburg: Ural Federal University. pp. 60–62. (In Russian).
53. Varnikova, E.N. (2017) K voprosu o sistemnosti russkoy zoonimii [On the Systematicity of Russian Zoonymy]. In: Berezovich, E.L. (ed.) *V sozvezdii slov i imen* [In the Constellation of Words and Names]. Yekaterinburg: Ural State University. pp. 133–147.
54. Ivanova, R.Ya. (1973) *Nazvaniya sortov vinograda v sovremennom russkom yazyke (k probleme nominatsii)* [Names of grape varieties in modern Russian (towards the problem of nomination)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Penza.

55. Komarova, Z.I. (1977) Vyavlenie motivirovochnogo priznaka fitonimov [Identification of the motivating feature of phytonyms]. In: *Problemy onomasiologii* [Problems of Onomasiology]. Kursk: Kursk State Pedagogical University. pp. 70–73.

56. Dan'kova, T.N. (2022) [Nomenclature names of plant varieties in the modern Russian language]. *Teoriya i praktika innovatsionnykh tekhnologiy v APK* [Theory and Practice of Innovative Technologies in the Agro-Industrial Complex]. Proceedings of the National Conference. Part 3. Voronezh. 14–29 March 2022. Voronezh: Voronezh State Agricultural University. pp. 118–123. (In Russian).

57. Shkuropiy, O.I., Ivanov, M.V. & Slivko, I.V. (2023) [The structure of ampelographic names]. *Rossiyskaya tsivilizatsiya v epokhu global'noy evolyutsii: obespechenie bezopasnosti i poisk putey resheniya problem v usloviyakh menyayushchegosya miroponyadka* [Russian Civilization in the Era of Global Evolution: Ensuring security and searching for ways to solve problems in the context of a changing world order]. Proceedings of the 2nd International Conference. Armavir. 25–26 November 2022. Armavir: ООО "Redaktsiya gazety "Armavirskiy sobesednik" (Armavirskaya tipografiya). pp. 302–304. (In Russian).

Информация об авторах:

Старикова Г.Н. – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: gstarikova@yandex.ru

Ли Тун – аспирант кафедры русского языка Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: tongli2020@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

G.N. Starikova, Cand. Sci. (Philology), associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: gstarikova@yandex.ru

Li Tong, postgraduate student, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tongli2020@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 16.01.2025;
одобрена после рецензирования 02.06.2025; принята к публикации 21.07.2025.*

*The article was submitted 16.01.2025;
approved after reviewing 02.06.2025; accepted for publication 21.07.2025.*

Научная статья
УДК 811.161.1
doi: 10.17223/19986645/96/6

Лексические интерференции в переводах труда И.Я. фон Вальгаузена «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей»

Андрей Андреевич Терещук¹

¹ *Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия, atereschuk@herzen.spb.ru*

Аннотация. Проведен сравнительный анализ трех версий текста военного устава И.Я. фон Вальгаузена «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей» (1615 г.): немецкого оригинала, нидерландского перевода, русского перевода. Выделены иноязычные интерференции в немецком оригинале; показаны стратегии перевода интерференций на нидерландский и русский языки. Отмечается тенденция к сокращению числа интерференций при каждом последующем переводе.

Ключевые слова: история русского языка, XVII в., немецкий язык, нидерландский язык, Вальгаузен, перевод, интерференция

Благодарности: статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ 23-28-00776 «Язык русских военных уставов XVII века».

Для цитирования: Терещук А.А. Лексические интерференции в переводах труда И.Я. фон Вальгаузена «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2025. № 96. С. 114–130. doi: 10.17223/19986645/96/6

Original article
doi: 10.17223/19986645/96/6

Lexical interferences in translations of Johann Jacobi von Wallhausen's treatise "Kriegskunst zu Fuß"

Andrei A. Tereshchuk¹

¹ *Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation,
atereschuk@herzen.spb.ru*

Abstract. The article is dedicated to the analysis of translations of "Kriegskunst zu Fuß", the military regulation by Johann Jacob von Wallhausen. This text was first published in German in 1615 in Oppenheim; in 1617 a Dutch translation was published in Arnhem; in 1647 the Dutch text was translated into Russian. The German original contains 1916 foreign language interferences from Latin, French, Italian, and Spanish. These lexical units are highlighted in type: they are printed in Roman type, while the rest of the text of the charter is in Gothic. The most frequent are interferences from the

Latin language: 321 lexemes are recorded in the text, which are used 1234 times, which is 64.4% of the total number of interferences. It is noted that despite the prestige of the Spanish army at the beginning of the 17th century, interferences from Spanish represent the smallest group of interferences (13 lexemes, 26 cases of use, 1.35%). When translated into Dutch, the number of interferences marked with type was noticeably reduced: in the 1617 text only 226 interferences are recorded. At the same time, the share of interferences from the Latin language increased: 121 lexemes, 210 cases of use, 92.92%. It is suggested that the translator wanted to reduce the number of interferences from French, Spanish, and Italian in connection with the military-political situation in the Republic of the United Provinces in 1617. It could also be related to the fact that the most prestigious language variety at the beginning of the 17th century became the language of Amsterdam, that won the "struggle" against the Brabant dialect, noticeably influenced by the French language. When translated into Russian, 38 Latinisms were preserved, of which 34 were proper names. A number of errors in the translation of proper names are shown. These errors were due to the translator's poor knowledge of ancient history. In addition, two interferences from the French language were preserved in the Russian text: "lutenant" and "cherge". For some interferences, equivalents available in Russian were selected; in a number of cases there is an omission of text fragments containing foreign language interference in the Russian translation. The text of the translation of von Wallhausen's book is compared with the translation into Russian of another famous military treatise of that era – "Kriegsbuch" by Leonhard Fronsperger. It is shown that when translating Fronsperger's work into Russian, a significant number of Latinisms were used, while in the book by von Wallhausen, an attempt was made to reduce the number of interferences from other languages.

Keywords: history of Russian, 17th century, German, Dutch, Wallhausen, translation, interference

Acknowledgments: The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 23-28-00776.

For citation: Tereshchuk, A.A. (2025) Lexical interferences in translations of Johann Jacobi von Wallhausen's treatise "Kriegskunst zu Fuß". *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 96. pp. 114–130. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/96/6

Введение

XVII в. в Европе стал временем серьезных изменений в принципах ведения боя. Данные перемены получили наименование «военная революция» [1. Р. 177–178] (обзор историографии спора относительно «военной революции» см.: [2. Р. 1–7]). Процесс модернизации вооруженных сил затронул и Россию: как пишет А.В. Малов, «русская армия в XVII в... прошла свой исторический путь от сословного войска средневекового Московского государства до регулярной императорской армии Петра Великого» [3. С. 576]. Этот путь, который американский русист П. Бушкович характеризует как «великое превращение» («great transformation») [4. Р. 31], ознаменовался не только заимствованием технологических новинок, но и заметным культурным влиянием Западной Европы на Московское царство (о релевантности заграничного воздействия на русскую культуру в XVII в., особенно в правление Алексея Михайловича

(1645–1676), писал целый ряд классиков отечественной науки; см., например: [5. С. 147; 6. С. 121; 7. С. 108; 8. С. 297; 9. С. 288]].

Менее однозначным представляется вопрос о языковом влиянии латыни и живых европейских языков на русский в XVII в. Модернизация армии была сопряжена с переводом на русский язык западноевропейских военных трактатов и уставов. В 1607 г. с немецкого языка на русский была переведена «Воинская книга» («Kriegsbuch») Л. Фронспергера, ставшая одним из первых переводов европейского научного текста в России [10. С. 147]. Через 13 лет на основе перевода текста Л. Фронспергера мастером Печатного двора А. Радищевским был составлен «Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки» [11. С. 92–93]. В 1647 г. на Московском печатном дворе был выпущен перевод военного устава И.Я. фон Вальгаузена (Wallhausen) (впервые опубликованный в Оппенхайме в 1615 г.) «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей» («Kriegskunst zu Fuß»; далее – «Учение») [12. Р. 8] (в некоторых работах этот текст ошибочно называют «первым переводом чисто светского труда на русский язык» [13. S. 159]). Отметим, что перевод текста И.Я. фон Вальгаузена на русский язык был выполнен не с немецкого оригинала, а с его версии на нидерландском (голландском) языке, что было доказано еще в середине прошлого века норвежским славистом К.Ш. Стангом [14. Р. 7]. Интерес Алексея Михайловича к данному тексту – зафиксированы случаи, когда царь лично дарил книгу И.Я. фон Вальгаузена приближенным [3. С. 113], – обусловлен не только тем фактом, что к середине XVII в. кавалерия уступила пехоте ведущую роль на полях сражений [15. Р. 34], но и популярностью труда немецкого военного теоретика в современной ему Европе [1. Р. 187–189]. При этом биография И.Я. фон Вальгаузена остается слабо изученной в исторической науке. Известно, что он был преподавателем в Военной школе («Kriegsschule») в Зигене, созданной графом Иоганном VII Нассау-Зигенским. И.Я. фон Вальгаузен работал в полилингвальной среде, и, по всей видимости, помимо владения немецким и латинским языками, обладал определенным уровнем языковой компетенции во французском, нидерландском, итальянском и испанском языках.

Ссылки на устав И.Я. фон Вальгаузена можно встретить и во многих трудах современных историков, занимающихся изучением военного дела в Европе XVII в.; так, например, данный текст является основным источником для докторской диссертации (PhD) Л.Э. Стаяно-Дэниелса, защищенной в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе несколько лет назад [16]. Кроме того, текст «Учения» представляет интерес для изучения русского языка XVII в. При этом ранее в лингвистических работах, посвященных «Учению» [12, 14, 17, 18] (также вопрос о языковых особенностях текста «Учения» затрагивается в монографиях В. Кипарского и Ф.П. Сороколетова [19, 20]), не было проведено систематического сопоставительного анализа русской версии с немецким оригиналом и нидерландским переводом.

Переводчики «Учения» столкнулись с серьезной проблемой: в русском языке XVII в. отсутствовали многие специальные термины, часто встречаю-

щиеся в немецком трактате и его нидерландской версии. Кроме того, оригинальный текст И.Я. фон Вальгаузена содержит многочисленные иностранные слова, словосочетания или даже отдельные предложения (на латинском, французском, итальянском и испанском языках). В настоящей работе данные элементы будут определяться как иноязычные интерференции. В соответствии с классическим определением У. Вайнрайха, под интерференциями понимаются случаи «отклонения от норм любого из языков, которые происходят в речи двуязычных в результате того, что они знают больше языков, чем один, то есть вследствие языкового контакта» [21. С. 22]. Отдельно стоит провести границу между интерференциями и заимствованиями: заимствование («loanword») может быть определено как «a word that at some point in the history of a language entered its lexicon as a result of borrowing (or transfer, or copying)», ‘слово, которое в определенный момент истории языка вошло в его лексикон в результате заимствования (или трансфера, или копирования)’ [22. Р. 36], в то время как интерференции часто являются нестабильными и далеко не всегда закрепляются в языке (естественно, с течением времени, лексическая интерференция может превратиться в заимствование).

Близким «интерференции» по значению термином является «иноязычные вкрапления». По определению Л.П. Крысина, в отличие от заимствования, при котором «слово или какая-либо другая единица подчиняется (хотя бы частично) фонетике и грамматике заимствующего языка», они сохраняют «иносистемный облик вкрапливаемого элемента» [23. С. 23]. Определять анализируемые элементы в трактате И.Я. фон Вальгаузена как «вкрапления» было бы некорректно: многие из них употребляются с немецкими аффиксами, что нехарактерно для вкраплений; например франц. *difficulté* («трудность») приобретает немецкий формант мн. ч.: *Difficulteten*. Не являются данные интерференции и ксенонимами, т.е. лексическими единицами, обозначающими уникальные для чужой культуры понятия [24. Р. 205]. Кроме того, зафиксированные интерференции (в том числе и включение в текст нескольких предложений на латинском языке) мы не будем рассматривать как переключение кодов, представляющее собой более сложную схему взаимодействия между двумя языками, которое проявляется не только на лексическом, но и на морфосинтаксическом уровне (см. на эту тему: [25. Р. 157]).

Интерференции в книге И.Я. фон Вальгаузена выделены типографически: в то время как основной текст трактата набран готическим шрифтом, иноязычные лексические единицы напечатаны латинским (прямым) шрифтом. Соответственно, сам автор (или его издатель) воспринимал их как «чужую», иностранную лексику. Выделение интерференций шрифтом сохраняется и в нидерландском тексте, но отсутствует в русском переводе. Настоящее исследование предполагает выявление переводческих стратегий, использованных при передаче интерференций из латинского, французского, итальянского и испанского языков в версиях трактата на немецком, нидерландском и русском языках.

Материал и методология исследования

Русский переводчик мог использовать две возможные стратегии для перевода лексических интерференций: доместикацию или форенизацию, т.е. снятие культурных различий или, наоборот, «нарушение культурных кодов, которые превалируют в целевом языке» [26. Р. 210]. Соответственно, можно было либо сохранить иноязычную интерференцию в переводе, либо подобрать подходящий русскоязычный эквивалент; при этом, как было отмечено выше, в русском языке той эпохи еще отсутствовала развитая научная терминология, и поиск эквивалента становился сложной задачей. Как известно, факторами, которые благоприятствуют заимствованию иностранной лексики (или включению в текст иноязычной интерференции), являются как отсутствие в принимающем языке односоставного понятия для выражения значения, передаваемого иностранным словом, так и употребление иноязычной лексики в качестве социального маркера [27. С. 14]. Второй случай связан с ситуацией, когда один из языков воспринимается как «престижный» [28. Р. 161]. Рассмотрение того, как интерференции передавались в тексте «Учения», будет иметь значение не только для лингвистического изучения русских военных уставов XVII в., но и для анализа влияния языков Западной Европы на русский в допетровскую эпоху, а также для теории языковых контактов.

Материалом для настоящего исследования служат немецкий оригинал трактата И.Я. фон Вальгаузена 1615 г. (Wallhausen 1615); перевод на нидерландский язык, опубликованный в 1617 г. в Арнеме (Wallhausen 1617); перевод на русский язык, выполненный в 1647 г. (в работе использовалось переиздание 1904 г., в котором сохраняются орфография и пунктуация оригинала и которое отличается от текста XVII в. заменой церковнославянского шрифта гражданским) (Учение). Работа разделяется на три этапа. На первом этапе рассматриваются интерференции в немецком тексте. На втором этапе анализируется передача данных интерференций в нидерландском переводе. На третьем этапе нидерландская версия сравнивается с русским переводом; анализируется отражение интерференций на русском языке. Отметим, что большая часть иностранных существительных в тексте И.Я. фон Вальгаузена написаны с прописной буквы по аналогии с немецким языком; кроме того, у интерференций за несколькими исключениями отсутствуют диакритики. Соответственно, мы указываем вариант орфографии, присутствующий в анализируемом тексте (например, галлицизм *Reputation*, «репутация», вместо *réputation*).

Результаты исследования

1. Немецкая версия. По языку происхождения интерференции в немецком тексте можно разделить на пять категорий: лексемы из латинского, французского, испанского и итальянского языков, а также такие лексические единицы, форма которых совпадает в двух и более языках (т.е. «общая»

лексика). Например, лексема *Proverbio* («пословица») может быть интерференцией из испанского или итальянского языков. У некоторых лексем встречается несколько вариантов орфографии; например, галлицизм *Occasion* («случай») употребляется 23 раза, из которых один раз – в форме *Occision*. В то время как данный случай объясняется опечаткой, в других примерах можно отметить сомнения автора в том, какая форма является «правильной»: лексема *Confederation* («союз, конфедерация») два раза употреблена в такой форме, а три раза через «i»: *Confideration*.

Наиболее многочисленную группу представляют латинизмы – 321 лексическая единица, которые употребляются в общей сложности 1 234 раза (64,4% от общего числа интерференций). Наиболее частотными являются лексемы *Numerus*, «номер» (также сокращение *Num.* и форма аблатива ед. ч. *Numero*) (147 раз), *Litera* (также *lit.*, «литера») (115), *Figura* (также *fig.*, «фигура, картинка») (65), *cap.* (сокр. от *capitulum*, «глава») (37), *punctus* (форма аблатива *puncto*, «пункт») (26 раз), которые выполняют вспомогательную функцию в тексте и отсылают читателя к многочисленным иллюстрациям, представленным в трактате (об иллюстрациях у И.Я. фон Вальгаузена см.: [1. Р. 187]). Отметим, что употребление данных латинских сокращений было распространенной практикой в немецких военных текстах XVII в. [29. Р. 149–150]. Из остальных латинизмов чаще всего употребляются лексемы *Exercitio* («упражнение») (38 раз), *Bellum* («война») (19) и *Corpus* («тело») (19). Как латинизм мы определили и интерференцию *Quadrat* («квадрат»), которое встречается в тексте 18 раз. В немецком языке данная лексема фиксируется с начала XV в. и происходит от лат. *quadrātus* [30]; в такой же форме она была заимствована и в английский и нидерландский языки той эпохи. Немецкий язык заимствовал ее напрямую из латыни, а не из родственных германских языков, поэтому *Quadrat* оказывается в числе латинизмов. При этом автор воспринимал ее как иностранное слово, поэтому выделил *Quadrat* шрифтом. Представляют собой имена собственные 25 латинских лексических единиц, преимущественно относящиеся либо к античной истории (*Vegetius*, *Plutarcho*), либо к библейской традиции (*Jesus*, *Samuel*).

В отличие от интерференций из других языков, И.Я. фон Вальгаузен неоднократно включает в текст целые фразы на латинском. Например, в «Посвящении» (*Dedication*) он приводит пространную цитату на латинском из трактата римского историка конца IV – начала V в. Вегетия «О военном деле» («*De re militari*») (Wallhausen 1615. O.S.). Труд Вегетия пользовался популярностью среди европейских военных специалистов в XV–XVII вв., поэтому обращение к нему И.Я. фон Вальгаузена совершенно закономерно [31. Р. 25]. Остальные латинизмы – это книжная лексика, относящаяся преимущественно к военному делу (*militaris* «военный»), образовательному процессу (*Scientia* «наука») или праву (*legitimus* «легитимный»).

Второе место по частотности занимают галлицизмы: 133 лексемы, которые встречаются 522 раза (27,24%), в том числе 165 «смешанных» глагольных форм, т.е. французских глаголов с немецкими аффиксами, например,

approchiren («приближаться», от франц. *approcher*). Как правило, существительные чаще, чем глаголы, становятся предметом заимствования и интерференции; тем не менее в тексте И.Я. фон Вальгаузена процент глагольных интерференций (31,6%) более чем в два раза превосходит среднее значение по проценту заимствований глаголов (14%), рассчитанное на материалах 41 языка в рамках Лейпцигского проекта по изучению заимствований («Leipzig Loanwords Project») [32. Р. 2]. Вопрос о причинах появления в немецком тексте «смешанных» глагольных форм заслуживает отдельного исследования.

К лексемам, которые мы определили как «общие», относится 33 лексические единицы (57 случаев употребления, 2,97%); к итальянизмам – 21 лексема (77 раз, 4,01%); к испанизмам – 13 лексем (26 раз, 1,35%). Небольшое количество интерференций из испанского языка является неожиданным: период публикации трактата (начало XVII в.) традиционно рассматривается как эпоха господства испанской пехоты на полях сражений в Европе [15]. В то же время французская армия в первой половине XVII в. еще не успела стать законодательницей моды в военном искусстве и главным образом следовала за шведами и голландцами, нововведения которых часто рассматриваются как решающие для военной революции XVI–XVII вв. [1; 31. Р. 19–22]. Тем не менее галлицизмы встречаются в тексте трактата более чем в 20 раз чаще, чем испанизмы. Это говорит о том, что немецкий военный теоретик воспринимал французский язык как престижный. В данном случае можно вспомнить, что в «передовой» голландской армии в конце XVI – начале XVII в. служило большое количество французских гугенотов [33. Р. 174]. Сам И.Я. фон Вальгаузен какое-то время также состоял на голландской службе и мог воспринять французский язык от своих сослуживцев, спасавшихся от религиозных преследований в Республике Соединенных провинций.

2. Нидерландская версия. Как было отмечено выше, в 1617 г. в Арнеме вышел перевод трактата И.Я. фон Вальгаузена на нидерландский язык. Количество иноязычных интерференций в переводе значительно меньше, чем в оригинале. Так, в нидерландском переводе сохраняются всего 5 галлицизмов (6 случаев употребления, 2,65% от общего числа), 3 итальянские лексемы (9 случаев, 3,98%) и 1 испанская (1 случай, 0,44%). Единственная группа интерференций, которая часто встречается в нидерландском тексте, – это латинизмы (121 лексема, 210 случаев употребления; 92,92%); при этом в переводе они употребляются в два с половиной раза реже, чем в немецком оригинале.

Снижение числа интерференций в нидерландском тексте может объясняться несколькими причинами. Некоторые из иноязычных лексем, выделенных шрифтом в немецком оригинале, сохраняются в переводе, но набираются готическим шрифтом. Например, И.Я. фон Вальгаузен выделяет французскую лексему *Compagnie* («фрота»; нем. *Kompanie*; в немецком языке лексема *Compagnie* имеет значение «компания»), однако в нидерландском языке данное слово сохраняет французскую орфографию и, естественно, никак в тексте перевода не маркируется. Некоторые из интерференций сохра-

няются в переводе, но не выделяются шрифтом, несмотря на то, что отсутствуют в нидерландском языке. Например, не маркируется лексема *batalie* (от франц. *bataille* «сражение»), отсутствующая в нидерландском (*gevecht*, *strijd*). Наконец, для ряда интерференций в немецком тексте подобраны нидерландские эквиваленты. Так, И.Я. фон Вальгаузен употребляет лексему *mutiren* (от франц. *muter* «изменяться»; совр. нем. *mutieren*); в переводе использована нидер. *veranderen* (однокоренная с нем. *verändern*).

Данные изменения в нидерландском переводе могут быть объяснены несколькими факторами. В XVII в. нидерландский язык испытывал сильное влияние французского. В 1617 г. драматург Г.А. Бредеро выпустил комедию «Испанский брабантец» («*Spaansche Brabander*»), в которой высмеивалось избыточное употребление французских слов в речи. Действительно, в нидерландском языке фиксируется большое количество галлицизмов; показательно, что 6,9% французских заимствований относится к военной сфере (больше, чем из латинского и немецкого) [34. Р. 352]. Можно предположить, что французская лексика из текста И.Я. фон Вальгаузена, воспринимавшаяся как «чужая» немецкоязычным читателем, была хороша знакома образованным голландцам и не нуждалась в выделении.

Однако начало XVII в. – это период формирования литературного нидерландского языка. Если в предыдущем столетии престижным считался брабантский диалект, с конца XVI в. основой для литературного языка стала разновидность, распространенная в провинции Голландия и городе Амстердам. Это было связано с событиями Восьмидесятилетней войны: после разграбления Антверпена (центра Брабанта) испанскими войсками в 1576 г. и повторного взятия города Испанией в 1585 г. большое количество богатых купцов переехало с юга Нидерландов в Амстердам, который стал стремительно развиваться [35. Р. 101]. При этом именно для юга Нидерландов было характерно особенно заметное влияние французского (в вышеупомянутом «Испанском брабантце» герой, «злоупотреблявший» галлицизмами, говорил с антверпенским акцентом). Замена некоторых галлицизмов в переводе могла быть вызвана желанием дистанцироваться от потерявшего престижный статус брабантского и стремлением подчеркнуть собственную национальную идентичность.

Этим же желанием могло быть вызвано и сокращение интерференций из других языков. Автор перевода мог воспринимать испанский и итальянский как «вражеские» языки: напомним, что с 1566 г. голландцы вели войну за независимость против испанской монархии. В 1609 г. было заключено Двенадцатилетнее перемирие, но все в Нидерландах понимали, что в 1621 г. (через четыре года после публикации перевода) война возобновится. Арнем, в котором был выпущен перевод трактата И.Я. фон Вальгаузена, с 1585 г. находился под контролем Республики Соединенных провинций, и труд немецкого военного теоретика был ориентирован на офицеров голландской армии, которая готовилась воевать против испанцев. При этом в испанских терциях служили не только кастильцы, но и большое число выходцев из других стран Европы, особенно с Апеннинского полуострова [15. Р. 135]. Той

же причиной могло быть вызвано и сокращение в два с половиной числа латинизмов: хотя нидерландский язык той эпохи испытал заметное влияние латыни, в том числе и на морфосинтаксическом уровне [35. Р. 96], в языковом сознании автора перевода латинский мог ассоциироваться с Католической церковью и Испанией.

3. Русская версия. Как было указано выше, перевод труда И.Я. фон Вальгаузена на русский язык осуществлялся не с немецкого оригинала, а с нидерландского перевода. Имя переводчика и обстоятельства, при которых в Москву попала нидерландская версия, остаются неизвестными [14. Р. 7; 36. С. 106]. Для нашего исследования важно то, что переводчику пришлось иметь дело со значительно меньшим количеством интерференций, чем в немецком оригинале (1 916 в немецком тексте, 226 – в нидерландском). Кроме того, 92,92% интерференций в нидерландском тексте представляли собой латинизмы, которые могли быть хорошо знакомы автору перевода. Известно, что в 1640-е гг. в Посольском приказе была группа переводчиков, которые работали с классической латынью, и группа тех, кто переводил с «цесарского латинского», использовавшегося в венской канцелярии [37. С. 39]. Кроме того, с начала XVII в. русский язык испытал заметное влияние латыни; как показывал В.В. Виноградов, «знание латинского языка распространяется среди привилегированных слоев духовенства, разночинной интеллигенции и дворян» [38. С. 38]. Соответственно, латинские интерференции в нидерландском тексте не были препятствием для создания качественного перевода. Однако возникает вопрос об отношении современников к использованию иноязычных лексических единиц при переводе на русский язык.

«Вот, что много рассуждать: не латинским языком, ни греческим, ни еврейским, ниже иным коим ищет от нас говоры Господь, но любви с прочими добродетельми хошет; того ради я и не бегу о красноречии и не унижаю своего языка руссаго» [39. С. 78], – заявлял протопоп Аввакум и продолжал: «Говори своим природным языком; не унижай ево и в церкви, и в дому, и в пословицах» [39. С. 109]. Хотя эти слова духовного лидера старообрядцев были написаны через два с половиной десятилетия после публикации перевода труда И.Я. фон Вальгаузена, они могли отражать настроение части русского общества и во второй половине 1640-х гг. Часть интеллектуальной элиты Московского царства выступала за пуризм в языковой политике. Как показывает Х.Ф. Шиффман, пуризм может быть связан с религиозным фундаментализмом или с определенными политическими движениями националистического толка [40. Р. 62]. Хотя до церковного раскола, вызванного реформами патриарха Никона, оставалось еще несколько лет, в русском обществе уже существовали противоречия между «западниками» и будущими старообрядцами, которые негативно воспринимали любые иностранные заимствования.

Как было отмечено выше, в 1607 г. на русский язык был переведен другой известный немецкий военный устав – «Воинская книга» Л. Фронспергера. В данном тексте, как и в трактате И.Я. фон Вальгаузена, присутствует большое количество латинизмов. Значительное количество латинских слов

включено в русский перевод. Более того, в ряде случаев, когда переводчики не могли подобрать подходящий русский эквивалент для немецкого слова, они использовали латинский термин (когда речь шла о названии какого-либо вещества). Наконец, русский перевод текста Л. Фронспергера сопровождался словарем латинских терминов [41. С. 57].

Переводчик труда И.Я. фон Вальгаузена выбрал иную стратегию. При переводе латинских интерференций он сохранил только 38 случаев употребления латинизмов, из которых 34 представляют собой имена собственные, например, *Сенека*, *Касиодор* (подчеркнем, что речь идет не о всех латинизмах в тексте «Учения», а только о тех, которые использовались для перевода маркированных в нидерландской версии интерференций). Два раза в нидерландском тексте встречается интерференция *caput* («голова; командир»), которая один раз передана как *капирть* (Учение. С. 58), а затем, на той же странице, как *капет*. Интересно, что во втором случае переводчик ошибочно указывает, что «афранцузским языком капеть голова» (Учение. С. 58) (стар.-франц. *cap* «голова»). Причина данной ошибки – неправильно понятое предложение в нидерландском тексте, в котором речь идет о том, что слово *capitaine* во французском языке восходит к *caput*: «en in't Francops Capitaine vant woort Caput sijnen name heeft» (Wallhausen 1617. P. 19).

Передача другого латинизма на русский язык служит еще одним подтверждением того, что перевод осуществлялся не с немецкого оригинала, а с нидерландской версии книги. Латинская лексема *Vicarium* («заместитель; викарий») передается на русском с начальным «ф»: *фикарий* (Учение. С. 59). В немецком языке в большинстве заимствований из латыни буква «v» в начале слова передает звук [v] (например, *Vikar*, «викарий»); в то же время в нидерландском языке латинский [v] в анлауте всегда оглушается [35. P. 151–152].

Четвертый пример сохранения латинской интерференции при переводе – передача лексемы *figura* («фигура»; используется при ссылке на иллюстрации). Выделенное шрифтом слово *figura* встречается в нидерландском тексте четыре раза (в немецком оригинале – 65 раз). На русский оно передается как *число*, но один раз переводчик сохранил латинское слово *фигура* (Учение. С. 121).

Заслуживает внимания и передача на русский язык выделенных в нидерландском тексте латинских имен собственных. Хорошо знакомые переводчику персоналии не вызвали у него затруднений, например: *Июлий Кесарь*, в форме Т.п. *Июлиемъ Кесаремъ* (Учение. С. 22), *Тертулианъ* (Учение. С. 38), *Александръ Макидонскій*, в форме род. п. *Александра Макидонского* (*sic*, с окончанием -ого) (Учение. С. 38). Интересно, что в последнем примере в оригинале вместо *van Macedonië* было написано *Alexandro de groote* (Wallhausen 1617. S. 10) («Александр Великий»; форма аблатива от *Alexander*; нидер. *de groote* также выделено прямым шрифтом), однако переводчик, естественно, знал, что «Александр Великий» и «Александр Македонский» – это одно лицо. При этом его в целом слабое знание античной истории привело к нескольким грубым ошибкам при переводе. И.Я. фон

Вальгаузен перечисляет несколько римских императоров: *Theodosius, Valentinianus ende Arcadius* (Wallhausen 1617. P. 9). В переводе императоры Феодосий I (правил в 379–395 гг.) и Валентиниан (по всей видимости, Валентиниан I, правил в 364–375 гг.) превратились в одного человека; кроме того, имя основателя новой династии было передано на нидерландский манер, через начальный «ф»: *Славный кесарь Федосіуъ Фалентіануъ, да и Аркардіуъ* (Учение. С. 37). Другой пример: появление в русском тексте *Плутарха Катонскаго* (Учение. С. 38) – переводчик решил, что предлог *van* в словосочетании *Plutarcho van Catone* (Wallhausen 1617. P. 10) указывает на происхождение древнегреческого историка. На самом деле, И.Я. фон Вальгаузен ссылается на жизнеописание Марка Порция Катона-младшего, включенное Плутархом в «Сравнительные жизнеописания». В одном месте переводчик перепутал топоним и персоналию: *Campus Martius* (Wallhausen 1617. P. 10) он перевел не как «Марсово поле в Риме», но как «Камъпумай Мартинъ» (Учение. С. 37).

Также можно отметить сомнения переводчика при передаче на русский язык некоторых латинских имен собственных. Имя упоминавшегося выше древнеримского военного историка Вегеция встречается в нескольких вариантах орфографии (в том числе несколько раз на одной странице): *Фиетіуъ* (Учение. С. 37), *Фегутіуъ* (Учение. С. 37), *Фегетіуъ* (Учение. С. 37), *Фегетисъ* (Учение. С. 38). В отдельных случаях переводчик не стал передавать в русском тексте имена собственные. Так, без перевода осталось метафорическое выражение *post nubila Phoebus* («после туч Феб») (Wallhausen 1617. P. 111) – переводчик, по всей видимости, не знал, что Феб – это прозвище Аполлона, олицетворявшего солнце, и выпустил эту метафору из русского текста, переведя только ее объяснение на нидерландском: «Dat is na den regen schijnt de Sonne wederom» (Wallhausen 1617. P. 111) – «После дождя ведро, и солнечное сияніе бываетъ» (Учение. С. 278).

Интерференции не из латинского языка встречаются в нидерландском переводе всего 16 раз (7,08%; 9 лексических единиц). В русском тексте переданы всего две интерференции, обе из французского языка. Данные интерференции относятся к системе воинских чинов. Лексема «лютенантъ» сопровождается указанием: «пофранцузскому языку откуда то прошло» (Учение. С. 58). Аналогичным образом объясняется этимология лексемы «сержантъ»: «А тѣ сержанты имѣють имя свое, отъ французскаго слова, серже» (Учение. С. 66); в нидерландском тексте: «Dese Sergianten hebbe haer name van't Fransopsche woort Cherge» (Wallhausen 1617. P. 22). Отметим, что переводчик не знал, что во французском языке буквенное сочетание «ch» передает глухой постальвеолярный сибилант [ʃ], а буква «e» на конце слова не читается.

Для перевода остальных нелатинских интерференций были выбраны две стратегии. Первая заключалась в подборе русских эквивалентов. Так, итал. *Generalissimo* («генералиссимус») один раз переведено как «генераль» и три раза как «генеральной человекъ». Франц. (*Capiteyn*) *des armes* («каптенармус»; слово «Capiteyn» набрано готическим шрифтом) переведено сначала как «урядникъ, надъоржіемъ» (Учение. С. 180), а второй раз как «дозорщикъ

надбрюжьем» (Учение. С. 205). Подобная путаница вполне естественна: с созданием в России XVII в. полков иноземного строя появилось большое количество «урядничьих и приказных чинов, зачастую по-разному называвшихся на языках тех наций, представители которых служили в России в XVII в. Номенклатура и наименование чинов стабилизировались лишь к середине столетия» [З. С. 162]. Альтернативная стратегия перевода подразумевала замену сочетания иноязычного существительного с нидерландским глаголом на русский глагол. В нидерландском тексте четыре раза встречается интерференция из итальянского *salve* («залпы»), которая каждый раз трансформировалась в глагольную конструкцию в русском. Например, *Salve doen* (досл. «делать залпы»; слово *doen* готическим шрифтом) (Wallhausen 1617. Р. 112) переведено как «выстрѣлити» (Учение. С. 283).

Заключение

Настоящая статья представляет собой первую попытку комплексного анализа русского текста военного устава И.Я. фон Вальгаузена «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей» в сопоставлении с нидерландской и немецкой версиями трактата. Оригинальная версия, опубликованная в 1615 г. на немецком языке, включала 1 916 иноязычных интерференций из латинского, французского, итальянского и испанского языков. Данные лексические единицы были маркированы шрифтом. В тексте трактата на нидерландском языке было оставлено всего 226 маркированных интерференций; при этом при переводе возросла доля интерференций из латинского языка (64,4% от общего числа интерференций в немецком тексте, 92,92% – в нидерландском). Перевод трактата И.Я. фон Вальгаузена на русский язык выполнялся не с немецкого оригинала, а с нидерландской версии. Иностранные интерференции никак не маркировались в русском тексте. Кроме того, в процессе перевода для большей части интерференций подбирались русские эквиваленты; либо интерференции опускались, что позволяет говорить о принципиально ином подходе к использованию иноязычной лексики в русском тексте по сравнению с переводом другого важного военного устава той эпохи – «Воинской книги» Л. Фронспергера. В русском переводе сохранилось всего два галлицизма и 38 латинизмов, 34 из которых представляют собой имена собственные, относящиеся к античной истории или к библейским сюжетам. При передаче маркированных имен собственных из нидерландского текста переводчик допустил ряд ошибок, обусловленных слабым знанием античной истории.

Источники примеров

Учение и хитрость ратного строения пѣхотныхъ людей. СПб.: Типографія «Бережливость», 1904. 357 с.

Wallhausen J.J. *Kriegskunst zu Fuß*. Oppenheim: De Bry, Gallerus, 1615. 154 S.

Wallhausen J.J. *Krychs-konst te voet*. Arnem, 1617. 117 p.

Список источников

1. *Parker G.* From the House of Orange to the House of Bush: 400 years of Revolutions in Military Affairs // *Militaire Spectator*. 2003. № CLXXII/4. P. 177–193.
2. *Bäckström O.* Military Revolution and the Thirty Years War 1618–1648: Aspects of Institutional Change and Decline. Helsinki : Helsinki University Press, 2023. 304 p.
3. *Малов А.В.* Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории. 1656–1671 гг. М. : Древлехранилище, 2006. 624 с.
4. *Bushkovitch P.* The Romanov Transformation, 1613–1725 // *The Military History of Tsarist Russia*. New York ; Basingstoke : Palgrave, 2002. P. 31–46.
5. *Вернадский Г.В.* Русская история : учеб. М. : Аграф, 1997. 544 с.
6. *Ключевский В.О.* Сочинения : в 9 т. Т. 3: Курс русской истории. Ч. III. М. : Мысль, 1988. 414 с.
7. *Милюков П.Н.* Очерки по истории русской культуры : в 3 т. Т. 3. М. : Прогресс-Культура, 1995. 480 с.
8. *Панченко А.М.* Русская история и культура: Работы разных лет. СПб. : Юна, 1999. 520 с.
9. *Шмурло Е.Ф.* История России 862–1917. Н. Новгород : Черная Сотня, 2016. 688 с.
10. *Русаковский О.В.* «Имена составам, которые сгождаются к огненным хитростям» в составе «Воинской книги» Михаила Юрьева и Ивана Фомина (1607). Ранний опыт составления естественно-научного индекса в русской книжности // *Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетия : материалы междунар. науч. конф.* М. : Институт российской истории РАН, 2021. С. 147–155.
11. *Руднев Д.В.* Императивные конструкции в «Уставе ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки» // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2024. № 87. С. 91–109.
12. *Rusakovskiy O.* The Russian Edition of Johann Jacobi von Wallhausen’s “Kriegskunst zu Fuß” (1649): The History of A Failure? // *Militaergeschichtliche Zeitschrift*. 2020. Vol. 79, № 1. P. 1–25.
13. *Angermann N.* Die Russisch-Deutsche kulturelle Begegnung am Hofe der ersten Romanovs // *Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени*. СПб., 2014. S. 152–170.
14. *Stang C.S.* La langue du livre “Учение и хитрость ратного строения пѣхотныхъ людей”. Oslo : I kommisjon hos J. Dybwad, 1952. 86 p.
15. *Albi de la Cuesta J.* De Pavía a Rocroi: Los tercios españoles. Madrid : Desperta Ferro Ediciones, 2017. 430 p.
16. *Staiano-Daniels L.E.* The War People. The Daily Life of Common Soldiers 1618–1654. A dissertation submitted in partial satisfaction of the requirements for the degree Doctor of Philosophy in History. Los Angeles : University of California, 2018. 377 p.
17. *Сидоренко Р.И.* Из истории терминов общеславянского происхождения // *Збірник наукових праць Управління підготовки пед. кадрів Мін-ва освіти УРСР*. Т. I. Мовознавство. Київ, 1958. С. 127–141.
18. *Сидоренко Р.И.* Из наблюдений над лексикой памятника «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей» // *Наук. зап. Київ. пед. ін-ту*. 1958. Т. XXIX. С. 49–65.
19. *Купарский В.* О колебаниях ударения в русском литературном языке. Односложные имена существительные. Хельсинки : Ежегодник ин-та по изучению СССР в Финляндии, 1950. 123 с.
20. *Сороколетов Ф.П.* История военной лексики в русском языке (XI–XVII вв.). М. : Либроком, 2009. 384 с.
21. *Вайнрайх У.* Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования. Киев : Вища школа, 1979. 264 с.

22. *Haspelmath M.* Lexical borrowing: Concepts and issues // *Loanwords in the World's Languages: A Comparative Handbook*. Berlin ; New York : De Gruyter Mouton, 2009. P. 35–54.
23. *Крысин Л.П.* Очерки по социолингвистике. М. : Флинта, 2021. 360 с.
24. *Beloglazova E.V.* Lexicography of Russianisms in English // *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 2023. № 207. P. 203–208.
25. *Poplack S.* Loanwords in the speech community and in the grammar. New York : Oxford University Press, 2018. 246 p.
26. *Venuti L.* Translation as cultural politics: Regimes of domestication in English // *Textual Practice*. 1993. № 7 (2). P. 208–223.
27. *Нагель О.В., Волкова М.В.* Семантические сдвиги лексических заимствований в русском языке и прагматика их употребления // *Язык и культура*. 2023. № 64. С. 8–27.
28. *Hoque M.A., Ali M.M., Puteh-Behak F., Baharun H.* Lexical borrowings from the English language into Bangla short stories // *Journal of Language and Linguistic Studies*. 2021. № 17 (1). P. 158–172.
29. *Staiano-Daniels L.A.* Brief Introduction to Seventeenth-Century Military Manuscripts and Military Literacy // *Manuscript Studies: A Journal of the Schoenberg Institute for Manuscript Studies*. 2020. Vol. 5, № 1. P. 140–161.
30. Etymologisches Wörterbuch des Deutschen. URL: <https://www.dwds.de/d/wb-etymwb> (дата обращения: 22.04.2024).
31. *Parrot D.* Richelieu's army: war, government, and society in France, 1624–1642. Cambridge : Cambridge University Press, 2001. 628 p.
32. *Meakins F., Pensalfini R., Zipf C., Hamilton-Hollaway A.* Lend me your verbs: Verb borrowing between Jingulu and Mudburra // *Australian Journal of Linguistics*. 2020. Vol. 40, Is. 3. P. 1–23.
33. *Glozier M.* Huguenot Soldiers in the Netherlands // *Groniek*. 2015. № 208/9. P. 173–187.
34. *Van der Sijs N.* Loanwords in Dutch // *Loanwords in the World's Languages: A Comparative Handbook*. Berlin ; New York : De Gruyter Mouton, 2009. P. 338–359.
35. *Donaldson B.* Dutch. A linguistic history of Holland and Belgium. Leiden : Uitgeverij Martinus Nijhoff, 1983. 199 p.
36. *Соболевский А.И.* Переводная литература Московской Руси XIV–XVIII веков: Библиографические материалы. СПб. : Типография Императорской Академии наук, 1903. 464 с.
37. *Сквайрс Е.Р., Григорьева Е.В.* Латинские и немецкие тексты самозванца Лже-Шуйского II (Тимофея Анкидинова): лингвистические аспекты проблемы подлинности // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2002. № 3 (9). С. 29–42.
38. *Виноградов В.В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. М. : Высшая школа, 1982. 528 с.
39. *Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения*. Иркутск : Восточно-Сибирское книжное издательство, 1979. 368 с.
40. *Schiffman H.F.* Linguistic Culture and Language Policy. London ; New York : Routledge, 1996. 351 p.
41. *Русаковский О.В.* «Воинские книги» 1607/1620 гг. и их немецкий оригинал. Попытка сопоставления // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2018. Т. 73, № 3. С. 53–63.

References

1. Parker, G. (2003) From the House of Orange to the House of Bush: 400 years of revolutions in military affairs. *Militaire Spectator*. CLXXII/4. pp. 177–193.
2. Bäckström, O. (2023) *Military Revolution and the Thirty Years War 1618–1648: Aspects of Institutional Change and Decline*. Helsinki: Helsinki University Press.

3. Malov, A.V. (2006) *Moskovskie vybornye polki soldatskogo stroya v nachal'nyy period svoey istorii. 1656–1671 gg.* [Moscow Elective Regiments of the Soldier System in the Initial Period of Its History. 1656–1671]. Moscow: Drevlekhranilishche.
4. Bushkovitch, P. (2002) The Romanov transformation, 1613–1725. In: Kagan, F.W. & Higham R. (eds) *The Military History of Tsarist Russia*. New York; Basingstoke: Palgrave. pp. 31–46.
5. Vernadskiy, G.V. (1997) *Russkaya istoriya* [Russian History]. Moscow: Agraf.
6. Klyuchevskiy, V.O. (1988) *Sochineniya* [Works]. Vol. 3. Part 3. Moscow: Mysl'.
7. Milyukov, P.N. (1995) *Ocherki po istorii russkoy kul'tury* [Essays on the History of Russian Culture]. Vol. 3. Moscow: Progress-Kul'tura.
8. Panchenko, A.M. (1999) *Russkaya istoriya i kul'tura: Raboty raznykh let* [Russian History and Culture: Works of Various Years]. Saint Petersburg: Yuna.
9. Shmurlo, E.F. (2016) *Istoriya Rossii 862–1917* [History of Russia 862–1917]. Nizny Novgorod: Chernaya Sotnya.
10. Rusakovskiy, O.V. (2021) ["Names of compositions that are suitable for fiery tricks" in the Warrior Book by Mikhail Yuryev and Ivan Fomin (1607). Early experience of compiling a natural science index in Russian book literature]. *Perevodchiki i perevody v Rossii kontsa XVI – nachala XVIII stoletiya* [Translators and Translations in Russia in the Late 16th – Early 18th Centuries]. Proceedings of the International Conference. Moscow. 29–30 September 2021. Moscow: Institute of Russian History RAS. pp. 147–155. (In Russian).
11. Rudnev, D.V. (2024) Imperative constructions in the Charter of Military, Cannon and Other Matters Relating to Military Science. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 87. pp. 91–109. (In Russian).
12. Rusakovskiy, O. (2020) The Russian edition of Johann Jacobi von Wallhausen's "Kriegskunst zu Fuß" (1649): The history of a failure? *Militaergeschichtliche Zeitschrift*. 1 (79). pp. 1–25.
13. Angermann, N. (2014) Die Russisch-Deutsche kulturelle Begegnung am Hofe der ersten Romanovs. In: *Problemy sotsial'noy istorii i kul'tury Srednikh vekov i rannego Novogo vremeni* [Problems of Social History and Culture of the Middle Ages and Early Modern Times]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University, Faculty of History. pp. 152–170.
14. Stang, C.S. (1952) *La langue du livre "Uchenie i khitrost' ratnago stroeniya pekhotnykh" lyudey*. Oslo: I kommisjon hos J. Dybwad.
15. Albi de la Cuesta, J. (2017) *De Pavia a Rocroi: Los tercios españoles*. Madrid: Desperta Ferro Ediciones.
16. Staiano-Daniels, L.E. (2018) *The War People. The Daily Life of Common Soldiers 1618–1654*. PhD Dissertation. Los Angeles.
17. Sidorenko, R.I. (1958) Iz istorii terminov obshcheslav'yanskogo proiskhozhdeniya [From the history of terms of common Slavic origin]. In: *Zbirnik naukovikh prats' Upravlinnya pidgotovki ped. kadrov Min-va osviti URSSR* [Collection of Research Works of Teacher Training Office of the Ministry of Education of the URSSR]. Vol. 1. Kyiv: [s.n.]. pp. 127–141.
18. Sidorenko, R.I. (1958) Iz nablyudeniya nad leksikoy pamyatnika "Uchenie i khitrost' ratnago stroeniya pekhotnykh lyudey" [From observations on the vocabulary of the monument "The doctrine and cunning of the military structure of infantrymen"]. *Nauk. zap. Kii'v. ped. in-tu*. 29. pp. 49–65.
19. Kiparskiy, V. (1950) *O kolebaniyakh udareniya v russkom literaturnom yazyke. Odnoslozhnye imena sushchestvitel'nye* [On Stress Fluctuations in the Russian Literary Language. Monosyllabic nouns]. Helsinki: Ezhegodnik in-ta po izucheniyu SSSR v Finlyandii.
20. Sorokoletov, F.P. (2009) *Istoriya voennoy leksiki v russkom yazyke (XI–XVII vv.)* [History of Military Vocabulary in the Russian Language (11th – 17th Centuries)]. Moscow: Librokom.
21. Vaynraykh, U. (1979) *Yazykovye kontakty. Sostoyanie i problemy issledovaniya* [Language Contacts. Status and problems of research]. Kiev: Vishcha shkola.

22. Haspelmath, M. (2009) Lexical borrowing: Concepts and issues. In: *Loanwords in the World's Languages: A Comparative Handbook*. Berlin; New York: De Gruyter Mouton. pp. 35–54.
23. Krysin, L.P. (2021) *Ocherki po sotsiolingvistike* [Essays on Sociolinguistics]. Moscow: FLINTA.
24. Beloglazova, E.V. (2023) Lexicography of Russianisms in English. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 207. pp. 203–208.
25. Poplack, S. (2018) *Loanwords in the Speech Community and in the Grammar*. New York: Oxford University Press.
26. Venuti, L. (1993) Translation as cultural politics: Regimes of domestication in English. *Textual Practice*. 7 (2). pp. 208–223.
27. Nagel', O.V. & Volkova, M.V. (2023) Semantic shifts of lexical borrowings in the Russian language. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 64. pp. 8–27. (In Russian).
28. Hoque, M.A. et al. (2021) Lexical borrowings from the English language into Bangla short stories. *Journal of Language and Linguistic Studies*. 17 (1). pp. 158–172.
29. Staiano-Daniels, L.A. (2020) Brief introduction to seventeenth-century military manuscripts and military literacy. *Manuscript Studies: A Journal of the Schoenberg Institute for Manuscript Studies*. 1 (5). pp. 140–161.
30. *Etymologisches Wörterbuch des Deutschen*. (n.d.) [Online] Available from: <https://www.dwds.de/d/wb-etymwb> (Accessed: 22.04.2024).
31. Parrot, D. (2001) *Richelieu's Army: War, government, and society in France, 1624–1642*. Cambridge: Cambridge University Press.
32. Meakins, F. et al. (2020) Lend me your verbs: Verb borrowing between Jingulu and Mudburra. *Australian Journal of Linguistics*. 3 (40). pp. 1–23.
33. Glozier, M. (2015) Huguenot soldiers in the Netherlands. *Groniek*. 208/9. pp. 173–187.
34. Van der Sijs, N. (2009) Loanwords in Dutch. In: *Loanwords in the World's Languages: A Comparative Handbook*. Berlin; New York: De Gruyter Mouton. pp. 338–359.
35. Donaldson, B. (1983) *Dutch. A linguistic history of Holland and Belgium*. Leiden: Uitgeverij Martinus Nijhoff.
36. Sobolevskiy, A.I. (1903) *Perevodnaya literatura Moskovskoy Rusi XIV–XVIII vekov: Bibliograficheskie materialy* [Translated Literature of Muscovite Rus' from the 14th to the 18th Centuries: Bibliographic Materials]. Saint Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk.
37. Skvayrs, E.R. & Grigor'eva, E.V. (2002) Latinskie i nemetskie teksty samozvantsa Lzhe-Shuyskogo II (Timofeya Ankidinova): lingvisticheskie aspekty problemy podlinnosti [Latin and German texts of the impostor False Shuisky II (Timofey Ankidinov): linguistic aspects of the problem of authenticity]. *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 3 (9). pp. 29–42.
38. Vinogradov, V.V. (1982) *Ocherki po istorii russkogo literaturnogo yazyka XVII–XIX vv.* [Essays on the History of the Russian Literary Language of the 17th – 19th Centuries]. Moscow: Vysshaya shkola.
39. Gudziy, N.K. (ed.) (1979) *Zhitie protopopa Avvakuma im samim napisannoe i drugie ego sochineniya* [The Life of Archpriest Avvakum Written by Himself and His Other Works]. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo.
40. Schiffman, H.F. (1996) *Linguistic Culture and Language Policy*. London; New York: Routledge.
41. Rusakovskiy, O.V. (2018) "Voinskie knigi" 1607/1620 gg. i ikh nemetskiy original. Popytka sopostavleniya [Warrior Books of 1607/1620 and their German original. An attempt at comparison]. *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 3 (73). pp. 53–63.

Информация об авторе:

Терещук А.А. – Ph.D., доцент кафедры романской филологии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: atereschuk@herzen.spb.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.A. Tereshchuk, PhD, associate professor, Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: atereschuk@herzen.spb.ru

The author declares no conflicts of interests.

*The article was submitted 28.05.2024;
approved after reviewing 13.12.2024; accepted for publication 21.07.2025.*

*Статья поступила в редакцию 28.05.2024;
одобрена после рецензирования 13.12.2024; принята к публикации 21.07.2025.*

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Научная статья

УДК 82.091

doi: 10.17223/19986645/96/7

Три модуса «прозрачности» в поэзии Вячеслава Иванова

Никита Львович Быстров¹, Никита Сергеевич Пашкин²

^{1, 2} Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия

¹ nikita-bystrov@yandex.ru

² nik.pashkin.000@mail.ru

Аннотация. Предпринимается попытка рассмотрения трех значений и, соответственно, трех модусов художественного воплощения концепта «прозрачность» в поэзии Вячеслава Иванова: «прозрачность» выступает предпосылкой видимости физических объектов, качественной характеристикой границы между «здешним» и «иным» планами мироздания (в терминологии Вяч. Иванова – «реальным» и «реальнейшим»), субъективированным началом, действующим в поэтическом мире Вяч. Иванова на правах мифологического «персонажа». Особое внимание уделяется «прозрачности» объектов в мире искусства и связанного с нею понятия «зеркальности».

Ключевые слова: поэзия Вячеслава Иванова, концепт «прозрачность», реалистический символизм, система символов, уголь и алмаз, зеркальность, «зеркало зеркал», Вечно женственное

Для цитирования: Быстров Н.Л., Пашкин Н.С. Три модуса «прозрачности» в поэзии Вячеслава Иванова // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2025. № 96. С. 131–147. doi: 10.17223/19986645/96/7

Original article

doi: 10.17223/19986645/96/7

Three modes of "transparency" in the poetry of Vyacheslav Ivanov

Nikita L. Bystrov¹, Nikita S. Pashkin²

^{1, 2} Ural Federal University, Ekaterinburg, Russian Federation

¹ nikita-bystrov@yandex.ru

² nik.pashkin.000@mail.ru

Abstract. The method we apply to the examination of the symbolic concept of "transparency" in the poetry of Vyacheslav Ivanov (poems from all of the poet's collections are used as material) can be called phenomenological: starting with "transparency" as the visibility/permeability of physical objects and empirically experienced states of the soul, we move on to "transparency" as a characteristic of the boundary between the

material and ideal (in the Platonic sense) dimensions of the world, and from there to "Transparency" that has the quality of subjectivity and acts as a kind of "character" in Ivanov's poetic mythology. In the latter case, we proceed from the understanding of a typically "Ivanov's" symbol as a kind of crystalline prism, in which only one facet is always visible from one point of view, but all the other facets are simultaneously reflected in this facet. Thus, the image of "Transparency", to which the lyrical subject addresses his speech in the poem of the same title, is clearly linked to (or rather "interferes with") other feminine characters in Ivanov's poetry – Earth, Night, Memory, "the soul of twilight", etc., although this "Transparency" remains nothing more than the permeability of the boundary between "realia" and "realiora", elevated to the rank of a mythological subject. In addition, the article shows that even in the case where "transparency" refers to a property of a material object, this property/relationship itself is understood by Ivanov as symbolic, indicating a transcendental plane of reality, signifying the manifestation of the "noumenal" through the "phenomenal" and connected, as Sergei Averintsev noted, by a strictly "systemic" interdependence of individual images. Speaking about "transparency" in the sense of the open-to-view manifestation of the "higher" in the "lower", we assumed that this concept (in particular, through the image of coal, "transformed into a diamond") is quite applicable to the characteristics of art, as Ivanov understands it. Art is a mirror (cf. the poem "You, whose chisel, palette, lyre..."), which, following Yuri Levin, can be called "transparent" because it reflects not the appearance, but the essence of things, allowing the "logos" of the phenomenon to manifest itself through its material form. Since true art, according to Ivanov, is "realistic symbolism", it is "transparent" as if by definition, due to the fact that it operates with symbols, and a symbol is a form "through which reality flows", which has become directly visible. The article, among other things, notes that the logic of the development of the multi-faceted symbol of "transparency" is subordinated to the original principle of Ivanov's symbolism: the movement of "contemplation" from symbol to myth, when any more or less significant image tends to grow from the inanimate to the living, from an objective state to a subjective (although not necessarily personified) one.

Keywords: Vyacheslav Ivanov's poetry, concept of "transparency", realistic symbolism, system of symbols, coal and diamond, mirroring, "mirror of mirrors", Eternally Feminine

For citation: Bystrov, N.L. & Pashkin, N.S. (2025) Three modes of "transparency" in the poetry of Vyacheslav Ivanov. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 96. pp. 131–147. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/96/7

В одной из программных статей Вяч. Иванов пишет, что художник, отверженный «реалистическому символизму», должен «вызвать непосредственное постижение сокровенной жизни сущего снимающим все пелены изображением явного таинства этой жизни» [1. Т. II. С. 549]. В данном случае под «изображением» имеется в виду не прямая репрезентация «сокровенного», скрытого от наших глаз, а скорее актуализация границы между «сокровенным» и тем, что относится к материальному миру, или, в обычных ивановских терминах, между «realioga» и «realia», «реальнейшим» и «реальным». Утверждаясь на этой границе, искусство призвано так изображать «явное таинство» вещей (так «ознаменовывать» его в образах авторского

мифа), чтобы «таинство» не лишилось присущей ему таинственности¹. В другой статье Иванов говорит, что для поэта-символиста, причастного сразу к двум мирам – «чувственных “проявлений”» и «сверхчувственных откровений» (в качестве примера здесь выбран лирический субъект Тютчева), «...самое ценное мгновение в переживании и самое вещное в творчестве есть погружение в тот созерцательный экстаз, когда “нет преграды” между нами и “обнаженною бездной”, открывающейся – в Молчании» [1. Т. II. С. 591]. Ситуация преодоленности этой «преграды» в той же статье соотносится с представлением о набрасывании на «многоцветный пеплос вещества» более легкого «покрывала», которое художник создает для Мировой Души [1. Т. II. С. 601], а в поэзии Иванова она чаще всего обозначена понятием (или, по определению О.А. Кузнецовой, символическим концептом (см.: [3]) «прозрачность». Это понятие употребляется в трех пересекающихся друг с другом значениях, соответствующих трем модусам состояния описываемой реальности:

– «прозрачность» как общее качество проницаемости, ясности, зримости; в этом смысле «прозрачным» (отчетливо видимым) может быть не только отдельный объект, но и как бы просвечивающие через него явления большего (в пределе «мирового») масштаба: «“Прозрачность” есть символ – то, что соделывает “сквозным покрывало Майи”. За покрывалом открывается мир – целое» [4. С. 16];

– «прозрачность» как проявленность «realiora» в «realia», «высшей» реальности в «низшей», или «идеальное состояние физического мира, когда материальная оболочка, охватывающая его, становится прозрачной для глаза, и отчетливо обнаруживается неотделимая от него божественная сущность» [5. Р. 165]; в таком значении «прозрачность» свойственна всем символически значимым объектам, поскольку «символ... есть жизнь посредствующая и опосредствованная, не форма, которая содержит, но форма, через которую течет реальность, то вспыхивая в ней, то угасая – медиум струящихся через нее богоявлений» [1. Т. II. С. 647];

– «прозрачность» (иногда «Прозрачность» – с заглавной буквы) как субъективированное начало, способствующее преображению мира явлений и в известной степени тождественное миру («мир – прозрачность») в его будущем (гармонизированном) состоянии.

Кратко охарактеризуем каждый из этих трех модусов.

¹ Ср. положение Л.А. Гоготышвили о «неименуемости» символического референта в поэзии Иванова: «Общесимволическая установка на “вещей обличение невидимых” толковалась Ивановым принципиально несубстанциально: не в смысле “придать невидимому облик” (опредметить беспредметное), т.е. не в смысле обретения, нахождения или создания контурно-отчетливого образа или прямо “лика” вещей невидимых, но в смысле поиска способов для того, чтобы знаменовать символический референт вопреки невозможности обрести его лик (облик, образ)» [2. С. 106].

1

Примеры «прозрачности» как физического свойства или состояния какого-либо объекта (без отсылок к трансцендентному плану) в поэзии Иванова довольно редки. Прозрачными могут быть природные стихии – вода или воздух:

Струи живые –
Бездонная прозрачность [1. Т. II. С. 522];

Сине расцвечены
Горные стекла.
День – за просвеченной
Стекла светозрачнее –
Острой горой [1. Т. I. С. 750];

...В родной прозрачности торжественных небес, –
Я жду... [1. Т. II. С. 237].

Прозрачны драгоценные камни – кристаллы, с которыми С.С. Аверинцев связывает «нормальное состояние вещества» [6. С. 29] в поэтическом универсуме Иванова:

Твоих лучей живые силы
В прозрачных светах не замрут,
Пока луга весны нам милы,
О ненаглядный изумруд! [1. Т. I. С. 755];

Умильный свет пред ночью близкой,
Глубоких звезд намеков немой,
Нисходишь ты до сферы низкой,
Одет прозрачностью и тьмой [1. Т. I. С. 756];

В прозрачной мгле и тайне влажной
Нежгучих пламеней пожар,
Завет ты налагаешь важный
Бессмертной властью мудрых чар.

О камень-волхв, о Да иное,
Чем наших уст неверных Да!
Ты на земле – все неземное,
Ты – вечный синий путь... куда? [1. Т. I. С. 755].

Последний пример показывает, что драгоценные камни преломляют в себе не только природный (физический) свет. Кристина Ланда, сопоставляя символику драгоценных камней у Вяч. Иванова и Данте, отмечает, что для обоих поэтов «самоцветы становятся идеальными образами посредничества при соединении души с божественным началом через символический процесс зрительного восприятия» [7. С. 251–252].

Прозрачность – по образу и подобию материальной структуры – может характеризовать и состояние души, «внутреннего мира» в целом:

Велик и леп
Был сон слепца: в безбрежности прозрачной
Всю тварь вместил души зеркальный sklep [1. Т. III. С. 200].

Наконец, иногда «прозрачность» выступает синонимом понятности, внятности, отчетливой воспринимаемости:

...И, как львы,
Они лежат у ваших ног –
И лижут длинный ваш покров...
Их темный лик прозрачен вам... [1. Т. III. С. 13].

Следует отметить, что даже в тех случаях, когда прозрачность материальных объектов или внутренних состояний у Вяч. Иванова не выходит за пределы эмпирического переживания, ее природа никогда не остается сугубо «пососторонней». Так, например, если в стихотворении «Феофил и Мария» прозрачность «бездонна», то в этой «бездонности» угадывается нечто большее, чем просто недостижимость дна, а именно – «бездна» как бесконечность, лежащая «по ту сторону» опыта. И если вода («струи живые») описываемого здесь «затона» «зеркальна», т.е. эта «зеркальность» может и должна указывать на отражение в воде не только физических тел, но и «иной» реальности. Точно так же если героиня стихотворения роняет розу в «глубину» затона, то и «роза», и «глубина», и само падение «розы» из женских рук – это явления, образы которых все время «интерферируют» с их собственными мистико-символическими эквивалентами (ср., например, много-сложную символику розы в «Rosarium'e» из сборника «Cor Ardens»). Во всех случаях в семантическом поле каждого из этих образов «мерцают» изначально закрепленные за ними дополнительные значения, не позволяющие ограничить их восприятие чисто эмпирическим планом. Кроме того, можно сказать, что между «прозрачностью», «бездонностью», «розой», «глубиной», «зеркальностью» и подобными им понятиями устанавливаются те же отношения, какие, с точки зрения С.С. Аверинцева, характеризуют поэтическую систему Иванова в целом – когда «нет двух символов, которые не были бы связаны цепочкой смысловых сцеплений» [8. С. 171], и, следовательно, нет таких текстов, в которых определяющей была бы сугубо дискурсивная, а не символическая (парадигмально предустановленная) связь между отдельными понятиями: одно отсылает к другому с «четкостью математической пропозиции» [8. С. 185], в последовательности, заданной принципами и картиной мира «реалистического символизма».

2

Чаще всего «прозрачность» у Вяч. Иванова выступает в значении проявления «геалиа» в «gealia», трансцендентного мира в имманентном, «высшего» в «низшем» (второй модус по нашей классификации)¹. Она по-прежнему

¹ По словам С.С. Аверинцева, это такая ситуация, когда «облачко существует для того, чтобы через него просвечивали вечные звезды (все те же “кормчие” звезды), зыбкая

связана со зрением, но зрение здесь как бы «двойное»: взгляд схватывает объекты как таковые и одновременно видит в них форму проявления «иной» действительности – по принципу, сформулированному в стихотворении «Gli spiriti del viso», где говорится о дантовских «духах глаз»:

Пусть преломлен в их зрящих чашах свет,
Но чист кристалл эфиросных граней.
Они – глядят: молчанье – их завет.
Но в глуби далей грезят даль пространней [1. Т. I. С. 785].

Таким может быть зрение сердца, «насыщенного» любовью:

Если глад сердец насыщен, не косит корыстный взгляд,
Тем в прозрачности явлений очи пьют жаднее жизнь [1. Т. IV. С. 78].

Таково же зрение, преображенное видением вечной Красоты (платоновского «прекрасного самого по себе»), созерцание которой объединяет «узрение» с «прозрением» (попутно подчеркивается смысловое родство «прозрения» и «прозрачности»):

– «Тайна мне самой и тайна миру,
Я, в моей обители земной,
Се, гряду по светлому эфиру:
Путник, зреть отныне будешь мной!
Кто мой лик узрел,
Тот навек прозрел –
Дольний мир навек пред ним иной» [1. Т. I. С. 517].

Тот же (в основе своей соловьевский¹) мотив сопряженности Красоты и «прозрения» – в стихотворении «Воззревшие»:

От персти взятым бреньем
Сгорела слепота.
На дальнее прозреньем
Врачует Красота [1. Т. I. С. 748]².

и шелестящая зелень существует для того, чтобы сквозь нее увидеть и услышать “смагдную тишину”, лиризм существует для того, чтобы сквозь него была ощутима мысль. Это и подразумевается словом “прозрачность”. Взгляд должен пройти сквозь текучее и увидеть пребывающее» [6. С. 43]. Ср. определение ивановской «прозрачности» у А. Ханзена-Леве: «Как и все мифопоэтические символы, “прозрачность” означает как метафизическое качество просвечивания, проницаемости визионерского или имажинативного видения, так и свойство феноменов представлять в этом аспекте (sub specie aeternitatis) преображенными, т.е. “очевидными” как символы некоего “мира иного” и потому в буквальном смысле “апокалиптическими”» [9. С. 413].

¹ Имеются в виду строки из финальной части поэмы В.С. Соловьева «Три свидания»: «Еще невольник суетному миру, / Под грубою корою вещества / Так я прозрел нетленную порфиру / И ощутил сиянье Божества» [10. С. 131].

² Красоту в поэтической системе Иванова можно понимать как область наиболее отчетливого совмещения «феноменального» и «ноуменального» (их взаимной проницаемости, «прозрачности»). По словам Майкла Вахтеля, Иванов, в отличие от Соловьева, «не воспринимает эти две сферы как разобщенные. Мистическое понимание символа приводит его к обнаружению органических связей (системы соответствий) между “realia” и “realiora”. Посредством символов феноменальный мир обнаруживает свою

Прозрачен мир и для зрения, условно говоря, «пророческого», способного видеть вещи в аспекте их близкого преображения, т.е. не столько в пространственной, сколько во временной перспективе, в которой видится то, что «будет». Такое зрение может опираться на прямые или косвенные отсылки к религиозным текстам:

«Собрать желает душа царственная свет рассеянный во единое средоточие и сосуд славы, да паки Дева в конце времен венец свой небесный целокупен примет и землю прозрачну соделает, яко смарагд и сапфир и кристалл непорочный; перстное же и темное да в ничтожество возвратится, к царю тьмы» [1. Т. I. С. 317].

Но оно же может быть и вполне «непосредственным», т.е. свободно различающим «иную» реальность за пределами чувственно воспринимаемых вещей:

Кто скажет, где тот заповедный рай?
Исконное – и чуждое, не наше –
То бытие, подобное по край
Наполненной, покоящейся чаше?
Но в нем – я сам... И Муза мне: «Взирай,
Сколь жизнь твоя была полнее, краше...» [1. Т. III. С. 534]¹.

В связи с последней цитатой (из стихотворения «Деревья») приходит на память свидетельство Вяч. Иванова об однажды «услышанных» им в Крыму трех латинских формулах: «1) Quod non est debet esse; 2) Quod est debet fieri; 3) Quod fit erit (“То, чего нет, то должно быть; и то, что есть, должно становиться; и становящееся будет”))». По интерпретации самого поэта, эти загадочные высказывания «представляют собой совершенную Троицу: первое – Отца – Вечное Бытие, второе – страстного (а всякое становление есть претерпевание, страсть) Сына, а третье – вечное возвращение от того, что было, к тому, что будет, – Духа Святаго» [13. С. 88–89].

Думается, слова о «заповедном рае», в котором пребывает лирический субъект («Но в нем – я сам»), могут быть истолкованы с помощью третьей формулы, предполагающей, что финальное состояние мира (собственно, «рай»), которое только еще должно наступить, уже было когда-то, а в некоем «ноуменальном» плане всегда есть. В этом смысле для субъекта, обнаружившего себя самого в грядущем «раю» (пока еще «чуждом, не нашем»), «прозрачно» не пространство, а время, которое развернуто сразу в абсолют-

причастность ноуменам. Об этом убедительнее всего свидетельствует поэзия Иванова, в которой зримые проявления “realiora” (такие, например, как таинственный женский образ в стихотворении “Красота”) принадлежат земному миру в той же степени, что и миру небесному» [11. Р. 64].

¹ Здесь и далее курсив в цитатах наш. О видении в режиме «непосредственного» восприятия высшего (сверхприродного, непреходящего) плана реальности, просвечивающего сквозь низший (материальный, временный) план; см. [12].

ное прошлое и абсолютное будущее, совпадающие друг с другом и тем самым друг друга отрицающие (ср. образ иссякшего времени как уробороса в стихотворении «Время»: «Время нас, как ветер, мчит, / Разлучая, разлучит, – / Хвост змеинный в пасть вберет / И умрет» [1. Т. III. С. 544]).

Заметим, что для Иванова видеть реальность «прозрачной», т.е. наполненной зримыми манифестациями трансцендентного, фактически то же самое, что видеть ее изменившейся, преображенной. Так, в одном из стихотворений он связывает действия «прозрачности» (точнее, «Прозрачности» как некоей субъективированной силы) с образом превращения/преображения угля в алмаз:

Когда, сердца пронзив, Прозрачность
Исполнит солнцем темных нас,
Мы возблестим, как угля мрачность,
Преображенная в алмаз [1. Т. I. С. 754].

Ближайший источник последних двух строк этого четверостишия – статья В.С. Соловьева «Красота в природе». Здесь красота уподобляется воздействию света на материю углерода, которая «сохраняя всю силу своего сопротивления (как твердое тело), определилась, однако же, противоположным в себе самой, ставши прозрачною, вполне просветленною, невидимою в своей темной особности» [14. С. 357]¹. Под влиянием света вещество углерода преобразается, из темного угля рождается алмаз – «одна светоносная материя и воплощенный свет, просветленный уголь и окаменевшая радуга» [14. С. 358]. Одновременно и сам свет, «задержанный кристаллическим телом алмаза, в нем и от него получает новую полноту феноменального бытия, преломляясь, разлагается или расчленяется в каждой грани на составные цвета, из простого белого луча превращается в сложное собрание многоцветных спектров» [14. С. 358]. Иначе говоря, преобразование угля в алмаз – это рождение нового бытия, в котором свет и материальное вещество выступают как единое целое, не отрицая и не подавляя друг друга. Но если алмаз целиком – и свет, и кристалл, а мы, «исполнившись», по Вяч. Иванову, солнцем Прозрачности, становимся подобны алмазу, то различия между нами и светом должны исчезнуть²:

О Свет, мы будем в гранях тесных
Ты сам – и цель твоих мечей! [1. Т. I. С. 754].

¹ О переключке ивановской символики угля и алмаза со статьей Соловьева, а также о других символистских текстах, касающихся этой темы, см., например: [15. С. 315–316].

² Упоминание в этом стихотворении «жертвенного сердца» («Стань в сердце жертвенном твердыней, / Солнцедробящая звезда!») актуализирует мотив «смерти» угля, за которой следует новая жизнь (алмаз), в соответствии с унаследованным от Гёте принципом «умри и стань!», чрезвычайно важным для Иванова. Ср. начало седьмого сонета из цикла «Спор»: «Как мертвый уголь, перекален раскалом, / Родит ковчежец солнц – алмаз...» [1. Т. II. С. 405].

Тот же образ встречается в более позднем стихотворении «Язык», где слово поэта, «певца», тоже уподоблено превращению угля (очевидно, «родной речи» как «земли родной») в алмаз («гимн»):

Прославленная, светится, звеня
С отгулом сфер, звучащих издалеча,
Стихия светом умного огня.

И вещей гимн, их свадебная встреча;
Как уголь, в алмаз замкнувший солнце дня, –
Творенья духоносного предтеча [1. Т. III. С. 567].

Мир, творимый «певцом» (и любым художником), также, пусть и с некоторой долей метафоричности, можно назвать «прозрачным». Важно лишь, чтобы «певец» исповедовал принципы «реалистического символизма», требующего «столь близкого означенования... вещей, при котором случайные признаки их отображения в физическом мире должны отпасть, как затемняющие правое зрение пелены» [1. Т. II. С. 542] (это требование Иванов приписывает Платону, имея в виду скорее «платоническую» эстетику в целом). Возьмем в качестве примера одно стихотворение из «Римского дневника 1944 г.:

Вы, чьи резец, палитра, лира,
Согласных Муз одна семья,
Вы нас уводите из мира
В соседство инобытия.

И чем зеркальной отражает
Кристалл искусства лик земной,
Тем явственней нас поражает
В нем жизнь иная, свет иной.

И про себя даемся диву,
Что не заметили досель,
Как ветерок ласкает ниву
И зелена под снегом ель [1. Т. III. С. 643].

Поэт уподобляет искусство отражающему мир кристаллу, сквозь который мы видим вещи в их «инобытийном» аспекте, т.е. в свете их сущностных («логосных»¹) начал, или идей-эйдосов. Мы хорошо знакомы с этими вещами, но искусство позволяет увидеть их как бы впервые: в нем нашем

¹ Искусство «ознаменовывает» реальность, воссоединяя в художественном образе «опрозраченный», ставший зримым «логос» вещи и соотносимые с ним предметные формы. Именно в этом смысле в одной из поздних ивановских статей говорится о «логизме» Пушкина: «Пушкин мыслит самым миром, т.е. логизмом идей, воплотившихся в вещах. Вещи берет он “эйдетически”, как теперь говорят – неизменно выявляя в них идею как прообраз» [1. Т. IV. С. 636].

взгляду задается единственный в своем роде ракурс эйдетически-целостного («опзрачнивающего») зрения.

Отметим, что хотя искусство «зеркально» отражает мир («лик земной»), в самом отражении угадывается другая реальность – «жизнь иная, свет иной». Если бы художник вошел в эту реальность, он покинул бы пределы искусства, переместившись в область философского или мистико-визионерского созерцания. Поэтому он должен остановиться на той границе между «*realia*» и «*realiora*», которая здесь маркируется образом зеркала. Ориентируясь на семиотическую типологию зеркал Ю.И. Левина, такое зеркало можно определить как «прозрачное», поскольку оно позволяет совместить «два независимых сообщения на одном носителе» – «отраженное» и «видимое сквозь» [16. С. 10], а в нашем стихотворении – сам отражаемый предмет и его невидимый вне искусства «инобытийный» образ. В подобных случаях «нарушение аксиомы буквальности изображения может приводить, в частности, к идее зеркала, отражающего не видимость, а сущность, – или же вовсе “замещающего” зеркала» [16. С. 11]. Учтем здесь также принятую у Вяч. Иванова трактовку искусства как «зеркала зеркал» (*speculum speculorum*), которое, будучи «наведенным на зеркала раздробленных сознаний, восстанавливает изначальную правду отраженного, исправляя вину первого отражения, извратившего правду» [1. Т. II. С. 601]. Речь идет о том, что искусство – это зеркало, как бы наслаивающее отраженный в нем образ мира на отражения в зеркалах индивидуальных сознаний¹ и тем самым «корректирующее» эти отражения, открывающее в них через систему «соподчиненных символов» иной план, доступный лишь «двойному» (или, как в стихотворении «Красота», «прозревшему») зрению, а именно – символическую проекцию «единого бытия, где каждая клеточка живой благоухающей ткани творит и славит свой лепесток, и каждый лепесток излучает и славит сияющее средоточие неисповедимого цветка – символа символов, Плоти Слова» [1. Т. II. С. 601]².

3

Согласно часто цитируемому высказыванию Ольги Дешарт, природа ивановской «прозрачности» «антиномична: среда должна быть прозрачной, чтобы не препятствовать прохождению солнечного луча, который ею, непрозрачной, будет либо задержан, либо затемнен и невидим; но она не должна быть абсолютно прозрачной, должна преломлять луч – иначе *Res* не

¹ Очевидно, подобным же образом наслаивается на «многоцветный пеплос естества» уже упоминавшееся «драгоценное покрывало Душе Мира», ткущееся художником: первый – непосредственно воспринимаемая реальность, второе – «более духовная и прозрачная» совокупность символов «единого бытия» (см.: [1. Т. II. С. 601]). Как пишет Е. Сошкин, «завеса формы зиждимой, набрасываемая на завесу низшей реальности... как бы подменяет собой эту более густую завесу и в конечном счете способствует трансценденсу» [17. С. 255].

² О возможных философско-теологических источниках концепции «зеркала зеркал» и, в частности, о ее переключках со схоластической теорией «аспектов» см. [18. С. 40–41].

будет видна, ибо невидима она сама по себе» [1. Т. I. С. 63]. Возможно, с этим представлением (по крайней мере, отчасти) связана склонность Вяч. Иванова к оксюморонным сочетаниям типа «темный и прозрачный», «прозрачная мгла», «одет прозрачностью и тьмой», «прозрачный сумеречно-светлый <час>»¹. Последнее – из стихотворения «Душа сумерек»:

В прозрачный, сумеречно-светлый час,
В полутени сквозных ветвей,
Она являет свой лик и проходит мимо нас –
Невзначай, – и замрет соловей,
И клики веселий умолкнут во мгле лугов
На легкий миг – в жемчужный час, час мечты,
Когда медленней дышат цветы, –
И она, улыбаясь, проходит мимо нас
Чрез тишину... Тишина таит богов [1. Т. I. С. 740].

Явление таинственной героини этого стихотворения («души сумерек», типологически близкой к образам Вечно женственного в поэзии Вяч. Иванова) не может быть воспринято при дневном свете – не только потому, что оно – не «дневное», но и потому что в таком свете растворилась бы, слившись с ним, любая «иногобытийная» сущность. Время, когда ее «клик» становится зримым, – «прозрачный, сумеречно-светлый час» (он же, по сочетанию «сумеречного» и «светлого», «жемчужный»), краткий промежуток между днем и ночью. Здесь «она» открывается взгляду, словно бы окутанная дымкой или неким «сфумато»², в котором сдвигаются, размываются и «опрозрачиваются» границы между предметами. Изображение строится в ритме плавного потока, с акцентом на убывающем, замирающем движении: «она ... *проходит* мимо нас / ... и *замрет* соловей»; «клики веселий *умолкнут*»; «*медленней дышат* цветы». На переходе из света в темноту фиксируется точка мгновенного равновесия:

О робкий дар!
Улыбка распутий! Крылатая вечность скрестившихся чар!
Меж тем, что – Ночь, и тем, что – День,
Рей, молчаливая! Медли, благая!
Ты, что держишь в руке из двух пламеней звездных весы!
Теплится золото чаши в огнях заревой полосы,
Чаша ночи восточной звездой занялась в поднебесье!
О равновесье! [1. Т. I. С. 740].

¹ Л.А. Гоготишвили видит в таких сочетаниях один из основных приемов смыслопорождения у Вяч. Иванова: поэт должен «подготовить... катартически-референциальный пик стиха, когда ... сквозь кружева синтаксических антиномических сочетаний земных имен “просквозит” остающееся невидимым и несказанным (не имеющее и не получившее образа и имени)» [2. С. 113].

² Теорию «воздушной перспективы» Леонардо да Винчи как один из источников поэтики «прозрачности» у Иванова (наряду с аристотелевской концепцией эфира и «Учением о цвете» Гёте) упоминает О.А. Кузнецова см. [3. С. 284]); специально о сфумато в этом контексте см. [19. С. 158–160]. См. также [20. С. 102].

«Равновесье» знаменует гармонию «Ночи» и «Дня», или, в символическом плане (с отчетливыми новалисовско-тютчевскими коннотациями, вообще характерными для «ночного» мира Иванова), «реальнейшего» и «реального», которые уподоблены чашам весов, застывающим друг против друга на одно-единственное мгновение: «Миг – и одна низойдет, и взнесется другая...». Именно в это мгновение их единство открывается взгляду (отсюда стремление лирического субъекта продлить его: «Медли, благая!», «Бессмертный лик остановив, / Мглою и мерцаньем повеи чело...»). Интересно при этом, что окликаемая героиня «держит» весы в «равновесье»¹ и одновременно «проходит мимо нас», «реет» как «крылатая вечность...», и что призывы «рей!» и «медли!», тоже одновременные, подразумевают едва ли не тождество двух разных состояний – движения и остановки. Это типичный для Иванова парадокс – особого рода неэкстенсивная динамика, совпадающая с пребыванием в неподвижности (ср., например: «О, плаванье, подобное покою!...» [1. Т. III. С. 562] или «И, в золоте песков увязшая кормой, / ... / Святит в крылатом сне ладья живая Богу / И лепет паруса, и свой полет прямой» [1. Т. III. С. 597])². Здесь этот парадокс, кроме прочего, усиливает эффект взаимной прозрачности света и темноты в их «антиномическом» единстве.

В образном строе стихотворения ясно слышится отзвук тютчевского «Тени сизые смешались...»: перекликаются мотивы умолкания/замирания, равновесия (у Тютчева – равенства «я» и мира: «Все во мне, и я во всем»), призывания, обращенного у Тютчева – к «сумраку», у Иванова – к «душе сумерек». Однако позиции лирических субъектов различны: субъект Тютчева стремится «вкусить уничтожения» в наступающей ночи, а сам по себе «сумрак» для него менее ценен – существеннее то состояние, которое им предвосхищается. У Иванова же субъект сосредоточен на «хрупком мгновении равновесья», на опрозраченной сумерками границе между днем и ночью. Прозрачность как таковая – проницаемость, «сквожение» друг через друга взаимно противоположных начал – в его случае оказывается перво-степенным, если не единственным предметом созерцания (здесь Иванов странным образом предстает менее «дионисийствующим» поэтом, чем Тютчев, в душе которого, как сказано в одной из цитированных выше статей, Дионис «могущественнее» Аполлона [1. Т. II. С. 591]).

4

«Прозрачность» в поэзии Вяч. Иванова может выступать не просто как одно из состояний реальности (свойство объекта или нематериальная среда,

¹ Ср. в более позднем стихотворении с похожим женственным персонажем: «Какой прозрачный блеск! Печаль и тишина... / Как будто над землей незримая жена, / Весы хрустальные склоняя с поднебесья, / Лелеет хрупкое мгновенье равновесья» [1. Т. IV. С. 15].

² См. об этом [21].

в которую он помещается¹), но и как сущность, занимающая позицию персонажа поэтической мифологии (третий из ее отмеченных выше модусов). Здесь – та ситуация, в которой, по словам Л.В. Маштаковой и Е.К. Созиной, «Прозрачность становится условно персонифицированной связью между образами мира. Условно – потому что ... она лишена своего облика, но может действовать» [20. С. 110]. Примеров такой прозрачности немного, но они выразительны. Как мы уже видели, в стихотворении «Алмаз» прозрачность изображается как живая и активная субстанция, имеющая признаки онтологической самостоятельности: «Когда сердца пронзив, Прозрачность / Исполнит солнцем, темных, нас...» и т.д. [1. Т. I. С. 754]. В стихотворении «Прозрачность» ее «субъектность» выражается в конструкциях типа «Ты твердь улегчила»; «...ты лунною ризой / Скользнула на влажные лона; / Пленила дыхания мая»; «Колдуешь ты с солнцем»; «воздушною лаской / Ты спишь на челе Джоконды» и т.д. Здесь же «Прозрачность» выступает адресатом молитвенного призыва, который, кроме прочего, свидетельствует о ней как об одушевленной силе, способной радикально преобразить «видения» и «изволения» жизни:

Прозрачность! улыбчивой сказкой
Соделай видения жизни,
Сквозным – покрывало Майи²!
Яви нам бледные раи
За листвою кущ осенних;
За радугой легкой – обеты;
Вечерние скорбные светы
За цветом садов весенних!
Прозрачность! божественной маской
Утишь изволения жизни [1. Т. I. С. 737].

Нетрудно заметить, что «Прозрачность», раскрываясь в таком качестве, подобна другим женственным персонажам поэзии Иванова, к которым обычно обращена речь лирического героя, – Земле (как образу Мировой Души), Памяти, Ночи, «душе сумерек» и т.п. С одной стороны, «Прозрачность» оказывается свойством каждого из этих персонажей (все они знаменуют проницаемость грани между женским началом, относящимся к тварному универсуму, и мужским, связанным с божественным Логосом), а, с другой – включается в их ряд на правах изоморфной им сущности.

По крайней мере, одно стихотворение Иванова (первый сонет из триптиха «Кто?») дает основание понимать «прозрачность» как начало, равное и даже в некотором смысле тождественное «миру», но именно такому миру, на который смотрит не человек, а Бог:

¹ Такова, например, в сонете «Аpollini» «прозрачность бессмертная», в которую, как в родниковую или колодезную воду («криницу»), Аполлон погружает загадочных «вещих Дафн» [см.: 1. Т. II. С. 359].

² По убедительному предположению Е. Сошкина, источником этого мотива может служить «шопенгауэровская метафора опрозрачивания покрывала Майи: “для того, кто совершает добрые дела, покрывало Майи становится прозрачным”» [17. С. 255]. Цитата из Шопенгауэра – по [22. С. 468].

Пустых зеркал стоомотная мрачность
В ста бликах пьет дня первый робкий блик,
В ста откликах рассветный множит клик.
Глядится Бог в свой мир, и мир – прозрачность [1. Т. I. С. 784].

Можно предположить, что «мир – прозрачность» является здесь антитезой миру «пустых зеркал»; точнее, это тот же самый мир, только существующий не в реальности, а как бы в замысле Бога (в плане «реальнейшего»). Прозрачность в данном случае – не просто условие зримости вещей, когда Бог «глядится» в них и видит их ясно и отчетливо, но и общая характеристика их взаимной открытости, единства друг с другом и с Творцом (выражаясь по-соловьевски, «всеединства»), а мир как такая прозрачность – прообраз вселенской гармонии, воспринятый в перспективе близкого воплощения и как будто уже различимый в отражениях «пустых зеркал» (ср. «робкий блик» дня и «рассветный клик», которые, как часто бывает у Иванова, двойственны: это «день» и «рассвет» в обычном и одновременно метафизическом смысле).

Отметим еще один момент, отчасти связанный с «субъектным» статусом «прозрачности»: то, что прозрачно, способно не только быть видимым, но и *видеть*. Таков, прежде всего, сам видящий глаз, который, согласно Гёте, а до него – Платону, должен быть «солнечным», чтобы видеть солнце:

В зрачках земных зажжен свет солнц богоявленный,
Да видим славу дня и звездный хор ночей... [1. Т. I. С. 786]¹.

Но видящим бывает и «опрозраченное» пространство (место события или среда, в которой оно происходит), когда то, что видит вокруг себя ивановский герой, само смотрит на него. Так актуализируется мотив «взгляда из глубины»:

И новый свет нахлынувшей волною
Мой дух воззвал, и *зрящая среда*
Слепительной разверзлась глубиною [1. Т. I. С. 648];

...И кругозор из глуби сферы покой –
Твое ли, Вечность, взморье то и всполье?
Пред очесами тихими какою
Одеждою прикрою стыд мой голый?... [1. Т. III. С. 563].

В заключение напомним, что, по мысли Вяч. Иванова, «реалистический символизм идет от символа к мифу» и «созерцание символа раскрывает в символе миф» [1. Т. II. С. 554]. В соответствии с этим принципом космологически значимые символы в ивановской поэзии почти неизбежно приобретают облик мифических персонажей («ночь» становится «Ночью»,

¹ Подробнее об этом см. [3. С. 283]. О мотивах, связанных с представлением о «солнечности» глаза в символистской поэзии, см. также [9. С. 198–205].

«земля» – «Землей», «память» – «Памятью» и т.п.). Не удивительно поэтому, что и символ «прозрачности», сохраняя исконное значение видимости/проницаемости «внутреннего» (как в рационально-эмпирическом, так и в мистическом аспекте), трансформируется в образ сверхтелесного существа, не только участвующего в жизни мира, но и способствующего его преобразованию.

Список источников

1. Иванов В.И. Собр. соч. Т. I–IV. Брюссель : Foyer oriental chrétien, 1971–1987.
2. Гоготшивили Л.А. Непрямое говорение. М. : Языки славянских культур, 2006. 720 с.
3. Кузнецова О.А. Концепт «прозрачность» у Вяч. Иванова // Вячеслав Иванов – Петербург – мировая культура : материалы междунар. науч. конф., 9–11 сент. 2002 г. Томск ; Москва : Водолей Publishers, 2003. С. 280–285.
4. Блок А. Творчество Вячеслава Иванова // Блок А. Собр. соч. : В 8 т. Т. 5. М. ; Л. : ГИХЛ, 1962. С. 7–18.
5. Davidson P. The Poetic Imagination of Vyacheslav Ivanov: a Russian Symbolist Perception of Dante. Cambridge : Cambridge University Press, 1989. 319 p.
6. Аверинцев С.С. Вячеслав Иванов // Иванов В.И. Стихотворения и поэмы / вступ. ст. С.С. Аверинцева, сост., подгот. текста и примеч. Р.Е. Помирченко. Л. : Сов. писатель, 1976. С. 5–62.
7. Ланда К. К вопросу о дантовских влияниях в ранней поэзии Вячеслава Иванова (1904–1919): поэтика «прозрачности и отражения» // Историческое и надвременное у Вячеслава Иванова: к 150-летию Вячеслава Иванова : [материалы] Десятой междунар. конф. / под ред. М. Плюхановой и А. Шишкина. Salerno, 2017. С. 235–265. (Europa Orientalis).
8. Аверинцев С.С. Поэты. М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. 364 с.
9. Ханзен-Леве А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Мифопоэтический символизм. Космическая символика / пер. с нем. Ю. Некрасова. СПб. : Акад. проект, 2003. 816 с.
10. Соловьев В.С. Стихотворения и шуточные пьесы / вступ. ст., сост., прим. З.Г. Минц. Л. : Сов. писатель, 1974. 352 с.
11. Wachtel M. Russian Symbolism and Literary Tradition: Goethe, Novalis and Poetics of Vyacheslav Ivanov. Madison : The University of Wisconsin Press, 1994. 256 p.
12. Компелев Н.В. «Видеть» и «ведать» у Вяч. Иванова. (Из материалов к комментарию на корпус лирики) // Вячеслав Иванов: творчество и судьба: к 135-летию со дня рождения / [сост. Е.А. Тахо-Годи]. М. : Наука, 2002. С. 7–19.
13. Альтман М.С. Разговоры с Вячеславом Ивановым. СПб. : Инапресс, 1995. 384 с.
14. Соловьев В.С. Сочинения : В 2 т. Т. 2 / под общ. ред. и сост. А.А. Гулыги, А.Ф. Лосева; примеч. С.Л. Кравца и др. 2-е изд. М. : Мысль, 1990. 822 с.
15. Игошева Т.В. Символика драгоценного камня в поэтической книге Вяч. Иванова «Прозрачность» // Башня Вячеслава Иванова и культура Серебряного века: [сб. ст.]. СПб.: Филол. ф-т С.-Петерб. гос. ун-та, 2006. С. 310–322.
16. Левин Ю.И. Зеркало как потенциальный семиотический объект // Зеркало. Семиотика зеркальности / [ред. З.Г. Минц]. Тарту : ТГУ, 1988. С. 6–24. (Труды по знаковым системам; т. XXII).
17. Сошкин Е. Вёсны и осени: Возвращаясь к вопросу о влиянии Вячеслава Иванова на Мандельштама // Toronto Slavic Quarterly. 2014. № 47. С. 240–260.
18. Бёрд Р. Символ и аспект у Вячеслава Иванова // От Кибирова до Пушкина: сб. в честь 60-летия Н.А. Богомолова. М. : Новое литературное обозрение, 2011. С. 30–45.
19. Кузнецова О.А. Заметки о поэтике Александра Блока и Вяч. Иванова («Стихи о Прекрасной Даме» и «Прозрачность») // Александр Блок: Исследования и материалы / отв. ред. Н.Ю. Грякалова. СПб. : Пушкинский Дом, 2020. С. 143–161.

20. Маштакова Л.В., Созина Е.К. Поэтика теофании в книгах Вяч. Иванова «Кормчие звезды» (1902–1904) и «Прозрачность» (1904): трансформации вечножественных образов // Имагология и компаративистика. 2022. № 18. С. 94–117.

21. Быстров Н.Л. Движение и неподвижность в поэтическом мире Вяч. Иванова // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2013. № 3 (117). С. 210–223.

22. Шопенгауэр А. О четверояком корне...; Мир как воля и представление. Т. 1: Критика кантовской философии / пер. М.И. Левиной. М.: Наука, 1993. 672 с.

References

1. Ivanov, V.I. (1971–1987) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vols 1–4. Brussels: Foyer oriental chrétien.

2. Gogotishvili, L.A. (2006) *Nepryamoe govorenie* [Indirect Speaking]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.

3. Kuznetsova, O.A. (2003) [The concept of "transparency" in Vyacheslav Ivanov's works]. *Vyacheslav Ivanov – Peterburg – mirovaya kul'tura* [Vyacheslav Ivanov – Petersburg – World Culture]. Proceedings of the International Conference. Saint Petersburg. 9–11 September 2002. Tomsk; Moscow: Vodoley Publishers. pp. 280–285. (In Russian).

4. Blok, A. (1962) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 5. Moscow; Leningrad: GIKhL. pp. 7–18.

5. Davidson, P. (1989) *The Poetic Imagination of Vyacheslav Ivanov: a Russian Symbolist Perception of Dante*. Cambridge: Cambridge University Press.

6. Averintsev, S.S. (1976) Vyacheslav Ivanov. In: Ivanov, V.I. *Stikhotvoreniya i poemy* [Poems and Narrative Poems]. Leningrad: Sovetskiy pisatel'. pp. 5–62. (In Russian).

7. Landa, K. (2017) K voprosu o dantovskikh vliyaniyakh v ranney poezii Vyacheslava Ivanova (1904–1919): poetika "prozrachnosti i otrazheniya" [On the question of Dante's influences in the early poetry of Vyacheslav Ivanov (1904–1919): The poetics of "transparency and reflection"]. In: Plyukhanova, M. & Shishkin, A. (eds) *Istoricheskoe i nadvremennoe u Vyacheslava Ivanova: k 150-letiyu Vyacheslava Ivanova* [Historical and Transcendental in Vyacheslav Ivanov: on the 150th Anniversary of Vyacheslav Ivanov]. Salerno: [s.n.]. pp. 235–265.

8. Averintsev, S.S. (1996) *Poety* [Poets]. Moscow: Shkola "Yazyki russkoy kul'tury".

9. Hansen-Löve, A.A. (2003) *Russkiy simvolizm. Sistema poeticheskikh motivov. Mifopoeticheskiy simvolizm. Kosmicheskaya simvolika* [Russian Symbolism. The System of Poetic Motifs. Mythopoetic Symbolism. Cosmic Symbolism]. Translated from German by M.Yu. Nekrasov. Saint Petersburg: Akademicheskii proekt.

10. Solov'ev, V.S. (1974) *Stikhotvoreniya i shutochnye p'esy* [Poems and Comic Plays]. Leningrad: Sovetskiy pisatel'.

11. Wachtel, M. (1994) *Russian Symbolism and Literary Tradition: Goethe, Novalis and Poetics of Vyacheslav Ivanov*. Madison: The University of Wisconsin Press.

12. Kotrelev, N.V. (2002) Videt' i vedat' u Vyach. Ivanova. (Iz materialov k kommentariyu na korpus liriki) [Seeing and knowing in Vyacheslav Ivanov. (From materials for a commentary on the corpus of lyrics)]. In: Takho-Godi, E.A. (ed.) *Vyacheslav Ivanov: tvorchestvo i sud'ba: k 135-letiyu so dnya rozhdeniya* [Vyacheslav Ivanov: Creativity and fate. On the 135th anniversary of his birth]. Moscow: Nauka. pp. 7–19.

13. Alt'man, M.S. (1995) *Razgovory s Vyacheslavom Ivanovym* [Conversations with Vyacheslav Ivanov]. Saint Petersburg: Inapress.

14. Solov'ev, V.S. (1990) *Sochineniya* [Works]. 2nd ed. Vol. 2. Moscow: Mysl'.

15. Igosheva, T.V. (2006) Simvolika dragotsennogo kamnya v poeticheskoy knige Vyach. Ivanova "Prozrachnost'" [Symbolism of a Precious Stone in Vyacheslav Ivanov's Poetic Book Transparency]. In: *Bashnya Vyacheslava Ivanova i kul'tura Serebryanogo veka* [Vyacheslav Ivanov's Tower and the Culture of the Silver Age]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University. pp. 310–322.

16. Levin, Yu.I. (1988) Zerkalo kak potentsial'nyy semioticheskiy ob'ekt [The mirror as a potential semiotic object]. In: Mints, Z.G. (ed.) *Zerkalo. Semiotika zerkal'nosti* [Mirror. Semiotics of Mirroring]. Tartu: Tartu State University. pp. 6–24.

17. Soshkin, E. (2014) Vesny i oseni: Vozvrashchayas' k voprosu o vliyaniі Vyacheslava Ivanova na Mandel'shtama [Springs and autumns: returning to the question of Vyacheslav Ivanov's influence on Mandelstam]. *Toronto Slavic Quarterly*. 47. pp. 240–260.

18. Berd, R. (2011) Simvol i aspekt u Vyacheslava Ivanova [Symbol and Aspect in Vyacheslav Ivanov]. In: *Ot Kibirova do Pushkina* [From Kibirov to Pushkin]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 30–45.

19. Kuznetsova, O.A. (2020) Zametki o poetike Aleksandra Bloka i Vyach. Ivanova ("Stikhi o Prekrasnoy Dame" i "Prozrachnost") [Notes on the poetics of Alexander Blok and Vyach. Ivanov ("Poems about the Beautiful Lady" and "Transparency")]. In: Gryakalova, N.Yu. (ed.) *Aleksandr Blok: Issledovaniya i materialy* [Alexander Blok: Research and Materials]. Saint Petersburg: Pushkinskiy Dom. pp. 143–161.

20. Mashtakova, L.V. & Sozina, E.K. (2022) Poetics of theophany in Kormchiye zvyozdy (1902–1903) and Prozrachnost' (1904) by Vyacheslav Ivanov: Transformations of Eternal Feminine images. *Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies*. 18. pp. 94–117. (In Russian). doi: 10.17223/24099554/18/5

21. Bystrov, N.L. (2013) Dvizhenie i nepodvizhnost' v poeticheskom mire Vyach. Ivanova [Movement and stillness in the poetic world of Vyacheslav Ivanov]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2: Gumanitarnye nauki*. 3 (117). pp. 210–223.

22. Schopenhauer, A. (1993) *O chetveroyakom korne...; Mir kak volya i predstavlenie* [On the Fourfold Root...; The World as Will and Representation]. Translated from German by M.I. Levina. Vol. 1. Moscow: Nauka.

Информация об авторах:

Быстров Н.Л. – канд. филос. наук, доцент кафедры истории философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия). E-mail: nikita-bystrov@yandex.ru

Пашкин Н.С. – магистрант департамента «Филологический факультет» Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия); журналист-редактор новостного портала «Издательства «Медиа-Бизнес»» (Екатеринбург, Россия). E-mail: nik.pashkin.000@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

N.L. Bystrov, Cand. Sci. (Philosophy), associate professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russian Federation). E-mail: nikita-bystrov@yandex.ru

N.S. Pashkin, master's student, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russian Federation). E-mail: nik.pashkin.000@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 17.12.2024;
одобрена после рецензирования 13.01.2025; принята к публикации 21.07.2025.

The article was submitted 17.12.2024;
approved after reviewing 13.01.2025; accepted for publication 21.07.2025.

Научная статья
УДК 821.112
doi: 10.17223/19986645/96/8

Жанровая диффузия идиллии и элегии в высоком бидермейере (элегические идиллии А. Дросте-Хюльсхофф)

Елена Ивановна Зейферт^{1,2}

¹ *Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия*

² *Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия*
^{1,2} *elena_seifert@list.ru*

Аннотация. Целью статьи является осмысление роли идиллии высокого бидермейера с её устремлённостью к безмятежному в жанровой диффузии с её концептуальным «соперником» – элегией, нацеленной на передачу разочарования лирического героя, на материале лирики Аннетте Дросте-Хюльсхофф. Элегия высокого бидермейера стремится к диффузии с идущей к ней навстречу идиллией, не претендуя на первенство. Лирика А. Дросте-Хюльсхофф изобилует чистыми идиллиями и элегическими идиллиями, внутри которых идиллия берёт вверх над элегией. Ассимиляция идиллией элегии гармонизирует пессимизм последней.

Ключевые слова: высокий бидермейер, Аннетте Дросте-Хюльсхофф, идиллия, элегия, жанровая диффузия

Для цитирования: Зейферт Е.И. Жанровая диффузия идиллии и элегии в высоком бидермейере (элегические идиллии А. Дросте-Хюльсхофф) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2025. № 96. С. 148–164. doi: 10.17223/19986645/96/8

Original article
doi: 10.17223/19986645/96/8

Genre diffusion of idyll and elegy in high Biedermeier (elegiac idylls by Annette Droste-Hulshoff)

Elena I. Zeifert¹

¹ *Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation*

² *Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation*
^{1,2} *elena_seifert@list.ru*

Abstract. The aim of the article is to understand the role of the high Biedermeier idyll with its aspiration to the serene in genre diffusion with its conceptual "rival" – the elegy, aimed at conveying the disappointment of the lyrical hero, based on the lyrics of Annette Droste-Hulshoff. A corpus of 18 elegiac idylls of the German poetess was selected, and her idylls and elegies were also studied. The analysis was carried out using the structural-descriptive method and sheds light on the following trends. The pure idyll of the high Biedermeier is fueled by an odic tonality. The high Biedermeier elegy strives for diffusion with the idyll moving towards it, without claiming primacy. The lyrics of Droste-Hulshoff abound in pure idylls and elegiac idylls, within which the idyll takes

precedence over the elegy. The assimilation of the elegy into the idyll harmonizes the pessimism of the latter. The high Biedermeier idyll overcomes the influence of the elegy, which usually causes the elegization of the genre adjacent to it, and in the diffusion with the elegy it acts as a leader. Interpenetrating, mixing, genres within their unity must fight for primacy, pushing the signs of a "rival" to the genre periphery; however, in Biedermeier, the resistance of the elegy to the idyll is weak because its constant (sad tonality) is softened. The idyll of Droste-Hulshoff sometimes mixes with other genres (prayer, ballad, fairy tale, etc.), not always suppressing them, but it is in interpenetration with the elegy, which is polar for it conceptually, that it shows its greatest strength. In diffusion with the poetic prayer, the high Biedermeier idyll is favorably mutually enriched. The German poetess does not shy away from the pure elegy, but softens its genre task of conveying sadness. If in the elegiac texts of the German Biedermeierist poetess a lyrical heroine often appears, then in the idyllic texts, on the one hand, an objective world is possible, emphasizing the presence of an impersonal outside observer; on the other hand, a lyrical subject is also often present, providing an image of a person in an idyll. The subject instead of a lyrical character is, on the one hand, a sign of the influence of the elegy on the idyll, on the other, a property that paradoxically enhances the reliability and serenity of the idyllic world ("I see this corner of nature like this"). The lyrical heroine also appears in the pure idylls of Droste-Hülshoff, perhaps under the influence of the elegiac idyll. The elegiac idyll of the high Biedermeierists, apparently, becomes a field not only for poetic experiments, but also for resolving socio-political contradictions.

Keywords: high Biedermeier, Annette Droste-Hulshoff, idyll, elegy, genre diffusion

For citation: Zeifert, E.I. (2025) Genre diffusion of idyll and elegy in high Biedermeier (elegiac idylls by Annette Droste-Hulshoff). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 96. pp. 148–164. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/96/8

Введение

Явление, обозначаемое термином «бидермейер (бидермайер)», изучается в литературоведении [1. Т. 1–3], искусствоведении [2], музыковедении [3]. Бидермейер проявляется в отдельных видах искусства в период после окончания наполеоновских войн (Венский конгресс, 1814–1815 гг.) до революционных событий во Франции, Италии, Германии и других странах Европы в 1848–1849 гг. Географический охват – Германия и Австрия, виды искусства – литература, живопись и музыка. В разновидности «высокий бидермейер» авторы уделяют большое внимание трогательной идилличности, религиозности, любви к искусству [4. С. 55].

Представители высокого бидермейера, к примеру Анnette Дросте-Хюльсхофф (1797–1848)¹ и Эдуард Мёрике (1804–1875), проявляют настойчивое внимание к жанру идиллии. Этот жанр задерживается в их поэзии

¹ Удивительно, что Анnette Дросте-Хюльсхофф (1797–1848), которую называют фрау Бидермейер (5. С. 15), достигает сознательного возраста и уходит из жизни соответственно вместе с рождением (Венский конгресс) и уходом (революционные события 1848–1849 гг.) самого бидермейера.

даже в то время, когда практически уходит из жанрового поля всей лирики. В названии стихотворного эпоса Э. Мёрике 1946 г. упоминается слово «идиллия» («Idylle vom Bodensee oder Fischer Martin und die Glockendiebe: in 7 Gesängen») («Идиллия Боденского озера или рыбак Мартин и похитители колоколов»)) [6]. Элегические стихотворения также находятся в поле внимания Дросте-Хюльсхофф и Мёрике. По сделанному нами предварительному анализу, в лирике Мёрике преобладают идиллии («Idylle» («Идиллия»), «Wald-Idylle» («Лесная идиллия»), «Der Knabe und das Immlein» («Мальчик и ягнёнок»), «Nimmerfatte Liebe» («Ненасытная любовь»), «Der Gärtner» («Садовник»)), но встречаются и стихотворения с элегическими мотивами («Erinnerung» («Воспоминание»), «Das verlassene Mägdlein» («Брошенная девушка») и др.) [7]. В увидевшей свет в 1844 г. книге стихов А. Дросте-Хюльсхофф, судя по названиям и предварительному анализу, немало идиллических стихотворений («Der Weiher» («Пруд»), «Kinder am Ufer», «Wasser» («Вода»)). Однако и стихотворениям с элегическими названиями здесь находится место: «Die tote Lerche» («Мёртвый жаворонок»), «Abschied von der Jugend» («Прощание с молодостью»), «Unruhe» («Непокой») и др. [8]. Показательно также приписанное А. Дросте-Хюльсхофф абсолютно идиллическое, ликующее стихотворение «Der Frühling ist die schönste Zeit!» («Весна – самое прекрасное время!»). Интерес к идиллии и элегии у обоих бидермейеристов (так в своих предыдущих исследованиях я предлагаю называть представителей бидермейера и авторов, чья поэтика окрашена бидермейером) несомненен. У этих поэтов встречаются и другие жанры и жанровые формы (песни, послания, баллады, сказки и др.), которые мы вынуждены оставить за рамками настоящей статьи.

Целью исследования является осмысление роли идиллии высокого бидермейера с её устремлённостью к безмятежному в диффузии с её концептуальным «соперником» – элегией, нацеленной на передачу разочарования лирического героя, на материале лирики Анnette Дросте-Хюльсхофф. Анализ жанровой диффузии идиллии и элегии немецкой поэтессы, проделанный с опорой на структурно-описательный метод, предпринимается впервые, что обуславливает научную новизну. Стоит учесть, что элегия бидермейера в сравнении с романтической элегией с её тотальной «мировой скорбью» может иметь не столь тяжёлое по тональности жанровое задание, но в любом случае передавать грусть и разуверение элегического героя. Е. Иванова разводит понятия «романтизм» и «бидермейер», сетуя, что в представлении литературоведения романтизм нередко перекрывает собой более обширное явление, внутри которого и веймарский классицизм, и, в частности, бидермейер, обращённый к бюргерскому кругу. Уставший к 1820-м гг. романтизм в эпоху реставрации разряжается с помощью бидермейера. По мнению Е. Ивановой, учёные рассматривали бидермейер либо как «полную противоположность романтизму (Г. Понгс, Г. Киндерманн)», либо как «новый вариант романтизма (П. Клухон, Хобсбом, М.И. Бент)» [9. С. 121]. Именно немецкое бюргерство (аудитория бидермейера) вызывало неприятие у йенских романтиков. Но романтизм – многослойное явление, йенский,

гейдельбергский и поздний романтизм отличаются друг от друга. У позднего романтизма, по утверждению исследовательницы, есть сходство с бидермейером, берущим истоки в XVIII в., в желании примирить контрасты, увидеть мир с разных точек зрения, сделать идеалы более достижимыми [9].

Идиллия и элегия

Возродившись в Западной Европе в эпоху Ренессанса в русле общей ренессансизации античных жанров и форм, идиллия продолжает жизнь, получая наиболее широкое распространение в XVII–XVIII вв., в частности, преломляясь через идею «естественного человека» (Жан-Жак Руссо). Идиллика осваивается не только в поэзии, но и в прозе: возникают собственно идиллии в прозе («Идиллии» Соломона Геснера); идиллические мотивы – идеализация патриархального уклада, антитеза природы и цивилизации без обострения социальной проблематики – проникают в поэму («Луиза» Иоганна Фосса, «Герман и Доротея» Иоганна Вольфганга Гёте) и роман («Поль и Виргиния» Бернарден де Сен-Пьера). В дальнейшем идиллия удачно воплощается в сентиментальной и романтической поэзии.

Идиллия при этом является одним из наиболее влиятельных истоков высокого бидермейера. Бидермейер, который считали эпохой [1], направлением (течением) [10, 11], субтипом культуры [3], в его разновидности «высокий бидермейер» на старте можно трактовать и принципиально ново – как необычный виток в судьбе жанра идиллии и идиллического модуса художественности, инерцию канонического жанра идиллии, его разрастание, диффузию с другими жанрами и облучающее влияние на лирические, эпические и драматические жанры. Высокий бидермейер не просто использует жанр идиллии в поэзии, но и изначально совокупностью признаков совпадает с ним.

И элегия, и идиллия – канонические жанры. Каноническими считаются жанры, структуры которых восходят к определённым «вечным» образцам. Произведения неканонических жанров не строятся с ориентацией на готовые, жёстко унаследованные образцы художественного целого [12. С. 361–408]. Реципиенту не нужно воспроизводить «внутреннюю меру» на основе ряда элегических или идиллических образцов, восприятие этих жанров очень устойчиво.

Оба жанра хорошо и глубоко изучены, литературоведение располагает целым рядом работ по элегии и идиллии [13, 14]. Элегия – единственный лирический жанр, жизни которого посвящена монография – «Жизнь лирического жанра. Русская элегия от Сумарокова до Некрасова» Л. Фризмана [15]. В монографии В. Вацура «Лирика пушкинской поры. “Элегическая школа”» [16] представлен глубокий анализ элегического жанра в поэзии первой трети XIX в. Этот же автор написал монографическую статью об идиллии [17]. Немецкая идиллия первой трети XIX в. подготовлена идиллией XVIII в. [18]. Идиллия характеризуется, в частности, мотивами безмятежности, оптимистическим решением лирического сюжета, опорой на миф как «сплетение наших душевных процессов» (А. Потемня), идиллическими

стилевыми клише, статикой образов, ограниченным локусом уголка природы, художественным временем «утро» или «жаркий полдень», отсутствием социальной проблематики, изображением человека. Пессимистическая концовка лирического сюжета, страдающий и рефлексирующий элегический герой, мотивы грусти, разочарования, устремлённость в прошедшее, в котором зародилось страдание, расширение художественного пространства, элегические клише – одни из признаков жанра элегии.

Жанровая диффузия

Проблему жанровой диффузии в лирике по разным научным поводам в разное время ставили С. Матяш и её ученики (Г. Бралина [19] и др.), В. Аминева [20] и её ученики (А. Хабибуллина [22] и др.). Элегия – влиятельный участник жанровых диффузий. Так, А. Хабибуллина говорит об элегизации романса в татарской лирике. С помощью категории элегического модуса художественности исследовательница показывает лидерство элегии в диффузии с романсом. Элегия – «старший жанр» (Ю. Тынянов) – оказала существенное влияние на другие лирические формы в русской поэзии. «Данное положение, – пишет А. Хабибуллина, – получило достаточное обоснование в теоретических исследованиях, в частности, об элегизации русской лирики рассуждали С. Сендерович, Л.Н. Лейдерман, В.И. Козлов, О.В. Зырянов, Е.И. Зейферт, А.А. Боровская. Согласно взглядам С. Сендеровича, «элегия всё же находится в центре системы лирических жанров: подавляющее большинство жанров оказываются смежными, граничащими с ней в том смысле, что испытывают её влияние, позволяют ей вторгнуться в свою территорию и, таким образом, размещаются вокруг неё» [22. С. 83]. Итак, влиятельность элегии – в литературоведении факт известный, поведение элегии в жанровой диффузии часто доминантно.

В своей книге «Неизвестные жанры «золотого века» русской поэзии: романтический отрывок» в разделе «Отрывок и элегия: диффузия жанров» детализированно анализирую взаимопроникновение жанров элегии и отрывка [23. С. 212–232], в ходе которого выявляю сходство и отличие этих жанров и их роль во взаимопроникновении. В 1820-е гг., как отмечает Л. Фризман, эстетической мыслью было выдвинуто требование мотивировать элегическую скорбь [15. С. 73]. Выполнение этого требования разрушило бы элегию как жанр, и она передала новое жанровое задание отрывку. В немецкой и австрийской поэзии, кроме активного жанра отрывка, присутствует ещё более активная идиллия бидермейера, успешно приглашающая элегию на свою территорию.

Уточним терминологию. Собственно жанровая диффузия, при которой взаимопроникновение жанров равноценно, не допускает заметного перевеса в сторону того или иного жанра. В контексте изучения жанровой диффузии можно выделить такие типы произведений, как:

- 1) чистые жанры;
- 2) жанры, использующие отдельные признаки других жанров;

3) участники жанровой диффузии, т.е. равноправного жанрового взаимопроникновения;

4) участники жанровой диффузии, в которой лидерство берёт один из смешанных в ней жанров.

Актуален термин «ассимиляция одного жанра другим в диффузном образовании», т.е. «захват власти» одним жанром при взаимопроникновении. Внутри второго типа, после использования одним жанром одного или нескольких признаков другого, может произойти перераспределение жанровых признаков, перерождение жанра в другой и развитие второго типа в третий или даже четвёртый.

Диффузия идиллии и элегии высокого бидермейера явственно отражает национальную и общественно-политическую специфику Германии и Австрии эпохи бидермейера – уход от социальных проблем вплоть до эскапизма и одновременно осознание этих проблем. В монографическом исследовании жанровых процессов в поэзии российских немцев второй половины XX–XXI в. (потомков германских эмигрантов в Россию) [24] я уделяю пристальное внимание жанровой диффузии. Наиболее активно элегия влияет на песню, наделяя её своим печальным настроением. В этом исследовании рассматриваю и прямое и антонимичное отражение этнической картины мира российских немцев в жанрах элегии и идиллии. Такие черты идиллии, как безмятежная тональность, мотивы с семантикой покоя, локальность художественного пространства, пейзажные элементы, отсутствие социальной проблематики, коррелируют с осознанием окружённости своего чужим, бытованием внутри другого, генетическим страхом перед изгнанием как признаками этнической картины российских немцев. Идиллические признаки «художественное время “жаркий полдень”», условность образов, гекзаметр/гекзаметроподобность стиха, доминирующая графическая слитность текста или форма диалога, зрительные и контурные образы в российско-немецкой идиллии пассивны. Она игнорирует и безличного «наблюдателя» со стороны, предпочитая лирическое «я», чтобы усилить семантику покоя. Элегия преломляет национальные интенции российских немцев следующим образом: мотивы с семантикой грусти, разочарования, страдающий лирический герой отражают генетический страх перед изгнанием, состояние постоянной уязвимости, болезненное ощущение «нигде на родине»/«везде на родине», обострённое отношение законного отношения к родному этносу, в то время как элегические текучесть образов, устремлённость к прошлому, 5-стопный ямб/элегический дистих, графическая слитность текста не активны. Не константен и пессимистический финал лирического сюжета, дисгармонирующий с надеждой как с одним из ключевых национальных понятий российских немцев и поэтому не воспринятый ими. В перспективе, опираясь на это исследование, интересно проследить зависимость идиллии и элегии высокого бидермейера и продукта их диффузии от социально-политических условий того времени. Уже сейчас понятно, что жанровое задание идиллии совпадает с устремлениями высокого бидермейера, по всей очевидности, укрепляя его, а посыл элегии полярно расходится с ним, тем самым

ослабляется сама элегия. Устремлённость бидермейеристов к идиллии и элегии обусловлена общественно-политической подоплёкой.

Если у российских немцев второй половины XX – начала XXI в. и идиллия, и элегия амбивалентны, то канонические романтические идиллия и элегия отражают полярное мировосприятие – соответственно идиллическое (безмятежное) и элегическое (грустное). При этом элегия как ультраромантический жанр, подчёркивающий «мировую скорбь» романтизма, в жанровой диффузии с идиллией оказывается сильнее своего безмятежного «соперника». Бидермейер, как было отмечено выше, смягчает тяжёлую разочарованность элегического героя, но не нейтрализует её. Активность элегии снижается, но не исчезает.

Идиллия и элегия в лирике Анnette Дросте-Хюльсхофф

У А. Дросте-Хюльсхофф большой ряд чистых идиллий. Идиллическими мотивами насыщено стихотворение А. Дросте-Хюльсхофф «Der Weiher» («Пруд»): здесь пруд, берег («des Ufers Blume»/«цветок берега»), прибрежный камыш, сияние солнца, стрекозы. Образы окрашены предельно безмятежным, ласкающим отношением поэта-бидермейериста: «Er liegt so still im Morgenlicht, / So friedlich wie ein fromm Gewissen»¹ («Он лежит так тихо в утреннем свете, так мирно, как благочестивая совесть»²). «Цветок берега» не касается пруда, стрекозы трепещут над ним, водяной паук танцует свой танец, венок ирисов слушает на берегу колыбельную камыша. Любование безличного стороннего наблюдателя с замороженным взглядом сгущается в финале до эмоционального всплеска:

Ein lindes Säuseln kommt und geht,
Als flüstr' es: Friede! Friede! Friede! [25. S. 51].

Нежный шёпот приходит и уходит,
Как будто шептал: Покой! Покой! Покой!

Мотив покоя («Friede») и его контекстуальные синонимы встречаются практически в каждой идиллии А. Дросте-Хюльсхофф.

Это стихотворение входит в лирический цикл из пяти стихотворений («Der Weiher» («Пруд»), «Das Schiff» («Корабль»), «Die Linde» («Липа»), «Die Wasserfäden» («Водяные нити»), «Kinder am Ufer» («Дети на берегу»)), являющихся чистыми идиллиями. Этот цикл представляет собой совершенно уникальное явление: пять идиллий облучают друг друга предельно безмятежными мотивами тишины, нежной стрекозы, золотой ткани, листы, новорождённой рыбки в пруду, зеркала пруда, волн, милой водной феи, ветвей, гнёзд, гостеприимной липы с пологом из листьев, солнца, детей. Все пять идиллий обладают оптимистическим финалом лирического сюжета, и

¹ Здесь и далее цитируется по [8].

² Здесь и далее перевод мой. – Е.З.

при восприятии цикла в целом с каждым новым положительным исходом у читателя укрепляется ощущение радости и безмятежности.

Чистой идиллией является и стихотворение Дросте-Хюльсхофф «Wasser» («Вода»). Оно характеризуется набором пейзажных идиллических мотивов (солнце, берег, вода, небо, ветви, птицы, лодка, горы, поля, рощи и др.). Изображается благодатная тишина:

Alles still ringsum –
Die Zweige ruhen, die Vögel sind stumm [25. S. 84].

Всё тихо вокруг –
ветви отдыхают, птицы молчат.

В близком религиозному экстазе лирическая героиня восклицает, обращаясь к воде:

Schlürf ich dein geläutert Gut,
Und du wirst mein eignes Blut,
Liebe Welle, heilige Flut! [25. S. 84].

Я пью твоё очищенное благо,
И ты будешь моей собственной кровью,
Милая волна, священный потоп!

Религиозное благоговение перед миром – один из важнейших признаков идиллии высокого бидермейера. Нередко она тяготеет к слиянию с жанром молитвы, как в стихотворении А. Дросте-Хюльсхофф «Am Gründonnerstage» («В Чистый четверг»), в котором присутствует прямое обращение к Богу, Христу (монолог, обращённый к Господу), описана ситуация моления, передано преодоление стыда, страданий, залечивание горящих ран в благочестии человека, «эхо дыхания» Христа в молящемся.

Обратим внимание, что идиллия всегда изображает человека, и Аннете Дросте-Хюльсхофф следует этой традиции, не только показывая внутренние ощущения лирической героини, но и по жанровой традиции показывает лирических персонажей – детей, пастуха, влюблённых.

У немецкой поэтессы-бидермейеристки есть идиллии, использующие лишь некоторые признаки элегии. Таково стихотворение «Im Grase» («В траве»), написанное четырьмя восьмистишиями. Сгущение идиллических мотивов в начале стихотворения (описаны сладкий покой, отдых на траве, смех, «голос любви») переходит, начиная со сравнения «как липовый цвет на могиле», в элегические (мертвецы, закрытые ресницы, мёртвая любовь, мёртвая страсть, мёртвое время, все сокровища погребены под развалинами, мимолётные часы), но уже с третьей строфы, начиная со сравнения мимолётных часов с поцелуем луча, песней перелётной птицы, развёрнутого сравнения со вспышкой ослепительного жука, быстро и уверенно возвращается к идиллическому модусу художественности до самого финала. Интересен двойной переход от одного

жанра к другому через троп. Лирическая героиня в последней строке стихотворения мечтает о счастье для каждого человека.

Интересно сопоставить чистую идиллию «Die Lerche» («Жаворонок») и элегическую идиллию «Die tote Lerche» («Мёртвый жаворонок») А. Дросте-Хюльсхофф. Жаворонок, звонкая птица зари, является темой для ряда идиллических и идиллически-песенных стихотворений. Наиболее известен из них «Жаворонок» В. Жуковского. В идиллии «Die Lerche» немецкая поэтесса с наслаждением живописует утреннее явление певчей птицы в окружении ликующих явлений природы. Все встречают солнце. Дросте-Хюльсхофф сравнивает светило с «юной принцессой» («junge Fürstin»), а затем «королевой» («die Königin»). Монаршую особу приветствует целый ряд растений и животных, но главный из них – жаворонок. Он герольд, глашатай, который призывает всех восхищаться ею и служить ей. Именно жаворонок пробуждает светило, приглашает его явиться миру, сопровождает его. Мотивное поле стихотворения включает в себя три основные группы элементов – описание наступления утра, описание солнца, в том числе воображаемой свиты солнца как монархини, и собственно описание жаворонка. Эти группы мотивов переплетены между собой: с помощью игры значений слова «нота» в изображение природы включен «мандат» («wirbelnd des Mandates erste Note» / «крутя первую ноту мандата»), ива с её белым цветением представлена пудрящейся фрейлиной («Die kleine Weide pudert sich geschwind»), жаворонок – «вестник дня» в ливрее, на которую похожи его перья. Всё нарастающее лирическое напряжение стихотворения разряжается в финале изображением восхода, жаворонок умолкает. Насыщенный цвет, упругий контур, звонкий звук, запах «канифоли росы», ароматное эльфийское платье принцессы, сотканное пауком и осыпанное жемчугом росы, движение солнца, с трудом выходящего «из чрева земного» – произведение воздействует на все органы чувств реципиента. В стихотворении есть заявленный в первой строке лирический адресат: «Hörst du der Nacht gespornten Wächter nicht?» («Слышишь ли ты стража ночи?»), но местоименно не выражен лирический субъект. Поэтесса передаёт идиллическое настроение через предметный мир. В этом нередко проявляется особенность идиллического мира немецкой поэтессы-бидермейеристки. Если в её элегических текстах часто проявляет себя лирическая героиня, то в идиллических возможен некий безличный сторонний наблюдатель (в предметном мире), хотя, впрочем, нередко вводится и лирический субъект, чтобы обеспечить собственное идиллии изображение человека. Последнее – элегически-идиллический приём: в элегии обычно присутствует страдающий субъект, а в идиллии – безмятежные лирические персонажи.

Идиллическая и одическая эстетическая тональность взаимодействуют в этом произведении. Сама ситуация монаршего величия солнца в окружении восхищённой свиты – одическая. Лексическая ткань содержит многочисленные идиллические («Die Wasserlilie sieht ein wenig bleich, / Erschrocken, daß im Bade sie betroffen; Wie steht der Zitterhalm verschämt und zage!» («Кувшинка выглядит немного бледной, / Испугалась, что её застали при купании,

/ Как стыдлив и робок её стебель»)) и одические («Du <...> / Zwergweide du mit deiner Seidenfahne» («Ты <...> / Затмевашь карликовую иву своим шёлковым флагом»), «Und reicht dem West ihr Seidentüchlein lind, / Daß zu der Hoheit Händen er es trage» («И передаёт её шёлковый платочек Западу, / Чтобы тот передал в руки Её Высочества»), «Prinz von Geblüte, hat die erste Stätte / Er, immer dienend an der Fürstin Bette» («Принц по крови занимает первое место, / Он, всегда служивший принцессе Бетте»)) мотивы. Величественный пятистопный ямб, сверхдлинная строка (как имитация идиллического гекзаметра), внушительный объём произведения (84 строки), начальный вопрос, восклицания (их шесть), разделение пропуском строки 11 разновеликих композиционных частей вызывают явственные одические ассоциации. Описание пейзажа как райского уголка (ограниченный локус), наличие безличного внешнего наблюдателя (кто-то передаёт своё отношение, кто-то обращается к адресату), отсутствие социальных проблем, статика зрительных и пластичных образов (яркие, контурные лирические персонажи замерли и сконцентрировались в одном месте в ожидании солнца) характеризуют эту идиллию А. Дросте-Хюльсхофф.

Иное распределение жанровых признаков в стихотворении «Die tote Lerche», состоящем из четырех восьмистиший, написанных четырехстопным ямбом. Строфическое членение здесь благоприятствует жанровой диффузии. В первой строфе показан идиллический локус жаворонка – ограниченный уголок природы («Ich stand an deines Landes Grenzen, / an deinem grünen Saatenwald»/ «Я стояла у границ твоей страны, у твоего зелёного плодородного леса»). Художественное время здесь тоже идиллическое – рассвет, потом жаркий полдень («молодой день»). Жаворонок описан идиллически-одически:

dein Lied war wie ein Blütenregen,
dein Flügelschlag wie ein Gedicht. [25. S. 51].

твоя песня была, как цветочный дождь,
полёт твоего крыла, как стихотворение.

Элегический признак в первой строфе – только прошедшее время. Лирическая героиня и жаворонок описаны с помощью параллелизма. Если в первой строфе жаворонок рванул к солнцу, как комар на свет («wie eine Mücke nach dem Licht»), то во второй строфе лирическая героиня шатается, как пьяная, как комар, бросившийся на свет. И это состояние человека становится предчувствием гибели жаворонка. Третья строфа и большая часть четвертой, последней, строфы посвящены описанию мёртвого жаворонка в его недостроенном гнезде. Однако завершается стихотворение неожиданным идиллическим восклицанием:

und nah nur, nah bei meinem Neste,
in meiner stillen Heimat nur! [25. S. 51].

и это только близко от моего гнезда,
только на моей тихой родине!

Концовку произведения можно воспринимать как противопоставление трагическому лирическому событию: у лирической героини есть свой безмятежный уголок. Хотя рядом с этим идиллическим локусом случилось непоправимое несчастье, умерла певчая птица, это место бережно и тепло защищает лирическую героиню. Финал влияет на тип эстетического завершения. В элегической идиллии Дросте-Хюльсхофф (а здесь именно идиллия главенствует, несмотря на обилие элегической ткани) концовка лирического сюжета определяет жанровый статус текста, сгущая идиллический модус.

Предлагаю называть продукт подобной диффузии элегическими идиллиями, потому что именно идиллия побеждает в этом взаимопроникновении. Это участники жанровой диффузии, в которой лидерство берёт один из смешанных в ней жанров, а именно идиллия.

В элегической идиллии «*Letzte Worte*» («Последние слова») хронотоп расширен до бесконечности и вечности. Вечер, ночь типичны для медитативной элегии (ангельские крылья ночами навевают покой на мир, лирическая героиня шлет привет со звёзд), а не для идиллии. Но в посмертии лирическая героиня обретает идиллическое время пребывания: «здесь сияет вечный день». Она просит любимого не горевать по ней, потому что находится в идиллическом блаженстве, дарованном верой в Бога.

Стихотворение «*Im Moose*» («Во мху») демонстрирует, как сквозь элегическую ткань победителем выходит идиллия, являя оптимистический финал лирической композиции. Лирическая героиня в сумерках лежит во мху под тёмными ветвями на утомлённой солнцем земле. Грёзы, полные элегической грусти, являют прошлое, настоящее и будущее. В прошлом лирический субъект видит ставшие давно чужими лица, настоящее встанет волной, а в будущем возникает образ сгорбленной маленькой старушки. Перепел будит рефлексирующую женщину от её грёз-страданий, и она понимает, что избежала очевидной смерти. Загорается огонёк светильника, который лирическая героиня принесла с собой в элегические сумерки из идиллического дома. Лирический субъект А. Дросте-Хюльсхофф здесь отличается способностью изображать себя, свои внутренние переживания, лирическая героиня становится темой для самой себя – в этом влияние на идиллию элегии.

Уже начало элегической идиллии «*Die Bank*» («Скамья») развёрнуто изображает идиллический мотив скамейки в парке, на которой много времени проводит лирическая героиня. Как «терпеливый мученик верности» внутренним зрением она наблюдает элегических и идиллических лирических персонажей с их любовью, бытийностью, радостью и горем.

Элегическая идиллия «*Unter der Linde*» («Под липами») – удивительное чередование типичных идиллических и элегических элементов и затем их слияние. Стихотворение начинается с изображения светлого утреннего пейзажа: сладко поют птицы, радуется взгляд цветов, лирическую героиню, сидящую в грёзах под липами, умиляет маленький медвежонок, вокруг летают бабочки, стрекозы. Рядом с этим райским уголком растёт старый бук с «мрачной зеленью», среди его ветвей примерно треть большие. Пейзаж раздвоился, как «лицо Януса». Лирическая героиня вспомнила своего друга, и

ей показалось, что тот, с «детским лицом», смотрит в могилу. Усиливается грустная тональность. Казалось, уже ничего не может вернуть сопереживающего человека к безмятежности. Но лирического субъекта будят от тяжёлых грёз звуки колокольчиков для скота (атрибут классической идиллии), пастух гонит стадо вниз по склону. Постепенно чередование элегических и идиллических образов в стихотворении сливается в их гибридность: на шапке старого больного бука светит майское солнце.

Из 18 проанализированных элегических идиллий А. Дросте-Хюльсхофф во всех стихотворениях присутствуют идиллическая эстетическая тональность и идиллические мотивы, и в первую очередь пейзажные. Так, 91,2% стихотворений характеризуются отсутствием социальной проблематики и оптимистическим решением лирического сюжета (в 8,8% – нейтральным). В 88,6% стихотворений присутствует ограниченный локус (в остальных случаях под влиянием элегии происходит расширение художественного пространства), в 61,1% под влиянием элегии – лирическая героиня. Написаны сверхдлинной ямбической строкой, выступающей в качестве подобия гекзаметра, 74,7%. элегических идиллий А. Дросте-Хюльсхофф. В её элегических идиллиях обнаруживаются пастушеские мотивы, образы взаимно влюблённых, детей.

В других её стихотворениях, в редких случаях даже с интонацией инвективы, социальная проблематика имеет важное значение. Поэтесса поднимает тему патриотизма («Ungastlich oder nicht?» («Гостеприимная или нет?»)), ставит антиклерикальные («Der Stadt und der Dom» («Город и собор»)) и гендерные вопросы («An die Schriftstellerinnen in Deutschland und Frankreich» («Писательницам в Германии и Франции»)). Она не избегает тем политики, войны, общества, а, наоборот, стремится к ним. Однако в жанре идиллии, в том числе элегической, эти темы у немецкой поэтессы нейтрализуются.

Неверно считать, что бидермейер чуждается чистой элегии. Сугубо элегические стихотворения встречаются и у Анnette Дросте-Хюльсхофф. Так, чистая элегия «Das öde Haus» («Пустой дом») характеризуется рядом элегических черт. Это и элегическая лирическая героиня, рефлексирующая и страдающая при виде распада, одиночества, смерти, и элегические клише («дом сгнил», «похоронен», «мёртвый человек», «тяжёлый», «худой», «разрушенная беседка», «тёмный», «больной», «сосновый гроб»), и пессимистический финал лирического сюжета. Идиллические образы в этом стихотворении намеренно разрушены: стрекоза без головы, нарцисс выглядит больным, в очаге зола и плесень и др. Чистым элегиям высокого бидермейера свойственно типичное для этого жанра обращение к прошедшему времени как этапу возникновения страдания и разрушения.

«Abschied von der Jugend» («Прощание с молодостью») – это элегия, использующая лишь некоторые признаки идиллии, не доходящая до полноценной жанровой диффузии с ней. Робкая попытка светлого финала лирического сюжета («с благословения Бога может разлиться река, / Может ожить росток во влажном комочке земли»), хотя и при условном наклонении

глаголов и условиях долженствования, показательны. Идиллия здесь безуспешно «пробирается» сквозь череду элегических мотивов («дрожащий изгнанник», «унылый, сломленный странник», «могилы мертвецов», «грехи», «скудное имущество», «чужая страна», «слеза», «похороненные надежды» и др.) Расширение художественного пространства возникает под влиянием элегии.

Удивительно, что стихотворение с элегическим названием «Unruhe» («Непокой») собственно элегией не является. Это идиллия лишь с отдельными элегическими мотивами. Непокой представлен здесь мотивами нетерпения сердца лирической героини, устремившейся к тревожным мечтаниям на «сыром пляже». Но она принимает решение вернуться к родному очагу, понимая, что именно там есть всё для творчества. Катрен-рефрен с этим решением поэтесса повторяет дважды, в середине и финале произведения.

Идиллические элементы у А. Дросте-Хюльсхофф редко проникают в балладу, как это происходит в стихотворении «Der Heidemann» («Человек равнины»), в котором изображается балладный персонаж – Человек равнины. Он опасен для детей, им не стоит одним гулять, а то и покидать дом, нельзя ложиться на траву. Стихотворение, написанное шести- и пятистишиями, остаётся балладой на протяжении всего текста. Идиллические мотивы защиты детей в надёжном локусе уютного дома противоречат здесь опасным пейзажным элементам. В другом стихотворении «Der Schloßelf» («Эльф замка») в стержень сказочной баллады вплетаются как идиллические, так и элегические мотивы, создавая гибридное жанровое образование с равенством всех трёх жанров.

Выводы

Проделанный анализ лирики Анnette Дросте-Хюльсхофф проливает свет на следующие тенденции.

1. Чистая идиллия высокого бидермейера подпитывается одической тональностью.
2. Элегия высокого бидермейера стремится к диффузии с идущей к ней навстречу идиллией, не претендуя на первенство.
3. Лирика А. Дросте-Хюльсхофф изобилует чистыми идиллиями и элегическими идиллиями, внутри которых идиллия берёт вверх над элегией. Ассимиляция идиллией элегии гармонизирует пессимизм последней.
4. Идиллия высокого бидермейера преодолевает влияние элегии, обычно вызывающую элегизацию смежного с ней жанра, и в диффузии с элегией выступает лидером. Взаимопроникая, смешиваясь, жанры внутри своего единства должны бороться за первенство, отгесняя признаки «соперника» на жанровую периферию, однако в бидермейере сопротивление элегии идиллии слабое, потому что её константа (грустная тональность) смягчена.
5. Идиллия А. Дросте-Хюльсхофф порой смешивается и с другими жанрами (молитвой, балладой, сказкой и др.), далеко не всегда подавляя их, но именно во взаимопроникновении с полярной для неё по концепции элегией проявляет свою наибольшую силу.

6. В диффузии со стихотворной молитвой идиллия высокого бидермейера благоприятно взаимно обогащается.

7. Поэтесса не чуждается чистой элегии, но смягчает её жанровое задание передачи грусти.

8. Если в элегических текстах немецкой поэтессы-бидермейеристки зачастую фигурирует лирическая героиня, то в идиллических, с одной стороны, возможен предметный мир, подчёркивающий присутствие безличного стороннего наблюдателя, с другой, нередок и лирический субъект, обеспечивающий изображение человека в идиллии. Субъект вместо лирического персонажа, с одной стороны, признак влияния элегии на идиллию, с другой – свойство, парадоксальным образом усиливающее надёжность, безмятежность идиллического мира («я вижу этот уголок природы так»). Лирическая героиня появляется и в чистых идиллиях Дросте-Хюльсхофф, возможно, под влиянием элегической идиллии.

9. «Швы» между жанрами внутри элегической идиллии могут быть невидимыми или показаны, как продемонстрировано на примерах, с помощью эстетической тональности, строфы, тропов и др.

Элегическая идиллия высоких бидермейеристов, по всей очевидности, становится полем не только для поэтических экспериментов, но и для решения социально-политических противоречий.

Список источников

1. *Sengle F.* Biedermeierzeit. Deutsche Literatur im Spannungsfeld zwischen Restauration und Revolution 1815–1848 : In 3 Bd. Stuttgart : Metzler, 1980.
2. *Geismeyer W.* Biedermeier. Leipzig : E.A. Seeman Verlag, 1979. 378 S.
3. Романова Л.В. Венский бидермейер и альбом из Гавриловки. Дискуссия // Журнал научных публикаций. 2011. № 7 (2015). С. 49–54.
4. Иванова Е.Р. Традиции литературы «высокого» бидермейера в лирике Й.В. Шеффеля // Вестник Пермского университета. 2009. Вып. 1. С. 55–60.
5. *Kalthoff-Ptikar C.* Annette von Droste-Hülshoff im Kontext ihrer Zeit. Fr. a. M., 1988. 104 S.
6. *Mörike E.* Idylle vom Bodensee oder Fischer Martin und die Glockendiebe : in 7 Gesängen. Stuttgart : Schweizerbart, 1846. 156 S.
7. *Mörike E.* Gedichte. Stuttgart, 1838. 236 S.
8. *Droste-Hülshoff A.* Gedichte. Stuttgart, 1844. 238 S.
9. Иванова Е.Р. Романтизм и бидермейер в немецкой литературе XIX века // Преподаватель –XXI век. 2007. № 2. С. 118–125.
10. Лошакова Г.А. Художественная проза бидермейера в Австрии: жанры и поэтика : дис. ... д-ра филол. наук. Н. Новгород, 2014. 426 с.
11. Полубояринова Л.Н. Литература эпохи Реставрации (Германия). Высокий бидермейер. «Предмартовская литература». Литература эпохи Реставрации (Австрия). Швейцария: основные тенденции развития литературы в XIX веке // История зарубежной литературы XIX века : учебник / отв. ред. Е.М. Апенко. М. : Проспект, 2001. С. 45–74, 373–380, 405–411.
12. Жанр // Теория литературы : учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений : В 2 т. / под ред. Н.Д. Тмарченко. Т. 1. Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика. М. : Академия, 2004. С. 361–408.

13. Сенчина Л.Т. Жанровая эволюция идиллии (на материале русской поэзии XVIII – первой половины XIX века) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тбилиси, 1990. 25 с.
14. Зырянов О.В. Жанровая модель элегии и элегический модус художественности // Эволюция жанрового сознания русской лирики: феноменологический аспект. Екатеринбург, 2003. С. 101–123.
15. Фризман Л.Г. Жизнь лирического жанра. Русская элегия от Сумарокова до Некрасова. М. : Наука, 1983. 168 с.
16. Вацуро В.Э. Лирика пушкинской поры. «Элегическая школа». СПб. : Наука, 1994. 240 с.
17. Вацуро В.Э. Русская идиллия в эпоху романтизма // Русский романтизм : сб. ст. / под ред. К.Н. Григорьяна. Л. : Наука 1978. С. 118–138.
18. Анисимова А.Н. Генезис и развитие жанра идиллии в Германии первой половины XVIII в. (от И.Х. Готтшеда до М. Мендельсона) // Научный диалог. 2017. Вып. 2. С. 101–114.
19. Бралина Г.М. Жанр инвективы в русской лирике середины XIX века : дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2008. 254 с.
20. Аминева В.Р. Хикая как литературный жанр // Учёные записки Казанского университета. 2017. Т. 159, кн. 1. С. 7–26.
21. Аминева В.Р., Нагуманова Э.Ф., Хабибуллина А.З. Сонет в инонациональной рецепции татарских поэтов и переводчиков 1950–1980-х гг. // Имагология и компаративистика: научно-практический журнал. 2023. № 20. С. 124–144.
22. Хабибуллина А.З. Элегический модус художественности и романс как категории сопоставительной поэтики русской и татарской литературы // Philologos. 2023. Вып. 3 (58). С. 81–87.
23. Зейферт Е.И. Известные жанры «золотого века» русской поэзии. Романтический отрывок : учеб. пособие. М. : Флинта, 2014. С. 212–232.
24. Зейферт Е.И. Жанр и этническая картина мира в поэзии российских немцев второй половины XX – начала XXI в. Ларе : BMV Verlag Robert Burau, 2009. 534 с.
25. Droste-Hülshoff A. Gedichte. Stuttgart, 1844. 250 S.

References

1. Sengle, F. (1980) *Biedermeierzeit. Deutsche Literatur im Spannungsfeld zwischen Restauration und Revolution 1815–1848*. Vols 1–3. Stuttgart: Metzler.
2. Geismeyer, W. (1979) *Biedermeier*. Leipzig: E.A. Seeman Verlag.
3. Romanova, L.V. (2011) Venskiy bidermeyer i al'bom iz Gavrilovki. Diskussiia [Viennese Biedermeier and the Album from Gavrilovka. Discussion]. *Zhurnal nauchnykh publikatsiy*. 7 (2015). pp. 49–54.
4. Ivanova, E.R. (2009) Traditsii literatury "vysokogo" bidermeyera v lirike Y.V. Sheffelya [Traditions of the literature of the "High" Biedermeier in the lyrics of J.V. Scheffel]. *Vestnik Permskogo universiteta*. 1. pp. 55–60.
5. Kalthoff-Ptikar, C. (1988) *Annete von Droste-Hülshoff im Kontext ihrer Zeit*. Frankfurt am Main: [s.n.].
6. Mörike, E. (1846) *Idylle vom Bodensee oder Fischer Martin und die Glockendiebe*. Stuttgart: Sshweizerbart.
7. Mörike, E. (1838) *Gedichte*. Stuttgart: [s.n.].
8. Droste-Hülshoff, A. (1844) *Gedichte*. Stuttgart: [s.n.].
9. Ivanova, E.R. (2007) Romantizm i bidermeyer v nemetskoy literature XIX veka [Romanticism and Biedermeier in German literature of the 19th century]. *Prepodavatel' – XXI vek*. 2. pp. 118–125.
10. Loshakova, G.A. (2014) *Khudozhestvennaya proza bidermeyera v Avstrii: zhanry i poetika* [Biedermeier fiction in Austria: genres and poetics]. Philology Dr. Diss. Nizhniy Novgorod.

11. Apenko, E.M. (ed.) (2001) *Istoriya zarubezhnoy literatury XIX veka* [History of Foreign Literature of the 19th Century]. Moscow: Prospekt. pp. 45–74, 373–380, 405–411.
12. Tamarchenko, N.D. (ed.) (2004) *Teoriya literatury* [Theory of Literature]. Vol. 1. Moscow: Akademiya. pp. 361–408.
13. Senchina, L.T. (1990) *Zhanrovaya evolyutsiya idillii (na materiale russkoy poezii XVIII – pervoy poloviny XIX veka)* [Genre evolution of the idyll (based on Russian poetry of the 18th – first half of the 19th century)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tbilisi.
14. Zyryanov, O.V. (2003) *Evolutsiya zhanrovogo soznaniya russkoy liriki: fenomenologicheskiy aspekt* [Evolution of Genre Consciousness of Russian Lyrics: Phenomenological aspect]. Yekaterinburg: Ural State University. pp. 101–123.
15. Frizman, L.G. (1983) *Zhizn' liricheskogo zhanra. Russkaya elegiya ot Sumarokova do Nekrasova* [Life of the Lyric Genre. Russian elegy from Sumarokov to Nekrasov]. Moscow: Nauka.
16. Vatsuro, V.E. (1994) *Lirika pushkinskoy pory. "Elegicheskaya shkola"* [Lyrics of Pushkin's Era. "Elegiac School"]. Saint Petersburg: Nauka.
17. Vatsuro, V.E. (1978) *Russkaya idilliya v epokhu romantizma* [Russian idyll in the age of Romanticism]. In: Grigor'yan, K.N. (ed.) *Russkiy romantizm* [Russian Romanticism]. Leningrad: Nauka. pp. 118–138.
18. Anisimova, A.N. (2017) *Genezis i razvitie zhanra idillii v Germanii pervoy poloviny XVIII v. (ot I.Kh. Gotsheda do M. Mendel'sona)* [Genesis and development of the idyll genre in Germany in the first half of the 18th century (from J.H. Gottsched to M. Mendelssohn)]. *Nauchnyy dialog*. 2. pp. 101–114.
19. Bralina, G.M. (2008) *Zhanr invektivy v russkoy lirike serediny XIX veka* [The genre of invective in Russian lyrics of the mid-19th century]. Philology Cand. Diss. Samara.
20. Amineva, V.R. (2017) *Khikaya kak literaturnyy zhanr* [Hikaya as a Literary Genre]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta*. 1 (159). pp. 7–26.
21. Amineva, V.R., Nagumanova, E.F. & Khabibullina, A.Z. (2023) The sonnet in the reception of the Tatar poets and translators in the 1950s – 1980s. *Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies*. 20. pp. 124–144. (In Russian). doi: 10.17223/24099554/20/7
22. Khabibullina, A.Z. (2023) *Elegicheskiy modus khudozhestvennosti i romans kak kategorii sopostavitel'noy poetiki russkoy i tatarskoy literatur* [Elegiac mode of artistry and romance as categories of comparative poetics of Russian and Tatar literatures]. *Filologos*. 3 (58). pp. 81–87.
23. Zeyfert, E.I. (2014) *Neizvestnye zhanry "zolotoy veka" russkoy poezii. Romanticheskiy otryvok* [Unknown Genres of the "Golden Age" of Russian Poetry. Romantic excerpt]. Moscow: Flinta: Nauka. pp. 212–232.
24. Zeyfert, E.I. (2009) *Zhanr i etnicheskaya kartina mira v poezii rossiyskikh nemtsev vtoroy poloviny XX – nachala XXI v.* [Genre and Ethnic Picture of the World in the Poetry of Russian Germans of the Second Half of the 20th – Early 21st Centuries]. Lage: BMV Verlag Robert Burau.
25. Droste-Hülshoff, A. (1844) *Gedichte*. Stuttgart: [s.n.].

Информация об авторе:

Зейферт Е.И. – д-р филол. наук, профессор кафедры теоретической и исторической поэтики Российского государственного гуманитарного университета (Москва, Россия); ведущий научный сотрудник лаборатории сравнительного литературоведения и культурной дипломатии Московского государственного лингвистического университета (Москва, Россия). E-mail: elena_seifert@list.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.I. Zeifert, Dr. Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russian Federation); leading research fellow, Moscow State Linguistic University (Moscow, Russian Federation). E-mail: elena_seifert@list.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 19.07.2024;
одобрена после рецензирования 30.10.2024; принята к публикации 21.07.2025.*

*Статья поступила в редакцию 19.07.2024;
одобрена после рецензирования 30.10.2024; принята к публикации 21.07.2025.*

Научная статья
УДК 821.161.1
doi: 10.17223/19986645/96/9

Образ Хлопуши в русской литературе: этапы формирования национального типа

Инесса Николаевна Коржова¹, Дмитрий Владимирович Поль²

¹ *Московский университет «Синергия», Москва, Россия*

² *Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия*

¹ *clean24@yandex.ru*

² *pol-d-v@yandex.ru*

Аннотация. Рассмотрено формирование в литературе образа участника пугачевского восстания Хлопуши (Афанасия Соколова). В произведениях XIX – начала ХХI в. образ обретает ряд константных черт и может претендовать на статус национального типа. Литературный Хлопуша сочетает в себе черты бунтаря и мудреца, значимо его крестьянское происхождение, усилены его роль в восстании и близость к Пугачеву. Концептуализации образа в наибольшей степени способствовали произведения А.С. Пушкина и С.А. Есенина.

Ключевые слова: Пугачев, Хлопуша, самозванство, исторический образ, национальный тип, мифологизация, тип бунтаря, авантурный сюжет

Для цитирования: Коржова И.Н., Поль Д.В. Образ Хлопуши в русской литературе: этапы формирования национального типа // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2025. № 96. С. 165–183. doi: 10.17223/19986645/96/9

Original article
doi: 10.17223/19986645/96/9

The image of Khlopusha in Russian literature: The formation of a national type

Inessa N. Korzhova¹, Dmitry V. Pole²

¹ *Synergy University, Moscow, Russian Federation*

² *Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russian Federation*

¹ *clean24@yandex.ru*

² *pol-d-v@yandex.ru*

Abstract. The article examines the formation in the literature of the image of a prominent participant in the Pugachev uprising, Khlopusha (Afanasy Sokolov). It investigates the cultural prerequisites and mechanisms that ensure the transformation of a historical personality into a national type of hero. It is noted that for various reasons, primarily due to strict government restrictions when covering the uprising, Khlopusha did not become a hero of folklore, the image has an exclusively literary history. The article studies a wide range of works of Russian literature of the 19th – early

21st centuries, using the aspect method. It is established that Rychkov's "The Siege of Orenburg" became the first document containing historical information about Khlopusha and at the same time setting the direction of mythologizing his image. Rychkov evaluates the decision to release Khlopusha as fatal, which damaged government troops a lot, and exaggerates the degree of proximity of Khlopusha to Pugachev and his role in the seizure of Ural factories. Pushkin shows the hero more soberly in the "History of the Pugachev Rebellion", but in "The Captain's Daughter" he puts forward Khlopusha as a man combining robber prowess and folk wisdom. In the literature of the late 19th – early 20th centuries (in an anonymous novel published by Manukhin, novels by Khrushchev-Sokolnikov and Auslander) the image of Khlopusha develops within the framework of the adventure genre. At the same time, objective facts (Sokolov's eventful biography, multiple escapes, a disfigured face, takeoff from a prisoner by Colonel) were consonant with adventurous vicissitudes. The development of the image in poetry (Yesenin, Kamensky, Gubanov) relies to the greatest extent on folklore, which loves and appreciates people's sufferers and defenders, and mythologizes Khlopusha. In a dramatic poem "Pugachev" by Yesenin, Khlopusha becomes the embodiment of the elements of popular protest and the aspirations of freedom. In the stories of the 1930s, the image of Khlopusha is given in connection with the theme of the mining Urals. In the epic canvases of Zlobin and Shishkov, the image is used differently: the former works in the aspect of romanticization and the latter in the aspect of psychologization. Both authors focus on the fractured character, depict him as miserable, adding a new feature to the image. At the beginning of the 21st century, Ivanov turned to the image of Khlopusha in the documentary and journalistic narrative "Pitchfork", but the historical truth in depicting the hero is largely displaced by the literary tradition, which can serve as evidence of the formation of the image of Khlopusha as a national type. It is established in the work that the literary Khlopusha combines the features of a rebel and a sage, his peasant origin is significant, his role in the uprising and proximity to Pugachev are strengthened.

Keywords: Pugachev, Khlopusha, imposture, historical image, national type, mythologization, type of rebel, adventurous plot

For citation: Korzhova, I.N. & Pole, D.V. (2025) The image of Khlopusha in Russian literature: The formation of a national type. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 96. pp. 165–183. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/96/9

Отдельные образы исторических деятелей обладают повышенной значимостью в культуре. Они становятся выразителями эпохи, конденсируют некоторые важнейшие ее черты, обладают высокой повторяемостью в разнообразных нарративах, в том числе и в текстах художественной литературы. Механизм отбора таких личностей очень прихотлив и производится либо народным сознанием в фольклорных текстах, либо в авторском искусстве. Для большинства видных российских государственных деятелей особенности отображения в авторском искусстве определены конкретной социально-политической ситуацией и сложившейся традицией исторической оценки¹ (исключения ярчайшие – Иван Грозный и Пётр Первый, которые являются

¹ Так, в 2020-х гг. в подобный перечень войдут Меншиков, Победоносцев, Столыпин, но в стороне останутся Борис Морозов, Лорис-Меликов, Витте и др.

также героями фольклора). В несколько ином положении оказались предводители народных восстаний (движений), деятельность которых была неотделима от самозванства (Иван Болотников, Степан Разин и Кондратий Булавин как вершители воли истинного монарха – Дмитрия, царевича Петра, царевича Алексея и др., Емельян Пугачев как чудом спасшийся царь-император Пётр Третий).

В сравнении с Западной Европой самозванство на Руси появилось сравнительно поздно, в начале XVII столетия [1. С. 22], но сразу же приобрело широкий характер, став устойчивой характеристикой не только XVII, но и XVIII в. Относительно позднее явление самозванства стало результатом некоторой замедленности процессов распада традиционных общностей и ценностей, позднего перехода к индивидуальному восприятию человека и мира, наглядным свидетельством того, как «поколебалось относительное единство средневековой идеологии» [1. С. 22]. В народной памяти в отличие от авторского искусства отобразились немногие «герои» бунтов – Степан Разин и Емельян Пугачев¹. Несмотря на то, что личностям Ивана Болотникова и Кондратия Булавина посвящены многочисленные научно-популярные и художественные произведения, а движения, ими возглавляемые, по масштабу и влиянию на российскую историю не уступали разинскому и пугачевскому, они не задержались в народной памяти². Надо отметить и то, что разинско-пугачевские восстания (движения³) своеобразно, подчас в явном противоречии с логикой, запечатлелись в народном сознании. Это наблюдается в отношении не только предводителей и наиболее исторически значимых событий восстания, но и сподвижников и последователей самозванцев.

Восстание Емельяна Пугачева оставило в культурной памяти несколько образов⁴. Кроме Пугачева, это Зарубин-Чика, Белобородов и Хлопуша, а также лидеры национально-освободительного движения, вставшие под знамя восстания, прежде всего поэт и батыр (представитель военной башкирской аристократии) Салават Юлаев. Отметим, что Афанасий Перфильев, которому был вынесен столько же жестокий приговор (казнь четвертованием), как и Пугачеву, и который воспринимался властью как почти столь же опасный преступник, в этот список не входит⁵.

¹ Оба, потомственные донские казаки, с интервалом в столетие с небольшим были, как когда-то Лжедмитрий (Григорий Отрепьев), преданы церковной анафеме.

² Это еще одно свидетельство специфического действия механизма культурного отбора.

³ В научной литературе встречается несколько наименований: казацко-крестьянские восстания, народные и народно-освободительные движения, крестьянские войны. В данной статье как синонимичные используются наиболее содержательно нейтральные обозначения: восстания и движения.

⁴ В народной, а затем и в авторской литературе Пугачев почти сразу был соотнесен с Разиным. А.П. Сумароков прямо устанавливал преемственность между ними в своих поздних сочинениях [2. С. 16–17].

⁵ В этом ряду нет и Т. Подурова – видного участника пугачевского движения, когда-то депутата Уложенной комиссии.

Если литературный образ Пугачева уже привлекал внимание исследователей [3–7], то формирование устойчивого образа его сподвижников остается белым пятном литературоведения. В работе мы обратимся к личности одного из видных участников восстания – к Хлопуше, проанализируем различные варианты воплощения образа пугачевца в литературе, исследуем общие тенденции в его изображении.

Хлопуша, он же крестьянин Афанасий Тимофеевич Соколов, родился в 1714 г. в Тверской губернии, несколько раз был осужден за кражи, в 1768 г. отправлен на каторгу в Сибирь за грабеж, предварительно наказан кнутом с вырыванием ноздрей, с каторги дважды бежал, в 1772–1773 гг. содержался в тюрьме г. Оренбурга и был направлен губернатором И. Рейнсдорпом, чтобы распространять прокламации среди казаков, примкнувших к Пугачеву, а в случае удачной агитации их силами захватить мятежника. Однако вместо агитации против самозванца Хлопуша 2 октября примкнул к нему и вскоре стал полковником в пугачевском войске¹. В дальнейшем Хлопуша² организовал литье пушек для повстанцев на Авзяно-Петровском заводе. В феврале 1774 г. отряд восставших под его предводительством взял крепость Илецкая Защита. После разгрома Пугачева под Татищевской крепостью Хлопуша попытался спасти свою семью, но был схвачен и почти сразу же, 18 июня 1774 г., казнен в Оренбурге [8. С. 151].

Первые сведения о Хлопуше содержались в «Осаде Оренбурга» П.И. Рычкова [9], на которую опирался А.С. Пушкин в «Истории Пугачевского бунта» [10. Т. 7], хотя и не вполне разделял оценку личности Хлопуши с летописцем осады. Возможность работать с засекреченными архивами историки получили только во второй половине XIX в., первым из них стал Н.Ф. Дубровин [11], его изложение биографии Хлопуши опирается на собственные показания пугачевца. В советское время были опубликованы сами документы – допросные листы Соколова-Хлопуши 1774 г. [12] и 1768 г. [13]. Личность и деятельность Хлопуши находятся в центре внимания современных исследователей [14].

Часто основой отбора черт складывающегося национального образа становится фольклор. Однако подавление пугачевского восстания сопровождалось беспрецедентными для того времени мерами по искоренению самой памяти о восстании и его предводителе: переселение целой станицы, малой родины Е. Пугачева, уничтожение топонимов (Яик – Урал, Яицкий городок – Уральск), связанных с восстанием, преследование за упоминание

¹ Подобная история произошла и с И. Перфильевым, также посланным для поимки Пугачева, но после общения с самозванцем правдиво рассказавшим о своем задании и перешедшим на его сторону. Шансы на успех у Перфильева, авторитетного человека среди яицких казаков, были несопоставимо выше, но народная память сохранила только историю Хлопуши, что в очередной раз свидетельствует о прихотливости механизма ее действия.

² Хлопуша ни происхождением, ни образом жизни не был связан с заводскими рабочими людьми, однако именно он в исторической (народной) памяти стал самым ярким представителем уральских рабочих в пугачевском движении.

прежних вариантов. До революции письменная фиксация народных произведений, вступавших в противоречие с официальной оценкой пугачевского движения, была затруднена, хранители преданий неохотно шли на контакт. Немногочисленные материалы были собраны уже в XIX в., многие – в пореволюционную эпоху [15–17]. Отметим, что имени Хлопуши, согласно этим источникам, народное сознание не сохранило. Для дальнейшего исследования принципиально важно подчеркнуть, что складывание образа шло исключительно в литературе.

Первое художественное осмысление образа Хлопуши принадлежит А.С. Пушкину. Однако написанию повести «Капитанская дочка» предшествовали исторические разыскания, непосредственно отразившиеся в «Истории Пугачевского бунта». Решающей для дальнейшего осмысления образа Хлопуши стала летопись П.И. Рычкова, опубликованная в материалах к «Истории Пугачевского бунта».

Летопись Рычкова стала первым источником фактических сведений о Хлопуше, и она же отразила ту стихийную мифологизацию образа каторжника, которая, несомненно, происходила в сознании осажденных оренбуржцев, что и зафиксировал в своем труде ученый. Заметки писались осенью 1773 г. – весной 1774 г. при отсутствии достоверных известий о происходящем в лагере восставших. История Хлопуши, направленного из Оренбурга в стан врага, была хорошо известна Рычкову. В летописи он излагает краткую биографию каторжника, пестрота общих сведений (трехкратный побег) при скупой конкретике создавала почву для художественного претворения биографии героя. Крестьянское происхождение, бродяжья (разбойничья) жизнь, очевидные свободолюбие и смелость давали богатый материал для дальнейшего развития характера сразу в нескольких направлениях.

Скупость фактов компенсировалась у Рычкова самой манерой подачи, питающейся восприятием Хлопуши как отпетого разбойника. Преувеличивал Рычков и последующую значимость Хлопуши в лагере мятежников¹. По его сведениям, Хлопуша (совместно с Подуровым) оставался руководителем мятежников при отлучках Пугачева из Берд. Также Рычков был уверен, что именно Хлопуша подал бунтовщикам идею овладеть уральскими заводами, тем самым поступок Рейнсдорпа предстал не просто как нелепый, но как переломный в развитии бунта²: губернатор послал Пугачеву едва ли не первейшего помощника: «...без одного б одни яицкие казаки, а паче самозванец их Пугачев, не зная заводов и многих жительств, о дальнейших своих предприятиях никогда б может быть и не подумали; словом:

¹ Справедливости ради надо отметить, что именно Хлопуша стал разорителем главного «детища» П.И. Рычкова в Оренбургской губернии – Илецкой защиты и соляного промысла, расположенного в ее окрестностях, который незадолго до пугачевского восстания русский ученый привел в «цветущее состояние».

² Именно Рычков первым увидел в Хлопуше человека, благодаря которому возмущение яицких казаков превратилось во всероссийский бунт, поколебавший сами устои Российской империи.

к усилению предводителя злодеев был он Хлопуша всегда главным оружием» [9. С. 326]. Рычков неоднократно называет Хлопушу «любимцем» самозванца.

Центральный эпизод истории Хлопуши – его попадание в стан Пугачева – оказался выстроен если не по законам авантюрного жанра, то в точном согласии с господствовавшими в последней трети XVIII в. представлениями о фортуне, случайном и закономерном в жизни и в культуре [18. С. 132–155]. Рычков первым сообщает историю посылки Хлопуши к самозванцу для агитации казаков и, в случае успеха, поимки лжеимператора. Вероятно, губернатору казалось, что для этого дела нужен самый опытный человек, который хоть и в криминальной сфере, но много раз демонстрировал свое везение. В самой истории Хлопуши, не просто перебежчика, каких было много, а колодника, превратившегося в одного из руководителей восстания, воплотилась авантюрная перипетия резкой смены участи, что было актуально для эпохи Просвещения. К тому же обезображенный каторжник, имевший основания для мести власти буквально на лице, концентрировал в себе пафос бунта черни, хотя сам образ отверженного мало что говорил о социальных истоках и причинах восстания и в этом смысле уводил к упрощенному восприятию событий.

В истории народных выступлений на горных заводах Урала были и другие предводители, одерживавшие небольшие победы над правительственными войсками. Так, например, мы знаем об Иване Грязнове (мелкий купец или служащий при горном ведомстве) и Григории Туманове (заводской крестьянин) [8. С. 112–137]. Что удивительно: дальнейшая судьба этих людей неизвестна. Однако ни П.И. Рычков, ни другие современники событий особого внимания названным людям не уделили. В исторической памяти о пугачевском восстании Хлопуша вобрал в себя сразу несколько биографий, став наиболее авторитетным представителем работных (в реалиях второй половины XVIII столетия еще и каторжан, число которых было непропорционально велико среди заводских рабочих) людей среди пугачевцев.

А.С. Пушкин в «Истории Пугачева» повторяет часть сведений, почерпнутых у Рыčkова, но снижает степень значимости Хлопуши в восстании. В устах Пушкина мотив злого рока, нависшего над Оренбургом, звучит отчетливо и лаконично: «Казалось, все меры, предпринимаемые Рейнсдорпом, обращались ему во вред» [10. Т. 7. С. 31]. Но и он, перечисляя сподвижников Пугачева, дает описание Хлопуши последним, что усиливает гротеск, даже карнавальность бунта: «Разбойник Хлопуша, из-под кнута клейменный рукою палача, с ноздрями, вырванными до хрящей, был один из любимцев Пугачева. Стыдясь своего безобразия, он носил на лице сетку или закрывался рукавом, как будто защищаясь от мороза. Вот какие люди колебали государством!» [10. Т. 7. С. 37]. Но при этом Пушкин считает необходимым подчеркнуть, что, взяв Ильинскую крепость, Хлопуша не учинил расправу и не разорил крепость. Впервые именно Пушкин сообщил о том, что причиной поимки Хлопуши было желание спасти семью. Эти сведения уже не позволяли рассматривать пугачевца как бесчеловечного негодяя,

напротив, пожалуй, только в связи с ним, применительно к пугачевцам, упоминается такой «высокий» мотив, как любовь к семье.

Пушкин-историк оказался более сдержан в оценке Хлопуши, чем П.И. Рычков. Зато в «Капитанской дочке» Хлопуша оказывается одним из важнейших и ближайших к самозванцу предводителей восставших. Именно он вместе с Белобородовым принимает участие в решении участи Петра Гринева. Причем два «полковника» представляют разные, во многом противоположные типы законоотступников. Если Белобородов жесток, подозрителен и не стремится доискаться правды, то Хлопуша близок к фольклорному образу разбойника, в самой его речи воссозданы ключевые формулы разбойничьих песен: «...я губил супротивника, а не гостя; на вольном перепуты да в темном лесу, не дома, сидя за печью; кистенем и обухом, а не бабьим наговором» [10. Т. 5. С. 370]. И в этом эпизоде разбойник воспринимается скорее с положительной коннотацией, как воплощение удали и силы. Хлопушу в повести отличает даже не столько лихость, сколько рассудительность. Облик героя, хотя и сохраняет следы пыток, все равно представлен привлекательным. Существенно изменен возраст сподвижников Пугачева (реальный возраст мог быть неизвестен Пушкину или он мог сомневаться в точности сохранившихся сведений). Книжный Белобородов оказывается почти на 30 лет старше прототипа, а реальный, немного не доживший до шестидесяти Хлопуша, наоборот, молодеет. Упомянутый высокий рост и крепкая стать героя могут быть следствием авторского домысливания в рамках избранного типа, а, возможно, продиктованы дошедшими до Пушкина словесными описаниями. В.Я. Мауль излагает шесть вариантов происхождения прозвища, в их числе есть и такой: «Прозвище свое “Хлопуша получил, вероятно, от дубового железом окованного песта, которым толкли руду на уральских заводах”» [14. С. 136]. Этого прочтения позже придерживался В. Шишков: «...хлопушей зовется высокий деревянный шест, которым толкут рудную породу» [19. Т. 2. С. 461].

Таким образом, в первой половине XIX в. возникло и закрепилось особое внимание к Хлопуше, который выдвинулся на первое место в ряду людей, подосланных в стан восставших. Хлопуша выделялся среди соратников Пугачева еще и по причине своей колоритной внешности и той роли – возмутителя уральских заводов, которую ему навязал П.И. Рычков¹, один из первых историографов Пугачевского бунта. И если Пушкин в «Истории Пугачевского бунта» скромно оценивал Хлопушу, то в «Капитанской дочке» только он и Белобородов будут теми, от кого Пугачев «ничего не таит».

Именно после пушкинских сочинений, «Истории...» и «Капитанской дочки», Хлопуша становится одним из символов восстания, что хорошо заметно по так называемой народной литературе (как правило анонимной,

¹ Выше мы отмечали личные мотивы особой неприязни Рычкова к Хлопуше. К этому можно добавить, что, преувеличивая вклад клейменного каторжника в восстание, Рычков косвенно обвинял Рейнсдорпа, с которым у него были непростые отношения.

стоящей между лубочной и авторской). В «народной» книге «Емелька Пугачевъ и Хлопуша» (1870) [20], изданной книгопродавцем Манухиным (автор не назван) с указанием на правдивость повествования («заимствованная из достоверных источников»), Хлопуша – важнейший из сторонников самозванца. В данном произведении губернатор Рейнсдорп поручает Хлопуше, в недавнем прошлом товарищу Емельяна Пугачева, поймать самозванца (это несколько расходится с тем заданием, которое было поставлено перед историческим Хлопушей – передать правительственное воззвание и побудить казаков выдать самозванца).

Несколько наивная манера повествования, умилительные интонации, декларирование верноподданических чувств со стороны оренбуржцев – все это указывает на возможного адресата – разночинца, главного читателя подобных книг. Чтобы обозначить характер повествования, укажем, что Хлопуша хранит три бочонка золота на черный день, а после поражения пугачевцев под Оренбургом раскаивается и задумывает бежать с семьей в безопасное место: «Пропади прахомъ этотъ разбой; вижу я, что это грѣшное дѣло не съ руки никому. Мы только гибнемъ съ проклятымъ Пугачевымъ» [20. Кн. 3. С. 49].

Важно отметить, что народная книга закрепила за Хлопушей статус ближайшего к самозванцу друга, сподвижника, а также несостоявшегося охотника (но все еще не убийцы) на «царя-батюшку Петра Третьего».

Прекрасный знаток Урала Д.Н. Мамин-Сибиряк в повести «Охонины брови» (1892) [21] попытался показать восставший Урал без Хлопуши. Автор словно избегает этого персонажа, дабы он не заслонил иных героев. Возможно, именно это и сыграло злую шутку с повестью, которая была фактически не замечена критикой и читателями, несмотря на популярность писателя.

В ряде до- и послереволюционных исторических романов образ Хлопуши разрабатывается в заложенном предшественниками направлении. Г.А. Хрущов-Сокольников «Пугачев» (1887, 1911) [22], С.А. Ауслендер «Пугачевщина» (1928) [23] делают Хлопушу второстепенным героем своих историко-авантюрных произведений. Несмотря на ожидаемое изменение политических акцентов, эти романы строятся по вальтер-скоттовской модели, использованной Пушкиным в «Капитанской дочке». В них (даже в романе 1911 г.) главные вымышленные герои принадлежат лагерю повстанцев. Хлопуша появляется как одна из знаковых фигур, организатор южноуральских заводских восстаний. Авторы неизменно описывают запоминающийся облик героя, его изуродованное лицо и попытки замаскировать увечья, сам Хлопуша включен в общую логику бунта, не выделяясь из нее ни сострадательностью, ни накалом зверств. Все авторы подчеркивают чужеродность Хлопуши большинству руководителей восстания, происходивших из казаков.

Хрущов-Сокольников наиболее последовательно развивает образ, сложившийся у Рычкова и Пушкина, вскользь упоминая и силу Хлопуши, и его решающую роль в обеспечении повстанцев пушками, использует он и прозвище героя «рванные ноздри» (отсылка к «Капитанской дочке»). Некоторая

эстетическая чересполосица романа проявляется в совмещении мелодраматической схемы при изображении страстного, но отчаявшегося злодея Пугачева со стремлением показать социальные истоки бунта. Важно, что писатель выделяет Хлопушу как представителя неказачьей среды (крестьянская составляющая восстания наиболее подробно анализируется Хрущовым-Сокольниковым). Именно Хлопуше писатель доверяет слова: – Спѣта казацкая пѣсенка! <...> Сколько разъ я говорилъ батюшкѣ государю плюнуть на всѣхъ этихъ казаковъ, да прямо на Москву идтить. Не захотѣлъ слушать, вотъ и дождались! [22. С. 170]. Писатель косвенно связывает поражение восстания со смертью Хлопуши: «Хлопуша одинъ составлялъ имъ оппозицію, всегда выставляя впередъ общее дело одному узкословному казачьему» [22. С. 172]. Хотя приведенный пассаж в дальнейшем забывается автором и решение Пугачева повернуть на Казань, а не на Москву ставится в зависимость от любовно-авантюрной линии, тем не менее именно «расставание» самозванца с человеком из народных низов становится одной из важнейших причин общего поражения восстания.

Говоря об изображении Хлопуши у С.А. Ауслендера, следует признать справедливым общий упрек роману в отсутствии правдоподобия при попытке воссоздать объективную историческую правду [24. С. 260]. Думается, проблема не только в неумении писателя отойти от исторических документов, но и в художественной слабости самого произведения. При изображении Хлопуши, очевидно, привлекался его опросный лист 1774 г., но изложенным там (разговором с Рейнсдорпом, прибытием в лагерь Пугачева и отправкой на заводы) деятельность героя и его образ исчерпываются. Остается только авторский, не вызывающий симпатии портрет: «Черный, приземистый с реденькой бородкой и вырванными ноздрями Хлопуша был страшен. Всю дорогу до губернаторского дома воровато поглядывал по сторонам маленькими бегающими глазками» [23. С. 87]. Очевидно, Ауслендер намеревался усилить авантюрное начало романа еще одной неожиданной встречей (на них построена история главного героя – мальчика Андрейки). Портрет Хлопуши совпадает с портретом заключенного, с которым Пугачев вместе находился в казанском остроге, да и при виде Хлопуши Пугачев сразу называет его по имени. Но эти совпадения остаются без разъяснений. Важнее, что отец Андрейки, Степан Голодный, оказывается также раскованным и подосланным ради поимки самозванца колодником. Но, в отличие от Хлопуши, он пытается выполнить свое задание до конца и кается только перед повешеньем. Очевидно, что и Ауслендер усмотрел в истории Хлопуши яркое авантюрное начало и даже продублировал ситуацию, домыслив еще одного каторжника-убийцу.

Среди произведений 1920-х гг. наибольшей концептуализацией образа Хлопуши выделяется драматическая поэма С.А. Есенина «Пугачев» [25]. Несмотря на собственные слова Есенина, что он изучал бунт по многочисленным источникам, утвердительно можно сказать, что он был знаком только с «Историей Пугачевского бунта» Пушкина и с приложениями к ней

[26. С. 468–470]¹. В разработке образа Хлопуши Есенин остается в поле авантюрного жанра, с которым уже был связан Хлопуша в литературе рубежа XIX–XX вв. В монологе герой называет себя убийцей и фальшивомонетчиком, о чем нет никаких достоверных сведений. Но, главное, поэт, очевидно повинуясь творческой фантазии, «уточняет» цель присылки Хлопуши. Она состоит исключительно в убийстве Пугачева. Художественная трансформация судьбы Хлопуши подчиняется тенденции к поляризации крайностей: не просто прокламатор, но убийца, ставший сподвижником. Кроме того, в статусе убийцы есть идея неизбежного соединения судеб с предполагаемой жертвой. Хлопуша является, чтобы изменить ход восстания: «Оттого что без Хлопуши / Вам не взять Оренбург / Даже с сотней лихих полководцев» [25. С. 33]. Герой, как когда-то у Рычкова, с заметками которого Есенин был знаком, поворачивает восстание на заводы. В себе он подчеркивает крепкий ум, правда, как и вся натура Хлопуши, обладающий почти взрывоопасной силой: «Ах, в башке моей, словно в бочке, / Мозг, как спирт, хлебной едкостью лют» [25. С. 33]. Но главное в герое раскрывается не в самохарактеристике, а в интонациях знаменитого рефрена: «Проведите, проведите меня к нему, / Я хочу видеть этого человека» [25. С. 29]. В этой фразе сбывающееся чаяние свободолюбца и отщепенца увидеть, как торжествует народная правда. В есенинской поэме Перфильев – в реальности, несомненно, более авторитетный и влиятельный сподвижник Пугачева, вполне способный арестовать самозванца, – уходит в сторону, а Хлопуша, наперекор исторической достоверности, становится персонификацией народного протеста и соединяет кровопролитие с установлением справедливости.

Интересная поэтическая разработка образа Хлопуши принадлежит В. Каменскому в поэме «Емельян Пугачев» (1931) [27]. Тринадцатью годами ранее Каменский создал поэму «Степан Разин» (первая редакция 1918, вторая 1929). В «Емельяне Пугачеве» он продолжает развивать те же тенденции, что и в «Степане Разине»: освоение раешного стиха, воссоздание голоса некоего коллективного действующего героя – самих восставших и сочувствующего им народа, явная фольклоризация и мифологизация героев.

Хлопуше безусловно отдается роль человека, пробудившего заводской Урал. Поэма Каменского в некотором смысле может рассматриваться как ключевая по степени смелой гипертрофии тех черт, которые привлекали в облике каторжника предшествующих литераторов. Еще усилены увечья героя:

¹ В допросных листах Хлопуши, которые сохранились в материалах следственного дела, есть рассказ о длительных сомнениях Пугачева относительно намерений каторжника, не только при первой встрече, но и после Пугачев хочет его повесить (возможно, таким образом Соколов хотел показать, что не обладал доверием Пугачева). Есенин полностью игнорирует этот документ (сложно судить, насколько он с ним был знаком) и опирается на свою художественную интуицию.

Появился разбойник Хлопуша.
Слушай:
У Хлопуши
Отсечены уши,
Вырваны ноздри,
Рыжая харя в коросту,
А сам он саженого росту.
Голос медвежий –
Рявкий, тварина.
Или он леший,
Этот зверина? [27. С. 199].

Хлопуша оказывается самым inferнальным персонажем поэмы. Он сродни нечистой силе, но схож и с медведем – персонажем в народном сознании скорее положительным. Отметим, что появление героя в поэме дается в пересудах крестьян и рабочих. Это они, а еще, может быть, напуганные заводчики сложили про Хлопушу легенды, потому и переплетается в них восхищение и страх. Уже в более объективной манере сообщается, что «в каждом заводе таких Хлопуш оставлено в взводе по пять душ» [27. С. 200]. Лесные же воры пушек, коих оказывается множество, названы «хлопушками». Каменский меняет имя героя на народное, конденсирующее национальные черты, – Иван.

Одновременно Каменский находит поэтическое основание мифологизации образа – фонетический облик прозвища. Анаграмматическое сходство со словом «пушка» закрепляет и реальную связь с заводской составляющей бунта, и показывают мощь, неуправляемость и смертоносность энергии героя. В другой главе, где Хлопушу жалуют в генералиссимусы, из вырванных ноздрей и отсеченных ушей идет «жарь, как из бани» [27. С. 228]. Его гнев как бы не встречает телесных препон.

Поэтические образы Хлопуши непосредственно соотнесены с фольклором. Нарушая хронологический порядок изложения, укажем на поэму Л. Губанова «Пугачев» (1963–1964) [28]. Устанавливая прямую преемственность с Есениным, поэт берет в качестве эпиграфа знаменитые слова Хлопуши: «...Проведите ж, проведите меня к нему, / Я хочу видеть этого человека!» «Монолог Хлопуши» составляет вторую из четырех частей поэмы. Это второй из двух, наряду с Пугачевым (Пугачом), поименованный герой поэмы, но монолог его не самораскрытие, это горестно-любственное вглядывание в судьбу Пугачева. Губанов находит яркий способ показать и народность чаяний восставших, и фантастичность и недолговечность их успехов: Хлопуша соотносит Емельяна Пугачев со сказочным Емелей.

Сейчас, по шучьему веленью,
И царь и Бог – дурак Емеля.
Емеля! По Руси хлестает
твой скользкий рыбий хвост восстанья [28. С. 679].

Мотивы судьбы, ее резких поворотов прозвучат в монологе самого «Пугача». Но Хлопуша снова оказывается прозорливее и «народнее» своего предводителя.

Таким образом, у Есенина, Каменского и Губанова Хлопуша становится олицетворением народной стихии бунта. У поэтов первой половины XX в. Хлопуша воплощает мощь народного гнева, у первого – крестьянского, у второго – рабоче-заводского, предшествующего пролетарскому. Губанов возвращается к восприятию Есенина, но страстный призыв потеснен интонациями плача.

Интерес к Хлопуше несколько не снижается и в 1930-е гг., что отчасти связано с большим количеством введенных в культурный оборот документов о народных восстаниях Разина и Пугачева. В научной печати активно прорабатываются допросные листы пугачевцев, свидетельствующие об их сомнениях как в «императоре», так и в самом восстании. Отмечается, что Хлопуша отнюдь не пользовался безграничным доверием со стороны Пугачева. «Потом вышел к нему <Хлопуше> Иван Творогов и стал спрашивать: “Раскайся, ты выслан из города для изведения государя и за то дано тебе две тысячи рублей”» [11. С. 165].

Однако публикация новых документов не остановила мифологизацию персонажа. В повести Т.А. Богданович «Горный завод Петра III» (1936) [29], написанной для детей, Хлопуша – эпизодическое лицо, он появляется как один из организаторов протеста заводских рабочих. Повесть М.Е. Зуева-Ордынца «Хлопушин поиск» (1937) [30] полностью посвящена действиям Хлопуши по захвату Белореченского завода. Хлопуша предстает бывшим крестьянином, затем беглым солдатом, которому за повторный побег из солдат были вырваны ноздри, лишь затем он становится каторжником на сибирских заводах. Вновь побег, бунт, поимка и отправка на Илецкую соляную каторгу, новый побег. Хлопуша в трактовке М.В. Зуева-Ордынца – народный герой, категорически не приемлющий социальную несправедливость, а потому закономерно возглавляющий восставших рабочих людей.

Совершенно своеобразно Хлопуша показан в романе Злобина «Салават Юлаев» (1928–1962)¹ [31]. Писатель довольно значительно отходит в своем повествовании от исторических фактов и свободно перетолковывает биографии реальных лиц. В романе Хлопуша оказывается другом и наставником Салавата, с которым последний несколько лет странствовал и разбойничал и в итоге смог разомкнуть границы своего национального мира, впустить понимание общей правды. Дружба с Хлопушей становится воплощенной формулой дружбы народов.

Почему для этой роли избирается Хлопуша? Думается, именно он воспринимается Злобиным как некий универсальный отщепенец, отверженный, человек, сменивший в течение жизни несколько социальных статусов. Его не казачье, а крестьянское происхождение тоже определило выбор: в советской литературе 1920-х гг. казачество воспринималось настороженно. Закономерно, что в трактовке Злобина Хлопуша становится единственным представителем простого народа, пробившимся к Пугачеву сквозь казачий

¹ Исследуется последняя редакция романа.

круг. Бывалость и приверженность народной правде обращают на себя внимание в сцене знакомства Салавата с Хлопушей, который назван атаманом. Вместе с ним Салават грабит и убивает, но, разумеется, только дворян. Все это остается за пределами изображения, в повествовании Хлопуша абсолютно лишен кровожадности, зато Злобин считает необходимым усилить его связь с народной стихией: «Салавату было радостно показать Хлопуше, что вот его, Хлопуши, ночные разговоры у костров, дневные беседы в пути, в степях и в лесах, бродяжничество по уметам, разбой по дорогам, песни и сказки – все не прошло даром» [31. С. 326].

Вторая причина сближения Салавата именно с Хлопушей связана с темой клеймения. В отличие от других авторов Злобин подробно описывает судьбу своего героя, Салавата, после поимки. Он даже выстраивает сюжет тайной очарованности дочери тюремщика молодым узником-поэтом. Дочь убеждает отца не клеймить преступника. Тем не менее в финале романа приговор исполняется. Клеймление воспринимается героем как окончательная потеря свободы, ведь оно отрезает возможность сбежать и затеряться среди моря людского. Сам Салават размышляет о том, что теперь он полностью уподобится своему страшному другу Хлопуше. Злобина интересует сходство судеб отверженных обществом героев, и он выделяет в облике Хлопуши этот аспект.

В большом историческом полотне, созданном В.Я. Шишковым, заслуги и значимость облика Хлопуши показаны в целом объективно. В романе-эпопее «Емельян Пугачев» (1945¹) [19. Т. 7–10] Хлопуша воплощает частный случай общего социального неблагополучия в России. Этот персонаж не выдвигается на первый план, он один из многих, кто не согласен с классовой несправедливостью, что не отменяет личных и не всегда положительных мотивов участия в восстании. Бывший каторжанин сильно подвержен влиянию страстей, обидчив, ревностно относится к тому, что его не приглашают на совет. Масштабность полотна позволяет ввести историю повстанца наиболее полно: от его разговора с Рейнсдорпом и первой встречи с Пугачевым до участия в захвате заводов и попадания в плен по оплошности. Тема убийства Пугачева Хлопушей звучит в нескольких вариантах: убить самозванца предлагает в порыве показной преданности Рейнсдорпу сам Хлопуша, позже Овчинников² обвиняет в этом намерении каторжника уже в лагере Пугачева.

Шишков обнажает перед читателем слой за слоем в душе этого героя, и, отметим, то же очищение от озлобленности и недоверия происходит с самим Хлопушей. Он не столько развивающийся персонаж, сколько именно постепенно проясняющийся и для читателя, и для самого себя. В облике

¹ Произведение не было закончено, поэтому как дата написания указывается год смерти писателя.

² Шишков, несомненно хорошо знакомый с материалами следственного дела, «заменял» Творогова, который в дальнейшем предал Пугачева, на Овчинникова, сохранявшего верность самозванцу вплоть до самой смерти.

Хлопуши, помимо роста и увечья, выделяются неприятные белесые глаза. В первом же самостоятельном эпизоде, названном «Хлопуша вмиг озверел», обнаруживаются разбойничьи черты героя, который убивает солдата безмемном на цепочке. Но далее его управление на заводах показано как справедливое и рассудительное.

Центральным для понимания персонажа становится эпизод пира в Бердах. Начинается он с детали, так или иначе связанной с подспудной карнавальностью самого прототипа (разумеется, в трактовке В.Я. Шишкова). Хлопуша демонстрирует умение, которое никто не ожидает в огромном безобразном человеке, – он играет на клавесине, припоминая детство в вотчине владыки Митрофана. Но далее сцена лишается комических черт.

Полное раскрытие героя происходит в «покаянии» перед Пугачевым. Этот русский мизерабль обретает черты национального типа «униженного и оскорбленного»¹ с отчетливыми нотами изломанности и необходимостью публичной исповеди². Шишков первым из авторов, писавших о Хлопуше, показывает трагедию человека, чей физический облик изуверчен. Хлопуша буквально срывает повязку с лица, обнажая «безобразные ослизлые хрящи» [19. Т. 3. С. 50] и «кается» [19. Т. 3. С. 48] царю в грехах, полагая, что только тот может снять их с него. Шишков не «очищает» биографию героя: тот оказывается втянут в воровство в юности, в разбой и убийства во время нахождения на оренбургских заводах.

На концептуальном уровне для Шишкова значима параллель Хлопуша – Перфильев. И писатель, и сами герои подмечают сходство путей, которые приводят их к Пугачеву. Хлопуша подослан Рейнсдорпом, Перфильев – Орловым. При всей разности социального положения каторжанина и казачьего есаула их дороги в екатерининскую эпоху сходятся у Пугачева. Педальирование параллелей позволяет очертить широту народных слоев, интересы которых представляет Пугачев, что усиливает социальное звучание романа.

В наши дни к образу Хлопуши обратился А. Иванов в документально-публицистическом повествовании «Вилы» (2016)³ [34], претендующем на новую, вторую после Пушкина историю Пугачевского бунта. Глава о Хлопуше названа словами Максима Шигаева, известными по допросным листам самого Соколова, – «самый бедный человек» [34. С. 202]. На примере судьбы Хлопуши Иванов показывает бесправие крестьянина XVIII в. Его судьба подана не как страстное сопротивление нормам, а как череда нелепостей, трагических случайностей, приводящая человека на самое дно

¹ Черты этого типа парадоксальным образом лишь начинают выявляться. Укажем на общее мнение исследователей: «“Униженности” здесь противопоставлена “оскорбленность”. То есть сколько бы не принижали человека, он может противостоять этому хотя бы через выражения своей оскорбленной гордости» [32. С. 119]; «Доминантной чертой героев, находящихся почти на социальном “дне”, является гордость» [33. С. 466].

² Отметим, что В.Я. Шишков хорошо знал творчество Ф.М. Достоевского, персонажи Шишкова неоднократно упоминают героев классика как воплощение определенной жизненной философии.

³ «Вилы» – переработанный вариант фотокниги «Увидеть русский бунт» (2012).

жизни. «Не убийца и даже не конокрад, Хлопуша стал мучеником державного равнодушия» [34. С. 205]. Иванов «снимает» с Соколова и грех разбоя, выставляя ограбление татар как реализацию мести за более раннее преступление их сородичей. Хлопуша в интерпретации Иванова почти лишен разбойничьей удалости, напротив, вопреки традиции, возможно в пику ей, в решении образа преобладают сентиментально-мелодраматические элементы. Например, подчеркивается, что гибель героя принесла любовь к семье и забота о благополучии жены и детей. Если предшественники оставляли этот факт без комментария, то Иванов намеренно подчеркивает это поведение, идущее в разрез с репутацией героя.

И вместе с тем Иванов опирается на один из самых мощных текстов, мифологизирующих Хлопушу как бунтаря, излагая есенинскую версию появления Хлопуши в стане Пугачева. Хлопуша, согласно Иванову, был послан именно как убийца, он даже назван «киллером» [34. С. 202]. При этом писатель, как и в других случаях, не ссылается на источники. Не упоминает он в этом качестве и драматическую поэму Есенина. Но факт выдвижения Хлопуши из широкого ряда пугачевских сподвижников, сосредоточенность в этом образе представления о бунте, особо рефлексированы Ивановым: «Хлопуше “повезло” через два века после гибели. В пугачевщине он был фигурой эпизодической, но в поэме Есенина “Пугачев” стал одним из главных героев. Образ Хлопуши потряс Россию в исполнении Высоцкого. Есенин и Высоцкий вернули пугачевщине пушкинскую высоту драматизма и сделали Хлопушу олицетворением национального бунта» [34. С. 204].

Несмотря на то что образ Хлопуши отсутствует в фольклоре и входит в русское сознание благодаря исключительно авторским произведениям, в настоящее время именно он стал одним из наиболее часто упоминаемых при характеристике не только пугачевского движения, но и бунта как такового, выразителем самой идеи народного протеста. При всей неоднозначности пушкинской и есенинской трактовок именно в их произведениях в наибольшей степени отобразилось то (стихийное, мифологическое в своих истоках), что изначально присутствовало в пугачевском восстании и в образе Хлопуши нашло свое подтверждение. Биография, происхождение, внешность – все давало благодарную почву для складывания устойчивого национального типа героя. Афанасий Соколов оказался не только самым демократичным по происхождению из пугачевских полковников, но и явил идею бунта как переворачивания нормы: изувеченный колодник стал полковником, и авторы, не зная правды или намеренно отступая от нее, еще усиливают контраст, возносят героя, делая его правой рукой Пугачева. Измышленное знакомство Хлопуши еще до начала бунта с его предводителями (Пугачевым или Салаватом Юлаевым), думается, объясняется не только требованиями авантюрного сюжетостроения, но и желанием выдвинуть Хлопушу как само воплощение бунта через создаваемые параллели с его предводителями. Характерно, что в образе Хлопуши у большинства авторов сочетается несколько народных типов: лихого разбойника, силача, наделенного звериной

силой, ибывалого человека, прозорливца, почти мудреца. Разбойничье прошлое Хлопуши, как и крестьянские корни, позволяли закрепить связь героя с фольклорными образами. У Шишкова, Иванова, отчасти Злобина выдвигаются и иные черты героя: собственная обездоленность вызывает у него не только социальный гнев, но и чувство ущербности. Как представляется, хлопущинский нарратив послужил основой для разработки национального варианта типа «отверженного» / русского «мизерабля» как в романтическом, так и в реалистическом изводе.

Список источников

1. Панченко А.М. Русская культура в канун петровских реформ // Панченко А.М. Русская история и культура. СПб. : Юна, 1999. С. 5–260.
2. Шентаев Л.С. Следы разинского цикла в письменности XVII–XVIII веков (Предыстория записей разинского фольклора) // Русская литература и общественно-политическая борьба XVII–XIX веков / науч. ред. Б.Ф. Егоров. Л., 1971. С. 3–20.
3. Райнова М.Б. Художественная интерпретация образа Емельяна Пугачева в русской советской литературе : дис. ... канд. филол. наук. М., 1979. 291 с.
4. Мауль В.Я. Образ Емельяна Пугачева на страницах книг серии ЖЗЛ: в зеркале сравнений // Новый исторический вестник. 2016. № 2. С. 180–199.
5. Мауль В.Я. Емельян Пугачев кривом зеркале современной публицистики // Вестник северо-восточного государственного университета. История. 2021. № 2. С. 34–50.
6. Болнова Е.В. Рецепция образа Пугачева в произведениях русского авангарда начала XX века // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2018. № 3. С. 178–183.
7. Евсина Н.А. Роман С.А. Ауслендера «Пугачевщина» и пугачевская тема в советской литературе 1920-х годов // Мировая литература в контексте культуры. 2013. № 2. С. 59–64.
8. Лимонов Ю.А., Мавродин В.В., Панеях В.М. Пугачев и пугачевцы. Л. : Наука, 1974. 188 с.
9. Рычков П.И. Осада Оренбурга (Летопись Рычкова) // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений : В 16 т. Т. 9, кн. 1. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950. С. 206–355.
10. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений : В 10 т. М. : ГИХЛ, 1959–1962.
11. Дубровин Н.Ф. Пугачев и его сообщники. Эпизод из истории царствования Императрицы Екатерины II, 1773–1774 гг.: по неизданным источникам : в 3 т. СПб. : Тип. И.Н. Скороходова, 1884.
12. Жижка М.В. Допрос пугачевского атамана А. Хлопуши // Красный архив. 1935. № 1. С. 162–171.
13. Горелов А.А. Приговор Афанасию Хлопуше 6 марта 1768 г. // Вестник ЛГУ. Серия истории, языка и литературы. 1965. № 8. С. 160–162.
14. Мауль В.Я. Штрихи биографии пугачевского атамана А.Т. Соколова: новые версии и подходы // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2014. № 4. С. 134–140.
15. Железнов Я.Я. Уральцы. Т. III. СПб. : Тип. т-ва «Общественная польза», 1910. 439 с.
16. Песни и сказания о Разине и Пугачеве. М.; Л.: Academia, 1935. 418 с.
17. Пугачев в Среднем Поволжье и Заволжье. Народное творчество, отрывки из литературных произведений, исторические документы / сост. А.Н. Лозанова. Куйбышев : Куйбышевское обл. изд-во, 1947. 184 с.
18. Строев А.Ф. Те, кто поправляет Фортуна. Авантюристы просвещения. М. : НЛО, 1998. 400 с.

19. Шишков В.Я. Емельян Пугачев: историческое повествование. Челябинск : Южно-Уральское книж. изд-во, 1986–1987.
20. Емелька Пугачев и Хлопуша. Разбойники и бунтовщики: Повесть в трех частях. Заимствованная из достоверных источников. М. : Издание книгопродавца Манухина, 1870. 252 (86, 74, 92) с.
21. Мамин-Сибиряк Д.Н. Охонины брови. М. : Современник, 1989. 76 с.
22. Хрущов-Сокольников Г.А. Пугачев: исторический роман-хроника. СПб. : Типо-лит. товарищества «Свет», 1911. 366 с.
23. Ауслендер С.А. Пугачевщина : роман в 4 частях. М. : Молодая гвардия, 1928. 270 с.
24. Чужак Н.Ф. О «Пугачевщине» С. Ауслендера // Ауслендер С. Пугачевщина. М. : Молодая гвардия, 1928. С. 257–271.
25. Есенин С.А. Пугачев // Есенин С. А. Полн. собр. соч. : В 7 т. Т. 3: Поэмы. М. : Наука, 1998. С. 7–51.
26. Шубникова-Гусева Н.И., Самоделова Е.А. Комментарии // Есенин С.А. Полн. собр. соч. : В 7 т. Т. 3: Поэмы. М. : Наука, 1998. С. 435–718.
27. Каменский В.В. Стихотворения и поэмы. М. ; Л. : Советский писатель, 1966. 499 с.
28. Губанов Л.Г. «Я сослан к Музе на галеры...». М. : Время, 2003. 736 с.
29. Богданович Т.А. Горный завод Петра III. М. ; Л. : Детиздат, 1936. 363 с.
30. Зуев-Ордынец М.Е. Хлопушин поиск. Пермь : Пермское книж. изд-во, 1966. 190 с.
31. Злобин С.П. Салават Юлаев: Исторический роман // Злобин С.П. Собрание сочинений : в 4 т. Т. 1. М. : Художественная литература, 1980. 525 с.
32. Власкин А.П., Рудакова С.В. Метафоры заглавий романов Достоевского // LibriMagistri. 2021. № 2. С. 117–127.
33. Иванова О.И., Дедюхина О.В. Типология «униженных и оскорбленных» героев в произведениях Ф.М. Достоевского и В.Г. Короленко // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 6. С. 465–470.
34. Иванов А.В. Вилы. М. : АСТ, Ред. Елены Шубиной, 2016. 574 с.

References

1. Panchenko, A.M. (1999) *Russkaya kul'tura v kanun petrovskikh reform* [Russian Culture on the Eve of Peter the Great's Reforms]. Saint Petersburg: Yuna.
2. Sheptaev, L.S. (1971) Sledy razinskogo tsikla v pis'mennosti XVII–XVIII vekov (Predystoriya zapisей razinskogo fol'klora) [Traces of the Razin cycle in the writing of the 17th–18th centuries (prehistory of the records of Razin folklore)]. In: Egorov, B.F. (ed.) *Russkaya literatura i obshchestvenno-politicheskaya bor'ba XVII–XIX vekov* [Russian Literature and the Social and Political Struggle of the 17th–19th Centuries]. Leningrad: [s.n.]. pp. 3–20.
3. Raynova, M.B. (1979) *Khudozhestvennaya interpretatsiya obraza Emel'yana Pugacheva v russkoy sovetskoy literature* [Artistic interpretation of the image of Emelyan Pugachev in Soviet Russian literature]. Philology Cand. Diss. Moscow.
4. Maul', V.Ya. (2016) Obraz Emel'yana Pugacheva na stranitsakh knig serii ZhZL: v zerkale sravneniy [The image of Yemelyan Pugachev in the pages of the ZhZL books: in the mirror of comparisons]. *Novyy istoricheskiy vestnik*. 2. pp. 180–199.
5. Maul', V.Ya. (2021) Emel'yan Pugachev krivom zerkale sovremennoy publitsistiki [Yemelyan Pugachev in the crooked mirror of modern journalism]. *Vestnik severo-vostochnogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. 2. pp. 34–50.
6. Bolnova, E.V. (2018) Retsepsiya obraza Pugacheva v proizvedeniyakh russkogo avangarda nachala XX veka [Reception of the image of Pugachev in the works of the Russian avant-garde of the early 20th century]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*. 3. pp. 178–183.
7. Evsina, N.A. & Roman, S.A. (2013) Auslendera "Pugachevshchina" i pugachevskaya tema v sovetskoy literature 1920-kh godov [Auslender's Novel Pugachevshchina and the

Pugachev theme in Soviet literature of the 1920s]. *Mirovaya literatura v kontekste kul'tury*. 2. pp. 59–64.

8. Limonov, Yu.A., Mavrodin, V.V. & Paneyakh, V.M. (1974) *Pugachev i pugachevtsy* [Pugachev and the Pugachevites]. Leningrad: Nauka.

9. Rychkov, P.I. (1950) *Osada Orenburga (Letopis' Rychkova)* [The Siege of Orenburg (Rychkov's Chronicle)]. In: Pushkin, A.S. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 9. Book 1. Moscow; Leningrad: USSR AS. pp. 206–355.

10. Pushkin, A.S. (1959–1962) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 10. Moscow: GIKhL.

11. Dubrovin, N.F. (1884) *Pugachev i ego soobshchniki. Epizod iz istorii tsarstvovaniya Imperatritsy Ekateriny II, 1773–1774 gg.: po neizdannym istochnikam* [Pugachev and His Accomplices. An Episode from the History of the Reign of Empress Catherine II, 1773–1774: Based on Unpublished Sources]. Saint Petersburg: Tip. I.N. Skorokhodova.

12. Zhizhka, M.V. (1935) *Dopros pugachevskogo atamana A. Khlopushi* [Interrogation of Pugachev ataman A. Khlopusha]. *Krasnyy arkhiv*. 1. pp. 162–171.

13. Gorelov, A.A. (1965) *Prigovor Afanasiyu Khlopushe 6 marta 1768 g.* [Sentence of Afanasy Khlopusha on March 6, 1768] *Vestnik LGU. Seriya istorii, yazyka i literatury*. 8. pp. 160–162.

14. Maul', V.Ya. (2014) *Shtrikhi biografii pugachevskogo atamana A.T. Sokolova: novye versii i podkhody* [Biography of Pugachev ataman A.T. Sokolov: New Versions and Approaches]. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 4. pp. 134–140.

15. Zheleznov, Ya.Ya. (1910) *Ural'tsy* [Uralians]. Vol. 3. Saint Petersburg: Tip. t-va "Obshchestvennaya pol'za".

16. Lozanova, A.N. (ed.) (1935) *Pesni i skazaniya o Razine i Pugacheve* [Songs and Tales about Razin and Pugachev]. Moscow; Leningrad: Academia.

17. Lozanova, A.N. (ed.) (1947) *Pugachev v Srednem Povolzh'e i Zavolzh'e. Narodnoe tvorchestvo, otryvki iz literaturnykh proizvedeniy, istoricheskie dokumenty* [Pugachev in the Middle Volga and Trans-Volga Regions. Folk Art, Excerpts from Literary Works, Historical Documents]. Kuybyshev: Kuybyshevskoe obl. izd-vo.

18. Stroeve, A.F. (1998) *Te, kto popravlyayet Fortunu. Avantyristy prosveshcheniya* [Those Who Correct Fortune. Adventurers of Enlightenment]. Moscow: NLO.

19. Shishkov, V.Ya. (1986–1987) *Emel'yan Pugachev: istoricheskoe povestvovanie* [Yemelyan Pugachev: A historical narrative]. Chelyabinsk: Yuzhno-Ural'skoe knizhnoe izd-vo.

20. Anon. (1870) *Emel'ka Pugachev i Khlopusha. Razboyniki i buntovshchiki: Povest' v trekh chastyakh* [Yemelka Pugachev and Khlopusha. Robbers and rebels: A story in three parts. Borrowed from reliable sources]. Moscow: Izdanie knigoprodavtsa Manukhina.

21. Mamin-Sibiryak, D.N. (1989) *Okhoniny brovi* [Okhonya's Eyebrows]. Moscow: Sovremennik.

22. Khrushchov-Sokol'nikov, G.A. (1911) *Pugachev: istoricheskiy roman-khronika* [Pugachev: A historical chronicle novel]. Saint Petersburg: Tipo-lit. tovarishchestva "Svet".

23. Auslender, S.A. (1928) *Pugachevshchina: roman v 4 chastyakh* [Pugachevshchina: A novel in 4 parts]. Moscow: Molodaya gvardiya.

24. Chuzhak, N.F. (1928) *O "Pugachevshchine"* S. Ausledera [About Pugachevshchina by S. Auslender]. In: Auslender, S.A. *Pugachevshchina: roman v 4 chastyakh* [Pugachevshchina: A novel in 4 parts]. Moscow: Molodaya gvardiya. pp. 257–271.

25. Esenin, S.A. (1998) *Poln. sobr. soch.* [Complete Works]. Vol. 3. Moscow: Nauka. pp. 7–51.

26. Shubnikova-Guseva, N.I. & Samodelova, E.A. (1998) *Kommentarii* [Commentaries]. In: Esenin, S.A. *Poln. sobr. soch.* [Complete Works]. Vol. 3. Moscow: Nauka. pp. 435–718.

27. Kamenskiy, V.V. (1966) *Stikhotvoreniya i poemy* [Poems and Narrative Poems]. Moscow; Leningrad: Sovetskiy pisatel'.

28. Gubanov, L.G. (2003) *"Ya soslan k Muze na galery..."* ["I was exiled to the Muse on the galleys..."]. Moscow: Vremya.
29. Bogdanovich, T.A. (1936) *Gornyy zavod Petra III* [Mining Plant of Peter III]. Moscow; Leningrad: Detizdat.
30. Zuev-Ordynets, M.E. (1966) *Khlopushin poisk* [The Search of Khlopusha]. Perm: Permskoe knizhnoe izdatel'stvo.
31. Zlobin, S.P. (1980) Salavat Yulaev: Istoricheskiy roman [Salavat Yulaev: Historical Novel]. In: Zlobin, S.P. *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 1. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
32. Vlaskin, A.P. & Rudakova, S.V. (2021) Metasmysly zaglaviy romanov Dostoevskogo [Metameanings of the Titles of Dostoevsky's Novels]. *LibriMagistri*. 2. pp. 117–127.
33. Ivanova, O.I. & Dedyukhina, O.V. (2021) Tipologiya "unizhennykh i oskorblennykh" geroev v proizvedeniyakh F.M. Dostoevskogo i V.G. Korolenko [Typology of "humiliated and insulted" heroes in the works of F.M. Dostoevsky and V.G. Korolenko]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. 6. pp. 465–470.
34. Ivanov, A.V. (2016) *Vily* [Pitchfork]. Moscow: AST.

Информация об авторах:

Коржова И.Н. – д-р филол. наук, профессор кафедры отечественной и зарубежной литературы Московского университета «Синергия» (Москва, Россия). E-mail: clean24@yandex.ru

Польш Д.В. – д-р филол. наук, профессор кафедры русской литературы XX–XXI веков Института филологии Московского педагогического государственного университета (Москва, Россия). E-mail: pol-d-v@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

I.N. Korzhova, Dr. Sci. (Philology), professor, Synergy University (Moscow, Russian Federation). E-mail: clean24@yandex.ru

D.V. Pole, Dr. Sci. (Philology), professor, Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: pol-d-v@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 19.07.2024;
одобрена после рецензирования 30.10.2024; принята к публикации 21.07.2025.*

*The article was submitted 19.07.2024;
approved after reviewing 30.10.2024; accepted for publication 21.07.2025.*

Научная статья
УДК 82.091 + 821.112.2
doi: 10.17223/19986645/96/10

Роль гофмановской поэтики в создании мифологемы «гений» в романе Т. Манна «Доктор Фаустус»

Вера Владимировна Королева^{1, 2}, Алина Романовна Притомская³

^{1, 3} Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых,
Владимир, Россия

² Владимирский филиал Приволжского исследовательского
медицинского университета, Владимир, Россия

^{1, 2} queenvera@yandex.ru
³ gera.greenhill@gmail.com

Аннотация. Поднимается проблема рецепции традиций Э.Т.А. Гофмана в романе Т. Манна «Доктор Фаустус», связанная с осмыслением мифологемы «гений» и состоящая из таких элементов гофмановской поэтики, как проблема амбивалентности доброго и злого начал в гении, мотив антагонизма гения и филистера, проблема «любви гения» и его взаимоотношений с женственностью, мотив сделки творца с дьяволом, проблема христианского начала в искусстве, мотивы испытания болезнью, хохота, творческого раскрепощения через безумие. Делается вывод о том, что Т. Манн осмысливает гофмановскую мифологему «гений» как способ воплощения категории Zeitgeist в немецкой культуре.

Ключевые слова: Э.Т.А. Гофман, Т. Манн, мифологема «гений», «гофмановский комплекс», Zeitgeist, проблема природы гения, разрушительная ирония

Для цитирования: Королева В.В., Притомская А.Р. Роль гофмановской поэтики в создании мифологемы «гений» в романе Т. Манна «Доктор Фаустус» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2025. № 96. С. 184–200.
doi: 10.17223/19986645/96/10

Original article
doi: 10.17223/19986645/96/10

The role of Hoffmann's poetics in the creation of the mythologem "genius" in Thomas Mann's novel *Doctor Faustus*

Vera V. Koroleva^{1, 2}, Alina R. Pritomskaya³

^{1, 3} Vladimir State University, Vladimir, Russian Federation

² Privolzhsky Research Medical University, Vladimir, Russian Federation

^{1, 2} queenvera@yandex.ru
³ gera.greenhill@gmail.com

Abstract. The article examines the question of the reception of Hoffmann's traditions in Mann's novel *Doctor Faustus*. The relevance of this study is due to the fact that the question of the influence of Hoffmann's work on Mann in connection with the image

of a genius in literary studies has practically not been raised. On the basis of comparative typological, neo-mythological, intertextual and descriptive methods, the features of Hoffmann's poetics in the story under study are systematized, considered systematically as a unity of problematics, images and stylistic techniques characteristic of Hoffmann's work ("Hoffmann complex"), and their transformation in Mann's novel is analyzed. It is argued that the "Hoffmann complex" in *Doctor Faustus* manifests itself in the form of the mythologem "genius", consisting of such elements as: understanding the problem of the nature of the genius (antagonism of the genius and the philistine, ambivalence of good and evil principles in the genius), the problem of the relationship between the genius and femininity (the motif of choosing between the "true" and "false" lover, the problem of romantic love as a source of inspiration), the motif of seducing the creator by the devil, the problem of returning art to the bosom of Christianity, the motif of creative emancipation through madness (the motif of laughter), as well as understanding the problem of art synthesis. The question of the influence of Hoffmann's work on Mann in connection with the image of a genius has not yet been raised in literary studies, which has increased the relevance of this work. It is concluded that Mann interprets the mythologem "genius" as a way of embodying the Zeitgeist category in German culture. The writer considers the series "Faust – Kreisler – Leverkuhn" as evolutionary, and the image of Adrian Leverkuhn as final. To create the image of the latter, Mann resorts to the achievements of Hoffmann's poetics, since the German Romanticist largely anticipated the techniques of postmodern literature (parody, destructive irony, emphasis on the fantastic and the terrible, the motif of the dichotomy of good and evil in man). The results of the study show the presence of a bright layer of the "Hoffmann complex" in Mann's novel *Doctor Faustus*, which allows us to consider it as a significant stage in the formation of the Hoffmann text ("supertext") of German literature.

Keywords: E.T.A. Hoffmann, Thomas Mann, mythologem "genius", "Hoffmann complex", Zeitgeist, problem of genius' nature, destructive irony

For citation: Koroleva, V.V. & Pritomskaya, A.R. (2025) The role of Hoffmann's poetics in the creation of the mythologem "genius" in Thomas Mann's novel *Doctor Faustus*. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 96. pp. 184–200. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/96/10

Введение

Мифологема «гений» является одной из универсальных во многих европейских культурах. Понятие «гений» зародилось еще в античной философии, но лишь на рубеже XVIII–XIX вв. оно становится одной из ключевых концепций художественного сознания в результате развития новой преромантической и романтической эстетики. Особое значение понятие «гений» приобретает сначала в немецкой философии, а затем и в литературе. Огромный вклад в осмысление гениальности внес Иммануил Кант. В своей работе «Критика способности суждения» он заявляет: «Гений – это талант, то есть дар природы, дающий искусству правила» [1. С. 180]. Это определение развивает Фридрих Шеллинг в эпоху романтизма, отмечая: «Гений отличается от всего того, что не выходит за рамки таланта или умения, своей способностью разрешать противоречие, абсолютное и ничем иным не преодолимое»

[2. С. 482]. Поэт и философ Фридрих Шиллер определяет другую существенную черту гениальности: гений творит по внушению самой природы, опираясь на ее внутренние законы, отчего проистекает простота и непосредственность истинных произведений искусства [3. С. 387].

Функционирующее изначально в виде мифологемы, понятие «гений» в процессе развития расширяет свое семантическое поле, реализуясь в осмыслении «гения» как эстетико-философской концепции [4]. Благодаря немецким романтикам в европейской культуре складывается культ гениальности. Понятие «гений» становится общим достоянием Европы, по словам С. Аверинцева, «в эпоху предромантизма, руссоизма, “бури и натиска” как боевой клич борьбы против школьных правил, за высвобождение творческой субъективности» [5. С. 115], когда оно приобретает сотериологический оттенок и противопоставляется как идеалу Просвещения (Фаусту, ученому), так и обывателю (филистеру).

Основная часть

Ключевым этапом в осмыслении мифологемы «гений» в немецкой литературе становятся произведения Э.Т.А. Гофмана. Немецкий романтик выдвигает концепцию «истинного музыканта» и рассматривает музыку как отпечаток идеального мира в реальном. Он создает ряд персонажей – гениальных музыкантов («Житейские воззрения кота Мурра» (Иоганн Крейслер), «Крейслериана» (Иоганн Крейслер), «Состязание певцов» (Вольфрам фон Эшенбах)) и художников («Церковь иезуитов в Г.» (Бертольд), «Эликсиры дьявола» (Франческо)), достигающих Идеала посредством творческого акта.

На наш взгляд, в произведениях Э.Т.А. Гофмана формируется мифологема «гений», которая состоит из следующих элементов: осмысление проблемы природы гения (антагонизм гения и филистера, детская психическая травма (из-за которой герой воспринимает окружающий мир иначе), амбивалентность доброго и злого начала в гении), проблема взаимоотношений гения и женственности (мотив выбора между «истинной» и «ложной» возлюбленной, проблема романтической любви как источника вдохновения), мотив соблазнения творца дьяволом, проблема возвращения искусства в лоно христианства, а также мотив творческого раскрепощения через безумие (мотив хохота).

Одним из значительных этапов в развитии этой мифологемы становится творчество Т. Манна. Немецкий писатель исследует гениальность в качестве «особой формы жизни» [6. С. 31]. Персонажи его произведений – гениальные писатели, художники и музыканты («Смерть в Венеции», «Тристан», «Тонио Крёгер», «Доктор Фаустус»).

Тезисы, выдвинутые Т. Манном в романе «Доктор Фаустус», позволяют предположить, что писатель разрабатывал вопрос о природе гениальности, опираясь на традиции Э.Т.А. Гофмана. Незнание в литературоведении указанного аспекта позволяет сделать вывод об актуальности этой проблемы.

Следует отметить, что вопрос о связи данных авторов уже поднимался. К примеру, А.В. Карельский в своих лекциях утверждает: «Его [Томаса Манна] трактовка темы “художник и общество” в рассказе “Тонио Крёгер” и других позволяет провести далеко идущие аналогии с Гофманом. Провозглашенный зрелым Томасом Манном принцип: “Можно провести аналогию и с трагическим романом Томаса Манна “Доктор Фаустус” и, как это ни парадоксально покажется на первый взгляд, гофмановскими “Житейскими воззрениями кота Мурра”. Неслучайно в дневнике тех лет, когда Томас Манн писал “Фаустуса”, неоднократно встречаются записи: “Сегодня читал “Кота Мурра”» [7]. Томас Манн упоминал творчество Гофмана не только в дневниках, но и в личной переписке. В письме Отто Граутоффу в июне 1897 г. он так подчеркивает их духовное родство: «...у этого странного и больного человека с фантазией истеричного ребенка, у которого я прочитал все, что было мне доступно <...> иной дух, родственный нам, людям упадка» [8. С. 97].

Кроме того, персонажи его романа «Будденброки» читают сборник «Серапионовы братья». Как отмечают исследователи Либ и Метелинг: «Ранние рассказы Манна “Видение”, “Гардероб” и “Гладиус Ден” содержат отсылки к гофмановским мотивам эротической грезы и недостижимой возлюбленной. Вероятно, и такие “оптически мотивированные” образы, как интерес к зеркалам и окнам, физиогномический аспект в описании персонажей, а также мотив шкафа, как места, где оживает фантастическое, заимствуются Т. Манном из гофмановских рассказов (“Дон Жуан”, “Щелкунчик и Мышиный король”), где эти аспекты воплощаются» [9. С. 90–112]. Об очевидном влиянии гофмановской поэтики на творчество Т. Манна говорили такие немецкие исследователи, как Д. фон Герсдорф (рассматривает романтические источники творчества Т. Манна, среди которых роман «Житейские воззрения кота Мурра») и В. Нойманн (исследует влияние того же романа на представления Т. Манна о роли музыки). Однако вопрос о гофмановских истоках образа гения в творчестве Т. Манна еще не поднимался.

Мы полагаем, что связь творчества Э.Т.А. Гофмана и Т. Манна пролегает не только на мотивном, но и на философском уровне и касается осмысления мифологемы «гений». Согласно нашей гипотезе, Манн в своем романе «Доктор Фаустус» трансформирует ставшую одной из фундаментальных в немецкой литературе мифологему «гений». Для этого писатель обращается к знаковым образам «гениальных персонажей» немецкоязычной литературы (Фауст, Крейслер) и дополняет его своим осмыслением мифологемы в образе Адриана Леверкюна. Для создания последнего Манн прибегает к достижениям гофмановской поэтики как вершине романтического творческого метода, что соответствует общей тенденции в литературе новой эпохи – переосмысление и использование приемов романтизма для решения актуальных художественных задач, отвечающих требованиям времени [10]. На это указывает наличие в романе пласта гофмановского интертекста, который ярче всего выделяется посредством методологии «гофмановского комплекса» [11] (помогает определить и конкретизировать устойчивые образы, сюжеты и мотивы, а также черты стиля Э.Т.А. Гофмана как единое целое),

сформулированного нами на примере русской литературы, а также творчества Э.А. По, Г. Майринка и П. Зюскинда, Р.Л. Стивенсона и др. «Гофмановский комплекс» позволяет выявить черты гофмановской поэтики там, где они присутствуют неявно или проявляют себя нетипично, а также помогает отделить черты гофмановской поэтики от других интертекстов в конкретном произведении (в данном случае – разделить фаустовский текст и гофмановский).

Целью данной статьи является выявление восходящих к Гофману элементов мифологемы «гений» в творчестве Т. Манна, а также анализ их трансформации и преломления в художественном мире романа «Доктор Фаустус» как логичного продолжения традиции восприятия данной мифологемы, предложенной Э.Т.А. Гофманом.

Материалы и методы исследования

При использовании сравнительно-типологического, неомифологического, интертекстуального и описательного методов в исследуемой повести выявляются черты гофмановской поэтики, которые рассматриваются системно как единство проблематики, образов и стилистических приемов, характерных для творчества Э.Т.А. Гофмана («гофмановский комплекс»), а также анализируется трансформация этих черт в романе Т. Манна.

Согласно нашей гипотезе, гофмановская мифологема «гений» преломляется в романе Т. Манна «Доктор Фаустус», а ее ключевые понятия получают новое содержание. Во-первых, гений становится отрицательным персонажем, филистер – положительным, оппозиция «гений – филистер» разрушается, происходит борьба доброго и злого начал в гении. Во-вторых, гофмановский мотив детской психической травмы утрачивает значимость (гения определяет у Манна *Zeitgeist*). В-третьих, проблема взаимоотношений гения и женственности проявляется иначе: мотив выбора невесты приобретает пародийные черты (сознательный выбор «ложной» возлюбленной), происходит деконструкция мотива романтической любви как источника вдохновения (творчество мыслится как автономный процесс, независимый от отношений творца с женщиной)). В-четвертых, трансформируется мотив соблазнения творца дьяволом: inferнальный персонаж теперь является «вынужденным злом», становясь единственным источником творческой силы в новую эпоху, а возвращение искусства в лоно христианства становится невозможным (мотив окончательной утраты веры в бога художником). В-пятых, мотив творческого раскрепощения через безумие у Манна не способствует выходу за рамки косной повседневной жизни, но искусственно стимулирует творческие способности гения (мотив хохота).

По нашему мнению, важнейшей концептуальной составляющей мифологемы «гений» для Т. Манна является представление о том, что в образе музыкального творца отражается *Zeitgeist* эпохи. Это понятие (*Zeitgeist*) составляет смысловое ядро описанной выше концепции. В своем исследовании мы опираемся на классические представления И.В. Гете и Ф. Гегеля. Так, Гете рассматривал дух времени как преобладающую духовную сторону

эпохи: «Если какая-нибудь сторона выступает наиболее сильно, овладевая массой и торжествуя над ней, так что при этом противоположная сторона оттесняется на задний план и затеняется, то такой перевес называют духом времени, который определяет сущность данного промежутка времени» [12]. Такой стороной, на наш взгляд, как в эпоху Гофмана, так и в эпоху Манна, оставалось искусство, а именно – музыка как «высшее из искусств» (как для Гофмана, так и для Манна). Гегель, который использовал термин «*der Geist seiner Zeit*», считал, что искусство отражает культурно-историческое развитие народа, а в произведениях искусства лежит определенная идея, т.е. искусство есть этап развития духа народа [13]. Культура и искусство неразрывно связаны, так как художник является продуктом своего времени, следовательно, привносит дух своего времени в каждое созданное им произведение искусства. В современном мире невозможно творить классическое искусство, которое, как считал философ, выражало бы «свободную и этическую культуру», основывающуюся на философии искусства и теории искусства, а не на отражении социальных условий, или духа времени, в котором конкретный художник творил [14]. Так, под *Zeitgeist* мы понимаем принцип, ограничивающий и определяющий искусство конкретной эпохи, а также те качества, которыми будет наделен творческий гений, являющийся ретранслятором духа времени, аккумулирующий моду и настроение конкретной эпохи.

Совокупность этих черт, определяемая нами как *Zeitgeist*, обуславливает природу гения, согласно представлению Т. Манна. Например, образ Адриана Леверкюна становится логичным продолжением мифологемы «гений», реализующейся в гофмановском Иоганне Крейслере, поскольку для его создания Т. Манн прибегает к инструментам и элементам гофмановской поэтики. Однако в фигуре Леверкюна автор деконструирует романтические представления о гении, смещая акцент с бинарных оппозиций, выделенных Гофманом, на их «негативные» черты (так, творец становится отрицательным персонажем, филистер – положительным (Адриан и Серенус); дьявол представляет собой созидательное начало, а любовь – деструктивную силу (Адриан и Непомук)), что соответствует духу нового времени.

По словам Н.Я. Берковского, «смысл жизни – он у Гофмана воплощен в Крейслере» [15]. Образ музыканта, героя новелл «Крейслериана» и романа «Житейские воззрения кота Мурра», является ключевым в творчестве немецкого романтика, так как воплотил в себе результат осмысления Гофманом проблем природы гения, места музыки во вселенной и в жизни человека, равно как и проблемы «истинного музыканта» [16. Т. 5. С. 134], ставшего для писателя некоей отдельной ступенью развития человеческого духа. Задача «истинного музыканта» – максимально возможное соответствие своему личностному идеалу (идеалу романтизма) при условии, что достижение Идеала как такового невозможно, и поэтому он «вынужден довольствоваться восприятием Идеала как «творческой силы», живущей в душе и питающей ее высшие устремления» [17]. Таким образом, «истинный музыкант» Гофмана – это человек с особым складом сознания, готовый к восприятию идеального мира.

Результаты исследования и их обсуждение

На наш взгляд, в образе Адриана Леверкюна Т. Манн продолжает миф об «истинном музыканте», поскольку образ проклятого композитора является ключевым, завершающим этапом осмысления Манном феномена творческого гения («Тонио Крёгер», «Тристан», «Смерть в Венеции»). Между творческой инициацией Крейсlera и Леверкюна можно провести ряд параллелей. «Ясно осознанное чувство музыки» приходит к Крейслеру в младенчестве, когда он слышит виртуозную игру на лютне своей тети Софи. Леверкюн также впервые сталкивается с музыкой в семье, когда слышит пение скотницы Ханны. Однако если гофмановский музыкант очарован музыкой и стремится поселиться в ее «царстве», поскольку она является для него проявлением Идеала в мире реальном, то Адриан всячески стремится избежать своей участи, ощущая трансцендентную природу музыкального искусства. Его ранние годы – сопротивление непреодолимой силе музыкального предназначения, которой подчинена вся дальнейшая жизнь героя. Как мы рассмотрим далее, Крейслер жаждет познать законы музыкального искусства, поскольку воспринимает эту силу как преобразующую. Леверкюн же видит в музыке «обоюдоострый» инструмент, способный как к преображению, так и к разрушению человеческой души (что зависит от настроений эпохи, в которую вынужден жить творец). Деструктивный сценарий становится для Адриана наиболее вероятным, так как он ограничен своим временем.

В творчестве Гофмана этот вопрос актуализируется в проблеме амбивалентности божественного и дьявольского в творце («Мадемуазель де Скюдери» (1818) (гениальный ювелир Кордильяк), «Советник Кrespель» (1818) (скрипичный мастер Кrespель, его дочь и жена, обладающие удивительными голосами), роман «Житейские воззрения кота Мурра» (1819) (Крейслер) и др.). Данная проблема остается ведущей и в романе «Доктор Фаустус»: Адриан – гений, мастерски овладевший пародией и деконструкцией уже существующего в искусстве. В его образе Т. Манн развивает выдвинутую Гофманом в новелле «Мадемуазель де Скюдери» идею о том, что гениальность не является универсальной добродетелью. Согласно концепции Т. Манна, которую в своем финальном монологе озвучивает Адриан, «человек создан и предназначен для блаженства либо для ада...» [6. С. 642]. Так, Леверкюн «был рожден для ада» [6. С. 624]. Ограниченный *Zeitgeist* своей эпохи, отказавшейся от бога, рекурсивной по своей природе, композитор Манна с рождения был лишен возможности создать что-то новое, вдохновенное. Попытка выйти за пределы *Zeitgeist*, заключив пакт с дьяволом, есть не что иное, как сам дух времени в своем чистейшем воплощении. Таким образом, Т. Манн, развивая гофмановскую идею о дихотомии дьявольского и божественного в творце, приходит к выводу, что сама эпоха (а не рождение и детство («Песочный человек», «Советник Кrespель», «Мадемуазель де Скюдери», «Эликсиры дьявола») определяет природу гения.

Т. Манн создает образ лишенного добродетелей композитора, морального нигилиста (все это одобряется в обществе, пропитанном идеями

Ницше). Крейслер демонстрирует характерную для романтического героя тонкую душевную конституцию, готовую к восприятию «материи вселенной» – музыки. Иоганн не равнодушен к чужой боли, к несправедливости, творящейся в мире, *Zeitgeist* романтической эпохи – это стремление достичь идеала «вне времени и пространства» [16. Т. 5. С. 213], гармонии вопреки ужасу бытия. Леверкюн же сосредоточен на себе, он равнодушен к чувствам семьи и любящих его людей.

В образе Леверкюна актуализируется и другая проблема, занимавшая Гофмана, а именно антагонизм гения и филистера. Крейслер, воплотивший в себе *Zeitgeist* романтической эпохи, стремящийся приобщиться к идеальному миру – миру музыки, готов к самосовершенствованию. В нем отразилась идея романтиков о борьбе за лучший мир, которая начинается с трансформации собственной личности посредством «Прометеевой искры» [16. Т. 2. С. 376] (мелодия души «коротенькая и пустячная, может быть, даже неуверенно, неумело сыгранная, но верно, тонко понятая и глубоко прочувствованная» [16. Т. 1. С. 301]). В произведениях Гофмана гений стремится вырваться с помощью преобразования собственного духа из оков филистерского образа жизни и морали, сковывающей его устремления и фантазию. Обыватели воспринимают гения как врага или «чудака». Леверкюн же проявляет полностью противоположный шаблон поведения. Он изначально мыслит себя гением, познание окружающего мира кажется ему скучным (маленький Адриан пренебрегает учебой, в зрелом возрасте Леверкюн черпает впечатления исключительно из книг, не покидая своего кабинета), любовь и дружба, развивающие в человеке лучшие из качеств, согласно романтическому мировоззрению, ему почти безразличны (он позволяет Серенусу и семье любить себя, по контракту с чертом погибают всего два персонажа, которых Адриан любил, – Рудольф и Непомук). Это поведение отражает характерные черты «мыслящего субъекта» новой эпохи: «бескровный» интеллектуализм, индивидуализм, репродуктивный характер деятельности. Филистеры же в романе (семья Адриана, Серенус, друзья композитора) не воспринимают его как сумасшедшего или как врага их застойного образа жизни («Серapiоновы братья», «Крошка Цахес», «Золотой горшок» и др.), они уважают Леверкюна, признают его гениальность и гордятся их «дружбой». Однако гений Манна остается равнодушен к мнению толпы. Филистеры в романе «Доктор Фаустус» являются персонажами положительными, вызывающими сочувствие, чего нельзя сказать о фигуре протагониста, холодного и циничного человека.

Важным аспектом экзистенции гения, как для Гофмана, так и для Манна, являются его взаимоотношения с моралью. Согласно идеям романтизма, Крейслер может устанавливать собственные этические нормы (по И. Канту, это заключается в «решимости и мужестве пользоваться собственным умом без руководства со стороны кого-то постороннего» [1. С. 66]). Это необходимо для преодоления косности филистерского существования и разрыва с реальным миром. В образе Леверкюна продолжается эта же тенденция: ком-

позитор выходит за «грань добра и зла» (но уже по Ницше) и перестает опираться на моральные нормы как таковые. Таким образом, гений романтиков способен к саморегуляции без внешнего морального ограничителя, поскольку природа его деятельности и мышления идеальна и устремлена к божественному. Гений новой эпохи же, напротив, ограниченный «духом времени», обращается к моральному нигилизму. Адриан становится циничным и отстраненным и действует согласно лишь тем внутренним установкам, что ведут его к самореализации (он не интересуется жизнью друзей, не боится ранить чувства окружающих, даже самых близких людей, презирает общественные вкусы и т.д.). Однако если романтическому музыканту такое право дает механизация, правящая филистерским миром, в котором идеальный дух мертв и требует восстановления во имя развития человечества, то в образе Левекюна воплотилась идея о сверхчеловеке, замкнутом на самом себе и лишенном таким образом какого-либо альтруизма.

Согласно концепции Гофмана, мыслившего в романтическом дискурсе, художник является проводником божественного в мире – «спокойной неприязнительности, какая единственно способна согреть сердце, благотворно возбудить дух» [16. Т. 4, кн. 2. С. 462]. Крейслер, будучи идеальным музыкантом, творцом, стремится пробуждать «во всем сущем пламенное стремление к высшей жизни» [16. Т. 2. С. 387]. Как художник романтической эпохи, гофмановский протагонист способен на позитивное по своей природе *созидательное* творчество. Левекюн же, ограниченный *Zeitgeist*, либо вынужден довольствоваться *репродуктивным*, т.е. мертвым творческим актом, либо должен уйти от божественной стороны созидательной деятельности и обратиться к ее дьявольской природе. Божественное вдохновение в эпоху войн и зарождения идеологии нацизма невозможно, поскольку мыслящими элитами движет эгоизм и ненависть к ближнему. Адриан вступает в сделку с дьяволом, чтобы преодолеть мертвенность зарождающегося постмодернистского искусства (черт говорит: «Дары, которые он в свою классическую эпоху сумел получить и помимо нас, ныне можем предложить только мы» [6. С. 297]).

Мотив сделки с дьяволом («Огненный дух», «Эликсиры дьявола» и др.), inferнальный герой («Эликсиры дьявола», «Приключение в Новогоднюю ночь» и др.) и мотив соблазнения творца чертом («Эликсиры дьявола») имеют не только общекультурную традицию (И. Гёте, Ф.М. Достоевский, который также увлекался творчеством Гофмана [18], и др.), но и гофмановские корни (Левекюн, подобно гофмановским персонажам Франческо и Медардусу, соблазняется дьяволом и вступает в отношения с женщиной, являющейся по природе воплощением греха (Евфимия в «Эликсирах дьявола», Эсмеральда в «Докторе Фаустусе»). Однако Т. Манн идет дальше Гофмана, переосмысливая данный мотив. Если Евфимия соблазняет Медардуса, подстегивая его скрытые гордыню и эгоизм, а дьявол соблазняет Франческо написать богохульный образ, то композитор Манна сам ищет дьявольского содействия. Адриан лишь из внутреннего побуждения, из греха похоти всту-

пает в отношения с куртизанкой, зная, что она больна. Также лишь из честолюбия и тщеславия Леверкюн заключает договор с дьяволом, поскольку им движет желание доказать свою гениальность.

Таким образом, творчество в романтическую эпоху наполнено божественным вдохновением и призвано распространить заключенную в нем благодать на реальный мир. Т. Манн же убежден, что творческий акт в переходную эпоху лишен внутреннего духовного наполнения и нуждается в его искусственном восполнении. Пустая, эгоистическая природа времени диктует своим гениям обращаться к бесовскому участию. Дьяволу при этом нет необходимости соблазнять современного художника, который сам тяготеет к деструктивным идеям и мыслит возвращение к вере и богу невозможным.

С этим связаны и другие проблемы, восходящие к гофмановской поэтике романтической любви как источника вдохновения («Крошка Цахес», «Советник Креспель», «Золотой горшок» и др.), а также творческого раскрепощения через безумие («Мадемуазель де Скюдери», «Эликсиры дьявола» и др.). Гений Гофмана, как правило, страдает в попытке приобщиться к труднодостижимому идеальному миру. Непонятый филистерами, с которыми он находится в идейном конфликте, творец стремится уйти от толпы, погружаясь во внутренний микрокосм души, преобразовывая ее, открывая свой внутренний духовный взор. Такая трансформация расценивается филистерами как «сумасшествие», что делает гофмановского художника изгоем. В конечном итоге творец находит любовь, поддерживающую его устремления, питает ею свои творческие силы и преодолевает конфликт с миром, перейдя на новую ступень духовного развития с помощью «истинной» возлюбленной.

Для Т. Манна эти проблемы также стали одними из ключевых («Тонио Крёгер», «Тристан», «Смерть в Венеции» и др.), однако писатель переосмысливает их в своем творчестве в соответствии с требованиями времени и даже деконструирует. Женские персонажи у немецкого романтика – музы, вдохновляющие мужчин на творчество (хотя Медардус и не является художником, Аврелия как муза становится вдохновительницей, мотиватором его действий и рефлексии. Ансельм в новелле «Золотой горшок» погружается в пугающий и странный магический мир, движимый интересом к Сербентине и т.д.).

В романе Т. Манна женские персонажи перестают быть вдохновительницами творчества. Леверкюн автономен в своей деятельности (он независим даже от человеческих впечатлений, поскольку черпает информацию о мире исключительно из книг). Мари Годо, одна из возлюбленных Адриана, не мотивирует его на музыкальные свершения, хотя воплощает собой гофмановскую «идеальную», «божественную» невесту («Золотой горшок», «Приключение в Новогоднюю ночь», «Повелитель блох» и др.). При этом первая «любовь» героя, больная куртизанка, имеет большее влияние на творчество композитора, чем его возлюбленные. Посланная дьяволом, Эсмеральда заражает Адриана сифилисом. Гением нового времени движет лишь тяга к саморазрушению. Единственной же плодотворной привязанностью композитора является лишенная сексуального или романтического подтекста любовь к

Непомучу. В этом сюжетном ходе Манн деконструирует миф о романтической любви, во многом восходящий к гофмановским произведениям, а также переосмысливает роль женственности в жизни гения, что соответствует *Zeitgeist* современной эпохи, в которой романтическая привязанность не является достаточно сильным мотиватором продуктивного творчества. Леверкюн также выбирает между «земными», «божественными» и «дьявольскими» возлюбленными (Эсмеральда, Рудольф, Мари), однако, его талант не находится в зависимости от чувств, как у музыканта Гофмана. Т. Манн также деконструирует и само представление о любви как о созидательном начале, поскольку привязанность композитора к Эхо приводит мальчика к мучительной смерти, что указывает на деструктивную природу любви в романе (то же можно сказать и о сюжетной ветке Рудольфа). Леверкюн также не черпает вдохновение в любви, его черствость и холодность превращают вдохновенный творческий акт в труд, в кропотливую работу по сочинению интеллектуально изысканной музыки.

Леверкюн проходит испытание и болезнью (или безумием по Гофману) как способом творческого раскрепощения, также характерное для творчества Т. Манна («Смерть в Венеции»). В романе «Доктор Фаустус» развивается выдвинутая Гофманом идея о безумии как об источнике особого творческого раскрепощения («Песочный человек», «Золотой горшок», «Эликсиры дьявола» и др.), а также переработанный Ф. Ницше тезис о том, что болезнь усиливает творческую активность (известно, что Т. Манн подробно изучал работы философа). Леверкюн воплотил в себе обе идеи, поскольку сознательно заразился сифилисом, болезнью, имеющей как яркие физические, так и психические проявления, чтобы перейти на некую новую ступень мышления между жизнью и смертью, вменяемостью и сумасшествием. Однако если художник Гофмана обращается к безумию с целью «стряхнуть» с себя оковы реального косного мира, искусственно созданные внешние ограничения, то Адриана недуг раскрепощает особым образом, поскольку питает его тягу к саморазрушению. Таким образом, помимо контракта с дьяволом, Леверкюн прибегает и к болезни, как к источнику внешней стимуляции творческого процесса. Тем самым Т. Манн подчеркивает невозможность настоящего, оригинального искусства в новую эпоху, когда творческая фантазия не ограничена бытом и условностями филистерской жизни (как у Гофмана), но она попросту исчерпала себя.

Леверкюна и Крейсера в мотивном отношении объединяет и отношение к творчеству Бетховена. Как считают Н.Д. и В.Г. Зусман [13], «бетховеновское» – является одним из фундаментальных концептов немецкого культурного самосознания и имеет важное персональное значение для Т. Манна. Осмысление «бетховеновского» обнаруживает себя и в «Крейслериане», откуда оно и пришло, на наш взгляд, в творчество Т. Манна. О музыке Бетховена Гофман пишет в эссе «Инструментальная музыка Бетховена»: «...музыка Бетховена движет рычагами страха, трепета, ужаса, скорби открывает перед нами царство необъятного и беспредельного. Огненные лучи пронизывают глубокий мрак этого царства, и мы видим гигантские тени, которые

колеблются, поднимаясь и опускаясь, все теснее обступают нас и, наконец, уничтожают нас самих, но не ту муку бесконечного томления, в которой некий и погибает всякая радость, быстро вспыхивающая в победных звуках. И только в ней – в этой муке, что, поглощая, но не разрушая любовь, надежду и радость, стремится переполнить нашу грудь совершенным созвучием всех страстей, – продолжаем мы жить и становимся восторженными духовидцами» [16. Т. 1. С. 33]. Одним из самых знаковых сочинений для романтиков становится «Ода к радости» (и Девятая симфония вообще), поскольку романтическое искусство переняло главный принцип этой композиции – через страдания к радости, из темноты – к божественному свету.

Творческий принцип Бетховена имел большое значение как для А. Леверкюна, так и для самого Т. Манна. О Бетховене рассуждает учитель Адриана, Кречмар: он подходит к мысли, что творчество Бетховена является неким итогом музыкальному гению («Новое начало после такого прощания? Новая встреча после такой разлуки? Немыслимо! <...> Сама соната как жанр здесь кончается» [6. С. 68]). Однако, Леверкюн, ограниченный *Zeitgeist*, не способен воспринять внутреннее наполнение творчества великого композитора, т.е. ту самую категорию «бетховеновского», лишь его техническую сторону. Творчество Адриана, как пограничное, противопоставлено внутреннему принципу немецкого искусства, а значит – и самому романтизму, основанному на данной идее.

Прежде всего, это касается самоцели творчества для Крейсlera и Леверкюна. Гофмановский капельмейстер публикует лишь те произведения, что написаны в гармоничном состоянии духа, и уничтожает все остальные. Цель творческого акта для Крейсlera состоит в «бетховеновском» преодолении темноты и стремлении к свету («Звук есть блаженство, а не гибель» [16. Т. 5. С. 165]). Крейслер обращает свои негативные чувства в печаль «сладостную и благодетельную» [16. Т. 5. С. 235] и сочиняет мессу «*Agnus Dei*».

Леверкюн же является полной противоположностью Крейсlera и разрушает «бетховеновский» творческий принцип. Главное произведение Адриана, «*Apocalypsis cum figuris*», противопоставлено мессе Крейсlera как на концептуальном уровне, так и на эстетическом. Г. Мокеева пишет в своей работе «Истинный музыкант Гофмана»: «Произведения истинного искусства, возникновением своим обязанные чистоте помыслов, благородству, любви и боли, извлеченным их творцами из собственных сердец... очищают и возвышают того, кто вступает с ними в духовное общение. Их неотъемлемое качество – личная сердечная причастность автора своему творению, вот почему ничего подобного им никогда не мог создать мастер жестокий, нечуткий, равнодушный к проблемам других людей...» [17]. Протагонист Манна и есть тот мастер. Леверкюн жесток к семье и друзьям, равнодушен к их чувствам и желаниям (Серенус, Рудольф, Мари). Адриан настолько глух к потребностям других, что позволяет себе полюбить Непомука и Рудольфа, заранее осведомленный о том, что его чувство приведет их к мучительной смерти. Протагонист Манна создает свои произведения не с целью запечат-

леть идеальный мир или преобразовать мир реальный посредством трансляции в него отпечатка мира ирреального, а чтобы выразить собственную боль и ужас, скуку ума, пресыщенного сложными играми конструкций и тем. Леверкюн стремится обнажить диссонанс бытия в его самых радикальных проявлениях. Музыка становится в руках черствого циничного Леверкюна оружием, приводящим душу в разлад с миром, пробуждающим самые негативные чувства.

Суть творчества Крейслера в том, чтобы «вносить нечто сказочное в нашу современность, в действительную жизнь» [16. Т. 4, кн. 2. С. 84]. Суть творчества Леверкюна в том, чтобы «отобрать Девятую симфонию». Лишить искусство «бетховеновского» пути к свету через страдания, оставив лишь «темноту». Врожденный цинизм лишает Леверкюна не только эмпатии, но и таких важных для музыкального гения качеств, как преданность и самопожертвование. Гофмановские мейстерзингер Вольфрам фон Эшенбах («Состязание певцов»), живописец Бертольд («Церковь иезуитов в Г.»), Анна («Дон Жуан») посвящают жизнь искусству, до последнего вздоха борясь с натиском страданий и омертвения – «демонов зла» [16. Т. 5. С. 64]. Адриан же, как последний музыкальный гений уходящего модернизма, посвящает злу свою собственную жизнь: он предается унынию, тщеславию, цинизму и похоти. Леверкюн сам приводит дьявола в мир. В контракте с ним выразилась бесплодность эпохи, отчаянное желание заполнить все более явную идеологическую пустоту.

Одна из причин омертвения, творческого застоя Леверкюна, как и всей эпохи, состоит в тотальной иронии. Это смех, перешедший в хохот, это дьявольский цинизм, в котором разрушительная ирония [20], занимавшая Гофмана, получает свое продолжение. Роман «Эликсиры дьявола» становится одним из первых произведений немецкого писателя, где он противопоставляет разрушительную иронию, представленную образом Медардуса, созидательной романтической иронии (Белькампо). У немецкого романтика причиной первого приступа безумия у Медардуса становится смех над ним. Герой, будучи послушником в монастыре, поцеловал тайно печатку одной из девушек в церкви, за что был вознагражден смехом: «...послышались смешки и, наконец, смех. <...> Мной овладело бешенство отчаянья; лежа на полу, я захлебывался жгучими слезами; я клял – я проклинал девушку, себя самого, и мои молитвы перемежались с безумным смехом» [16. Т. 2. С. 23].

Разрушительная ирония обнаруживает себя и в романе «Доктор Фаустус». Манн признавался, что важным философским источником романа стали идеи Теодора Адорно, по мнению которого одним из орудий унижения человека в массовой культуре XX в. стал юмор. Адорно подразделял его на добрый смех и злой хохот. Последний упразднял сострадательный аспект доброго смеха. Это тотальное осмеяние, разрушительная ирония, над природой которой размышлял в своем творчестве Гофман, в пограничную эпоху Т. Манна стало повсеместно распространенным явлением. Хохотом проникнута как жизнь («Я проклят смеяться перед лицом всего таинственно-впечатляющего» [6. С. 167]), так и искусство Адриана Леверкюна («...я всегда

страшился склонности Адриана к смеху <...> и тот же страх, <...> внушает мне это проносящееся через пятьдесят тактов, начинающееся хихиканьем одного-единственного голоса и стремительно распространяющееся, <...> хлещущее через край, сардоническое ликование геенны, этот залп презрительного и торжествующего адского хохота...» [16. С. 474]). Zeitgeist, ограничивающий его, носит нигилистический характер. Леверкюн воплотил принцип пародии своей жизнью: это касается, как мы уже отмечали раньше, музыкального творчества, любви и вдохновения – главных ценностей романтической эпохи. Все это Адриан деконструировал, превратил либо в фарс, либо в трагедию.

Так, Леверкюн становится причиной смерти Непомука, маленького «эльфа», в образе которого мы видим отсылки к романтическому искусству, которое еще было способно на *продуктивный* творческий акт. Эхо напоминает героев Л. Тика – застывших во времени полумагических существ из идеального мира. В мальчике воплотились эстетические стандарты эпохи романтизма: тяга к старине (речь Непомука наполнена архаизмами), к патриархальному укладу (Непомук родился в швейцарской деревне, сын многодетных родителей), к простой жизни на лоне природы (любовь мальчика к прогулкам, его непосредственность и легкость во всем). Несмотря на юный возраст, Эхо можно назвать мудрым, поскольку он несет в себе истину идеального жизненного уклада (поражает взрослых своими суждениями). Эта правда Непомука выступает в романе противоположностью правды маленького Адриана, который с детства проявлял незаурядный интеллект и обучаемость, но все его знания носили сугубо схоластический, мертвый характер. Характерно и то, что Непомук набожен, несмотря на возраст. В этом выражается романтическая идея возвращения искусства в лоно христианства. Эхо молится за душу Адриана, которой он уже лишен. Важно отметить, что мальчик погибает по вине Леверкюна, а вместе с ним уходит все «сказочное» и «эльфийское», а также обыденное человеческое – любовь, привязанность, забота. В этом сюжете отразилась, согласно нашей гипотезе, духовная деградация культуры по мнению Т. Манна: зарождающийся постмодернизм, перенявший важнейшие достижения романтического искусства (Непомук – «последняя любовь Адриана» [6. С. 601]), «убил» суть творчества – искру жизни, непосредственность и простоту, вдохновенность божественным, подменив все это играми интеллекта.

Заключение

Таким образом, проведенное нами исследование позволяет сказать, что в романе «Доктор Фаустус» Т. Манн продолжает развитие гофмановской мифологемы «гений» как одной из ключевых для немецкой культуры, для чего прибегает к достижениям гофмановской поэтики, которые значительно трансформирует в духе своей эпохи. Т. Манн осмысливает мифологему «гений» как способ воплощения категории Zeitgeist в немецкой культуре. Персонажный ряд «Фауст – Крейслер – Леверкюн» писатель рассматривает как

эволюционный, а образ Адриана Леверкюна – как завершающий, образ последнего гения, отражающего в себе идейную пустоту, рекурсивность и пародийность искусства новой эпохи между модерном и постмодерном.

Список источников

1. Кант И. Критика способности суждения. М. : Искусство, 1994. 367 с.
2. Шеллинг Ф. Сочинения : в 2 т. Т. 1. М. : Мысль, 1987. 637 с.
3. Шиллер Ф. О наивной и сентиментальной поэзии // Сочинения : В 8 т. М., 1957. Т. 6.
4. Кистанова А.В. Мифологема гения в творчестве А. Пушкина: варианты интерпретации // Вісник Дніпропетровського університету імені Альфреда Нобеля. Серія «Філологічні науки». 2013. № 1 (5). С. 134–138.
5. Аверинцев С.С. Историческая подвижность категории жанра: опыт периодизации // Историческая поэтика. Итоги и перспективы изучения. М. : Наука, 1986. С. 104–116.
6. Манн Т. Доктор Фаустус. М. : АСТ, 2021. 640 с.
7. Карельский А. Немецкий Орфей: беседы по истории западных литератур. Главы из книги // Иностранная литература. 2006. № 6. С. 173–206.
8. Mann Th. Briefe an Otto Grautoff 1894–1901 und Ida Boy-Ed 1903–1928, Peter de Mendelssohn. Frankfurt. M., 1975. 332 p.
9. Lieb C., Arno M. E.T.A. Hofmann und Thomas Mann. Das Vermächtnis des „Don Juan“ // E.T.A. Hoffmann-Jahrbuch. 2003. № 11. S. 34–59.
10. Фролов Г.А. Реконструкция романтического опыта в литературе немецкого постмодернизма // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2006. № 3. С. 270–275.
11. Королева В.В. «Гофмановский комплекс» в русской литературе конца XIX – начала XX веков. Владимир : Шерлок-пресс, 2020. 306 с.
12. Гёте И.В. Дух времени // Философский энциклопедический словарь. М., 2010. 849 с.
13. Татаренко Н.А. Понятия искусства и идеала в гегелевской эстетике в свете новых источников // История философии, 2017. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatiya-iskusstva-i-ideala-v-gegelevskoy-estetike-v-svete-novykh-istochnikov> (дата обращения: 14.02.2024).
14. Hendrix J. Sh. Aesthetics & The Philosophy Of Spirit. New York, NY, 2005. 320 p.
15. Берковский Н.Я. Романтизм в Германии. СПб. : Азбука-классика, 2001. 510 с.
16. Гофман Э.Т.А. Собр. соч. : в 6 т. М., 1991–2000.
17. Мокеева Г. «Истинный музыкант» Э. Т. А. Гофмана, или Великая романтическая концепция личности // Балтийский филологический курьер. 2014. № 10. С. 75–91.
18. Королева В.В. Черты гофмановской поэтики в романе Ф.М. Достоевского «Бесы» // Соловьёвские исследования. 2022. № 3 (75). С. 159–173.
19. Зусман В.Г., Зусман Н.Д. Немецкий характер и образ Бетховена (на материале творчества Т. Манна 40–х годов XX века) // Актуальные проблемы высшего музыкального образования. 2020. № 4 (58). С. 85–90.
20. Королева В.В. «Гофмановский комплекс» в рассказах Л. Андреева // Новый филологический вестник. 2019. № 4. С. 165–177.

References

1. Kant, I. (1994) *Kritika sposobnosti suzhdeniya* [Critique of the Power of Judgment]. Translated from German. Moscow: Iskusstvo.
2. Schelling, F. (1987) *Sochineniya* [Works]. Translated from German. Vol. 1. Moscow: Mysl'.
3. Schiller, F. (1957) *Sochineniya* [Work]. Translated from German. Vol. 6. Moscow: GIKhL. pp. 385–477.

4. Kistanova, A.V. (2013) Mifologema geniya v tvorchestve A. Pushkina: varianty interpretatsii [Mythologem of genius in the works of A. Pushkin: interpretation options]. *Visnik Dnipropetrovs'kogo universitetu imeni Al'freda Nobelya. Seriya "Filologichni nauki"*. 1 (5). pp. 134–138.
5. Averintsev, S.S. (1986) Istoricheskaya podvizhnost' kategorii zhanra: opyt periodizatsii [Historical mobility of the genre category: an experiment in periodization]. In: *Istoricheskaya poetika. Itogi i perspektivy izucheniya* [Historical Poetics. Results and prospects of study]. Moscow: Nauka. pp. 104–116.
6. Mann, Th. (2021) *Doktor Faustus* [Doctor Faustus]. Translated from German. Moscow: AST.
7. Karel'skiy, A. (2006) Nemetskiy Orfey: besedy po istorii zapadnykh literatur. Glavy iz knigi [The German Orpheus: conversations on the history of Western literatures. Chapters from the book]. *Inostrannaya literatura*. 6. pp. 173–206.
8. Mann, Th. (1975) *Briefe an Otto Grautoff 1894–1901 und Ida Boy-Ed 1903–1928*. Frankfurt am Main: S. FISCHER.
9. Lieb, C. & Arno, M. (2003) E.T.A. Hoffmann und Thomas Mann. Das Vermächtnis des „Don Juan“. *E.T.A. Hoffmann-Jahrbuch*. 11. pp. 34–59.
10. Frolov, G.A. (2006) Rekonstruktsiya romanticheskogo opyta v literature nemetskogo postmodernizma [Reconstruction of the Romantic experience in the literature of German postmodernism]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki*. 3. pp. 270–275.
11. Koroleva, V.V. (2020) "Gofmanovskiy kompleks" v russkoy literature kontsa XIX – nachala XX vekov ["Hoffmann Complex" in Russian Literature of the Late 19th – Early 20th Centuries]. Vladimir: Sherlok-press.
12. Goethe, J.W. von. (2010) Dukh vremeni [Spirit of the time]. In: *Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Philosophical Encyclopedic Dictionary]. Moscow: [s.n.].
13. Tatarenko, N.A. (2017) Ponyatiya iskusstva i ideala v gegelevskoy estetike v svete novykh istochnikov [The concepts of art and the ideal in Hegelian aesthetics in light of new sources]. *Istoriya filosofii*. 1. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatiya-iskusstva-i-ideala-v-gegelevskoy-estetike-v-svete-novykh-istochnikov> (Accessed: 14.02.2024).
14. Hendrix, J.Sh. (2005) *Aesthetics & The Philosophy Of Spirit*. New York, NY: Peter Lang.
15. Berkovskiy, N.Ya. (2001) *Romantizm v Germanii* [Romanticism in Germany]. Saint Petersburg: Azbuka-klassika.
16. Hoffmann, E.T.A. (1991–2000) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Translated from German. Vols 1–6. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
17. Mokeeva, G. (2014) "Istinnyy muzykant" E. T. A. Gofmana, ili Velikaya romanticheskaya kontseptsiya lichnosti ["The True Musician" by E. T. A. Hoffmann, or the great romantic concept of personality]. *Baltiyskiy filologicheskiy kur'er*. 10. pp. 75–91.
18. Koroleva, V.V. (2022) Cherty gofmanovskoy poetiki v romane F.M. Dostoevskogo "Besy" [Features of Hoffmann's poetics in Fyodor Dostoevsky's novel Demons]. *Solov'evskie issledovaniya*. 3 (75). pp. 159–173.
19. Zusman, V.G. & Zusman, N.D. (2020) Nemetskiy kharakter i obraz Betkhovena (na materiale tvorchestva T. Manna 40–kh godov XX veka) [German character and image of Beethoven (based on the work of Th. Mann in the 1940s)]. *Aktual'nye problemy vysshego muzykal'nogo obrazovaniya*. 4 (58). pp. 85–90.
20. Koroleva, V.V. (2019) "Gofmanovskiy kompleks" v rasskazakh L. Andreev ["Hoffmann Complex" in Leonid Andreev's stories]. *Novyy filologicheskiy vestnik*. 4. pp. 165–177.

Информация об авторах:

Королева В.В. – д-р филол. наук, заведующая кафедрой второго иностранного языка и методики обучения иностранным языкам Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых (Владимир, Россия); доцент кафедры общественных наук Владимирского филиала Приволжского исследовательского медицинского университета (Владимир, Россия). E-mail: queenvera@yandex.ru

Притомская А.Р. – ассистент кафедры второго иностранного языка и методики обучения иностранным языкам Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых (Владимир, Россия). E-mail: gera.greenhill@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

V.V. Koroleva, Dr. Sci. (Philology), head of the Department of Second Foreign Language and Methods of Teaching Foreign Languages, Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs (Vladimir, Russian Federation); Privolzhsky Research Medical University (Vladimir, Russian Federation). E-mail: queenvera@yandex.ru

A.R. Pritomskaya, teaching assistant, Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs (Vladimir, Russian Federation). E-mail: gera.greenhill@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 20.09.2024;
одобрена после рецензирования 01.11.2024; принята к публикации 21.07.2025.*

*The article was submitted 20.09.2024;
approved after reviewing 01.11.2024; accepted for publication 21.07.2025.*

Научная статья

УДК 82

doi: 10.17223/19986645/96/11

«Программа рассказов по русской истории» А.Н. Майкова (подготовка текста, вступительная статья и комментарии)

**Ольга Викторовна Седельникова¹,
Ирина Святославовна Андрианова², Анастасия Вячеславовна Балдова³**

^{1, 3} *Томский политехнический университет, Томск, Россия*

² *Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск, Россия*

¹ *sedelnikovaov@tpu.ru*

² *yarysheva@yandex.ru*

³ *borovkovaav@tpu.ru*

Аннотация. Впервые в научный оборот вводится рукопись А.Н. Майкова «Программа рассказов по русской истории», сохранившаяся в архиве поэта. Она проливает свет на историю формирования не реализованного до конца замысла «Рассказов из русской истории», является хронологически самым ранним документом, свидетельствующим о деталях формирования идеи цикла, а также дает новые данные для научной биографии поэта. Рукопись существенно дополняет научные представления о содержании задуманного поэтом цикла, в том числе позволяет судить о принципах отбора сюжетов и общих требованиях к их художественному воплощению.

Ключевые слова: А.Н. Майков, архив, рукописи, цикл «Рассказы из русской истории», история формирования замысла

Благодарности: исследование выполнено в Томском политехническом университете за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-28-01497, <https://rscf.ru/project/23-28-01497/>).

Для цитирования: Седельникова О.В., Андрианова И.С., Балдова А.В. «Программа рассказов по русской истории» А.Н. Майкова (подготовка текста, вступительная статья и комментарии) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2025. № 96. С. 201–218. doi: 10.17223/19986645/96/11

Original article

doi: 10.17223/19986645/96/11

Apollon Maikov's "A Program of Stories on Russian History" (preparation of the text, the introductory article, and the commentary)

Olga V. Sedelnikova¹, Irina S. Andrianova², Anastasiya V. Baldova³

^{1, 3} *National Research Tomsk Politechnic University, Tomsk, Russian Federation*

² *Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russian Federation*

¹ *sedelnikovaov@tpu.ru*

² *yarysheva@yandex.ru*

³ *borovkovaav@tpu.ru*

Abstract. Apollon Maikov's manuscript "A Program of Stories on Russian History", preserved in the poet's archive, is introduced into the scientific discussion for the first time. The manuscript sheds light on the history of the formation of the idea of "Stories from Russian History", which was not realized until the end, and is chronologically the earliest document indicating the details of the development of the cycle's concept. On four small-size sheets of paper, Maikov sketched a characterization of the plots he intended to cover in the planned edition. The manuscript significantly supplements all current scientific understanding of the content of the cycle conceived by the poet, including the principles of selection of subjects and general aesthetic requirements to their artistic realization.

Keywords: Apollon Maikov, archive, manuscripts, "Stories from Russian History", history of gradual maturation and formation of idea, Fyodor Dostoevsky

Acknowledgments: The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 23-28-01497, <https://rscf.ru/project/23-28-01497/>

For citation: Sedelnikova, O.V., Andrianova, I.S. & Baldova, A.V. (2025) Apollon Maikov's "A Program of Stories on Russian History" (preparation of the text, the introductory article, and the commentary). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 96. pp. 201–218. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/96/11

В истории русской культуры XIX в., кажущейся детально изученной, немало «белых пятен». Это можно отнести и к творческой деятельности А. Н. Майкова – одного из видных представителей русской поэзии после пушкинской эпохи. Еще в середине 1970-х гг. И.Г. Ямпольский начал изучение материалов архива поэта, хранящегося в Рукописном отделе Пушкинского Дома, и указал на необходимость тщательного исследования его многочисленных материалов [1. С. 24–26]. В начале XXI в. в научный оборот был введен ряд значимых документов [2, 3], однако множество ценных материалов остаются неизвестными.

Одним из таких «пробелов» является цикл «Рассказы о русской истории», начатый поэтом в конце 1860-х гг., увлеченно обсуждавшийся в переписке с Ф.М. Достоевским [4. С. 142–144; 5. С. 38–42, 74–75], но не завершённый¹. Цикл стал одной из вершин деятельности поэта, что делает его изучение необходимым для полномасштабного осмысления творческого развития Майкова, создания актуальной научной биографии и современной публикации его наследия. Будучи включенными в процесс осмысления самобытности национальной истории и отношений России и Европы в рамках переписки поэта с Достоевским 1867–1872 гг., рассказы составляют важный контекст для изучения мировоззрения участников диалога, в том числе уточнения их представлений о событиях русской истории и о задачах народного просвещения, проблемы, которая будет интересовать обоих в 1870-е гг.

Русская история, вписанная в широкий европейский контекст, привлекала внимание Майкова на протяжении всего творческого пути [7. С. 153–

¹ Подробнее об истории становления замысла цикла А.Н. Майкова «Рассказы из русской истории» в переписке с Ф.М. Достоевским см. [6].

160]. В 1860-е гг. этот интерес определил содержание важнейших произведений поэта данного периода: драматической сцены «Странник» (1866), «Стрелецкого сказания о царевне Софье Алексеевне» (1867), перевода «Слова о полку Игореве» (1866–1870). Работая над указанными произведениями, Майков углубился в детальное изучение фактов русской истории, что заложило предпосылки к формированию замысла прозаического цикла рассказов «для сельских и других первоначальных школ», повествующих о важнейших событиях в судьбе родного государства.

Настоящая статья открывает серию публикаций рукописных документов из архива А.Н. Майкова и дополняет аналитические статьи, проливающие свет на историю формирования замысла неоконченного цикла исторических рассказов [6, 8]. Рукопись «Программа рассказов по русской истории» [9] является первым из сохранившихся в архиве Майкова документов, свидетельствующим о деталях формирования авторского замысла. На четырех листах небольшого формата поэт набросал характеристику около десяти сюжетов, которые предполагал осветить в планируемом цикле (избежим указания точного количества сюжетов, так как среди последних рассказов есть обозначенные как возможные и не получившие развития в более поздних планах).

Документ не датирован автором, однако по ряду деталей текста можно дать ему аргументированную гипотетическую датировку. Основанием для нее становится сопоставление содержания плана с описанием сюжетов цикла, которое Майков представил в письме Достоевскому от 12 апреля 1869 г.: «Затеял я написать русскую историю в 10 или 12 рассказах для сельских и других первоначальных школ. Впрочем, они полезны будут и чиновникам, и светским дамам. Все у нас русские истории для этой цели или сухи, или тенденциозны, или наконец рассчитаны, чтоб действовать на рассудочность, и разумеется не достигают цели. Я беру только капитальные эпохи, приурочивая их к известным для всех именам, и пишу живую историю, пишу чувством и воображением, чтобы заставить почувствовать и вообразить. Тогда только это семя прочно засевшее. Из краткого перечня некоторых рассказов вы поймете какое, в целом, громадное здание должно соорудиться в душе читателя, при представлении о России. Первый рассказ: Владимир и принятие христианства. 2) Александр Невский: нашествие татар, его страдальчество за русскую землю, или заповеданное терпение русскому народу. 3, Москва: маленький князь Ив<ан> Данилыч и беседы его с митрополитом Петром, собиранье земли, Донской. 4. Взятие Царьграда Турецким султаном Магометом II, возникновение Третьего Рима (Москва), брак с Софьей, герб, упование востока, новая роль московских царей, т.е. Иван III, Василий, Иван IV – покорение магометанских царств, и требования отчины Киева и русских земель от Литвы. Во всей истории проходят два врага России: Азия и Европа, тогда олицетворяемая Папой. Это все уже написано. 5^е будет: Троицкая Лавра, т.е. 1612 год, 6^й Киев – судьбы Западной России, Богдан Хмельницкий. 7^й Петр: о Петре мысль такая: апогея Москвы – Иван IV. Потом потрясение иезуитами и Польшей, Романовы – реставрация. К Петру уже возвращается Россия на ту точку, как была за несколько лет до

смерти Грозного, (т.е. до Батория) и Петр продолжает Ивана IV, который продолжает Ивана III. Завоевание Балтийского моря, и в Турецких войнах его – пробуждение православия на Балканах, где его царствование есть эра. Вот пока бы эти еще три рассказа написать и издать. 8^й об Екатерине – не сформировался в идее, но думаю, что это продолжение Петра. 9. Европа проговорила: нашествие двадцати языков. 10, сбросила маску: крымская война. 11. Освобождение крестьян, т.е. история сословий и освоб^ождения> крестьян, характер его в восточной России и в западной – там доверие сословию, здесь вражда и следствие того польский бунт. – Трудно уместить на одной страничке всю идею. Но из намеков вы поймете. Одно могу сказать – четыре рассказа, особенно 2^й, 3^й, и 4^й написаны поэтически, и без вражды. Я уверен, что вам бы понравились» [4. С. 142–144].

Представленные в публикуемой рукописи замечания о принципах подачи сюжета с использованием форм будущего времени («объяснение покажет», «рассказать вкратце как это случилось» [9. Л. 2]) и указания на документальные источники, которые будут положены в основу задуманных произведений [9. Л. 2–3], свидетельствуют о том, что к написанию текстов автор еще не приступал. Таким образом, публикуемую рукопись следует датировать либо началом 1868 г. (до лета), либо его последним кварталом, после возвращения с дачи, где семья Майкова проводила все лето, и поэт неоднократно сетовал, что летнее времяпрепровождение не способствует умственным занятиям¹.

В пользу гипотезы о том, что первый план цикла исторической прозы составлен в 1868 г., свидетельствуют и другие характерные черты творческой лаборатории поэта. Майков не писал быстро, на протяжении всего творческого пути он был склонен детально обдумывать и прорабатывать сюжеты, о чем свидетельствуют сложные многоуровневые правки (посредством зачеркиваний в тексте и внесения корректировок как над зачеркнутыми строками основного текста, так и на широких полях), всегда присутствующих в рукописях художественных произведений поэта. При этом многие произведения сохранились в ряде редакций². Каждое произведение задуманного цикла исторических рассказов требовало от автора значительной подготовительной работы, связанной как с изучением источников, так и с потребностью тщательного отбора фактов, достойных стать предметом изображения, и ракурса их художественной трактовки. На последнее Майков сетовал Достоевскому в процитированном выше письме: «Писать ничего не могу не вообразив, оттого чтения ужас как много, пока у самого не будет ясно в голове» [4. С. 144]. Сохранившиеся в архиве поэта в РО ИРЛИ

¹ См., например, замечание об этом в письмах Достоевскому от 17 сентября 1868 г. [4. С. 126] и от 7 августа 1869 г. [10].

² На данную особенность творческой лаборатории поэта указывал И.Г. Ямпольский: «...огромную работу поэт производил до публикации своих произведений. Это становится ясным даже при беглом взгляде на его рукописи, испещренные поправками, избыточные зачеркнутыми местами, вставками и т.п.» [1. С. 24].

черновые рукописи опубликованных и не опубликованных рассказов цикла избилуют правками, и даже наборные рукописи не свободны от них совершенно [11–15]. В связи с этим сообщение Майкова Достоевскому в письме от 12 апреля 1869 г. о готовности к публикации четырех первых рассказов цикла следует рассматривать как результат работы не одного-двух месяцев.

Рассматривая вопрос о датировке рукописи публикуемого плана, необходимо принять во внимание, что уже в майском номере журнала «Заря» за 1869 г. был опубликован первый из дошедших до читателя рассказов «О свя-тых московских митрополитах Петре и Алексии и о славном Мамаевом побоище» [16], а в августовском номере последовал второй из рассказов «Начало восточного вопроса» [17], представляющий собой цикл из четырех самостоя-тельных сюжетов, раскрывающих, по мнению автора, суть этого важного для русского сознания вопроса (в состав цикла вошли рассказы «Взятие турками Константинополя», «Москва – Третий Рим», «Царь Иван Васильевич Гроз-ный. Покорение Казани и Астрахани», «Завоевание Сибири»).

Изучение рукописей Майкова, имеющих отношение к развитию замысла неоконченного цикла «Рассказы из русской истории», позволило обнару-жить еще один не учтенный ранее факт, важный и для полноценного изуче-ния истории формирования и движения идеи рассказов, и для характери-стики общественной позиции поэта в 1860-е гг. в контексте интереса к чрез-вычайно актуальной для российской культуры этого периода проблеме народного просвещения и подготовки его научной биографии, поскольку он указывает на такую утраченную страницу биографии Аполлона Николае-вича, как участие в деятельности Санкт-Петербургского комитета грамот-ности и Комиссии по организации народных чтений – «одного из наиболее характерных проявлений литературного быта эпохи Великих реформ» [18. С. 59]. В обнаруженном в архиве поэта более позднем плане цикла истори-ческих рассказов Майков сам свидетельствует о том, что к оформлению но-вого замысла в контексте увлеченной работы над предисловием к «Слову о полку Игореве» его подтолкнуло участие в деятельности Петербургского комитета грамотности¹, который запланировал «издание картин из русской истории» [19. Л. 6]. Этот документ заслуживает отдельного издания, однако в связи с актуальностью сообщаемых в нем сведений для подтверждения гипотетической датировки публикуемой рукописи, прямым указанием на факты, предваряющие работу над рассказами, и существенную трансформа-цию задуманного и перерождение сопровождающих «статей» к картинам в самостоятельные тексты, приведем некоторые выдержки из него:

¹ В современных биографических публикациях о А.Н. Майкове этот факт ранее не упоминался. Однако поэт принимал участие в деятельности комитета и открывшейся в 1872 г. Комиссии по организации народных чтений (о деятельности Комиссии см. [20–22]) не один год. На это указывают сохранившиеся в архиве Майкова рукописи рецензий на обсуждаемые произведения для народного чтения, которые требуют изучения и вве-дения в научный оборот [23–25].

«Несколько лет тому назад в Петерб<ургском> отделе Московского общества грамотности была речь об издании картин из русской истории, и требовался для того объяснительный текст. Участвуя в обсуждении этого предприятия, я предложил выбрать такие сюжеты для картин и для текста, которые бы обнимали собою все главнейшие события русской истории, <...> так чтобы эти отдельные статьи уясняли бы настоящее из прошедшего. <...> Занявшись составлением рассказов, я увлекся и вышел из предположенных границ в двух написанных мною рассказах» [19. Л. 6–6 об.]. Таким образом, публикуемая рукопись, очевидно, представляет самый ранний из обнаруженных планов исторических рассказов, в котором они еще не мыслятся как самостоятельные тексты, но планируются именно как сопровождение картин русских живописцев, проецируемых посредством «волшебного фонаря»¹, на что указывают следующие формулировки: «Главное изображение на картине», «Другие картины могут быть», «Петр Митрополит, Алексей, Дмитрий Донской – все это может быть содержанием для *одного*, или, если угадал, для двух листов изображений», «Ермак и завоевание Сибири может быть предметом особого листа рисунков и особый текст по соборной летописи» [9. Л. 1–1 об., 3].

Важно, наконец, отметить и тот факт, что проекционные фонари как новейшая технология, применяемая для организации процесса народного просвещения, были впервые использованы в России зимой 1868–1869 гг., когда «в казармах лейб-гвардии преображенского полка на Миллионной улице в Петербурге» с опорой на английский опыт организации солдатских чтений были проведены «показательные чтения с проекцией для солдат» [26. С. 98]. Это событие имело широкий общественный резонанс и в скором времени стало основанием для применения новой формы народного просвещения и в деятельности Санкт-Петербургского комитета грамотности.

Таким образом, представленные факты указывают на правомерность отнесения времени создания Майковым «Программы рассказов из Русской истории» к периоду не позднее осени 1868 г., а, вероятнее всего, к весне его.

Рукопись «Программа рассказов по русской истории» существенно дополняет научные представления о становлении замысла и содержании задуманного Майковым цикла, в том числе позволяет говорить о том, что стало непосредственным импульсом перехода от работы над предисловием к «Слову о полку Игореве» к вызреванию концепции рассказов и руководило движением авторской мысли. Представленные в рукописи исторические события и лица (начало борьбы с татаро-монгольским игом и Александр Невский, «много потрудившийся за русскую землю»; первая победа над татарами, одержанная русским войском, собранным Дмитрием Донским при мудрой поддержке патриархов Петра и Алексия; освобождение Руси от татар и последовательное расширение и упрочение государства при Иване III и Иване IV; завоевание Ермаком Сибири; «смутное» время и роль Троице-

¹ Подробнее о «волшебном фонаре» и его распространении в России в период царствования Александра II см. [26].

Сергиевой лавры; отделение западной Руси и ее воссоединение с Россией; политические и военные деяния Петра I и особый свет его личности; русско-турецкие войны и освобождение русских земель от польской власти при Екатерине II; война 1812 г.; Крымская война; освобождение крестьян) и выделенные автором содержательные доминанты дают возможность судить о принципах отбора исторических сюжетов, сущностном понимании «капитальных эпох» русской истории и общих требованиях к их художественному воплощению, которыми планировал руководствоваться Майков в работе над незавершенным проектом.

Текст публикуется по сохранившейся в ОР ИРЛИ авторской рукописи (РО ИРЛИ. № 16540) с соблюдением современных норм орфографии и пунктуации, при этом характерные особенности авторского написания максимально сохранены. Слова, подчеркнутые А.Н. Майковым, воспроизводятся шрифтом с разрядкой, в квадратных скобках восстанавливаются зачеркнутые слова, в угловых скобках – конъектуры, курсивом обозначены фрагменты текста, вписанные над строкой или на полях. Реальный и историко-литературный комментарий представлен в форме нумерованных концевых сносок.

Программа рассказов по русск<ой> ист<ории>¹

1) [Картина из] Главное изображение на картине² Александра Невского³. В объяснении рассказываю: все вы знаете его, и празднуете 30 августа⁴. Но кто же он был и чем прославился и причтен к лику святых? А был он князь и жил в первое время, как татары завладели Русью⁵. Татары пришли оттуда, русские князья встретили их и были разбиты на Калке (описание как на трупах ужинали)⁶; через 13 лет опять пришли⁷, взятие [Козе] Рязани⁸, Козельска⁹, битве на Сити, где дядя Александра убит¹⁰, взятие Киева¹¹. По смерти брата отец Ал<ександра> Нев<ского> Ярослав приехал на пожарища, собирал народ, устраивал города; против татар и думать нечего было восставать, надо было дань платить и ездить в Орду умолять и отвращать силу татарскую¹². В таком пути и умер Ярослав¹³. Александр и есть его сын; при жизни отца еще прославился победой над немцами и шведами, отчего и назван Невским. Он много потрудился за русскую землю, три раза ходил в орду – (тут картину этих поездок) и на возвратном пути и умер¹⁴. Другие картины могут быть: [смерть Ярослава] битва на Неве, (причем и легендарные подробности)¹⁵. Мучение в орде Феодора (о чем тоже надо упомянуть в тексте)¹⁶. Смерть его в Городце¹⁷. Далее в рассказе поместить, что Александр был похоронен с плачем во Владимире, где мощи его и покоились до Петра, а потом Петр, построив Петербург, перенес их на то место, где Александр сражался, на берега Невы, и положен в Невской Лавре. Поэтому еще картина: Перенесение мощей¹⁸.

И так – 5 изображений для Ал<ександра> Нев<ского>.

2) Петр Митрополит¹⁹: из Жития его: [переезд в Москву] Русь была в самом печальном положении *западная часть [от] с Киевом отходит к Польше*; потом от татар – баскаки²⁰, дань, князья спорят. Петр митр<ополит> из всех князей отличил московского Ивана Даниловича как более подходящего по тогдашним обстоятельствам, переехал к нему в Москву, и, вероятно, по его благословению и совету внушил политику, как избавиться от орды, подобрав князей под свою руку. Мысль о собирании земли, и пророчество его о величии Москвы. (Это пророчество может быть в картине)²¹.

Алексей Митроп<олит>. Мысль Петра Митр<ополита> продолжается его преемниками, и особенно Алексеем, который был пестуном малолетнего Дмитрия, ездил в орду для получения ему ярлыка, исцелял Тайдулу (Картина)²² и пр.²³ Дмитрий²⁴ возрос и оправдали воспитателя: нашествие Мамаея, Сергей²⁵, Куликовская битва²⁶. Все это может быть тут и рассказано, и нарисовано; так что Петр Митрополит, Алексей, Дмитрий Донской – все это может быть содержанием для *одного*, или, если угадал, для двух листов изображений²⁷.

3) Еще лист: Брак Иоанна III с царевной Софьей – главная картина²⁸. Объяснение покажет, что рабство продолжалось 200 лет до этого государя; благодаря политике московских князей [и], владык и бояр, к его времени уже много уделов было собрано, Иоанн присоединил еще то-то и то-то, и Новгород, который был независимой державой, [но] с князьями жил плохо, владел землями до Угры и Белого моря, [т] расторгвался, отчего знатные притесняли народ; народ тянул к Иоанну, под его сильную руку, а бояре новгор<одские> к [Польше] Литве *и Польше*, где всегда знатым было житье, а народу – тягота; Иоанн и покорил Новгород²⁹. К этому времени (т.е. незадолго перед этим) Турки взяли Константинополь и склонили православ<авные> народы пали, и Москов<ский> государь сделался единственным православным государем в свете и единственной надеждой покоренных турками православных народов. Поэтому и женился он на греческой Царевне, принял герб, и смело стал действовать против Музульман³⁰. [Разбил] Не платил дани, поход Ахмата, конец ига, растоптание ханского болвана – картина. Царствовал столько-то лет, умер, и с него-то начинается слава и величие московского государства (украшение Москвы, постройка соборов)³¹. Так что внуку его Иоанну IV, открыто было поле действовать [и], с одной стороны – покорять татарские царства, Казанское, Астраханское и Сибирское. [Сиби] (рассказать вкратце как это случилось)³² но об [распространиться на] Ермаке [герое народном] *особый лист рисунков и текст особый*; с другой стороны – отнимать у немцев старые русские земли у Балтийского моря; но эти войны кончились неудачно, ибо сторону немцев принял Баторий, осадил Псков, разбил нас, Иоанн уже был стар, и отказался от завоеваний³³. Этот Иоанн IV наз<ван> Грозным, ибо в его время много было измен, от пересылок с Литвой и переездов туда, да и вообще он при мудрости был нрава [свирепого] сурового³⁴.

4) Ермак и завоевание Сибири может быть предметом особого листа рисунков и особый текст по соборной летописи³⁵.

5) [Тр] Вид Троицко Сергиевской Лавры. [Основал Св<ятым> Сергием – из жития его вкратце] Лавра эта сослужила великую службу России³⁶. Основана Св<ятым> Сергием – его житие вкратце картины из него. Как к нему приезжал Дмитрий Донской, Пересвет, Ослябя (это ничего, что выйдет, как повторение)³⁷. [Но глав] Цари из Москвы всегда езжали на богомолье. Но главная служба была в смутное время: у Иоанна IV был сын Феодор и воцарился, а у него брат Дмитрий; Годунов задумал то-то – и подослал убийц; и когда умер Феодор, был избран царем. Но вот на 7ом году его царствования разнесся слух, что Дмитрий жив в Польше, и с польской силой идет – и т.д. Смерть Годунова, Самозванец-царь и смерть его, [занятие] некоторые бояре выбрали Владислава, поляки заняли Москву. Картина России, разоряемой шайками. Троица начинает рассылать грамоты, поднимаются города – но оповещения все были неудачны – пока в Нижнем дело не в хорошие руки – Минина и Пожарского. – Их поход, освобождение Москвы, и избрание Михаила. Он с помощью отца Митр<ополита>, а потом Патриарха Филарета, устроил Русь, заключил мир с Швецией и Польшей³⁸.

Ки ев вид его. Прежде был столицей русского государства; тут были первые князья, первые святые Феодосий, Антоний, отсюда крестилась Р<усская> Земля. [С] После нашествия татар, он подпал Литве, а потом Польше; преследования за веру. Тут можно рассказать и о Тарасе Бульбе, и о Наливайке, и пр. Хмельницкий, присоединение Малороссии при отце Петра В<еликого> и сыне Михаиле. [Петр В<еликий> Преобразования — война с Швецией и пр.] т. е. при Ц<аре> Ал<ексее> Мих<айловиче>³⁹.

Остальные же земли отобрала Екатерина II⁴⁰.

[Петр В]

Петр I. Преобразования и войны с Турками и Швецией; как в Сардаме работал, и пр<очее>. Побольше анекдотов⁴¹.

Екатерина II. Я думаю, главное, надо наполнить подвигами военными, Суворов, Румянцев, завоевание Новороссии, Крыма и заселение их. Опять упомянуть о возвращении земель русских от Польши. О внутреннем устройстве, о Наказе, разделении на губернии и пр<очем> толковать я думаю нечего⁴².

Екатерина II. Турецкие войны, [возвращение от Польши русских земель: при этом рассказать, что в то время, как и татары завладели Русью восточною, западная подпала под власть поляков, и находилась под их властью столько-то лет, что поляки притесняли веру, почему уже при Алексее Мих<айловиче>, отце Петра I, Малороссия с Хмельницким [который] присоединилась к России, а Екатерина отобрала и остальное.

Суворов – пожалуй, может быть предмет особого листа из его биографии разные подвиги русских войск и об нем анекдоты] (текст: возвращение от Польши ~ об нем анекдоты – зачеркнут. – Авт.)⁴³

1812 год – ⁴⁴.

Крымская война⁴⁵.

Освобождение крестьян, при чем рассказать, когда вышло прикрепление, и как нынешним государем оно устроено⁴⁶.

Комментарии

¹ Запись сделана карандашом архивистами.

² ...изображение на картине – изначально рассказы были запланированы как небольшие тексты, объясняющие содержание картин в просветительском издании для народного образования, задуманного Петербургским отделением Московского общества грамотности [11. Л. 6 (1)].

³ *Александр Невский* – Александр Ярославич Невский (1221–1263), князь Новгородский, Великий князь Киевский (1249–1263), Великий князь Владимирский (1253–1263), полководец, святой Русской православной церкви.

⁴ ...*празднуюте 30 августа* – 30 августа (12 сентября) – день перенесения мощей князя из Владимира-на-Клязьме в Санкт-Петербург в Александро-Невский монастырь (с 1794 г. – Лавра), главный день празднования в честь Александра Невского.

⁵ Завоевание русских княжеств монгольскими войсками и обложение данью происходило с 1237 по 1241 г.

⁶ ...*были разбиты на Калке (описание какъ на трупахъ ужинали)* – битва при Калке, произошедшая 31 мая 1223 г., считается первым столкновением русских с могуществом татарских войск. В этом первом столкновении русские понесли большие потери. Одержав победу, монгольские военачальники собрали пленных русских князей и воевод, положили их на землю, накрыли досками и устроили на живом помосте пир.

⁷ Завоевание войсками Батыя русских княжеств началось в 1237 г.

⁸ Взятие и уничтожение Рязани войсками Батыя состоялось в декабре 1237 г. и стало одним из первых эпизодов истории покорения Руси монголо-татарами. Его события отражены в летописях и в «Повести о разорении Рязани Батыем».

⁹ Оборона Козельска, шедшая более месяца весной 1238 г., была ярким эпизодом героического противостояния русских городов монгольским войскам. Объединенная борьба жителей города настолько разозлила Батыя, потерявшего на взятии этого небольшого города много времени и сил, что он приказал уничтожить оставшихся в живых мирных жителей и полностью разрушить город. В народной памяти история сопротивления Козельска сохранилась как яркий пример героизма и сплоченности русских в борьбе с врагом.

¹⁰ Битва на реке Сити – один из тяжелых эпизодов начала захвата монголами русских княжеств, связанный с серьезным поражением войск и захватом Северо-Восточной Руси. Командовал русскими войсками в битве на реке Сити дядя Александра Невского великий князь владимирский Юрий Всеволодович (1188–1238), ушедший после вторжения татар во Владимиро-Суздальское княжество в леса на реке Сить собирать новые силы для освобождения своего княжества. В результате битвы Юрий Всеволодович погиб, а его голова передана в дар Батыю.

¹¹ Осада и штурм Киева стали одним из ключевых событий захвата монголами Руси. По разным источникам, события продолжались от полутора до двух с лишним месяцев и закончились разрушением города и «великим избиением» его жителей. Разорение Киева привело к тому, что центр Руси перешел во Владимир, откуда русские князья правили Киевом через наместников. Лаконичное перечисление захваченных татарами русских городов дает абрис начала трагедии, поразившей Русь после нашествия татар. По его основам Майков поведет повествование об этом в начале рассказа об Александре Невском [12].

¹² Отец Александра Невского великий князь Ярослав Всеволодович (1190–1246). Намечая абрис его образа в наброске рассказа и затем, изображая его в экспозиции рассказа об Александре Невском, Майков, очевидно, поддерживает мнение русских историков о важном значении деятельности Ярослава для всей Руси и его роли в окончательном переносе центра государства во Владимир.

¹³ Ярослав Всеволодович умер в орде в 1246 г., по версии итальянского историка П. Карпини, он был отравлен матерью великого хана Гуюка, к которому был призван для подтверждения ярлыка на великое княжение.

¹⁴ В сохранившейся рукописи неизданного рассказа «О Святом благоверном князе Александре Невском» Майков описывает основные факты и важнейшие результаты мудрой политики Александра, позволившие Руси сберечь самобытность и сохранить политическую самостоятельность в тот период, когда угрозы исходили как из Азии, так и из Европы [15].

¹⁵ В сохранившейся чистовой рукописи неизданного рассказа «О Святом благоверном князе Александре Невском» при описании битвы Александра со шведами на Неве Майков включает в текст видение старейшины ижорцев Пелгусия: «Посреди лодки стоят два светлых витязя. И слышал Пелгусий, что эти витязи говорят между собою: “Пойдем поможем сроднику нашему Александру”. И уразумел старец, что это святые мученики Борис и Глеб, два сына Владимира Святого, давно уже убитые злым братом своим Святополком Окаянным. Александр приказал Пелгусию не рассказывать об этом видении, и ударил на Шведов 15 июля 1240 года» [15. Л. 5 об.].

¹⁶ Имеется в виду смерть во время поездки в Золотую Орду отца Александра Невского Ярослава Всеволодовича, в крещении Феодора.

¹⁷ Смерть Александра Невского, произошедшая во время возвращения из Золотой Орды в Городце в ноябре 1263 г., тяжело переживалась русским народом. Этому событию в контексте осмысления великих дел Александра посвящено стихотворение Майкова «В Городце в 1263 году».

¹⁸ Изображением общей скорби народной по смерти Александра Невского во Владимире и перенесения его мощей Петром в Александро-Невскую лавру завершается повествование в рассказе об этом князе [15. Л. 6–6 об.].

¹⁹ Петр митрополит (вторая половина XIII в. – 1328) – первый митрополит, живший в Москве, поддержавший Ивана Калиту и предсказавший выдвижение Москвы среди других русских городов; причислен к лику святых Русской православной церкви в 1339 г.

²⁰ Баскак – представитель монгольского хана в поработенных землях, сборщик дани.

²¹ Все обозначенные Майковым в плане детали легли в основу экспозиции рассказа «О святых московских митрополитах Петре и Алексии и о славном Мамаевом побоище» [11. С. 1–3].

²² Известна картина Я.Ф. Капкова (1816–1854) «Святитель Алексий, исцеляющий ханшу Тайдулу» (конец 1830 – начало 1840 гг.)

²³ Алексий митрополит (1292/1305–1378) – митрополит Киевский и всея Руси, дипломат, государственный деятель, фактический правитель Московского княжества, воспитатель и опекун Дмитрия Ивановича Донского до его совершеннолетия. Известен своей дипломатической деятельностью в Литве и поездкой в Золотую Орду по приглашению жены покойного хана Узбека Тайдулы, которая молитвами Алексия получила исцеление от глазной болезни (по другим сведениям, болезнь Тайдулы была предлогом, Алексий был приглашен для излечения ее сына хана Джанибека), вручила ему ярлык на освобождение от дани церкви светским властям и преподнесла ему в дар землю в Московском Кремле, где Алексий в 1365 г. основал Чудов монастырь.

²⁴ Дмитрий – Дмитрий Иванович Донской (1350–1389), князь Московский, великий князь Владимирский и Новгородский, при котором Москва упрочила статус центра русских земель, чему способствовала деятельность митрополита Алексия, под его руководством состоялось объединение русских сил в противостоянии Мамаю и Куликовская битва и другие важные события.

²⁵ Сергей – Сергей Радонежский (1314/1322–1392), игумен, устроитель монастырей, подвижник земли русской, благословивший Дмитрия Донского на битву с войсками Мамаю и предсказавший ему победу в этой битве, один из самых почитаемых русских святых.

²⁶ Куликовская битва – битва соединенных русских войск под командованием князя Московского Дмитрия Ивановича Донского с войсками хана Мамаю, пришедшего на Русь

восстановить былое могущество Золотой Орды; состоялась 8 сентября 1380 г. на Куликовом поле; событие, внесшее значительный вклад в процесс восстановления единства русской земли и ставшее первым шагом в освобождении от татаро-монгольского ига.

²⁷ Перечисленные исторические лица и обозначенные события сформировали основу сюжета одного из двух опубликованных Майковым в 1869 г. рассказов цикла «О Святых Московских митрополитах Петре и Алексии и о славном Мамаевом побоище» [11. С. 1–3].

²⁸ Брак Иоанна III с Царевной Софьей – Иван III Васильевич (1440–1503), великий князь Владимирский и Московский, государь всея Руси. Результатом его деятельности стало усиление объединения русских земель вокруг Москвы (за что его прозвали «собирателем земли русской») и окончательное превращение города в государственный центр. При Иване III Россия окончательно вышла из-под власти Золотой Орды, проведены важные законодательные и другие реформы, позволяющие организовать единое государственное устройство во всех землях, активно развивалась художественная культура. В это время сформировались основы идеологии русского государства, в том числе тезис «Москва – третий Рим». Царевна Софья – Софья Фоминишна Палеолог (ок. 1455–1503), племянница последнего императора Византии Константина XI, бежавшая вместе с родителями из Византии в Рим после захвата Константинополя турками, вторая жена Ивана III. По преданию, Софья привезла с собой герб Византии – двуглавого орла, который с тех пор стал изображаться на государственном гербе России как символ преемственности по отношению к Константинополю. Вступив на православную землю, она отвергла католические обряды и разрушила планы Ватикана на восстановление унии. Во втором из опубликованных рассказов цикла в цикле «Начало восточного вопроса» под названием «Москва – третий Рим» брак Иоанна III с Софьей Палеолог рассматривается как важнейший символический акт наследования традиций Великой Византийской империи, ставший одним из истоков формирования идеологии Российского государства и источником вечного противостояния с Европой, которая, под влиянием папской политики, веками видела в России объект крестовых походов.

²⁹ Присоединение Новгорода заняло около восьми лет (1371–1378) и стало важным шагом в процессе собирания русских земель. В январе 1378 г. вечевого колокол как символ новгородского самоуправления и городской архив были перевезены в Москву, а в городе начали последовательно устанавливаться государственные порядки. В рассказе «Москва – Третий Рим» стало важнейшим результатом решения внутреннеполитических вопросов, последним важным шагом Ивана III по «собиранию русских земель».

³⁰ История падения Византийской империи стала сюжетом первого рассказа цикла в цикле «Начало восточного вопроса», впервые опубликованного в августе 1869 г. в журнале «Заря» [17]. Детали сюжетов рассказов Майкова «Взятие турками Константинополя» и «Москва – Третий Рим» обнаруживают удивительное сходство с идеей Достоевского, описанной в письме романиста из Флоренции от 15 / 27 мая 1869 г. Отвечая на письмо Майкова от 12 апреля 1869 г., в котором поэт впервые подробно описал Достоевскому новый творческий замысел, поглотивший его целиком, охарактеризовав концепцию и последовательность сюжетов произведений, которые составят задуманный им цикл «Рассказы из русской истории» [4. С. 142–144], Достоевский рассказывает о своей идее создания «былин» о важнейших событиях русской истории, которая «<...> родилась <...> нераздельно с образом вашим (Майкова. – О.С.) как поэта» [5. С. 38]. В том числе он подробно описывает сюжет взятия Константинополя турецким султаном Магометом II и историю появления на Руси «Фоминишны», племянницы Константина XI, ставшей супругой Ивана III. Близость идеи Достоевского и деталей сюжетов указанных рассказов Майкова стала основанием для предположения о том, что замысел создания цикла произведений о ключевых событиях русской истории принадлежал Достоевскому, который побудил друга заняться его осуществлением [27. С. 274]. Однако, как показывает хронология упоминаний Майкова обо всем, что связано с темой русской истории и

постепенным вызреванием замысла в процессе работы над переводом «Слова о полку Игореве» в его письмах, последовательность здесь обратная (подробнее об этом см. [6]).

³¹ Все обозначенные детали стали элементами сюжета рассказа Майкова «Москва – Третий Рим», опубликованного в составе цикла «Начало восточного вопроса» [14].

³² Деятельности Ивана IV по упрочению государственных границ России и завоеванию татарских царств посвящен третий рассказ цикла «Начало восточного вопроса» «Царь Иван Васильевич Грозный. Покорение Казани и Астрахани» [14].

³³ События русско-литовской войны (1561–1570) не вошли в сюжет рассказа об Иване Грозном, который заканчивается описанием мудрой политики Ивана VI на присоединенных к России землях Астраханского и Казанского царств. Это характеризует особенности отбора Майковым исторического материала, определяющие движение сюжета. В центре внимания автора оказываются ключевые события, определяющие результаты деятельности исторического лица, послужившего утверждению интересов России. Русско-литовская война 1561–1570 гг. в политическом смысле не закончилась победой Ивана IV и возвращением земель на побережье Балтийского моря. В 1577–1582 гг. ее продолжением стала русско-польская война, в которой победу одержала Речь Посполитая, вобравшая в себя в 1568 г. Великое княжество Литовское.

³⁴ Фигура Ивана IV в опубликованном рассказе о покорении Казани и Астрахани представлена как фигура мудрого и гуманного православного царя, много послужившего защите русского государства от внутренних и внешних врагов и упрочению его политического положения. Диалектика в деталях трактовки его образа появляется в конце рассказа «Покорение Сибири», где Майков указывает на другие стороны характера Грозного, объясняя их многочисленными угрозами во внешне- и внутривосточной жизни России того времени [17. С. 48].

³⁵ Последней частью опубликованного рассказа Майкова «Начало восточного вопроса» стал сюжет о Ермаке и завоевании Сибири, в центре которого оказывается история человека, решившего оставить казачью вольницу и послужить царю и отечеству [17. С. 38–50].

³⁶ Сергей Радонежский благословил Дмитрия Донского на битву с войском Мамаея и предсказал ему победу, много способствовал объединению русских земель и прекращению междоусобной брани русских князей. Позже у его гроба помирились враждующие князья. Особую роль сыграла Троице-Сергиева Лавра в период смутного времени, организуя народное ополчение для освобождения Москвы и способствуя последующему восстановлению законной власти.

³⁷ Поездка Дмитрия Донского к Сергию за благословением на битву, предсказание ему победы и придание в помощь монахов-воинов Александра Пересвета и Родиона Осляби описаны Майковым в рассказе «О Святых Московских митрополитах Петре и Алексии и о славном Мамаевом побоище».

³⁸ Рассказ о смутном времени есть во всех трех сохранившихся версиях плана цикла Майкова «Рассказы из русской истории». В письме Достоевскому он обозначен кратко: «5^е будет: Троицкая Лавра, т. е. 1612 годъ» [4. С. 143]. План 1881 г. не внес существенных дополнений в первоначальный замысел, в нем появляется лишь идея панорамного вступления, характеризующего большинство рассказов цикла [19. Л. 10].

³⁹ Сюжет этого рассказа присутствует и в других сохранившихся авторских планах. В письме Достоевскому он представлен номинативной характеристикой: «6^й Киев – судьбы Западной России, Богдан Хмельницкий» [4. С. 143]. В плане 1881 г. дан более подробный его очерк, намечающий проблему угнетения православной веры, предательства русских традиций опоячивающейся аристократией и страданий простого народа. Открывается запись наброском панорамного вступления о славном прошлом Киева [19. Л. 11].

⁴⁰ Запись указывает на важность истории собирания территорий Российской империи.

⁴¹ Абрис рассказа о Петре представлен в первом варианте плана цикла исторических рассказов очень лаконично, вероятно, в силу его первоначального предназначения сопровождать сюжеты картин и разъяснять их читателю. Образ Петра I привлекал пристальное

внимание Майкова в 1860-е гг., об этом свидетельствуют и детали переписки с Достоевским. Так, в письме от 7 марта 1868 г., начав с сообщения об отставке П.А. Валуева с поста министра внутренних дел и назначения на эту должность А.Е. Тимашева, о котором «ничего не известно», Майков размышляет о западниках и непонимании ими сути отношений между Россией и Европой, связанной с противостоянием православия и католицизма. В этом контексте поэт вводит размышления о Петре: «Слабость и падение востока. Возрождение его с громов полтавских: общеславянское значение Петра-и-рост России. <...> А кстати о Петре. Соловьев нашел и печатает – как он тогда уже решил восточный вопрос – и как его понял – как мы с вами! <...> Погодите – и не сердитесь – мы все будем гордиться Петром (и не так как при Николае, не как Кукольник.) простив ему кое-что. Но, забавно, как в нем ошиблись западники! <...> да им ли понять Петра – царя, выросшего посреди народа, что ни говори. Никто так не повредил у нас Петру, как Западники!» [28]. В характеристике сюжетов отдельных рассказов в письме Достоевскому от 12 апреля 1869 г. Майков дает более развернутую концепцию сюжета о Петре: «7^й Петр: о Петре мысль такая: апогея Москвы – Иван IV. Потом потрясение иезуитами и Польшей, Романовы – реставрация. К Петру уже возвращается Россия на ту точку, как была за несколько лет до смерти Грозного, (т.е. до Батория) и Петр продолжает Ивана IV, который продолжает Ивана III. Завоевание Балтийского моря, и в Турецких войнах его – пробуждение православия на Балканах, где его царствование есть эра» [4. С. 143]. В позднем варианте плана 1881 г. Майков дает более развернутое описание рассказа о Петре, уже не только обращаясь к завоеваниям, но и делая акцент на личностных особенностях: «Каков был Петр? Его воспитание вне этикета двора – путешествия за границу, поездки по России – везде оставляет следы – показать их...» [19. Л. 12 об.].

⁴² В записанном Майковым наброске содержания рассказа о Екатерине II заметна концентрация внимания на том, что ее деятельность в основном завершила процесс образования современной территории Российской империи, вернув, наконец, некоторые исторические территории. В письме Достоевскому, рассказывая о замысле исторических рассказов, поэт признавался: «8^й об Екатерине – не сформировался в идее, но думаю, что это продолжение Петра» [4. С. 143]. Другие рукописи показывают, что к обдумыванию содержания рассказа о Екатерине Майков будет обращаться неоднократно, но в итоговом плане 1881 г., начав в очередной раз набросок плана рассказа, он перечеркнет запись и под номером 8 запишет «1812 год». Вероятно, такое решение связано с тем, что Екатерина завершает начатое ее предшественниками, на что будет указываться в конце соответствующих сюжетов.

⁴³ Мысль о включении в цикл исторической прозы рассказа о Суворове не получила развития в процессе приобретения замыслом независимости от первоначального плана создавать тексты описаний исторических сюжетов к картинам о русской истории. Упоминания о нем нет ни в письме Достоевскому от 12 апреля 1868 г., ни в плане 1881 г.

⁴⁴ Этот сюжет присутствует во всех трех вариантах планов цикла, но если здесь он дан исключительно номинативно, а в письме Достоевскому получает короткое афористическое описание: «9. Европа проговорила: нашествие двадцати языков» [4. С. 143], то в позднем плане поэт представит его обстоятельную проработку, позволяющую представить детали трактовки сюжета [19. Л. 13–13 об.].

⁴⁵ Этот сюжет так же получает развернутое описание в позднем плане [19. Л. 14 об.].

⁴⁶ Этот сюжет присутствует в двух остальных планах цикла исторических рассказов как итог русской истории в современности. Уже в письме Достоевскому Майков уточняет ряд значимых деталей: «11. Освобождение крестьян, т.е. история сословий и освобож^дения крестьян, характер его в восточной России и в западной – там доверие сословию, здесь вражда и следствие того польский бунт» [4. С. 143–144]. В позднем плане они приобретут более детальную проработку и в отношении предпосылок закрепления, которые в свое время стали существенным моментом для поддержания порядка в государстве, и в настоящем, когда, по мнению Майкова, отмена крепостного права не привела к разрыву между сословиями [19. Л. 15].

Список источников

1. Ямпольский И.Г. Из архива А.Н. Майкова // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 1974 год. Л., 1976. С. 24–52.
2. Майков А.Н. Записная книжка (Публикация Н.В. Володиной) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2007–2008 гг. СПб., 2010. С. 147–170.
3. Майков А.Н. Путевой дневник 1842–43 гг. Итальянская проза / сост., под. текстов, ст. и коммент. О.В. Седельниковой. СПб. : Пушкинский Дом, 2013. 400 с.; ил.
4. А.Н. Майков. Письма к Достоевскому 1867–78 / публ. Н.Т. Ашимбаевой // Ашимбаева Н.Т. Достоевский. Контекст творчества и времени. СПб. : Серебряный век, 2005. С. 91–170.
5. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений и писем : В 30 т. Т. 29 (1). Л. : Наука, 1972–1990.
6. Седельникова О.В., Головачева Е.А., Олейник О.П. «Рассказы из русской истории» А.Н. Майкова: от идеи к реализации // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2024. № 1 (25). С. 198–220.
7. Прокофьева Е.Н. А.Н. Майков // История русской литературы XIX века : В 3 ч. Ч. 3 (1870–1890 годы) : учеб. для студ. вузов, обучающихся по специальности 032900 «Рус. яз. и лит.» / [А.П. Ауэр и др.] ; под ред. В.И. Коровина. М. : Гуманитар, изд. центр ВЛАДОС, 2005. 543 с.
8. Седельникова О.В., Андрианова И.С. Аполлон Майков и Федор Достоевский: неосуществленный замысел рассказов из русской истории // Незвестный Достоевский. 2024. Т. 11, № 1. С. 127–153.
9. Майков А.Н. Программа рассказов по русской истории // РО ИРЛИ. № 16540. 4 л.
10. Майков А.Н. Письмо к Ф.М. Достоевскому 7 августа 1869 // Эпистолярное наследие Ф.М. Достоевского и его корреспондентов. URL: <https://philolog.petsu.ru/fmdost/letters/majkan/otMajkov07081869.htm> (дата обращения: 15.10.2023).
11. Майков А.Н. О святых московских митрополитах Петре и Алексии и о славном Мамаевом побоище // РО ИРЛИ. № 16548. 9 л.
12. Майков А.Н. Взятие турками Константинополя // РО ИРЛИ. № 16545. 5 л.
13. Майков А.Н. Взятие турками Константинополя // РО ИРЛИ. № 16546. 9 л.
14. Майков А.Н. О завоевании Сибири // РО ИРЛИ. № 16549. 18 л.
15. Майков А.Н. О святом благоверном князе Александре Невском // РО ИРЛИ. № 16553. 12 л.
16. Майков А.Н. О Святых Московских митрополитах Петре и Алексии и о славном Мамаевом побоище // Заря. 1869. № 5. С. 1–19.
17. Майков А.Н. Начало восточного вопроса // Заря. 1869. № 8. С. 1–50.
18. Вассена Р. Публичные литературные чтения как проявления литературного быта эпохи Великих реформ // Новое литературное обозрение. 2022. № 175 (3 / 2022). С. 59–77.
19. Майков А.Н. Программа картин и рассказов по русской истории // РО ИРЛИ. № 16541. 16 л.
20. Кузьмина Н.Г. Издательская деятельность постоянной комиссии по устройству народных чтений. «История книги» И.П. Хрущева // Библиосфера. 2014. № 3. С. 49–51.
21. Агафонова Я. Литература для народа и центральная аудитория для народных чтений как государственный просветительский проект во второй половине XIX в. // Новое литературное обозрение. 2022. № 175 (3 / 2022). С. 78–92.
22. Агафонова Я. Классика для народа в адаптациях Постоянной комиссии по устройству народных чтений // Новое литературное обозрение. 2019. № 156 (2 / 2019). С. 78–92.
23. Майков А.Н. Отзывы о книгах Жуковского В.А. «Кот в сапогах»; «Овсяный кисель»; «Светлана». Отзыв о книге «Приключения Робинзона Крузо». Отзывы о книге Толычевой, Т. «Троице-Сергиева Лавра» // РО ИРЛИ. № 16565. 5 л.

24. Майков А.Н. Отзывы о книге Толычевой, Т. «Село Коссино». М.: 1874 г. // РО ИРЛИ. № 16571. 2 л.

25. Майков А.Н. Отзыв о кн. Острогорского Виктора: «Русские писатели как воспитательный и образовательный материал для занятий с детьми и для чтения народу» // РО ИРЛИ. № 16566. 6 л.

26. Котормина А. «Восторженные артисты» и государственные интересы: первое десятилетие публичных народных чтений с проекциями в России // Новое литературное обозрение. 2022. № 175 (3 / 2022). С. 93–114.

27. Захарова О.В. Концепция быliny у Ф.М. Достоевского // Проблемы исторической поэтики. 2015. Вып. 13. С. 271–286.

28. Майков А.Н. Письмо к Ф.М. Достоевскому 7–8 марта 1868 // Эпистолярное наследие Ф.М. Достоевского и его корреспондентов. URL: [https://philolog.petrus.ru/fmdost/ letters/majkan/otMajkov0803~1868.htm](https://philolog.petrus.ru/fmdost/letters/majkan/otMajkov0803~1868.htm) (дата обращения: 15.04.2023).

References

1. Yampol'skiy, I.G. (1976) Iz arkhiva A.N. Maykova [From the archive of A.N. Maikov]. In: Muratova, K.D. (ed.) *Ezhegodnik rukopisnogo otdela Pushkinskogo doma na 1974 god* [Yearbook of the Manuscript Department of the Pushkin House for 1974]. Leningrad: Nauka. pp. 24–52.

2. Maykov, A.N. (2010) Zapisnaya knizhka (Publikatsiya N.V. Volodiny) [Notebook (Publication by N.V. Volodina)]. In: Tsar'kova, T.S. (ed.) *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2007–2008 gg.* [Yearbook of the Manuscript Department of the Pushkin House for 2007–2008]. Saint Petersburg: Dmitriy Bulanin. pp. 147–170.

3. Maykov, A.N. (2013) *Putevoy dnevnik 1842–43 gg. Ital'yanskaya proza* [Travel diary for 1842–43. Italian prose]. Saint Petersburg: Pushkinskiy Dom.

4. Maykov, A.N. (2005) Pis'ma k Dostoevskomu 1867–78 [Letters to Dostoevsky 1867–78]. In: Ashimbaeva, N.T. *Dostoevskiy. Kontekst tvorchestva i vremeni* [Dostoevsky. The Context of Creativity and Time]. Saint Petersburg: Serebryanyy vek. pp. 91–170.

5. Dostoevskiy, F.M. (1972–1990) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem* [Complete Works and Letters]. Leningrad: Nauka.

6. Sedel'nikova, O.V., Golovacheva, E.A. & Oleynik, O.P. (2024) "Rasskazy iz russkoy istorii" A.N. Maykova: ot idei k realizatsii ["Stories from Russian History" by A. N. Maikov: from Idea to Implementation]. *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura. Filologicheskyy zhurnal*. 1 (25). pp. 198–220.

7. Prokof'eva, E.N. (2005) A.N. Maykov. In: Korovin, V.I. (ed.) *Istoriya russkoy literatury XIX veka* [History of Russian Literature of the 19th Century]. Part 3. Moscow: Gumanitar, izd. tsentr VLADOS. (In Russian).

8. Sedel'nikova, O.V. & Andrianova, I.S. (2024) Apollon Maykov i Fedor Dostoevskiy: neosushchestvlenyy zamysel rasskazov iz russkoy istorii [Apollon Maikov and Fyodor Dostoevsky: An Unfulfilled Plan for Stories from Russian History]. *Neizvestnyy Dostoevskiy*. 1 (11). pp. 127–153.

9. Manuscript Department of the Institute of Russian Literature (RO IRLI). No. 16540. Pages 1–4. Maykov, A.N. *Programma rasskazov po russkoy istorii* [Program of Stories on Russian History].

10. Maykov, A.N. (1869) Pis'mo k F.M. Dostoevskomu 7 avgusta 1869 [Letter to Fyodor Dostoevsky, August 7, 1869]. *Epistol'yarnoe nasledie F.M. Dostoevskogo i ego korrespondentov* [Epistolary heritage of Fyodor Dostoevsky and his correspondents]. [Online] Available from: <https://philolog.petrus.ru/fmdost/letters/majkan/otMajkov07081869.htm> (Accessed: 15.10.2023).

11. Manuscript Department of the Institute of Russian Literature (RO IRLI). No. 16548. Pages 1–9. Maykov, A.N. *O svyatykh moskovskikh mitropolitakh Petre i Aleksii i o slavnom*

Mamaevom poboishche [About the holy Moscow metropolitans Peter and Alexy and about the glorious Battle with Mamai].

12. Manuscript Department of the Institute of Russian Literature (RO IRLI). No. 16545. Pages 1–5. Maykov, A.N. *Vzyatie turkami Konstantinopolya* [The capture of Constantinople by the Turks].

13. Manuscript Department of the Institute of Russian Literature (RO IRLI). No. 16546. Pages 1–9. Maykov, A.N. *Vzyatie turkami Konstantinopolya* [The Capture of Constantinople by the Turks].

14. Manuscript Department of the Institute of Russian Literature (RO IRLI). No. 16549. Pages 1–18. Maykov, A.N. *O zavoevanii Sibiri* [On the Conquest of Siberia].

15. Manuscript Department of the Institute of Russian Literature (RO IRLI). No. 16553. Pages 1–12. Maykov, A.N. *O svyatom blagovernom knyaze Aleksandre Nevskom* [On the Holy Blessed Prince Alexander Nevsky].

16. Maykov, A.N. (1869) *O Svyatykh Moskovskikh mitropolitakh Petre i Aleksii i o slavnom Mamaevom poboishche* [On the Holy Moscow Metropolitans Peter and Alexy and the Glorious Battle of Mamai]. *Zarya*. 5. pp. 1–19.

17. Maykov, A.N. (1869) *Nachalo vostochnogo voprosa* [The Beginning of the Eastern Question]. *Zarya*. 8. pp. 1–50.

18. Vassena, R. (2022) *Publichnye literaturnye chteniya kak proyavleniya literaturnogo byta epokhi Velikikh reform* [Public literary readings as manifestations of literary life in the era of the Great Reforms]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 175 (3 / 2022). pp. 59–77.

19. Manuscript Department of the Institute of Russian Literature (RO IRLI). No. 16541. Pages 1–16. Maykov, A.N. *Programma kartin i rasskazov po russkoy istorii* [Program of pictures and stories on Russian history].

20. Kuz'mina, N.G. (2014) *Izdatel'skaya deyatel'nost' postoyannoy komissii po ustroystvu narodnykh chteniy*. "Istoriya knigi" I.P. Khrushchova [Publishing activities of the standing commission for the organization of public readings. "History of the book" by I.P. Khrushchev]. *Bibliosfera*. 3. pp. 49–51.

21. Agafonova, Ya. (2022) *Literatura dlya naroda i tsentral'naya auditoriya dlya narodnykh chteniy kak gosudarstvennyy prosvetitel'skiy proekt vo vtoroy polovine XIX v.* [Literature for the people and the central audience for public readings as a state educational project in the second half of the 19th century]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 175 (3 / 2022). pp. 78–92.

22. Agafonova, Ya. (2019) *Klassika dlya naroda v adaptatsiyakh Postoyannoy komissii po ustroystvu narodnykh chteniy* [Classics for the people in adaptations of the standing commission for the organization of public readings]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 156 (2/ 2019). pp. 78–92.

23. Manuscript Department of the Institute of Russian Literature (RO IRLI). No. 16565. Pages 1–5. Maykov, A.N. *Otzyvy o knigakh Zhukovskogo V.A. "Kot v sapogakh"; "Ovsyanyy kisel"; "Svetlana". Otzyv o knige "Priklyucheniya Robinzona Kruzo". Otzyvy o knige Tolychevoy, T. "Troitse-Sergieva Lavra"* [Reviews of the Books "Puss in Boots", "Oatmeal Kissel" and "Svetlana" by V.A. Zhukovsky. Review of the Book The Adventures of Robinson Crusoe. Reviews of the Book Trinity Lavra of St. Sergius by T. Tolycheva].

24. Manuscript Department of the Institute of Russian Literature (RO IRLI). No. 16571. Pages 1–2. Maykov, A.N. *Otzyvy o knige Tolychevoy, T. "Selo Kossino". M.: 1874 g.* [Reviews of the Book by T. Tolycheva The Village of Kossino. Moscow, 1874].

25. Manuscript Department of the Institute of Russian Literature (RO IRLI). No. 16566. Pages 1–6. Maykov, A.N. *Otzyv o kn. Ostrogorskogo Viktora: "Russkie pisateli kak vospitatel'nyy i obrazovatel'nyy material dlya zanyatiy s det'mi i dlya chteniya narodu"* [Review of the book by Viktor Ostrogorsky: "Russian writers as educational and upbringing material for classes with children and for reading to the people"].

26. Kotormina, A. (2022) *"Vostorzhennye artisti" i gosudarstvennye interesy: pervoe desyatiletie publicnykh narodnykh chteniy s proektsiyami v Rossii* ["Enthusiastic artists" and

state interests: the first decade of public readings with projections in Russia]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 175 (3 / 2022). pp. 93–114.

27. Zakharova, O.V. (2015) Kontseptsiya byliny u F.M. Dostoevskogo [The concept of the epic in Fyodor Dostoevsky]. *Problemy istoricheskoy poetiki*. 13. pp. 271–286.

28. Maykov, A.N. (1868) Pis'mo k F.M. Dostoevskomu 7–8 marta 1868 [Letter to Fyodor Dostoevsky, March 7–8, 1868]. *Epistolyarnoe nasledie F.M. Dostoevskogo i ego korrespondentov* [Epistolary heritage of Fyodor Dostoevsky and his correspondents]. [Online] Available from: <https://philolog.petrsu.ru/fmdost/letters/majkan/otMajkov0803~1868.htm> (Accessed: 15.04.2023).

Информация об авторах:

Седельникова О.В. – д-р филол. наук, профессор Отделения русского языка Томского политехнического университета (Томск, Россия). E-mail: sedelnikovaov@tpu.ru

Андрианова И.С. – канд. филол. наук, заведующая Web-лабораторией Петрозаводского государственного университета (Петрозаводск, Россия). E-mail: yarysheva@yandex.ru

Балдова А.В. – канд. филол. наук, доцент Отделения русского языка Томского политехнического университета (Томск, Россия). E-mail: borovkovaav@tpu.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

O.V. Sedelnikova, Dr. Sci. (Philology), professor, National Research Tomsk Politechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sedelnikovaov@tpu.ru

I.S. Andrianova, Cand. Sci. (Philology), head of the Web-Laboratory, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation). E-mail: yarysheva@yandex.ru

A.V. Baldova, Cand. Sci. (Philology), associate professor, National Research Tomsk Politechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: borovkovaav@tpu.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 15.12.2023;
одобрена после рецензирования 18.10.2024; принята к публикации 21.07.2025.*

*The article was submitted 15.12.2023;
approved after reviewing 18.10.2024; accepted for publication 21.07.2025.*

ЖУРНАЛИСТИКА

Научная статья

УДК 81'42

doi: 10.17223/19986645/96/12

Информативная составляющая комментария в интерактивном англоязычном медиадискурсе

Елена Вадимовна Арестова¹, Константин Бертольдovich Свойкин²

^{1, 2} *Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, Саранск, Россия*

¹ *arestova.lena14@yandex.ru*

² *svoikin@gmail.com*

Аннотация. Рассматривается информативная категория комментария, вербализованного участником полемики, осуществляемой различными субъектами медиа-диалога в текстуально-тематическом поле статьи. Предполагается, что реализация таких компонентов текста, как качественная и количественная информативность, осуществляется на уровне прагматического контекста, но эксплицируются они за счет определенных лингвистических средств. Материалом исследования в связи с этим является пристатейный форум статьи с экономической тематикой в виде комментариев, опубликованных читателями.

Ключевые слова: дискурс, информативность, информация, комментарий, блог

Для цитирования: Арестова Е.В., Свойкин К.Б. Информативная составляющая комментария в интерактивном англоязычном медиадискурсе // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2025. № 96. С. 219–242. doi: 10.17223/19986645/96/12

Original article

doi: 10.17223/19986645/96/12

Category of informative value of the commentary in interactive English-language media discourse

Elena V. Arestova¹, Konstantin B. Svoikin²

^{1, 2} *Mordovia State University, Saransk, Russian Federation*

¹ *arestova.lena14@yandex.ru*

² *svoikin@gmail.com*

Abstract. Our research assumes that the implementation of such specific text components as qualitative and quantitative information values could be educed at the pragmatic level of the written discourse, although they are explicated by means of certain linguistic markers which can be indicated. The aim of the work in this case is to identify the specifications for the informative component of the written comment in the context of interactive English-language media discourse on economics. Thus, within the main

aim the following steps have been undertaken: a concept of the phenomenon of the informative value is provided, markers that identify informativity of the comments posted (the article itself is not analyzed) are selected and described. The informative category of a comment in this article is considered the content of the message (assertion or verdict) verbalized by a participant in the debate and carried out by various subjects of the media dialogue in the textual and thematic field of the article. The research material is the block of comments following the article in the form of a forum. The subject of the study is the virtual dialogue between the author and the commentators of the article issued in the internet journal, and viewed as a local polyphonic media discourse. Thus, the objective is the informative category of a comment viewed from the point of its informative impact and value. Thus, we suppose, that each comment has a cognitive-communicative content and this will presumably affect (a) the general content (verbal content) of the article + the comments complex, (b) the status/rating of the author, and (c) the informative status of the article. In the course of the research, the following conditions under which a comment can be classified as "informative" were identified: argumentation is given; thematic and professional vocabulary is used; low grade or complete absence of expressive (especially aggressive) speech elements are used. In this case, informative posts include: knowledge that is not actualized in the context of the article, but increases its explanatory potential; knowledge or comment statement which provides an alternative view at the article contents. In turn, the message is accepted as "uninformative" when: it does not contain reliable argumentation; the volume of the expressive component exceeds or excludes a significant informative message; it is not relevant to the main article context. The latter parameters can generally be considered as elements that introduce disorganization (entropy) into the information core of an article, yet we consider these factors in terms of "uninformativeness" in this study.

Keywords: discourse, informative value, information, comment, blog

For citation: Arestova, E.V. & Svoikin, K.B. (2025) Category of informative value of the commentary in interactive English-language media discourse. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 96. pp. 219–242. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/96/12

Введение

Даже на самый поверхностный взгляд информативность, ее эффективность и значимость играют существенную роль в формировании актуального медиаконтекста. Проблема изучения заявленных компонентов письменного текста, как показывает анализ, представляется комплексной в силу не только подвижной, но и довольно хаотичной в плане организации структуры. Исследование осуществляет попытку анализа идей представителей фундаментальной лингвистической мысли, таких как М.Ю. Лотман, М.М. Бахтин, Б. Блум [1–3], с целью не только рассмотреть компоненты публичного письменного дискурса в его самых разных аспектах, но и отобразить их непрестанную видоизменяемость.

В силу того, что в современном медиапространстве информативность и ее значимые категории формируются как авторами, так и реципиентами дискурса, что последовательно обеспечивает формирование новых дискурсов и контекстов, необходимо учитывать и реализацию в медиапространстве диа-

логической функции в бахтинском ее понимании [2]. Анализ письменного медиадискурса с включенным в него непосредственным диалогом (в виде пристатейного форума) множества «других» с эксплицированными мнениями и имплицитными интенциями представляется актуальными и интересным как для понимания системы современной медиакommunikации, так и для подтверждения фундаментальных позиций теории речевого диалога.

Исследование предполагает, что, с одной стороны, тексты, публикуемые в медиаизданиях, принадлежат авторам с достаточно высоким уровнем компетентности, а, с другой – открытая форма публикации дает возможность любой категории пользователей предъявлять свои мнения, убеждения и суждения в пристатейном форуме и косвенно влиять на формирование обобщенной публичной оценки как собственно текста, так и его автора. Кроме того, подобный анализ позволяет актуализировать модель дискретности речевого смысла, а именно включения его «в активно-реактивную схему, дискретизируя поступающие данные посредством ассоциаций по принципу валидности и релевантности» [4. С. 159]. Таким образом повышается общая информационная нагрузка на публикацию, иногда кратно, поскольку некоторые статьи вызывают повышенный интерес и число постов в пристатейном форуме может быть значительным и технически сопоставимым с самой статьей по объему, что было выявлено в ходе выборки материала для исследования.

Принципиально значимых требований к избираемому для анализа материалу немного, и они неспецифичны:

- во-первых, материал должен предъявлять профессионально ориентированный, но не узко специализированный контент;
- во-вторых, участниками пристатейного форума должны быть коммуниканты из широкого социума с необязательной профессиональной принадлежностью;
- в-третьих, должен быть реализован критерий доступности в условиях санкционных ограничений в отношении зарубежных медиаизданий.

Анализ материала не предполагает глубокого погружения в контент дискурса, но подразумевает изучение рече-коммуникативных характеристик пристатейного форума и степени его информационной соотнесенности с содержательной частью собственно статьи. В этом смысле узкоспециальные платформы и издания ограничат как число потенциальных комментирующих, так и техническую возможность контент-анализа.

Число информационно-аналитических медиаплатформ и интернет-журналов с наличием пристатейного форума велико и продолжает расти, их уровень и качество варьируются в широком диапазоне, поэтому для исследования такого рода целесообразно выбирать максимально медиальные информационные платформы, удовлетворяющие основным критериям:

- профессиональный тематический фокус и ориентированность на широкий круг заинтересованных лиц;
- доступность в ситуации санкций и отсутствие ограничений, налагаемых надзорными органами;

- наличие пристайейных форумов и наличие комментариев в них;
- наличие доступности портфолио не только авторов статей, но и авторов комментариев.

Забегая вперед, отметим, что обзор избранного в итоге ресурса показал однородность материала, что облегчило выбор целевой единицы по количественному показателю: из недельной подборки наиболее комментируемых публикаций в качестве источника иллюстративного материала была выбрана одна [5]. Кроме того, для увеличения валидности предлагаемой модели оценки уровня информативности комментария были использованы данные пристайейных форумов еще двух публикаций: одной [6] из того же источника, другой [7] – с иного портала со схожей тематикой.

Исследование в том числе руководствовалось соображениями политкорректности и наибольшей информационной «нейтральности» как корневой авторской публикации, так и комментариев в обсуждении.

На данном этапе кажется целесообразным определиться с тем, что в данной работе мы будем понимать под термином «комментарий» и каким образом идентифицировать пропозиции разного характера, подвергаемые анализу и являющиеся иллюстративными единицами. На сегодняшний день актуальными для идентификации указанных единиц являются несколько термов разного происхождения: собственно «комментарий», «коммент» (как жаргонная производная от комментария) и «пост», который реферирует чаще всего к основной публикации, инициирующей остальные пропозиции форума, и в данной работе мы будем считать постом собственно статью, форум к которой исследуем. При этом между термами «комментарий» и «коммент» мы склонны выбрать первый, как стилистически более приемлемый. Существует два основных пути контекстуального использования данной терминологической единицы:

- общефилологический [8] воспринимается как текст, содержащий пояснение, рассуждение, толкование или критику другого текста или объективного явления действительности;
- новационный, который воспринимается как реплика в общем пространстве интернет-публикации (поста), «своеобразная реакция (отзыв, отклик, мнение) интернет-пользователя на заявленный стимул...» [9].

Очевидно, что в данном исследовании, уделяя особое внимание коммуникативно-диалогическим характеристикам интерактивного дискурсивного процесса, мы будем придерживаться технологического принципа интернет-комментирования, не отрицая при этом ни смысловой его стороны, ни возможности интернет-комментария осуществлять пояснение, рассуждение, толкование или критику другого текста в общефилологическом ключе.

Информативность такого комментария в интерактивном дискурсе, как показывает анализ, может перспективно являться одним из факторов обеспечения превентивного освоения комментируемого дискурса и увеличения его информативного поля. Стоит отметить, что подобные идеи уже высказывались, в частности, М.Ю. Лотманом: «Коллективная выгода участников

коммуникативного акта заключается в том, чтобы развивать нетождественность тех моделей, в форме которых отображается внешний мир в их сознании» [1. С. 45]. Другими словами, каждый ответ на исходное (в бахтинском понимании этого термина) сообщение предусматривает добавление новой, в количественном ли в качественном плане, информации [2]. С точки зрения внешнего исследователя, такое выражение позиции состоявшихся реципиентов статьи по отношению к ее содержанию может дать пищу для текстологического анализа в контексте любого объема, ибо «постепенный переход от системной лингвистики к лингвистике текста» [10. С. 75] предопределяет анализ за рамками традиционной лингвистической системы.

Методология исследования

В контексте данного исследования предполагается, что комментарий может повышать информативность исходного текста, развивая «нетождественный» или иной взгляд на сообщение и, с определенной долей вероятности, осуществлять по крайней мере две функции: а) объяснительную для реципиента без предварительного контекстуального опыта; б) превентивную для реципиента с предварительным контекстуальным опытом. Здесь под информативностью мы будем подразумевать качество или количество информационного влияния в расчете на объем или единицу текста.

Следует прояснить термин «информация», который также чаще всего употребляется в двух значениях: общегуманитарном и специальном. Под информацией в первом значении понимается всякое сообщение, оформленное как словосочетание номинативного характера [11]. Второе значение термина «информация» употребляется в работах по теории коммуникации и предполагает снятие некоторой неопределенности. В теории коммуникации мера неопределенности обозначается термином «энтропия», поэтому информация рассматривается как нечто противопоставленное энтропии [11].

В силу двоякости самого понятия «информация» изучение данной внеязыковой категории представляется весьма актуальным в процессе устранения речевой или дискурсивной неопределенности, посредством определения информационного статуса высказывания и, как следствие, выявления высказываний, обладающих большей или меньшей экспланаторной силой. В данной статье рассмотрению подлежит информативная функция комментариев участников форума, с точки зрения способности снимать неопределенность или повышать экспланаторный потенциал комментируемого текста. Под экспланаторностью в общем смысле понимается одна из существенных характеристик теории дискурса и теории эффективной коммуникации, где она трактуется по Т. Куну как «место гипотетико-дедуктивного метода в современных лингвистических исследованиях», предназначение которого исходит из «определения конечных целей и задач лингвистической исследовательской деятельности» [12. С. 57]. В нашей работе это своего рода «объясняемость», или, как постулирует это качество Е.С. Кубрякова, «стремление найти и внутренней организации языка, и его отдельным

модулям, и архитектонике текстов, и реальному осуществлению дискурса, и порождению и пониманию речи и т.п. то или иное объяснение» [13. С. 221]. То есть в нашем случае эффективная коммуникация является не характеристикой парадигмы, а объективным средством определения коммуникативных задач комментария к статье. Следует пояснить, таким образом, что под экспланаторностью или экспланаторным потенциалом мы будем подразумевать «пояснительную» или «объяснительную» функцию вербализованного речевого акта (в нашем случае комментария) в форуме. Предполагается, что экспланаторность будет реализовывать маркер информативности сообщений и реплик, оставляемых участниками медийной коммуникации. Также суждения участников форума будут рассмотрены на предмет уровня их информативности: степени экспланаторности (адекватности пояснительной функции в отношении составляющих комплекса «текст – контекст – дискурс»); также будут выведены критерии, дающие возможность оценить степень коммуникативной эффективности высказывания.

Представляется, что понятия «информативность» и «экспланаторность» не взаимозаменяемы, хоть и тесно связаны как в смысловом, так и в коммуникативном плане. В этой связи необходимо определить критериальную базу идентификации информационных характеристик элементов интерактивного дискурса. Поиск критерия (др.-греч. κριτήριον) как средства суждения – основания принятия решения по оценке чего-либо на соответствие предъявленным требованиям, будет осуществляться в двух плоскостях: логической (формальной) и эмпирической (основанной на коммуникативном или предметном опыте). Формальным аспектом критерия послужат логические конфигурации, связанные с идентификацией противоречия/непротиворечия, эмпирическим аспектом послужит фактор соотносительности вербализованного знания с актуальным опытом, выражаемым вербально, или имплицитным. Безусловно, сам по себе критерий в любом из его аспектов носит отчасти субъективный характер, в силу актуализации индивидуальным коммуникантом в границах его (коммуниканта) системы критериальных идеалов, однако, в информационных системах объективизируется за счет накопления аналогичных показателей и на базе объективных или объективизированных парадигм.

Наиболее эффективной критериальной базой присвоения степени информативности суждению в нашем понимании может служить иерархия когнитивных стадий, описанная в таксономии Бенджамина Блума [3]. Принцип конструирования иерархии образовательных целей Бенджамина Блума как нельзя лучше описывает алгоритм формирования аргументированной оценки. Это возможно во многом благодаря тому, что фундаментальные принципы данной технологии основаны на значимых мыслительных процессах. Для лучшего понимания процесса адаптации таксономии Блума к методологии настоящего исследования следует вкратце рассмотреть саму схему подробнее. Первым (базовым) этапом формирования оценки по Блуму считается знание – о предмете, явлении или любой другой сущности сознания, присутствующей в информационном окружении человека. Этот

этап предполагает наличие в памяти субъекта парадигмы сведений, связанных с рассматриваемым объектом с необязательным уровнем интеграции и концептуализации этих сведений в картину мира субъекта.

Понимание, в свою очередь, как второй этап когнитивного освоения предметности, предполагает определенный уровень концептуализации и встраивания известных (см. «знание») сведений в картину мира субъекта настолько, насколько для него актуально это знание, и насколько он испытывает мотив или интенцию к прикладному действию с этим знанием. Однако понимание все еще является одной из стадий рецептивного восприятия, связанного с первичной интерпретацией или, другими словами, переводом полученных сведений на свой уникальный языковой, идеальный или ценностный код.

Третий уровень, или этап применения, предполагает актуализацию знания и/или понимания в объективном или объективизированном пространстве за рамками собственно знания или понимания. Так, при переходе к применению, появляется необходимость использовать полученную совокупность знаний об изучаемом аспекте посредством изменения состояния или состояний вышеозначенного объективизированного пространства или поля, а память о результатах этого изменения принято рассматривать в терминах опыта. Таким образом закрывается прикладной гештальт.

Однако по таксономии Блума эта ступень не является финальной, далее следует уровень анализа, предполагающий выделение ключевых и периферических единиц, их свойств и связей, определяющих характеристики и функционал интегрального единства «знание-понимание-применение» (опыт). Результатом анализа становится парадигма или иерархия парадигм (в зависимости от сложности и многомерности опыта) различных элементов системы, реализованной в этом опыте.

Эффективность оценки опыта (или системы) напрямую зависит от точности аналитических действий, начиная от определения минимальных единиц, через парадигму актуальных характеристик к построению модели фрагмента объективной или виртуальной действительности, подвергнутой изменению в процессе применения. Построение такой модели в таксономии Блума рассматривается в терминах синтеза.

Лишь достигнув уровня моделирования, индивид может производить валидную оценку той или иной деятельности путем сравнения результатов одной из предыдущих стадий (знание–понимание–применение–анализ–синтез), поскольку для каждого из уровней данной иерархии имеется минимум один вышестоящий уровень, предполагающий наличие маркеров успешности уровня предыдущего. В частности, уровень понимания оценивает уровень знания с точки зрения достаточности объема для собственно ментального освоения; на уровне применения происходит оценка эффективности комплекса «знаю-понимаю» с прикладной точки зрения – насколько это «знаю-понимаю» обеспечивает осознанность и успешность действия или деятельности. Аналитический уровень требует не только прикладного

навыка, но и умения правильно выделить ключевые и периферические референты из пары «знаю-понимаю» и сопоставить их с прикладным опытом применения, обнаружив принципиальные закономерности; синтезирование модели предполагает четкое видение структуры целого и наличие методологии абстрагирования от собственно действия с актуальным объектом.

Таким образом, видимо, следовало бы в идеале рассматривать комментарии на предмет информативности последовательно: определяя этап за этапом степень освоения комментируемого текста, исходя из маркеров прохождения вышеуказанной иерархии. Однако, исходя из вербальных (эксплицитных) показателей текста комментария в его контекстной дистрибуции, мы неизбежно сталкиваемся с тем, что вербализованный текст не соответствует критериям «идеального» материала исследования. В то же время необходимость выявления объективных маркеров и устойчивых закономерностей в процессе формирования информационного контекста определяет поиск более подходящей критериальной базы.

Исходя из бинарной дистрибуции «статья-комментарий», одним из косвенных показателей освоенности текста информационно является присутствие участника коммуникации в форуме. Это позволяет предположить, что комментирующий включается в диалог обоснованно. Однако когнитивные основания (помимо собственно освоения текста комментируемой статьи) его включения в большинстве случаев неочевидны. Единственной устойчивой характеристикой можно назвать лишь авторскую интенцию обратной связи или демонстрации собственной конкурентной или, наоборот, когерентной авторским концепциям конвергентной диалогической статусности. И поскольку опубликованная концепция (информационное событие) становится предметом для понимания в контексте и семиотической, и несемиотической систем «другого» [2], интенция эта получает речевую реализацию [14]. Вот такая функция информативности в нашем случае становится предметом исследования.

Объективно каждый комментарий имеет когнитивно-коммуникативное наполнение. Это будет предположительно сказываться: а) на общем содержании (речевом наполнении) комплекса «статья + комментарий»; б) на статусе/рейтинге автора и в) информационном статусе статьи. Исходя из компонентов, выявляемых в материале исследования, могут быть выявлены следующие условия, при которых комментарий может быть причислен к категории «информативный»:

- наличие аргументации;
- присутствие тематической и профессиональной лексики;
- минимизация или полное отсутствие экспрессивных (в особенности агрессивных) речевых единиц.

К информативным или когнитивно-коммуникативным составляющим комментария относятся:

- вербализация в комментарии знания, не актуализированного в контексте статьи, но повышающего ее экспланаторный потенциал;
- вербализация альтернативного освоения проблематики статьи.

В свою очередь, суждение гипотетически принимается за «неинформативное» в случаях, если оно:

- не содержит достоверной аргументации;
- по объему экспрессивной составляющей превышает или исключает значимый информационный посыл (рема комментария);
- осуществляет иррациональное заполнение информативного пространства статьи (комментирование не в рамках темы) [15].

В данном случае эти факторы будут влиять на формирование таких условно «когнитивно-девиантных» маркеров, как:

- отсутствие снятия неопределенности и соответственно, снижение экспланаторного потенциала комментируемого текста;
- экспрессивная коммуникативная позиция (в отношении статьи, автора статьи, участника форума).

Последние параметры можно в целом рассматривать как элементы, вносящие дезорганизацию (энтропию) в информационное поле статьи, однако в данном исследовании мы будем рассматривать эти факторы в терминах «не информативности».

Интерпретация материалов исследования

Источником выбора материала для апробации вышеприведенной гипотезы послужил открытый интернет-ресурс <https://www.investing.com>, что обусловлено следующими критериями:

- ресурс отвечает требованиям медийности и представляет собой как собственно источник, так и агрегатор статей на экономические и политические темы;
- ресурс существует с 2007 г. и зарекомендовал себя как достоверный источник квалифицированной информации по экономическим и смежным темам;
- ресурс регистрирует ежемесячно порядка 45 млн посетителей и насчитывает 3 млрд просмотров в месяц;
- ресурс отвечает требованию открытости, что подразумевает возможность комментирования в пристатейном форуме и обращения к профессиональному и публикационному статусу автора комментария;
- статусы авторов данного интернет-источника освещены в профайлах с упоминанием трудового стажа – как участника данного ресурса и как профильного специалиста.

Учитывая устойчивый профессиональный статус автора публикации в данном источнике, публикацию можно рассматривать как отправную коммуникативную точку в аспекте подвижности собственно информативного элемента, отвечая на вопросы: дополняет ли комментарий публикацию, дискредитирует ли он статус публикации/автора/участника форума и какими (в том числе языковыми) средствами это эксплицируется?

Высокая степень стереотипности, обусловленная сутью открытого комментирования в пристатейном форуме, позволяет осуществить вполне валидное исследование информационных параметров комментария в рамках одной статьи и ее пристатейного форума. В этой связи из недельной подборки самых комментируемых публикаций был взят форум. Предполагается, что узкоспециализированная тема, отраженная в заголовке, и объективно-фактуальный формат изложения с использованием терминологической лексики и графиков должны были повлиять на контингент участников форума и обеспечить их профессиональную статусность. Стоит, однако, отметить, что в ходе исследования была выявлена ошибочность ожиданий. Так, среди 35 комментариев четыре содержат идентичные формулировки одобрения без какой-либо иной семантики или прагматики, а два – необоснованные сообщения саркастического характера. Поэтому для иллюстративной основы были избраны наиболее показательные в интерактивном диалогическом ключе. Однако впоследствии при статистических подсчетах учитывались все комментарии.

Были проанализированы комментарии из пристатейного форума статьи «Deficit Spending the Only Thing Keeping the Economy Out of Recession Now» [a] (by Lance Roberts). За период активности форума публикация набрала 34 комментария. В работе предьявлен анализ 16 из них, демонстрирующих эксплицитные репрезентанты информативности, выявляемые на различных уровнях:

- риторическом/аргументативном;
- контекстуальном/тема-рематическом;
- коннотативном/лексическом.

Предьявляться посты будут в исходной орфографии и пунктуации, однако при анализе самые очевидные опечатки и погрешности могут быть приведены в исправленном виде. Рассмотрим первый блок комментариев в хронологическом порядке, тем более что он структурно и функционально является прямой дискуссией.

(1) **HopiumDealer**

There is an obvious and easy solve for defecits: tax billionaires. The exclusion of any discussion about sequestered/non-productive capital from this piece renders the whole thing an exercuse is class warfare propaganda. Cherry picking half the story is intellectually bankrupt. Case in point: #1 cause of wealth inequality is not deficits, it is tax/fiscal policy.

Первый же комментарий вербализует негативное отношение к положениям статьи, выраженное формулировками, однозначно постулирующими отрицательную реакцию (*It half truths, Cherry picking half the story is intellectually bankrupt It... at best rendering it more propaganda*). Помимо выраженной негативной оценки автор в той же прямолинейной манере формулирует суждения, вербализующие понимание его собственного взгляда на фокусную экономическую ситуацию (*There is an obvious and easy solve for defecits: tax billionaires/ Case in point: #1 cause of wealth inequality is not deficits, it is*

tax/fiscal policy.) В данной цепочке предъявлена альтернативная версия решения обсуждаемой в статье проблематики. Очевидно, что формат выражения этой альтернативной версии присущ в большей степени эмоционально окрашенному идеологическому дискурсу, нежели дискурсу нейтрального академического или официального медиастилия.

Представленный ниже ответ адресован участнику форума под ником **HopiumDealer** и вербализует прагматически противоположное мнение, оправдывая объективность и точность анализа, проведенного в статье.

(2) **David Canann**

As to your point you are incorrect. The answer to deficits would be to elect politicians that are fiscal wise, and would not spend more than is brought in by taxes. This will not happen until after this government collapses under its own weight. As to tax policy: Flat tax = The answer to all tax problems. Flat tax = What the elites will never allow to happen. They love the rigged system.

Собеседник использует последовательную аргументацию с целью поддержки и выражения одобрения и апеллируя к взаимной ответственности избирателей за ту модель управления экономикой, которая является доминирующей на настоящий момент (*The answer to deficits would be to elect politicians that are fiscal wise*). Таким образом, автор доказывает позицию взаимного вовлечения сторон-участниц через аналитическое прогнозирование будущего (*This will not happen / Flat tax = What the elites will never allow to happen. They love the rigged system*) на основании имеющихся данных (*until after this government collapses under its own weight. Flat tax = The answer to all tax problems.*). Пост реализован в эмоционально выдержанном стиле и в этом смысле является более информативным с точки зрения удельного веса когнитивной прагматики в общей семантике поста. Ниже приведены два ответа на этот пост:

(3) **HopiumDealer**

David Canann sorry, your obvious ignorance on the subject of how fiat currencies function render your criticisms menaingless and render you an pawn. Governments that issue currency do not and should not function like the average person and their simple bank account. Once you start to understand this immutable fact you will set yourself down the path of actually knowing what youre talking about. You've been brainwashed by the Supply-side Propaganda machine. Good luck deprogramming yourself. The first step is to start by understand you don't know anything because you've been lied to your while life. The bigger problem is that you believed the lies, but thats the part you control. Good luck!

Приведенный комментарий реализует экспланаторную функцию, даже несмотря на то, что выражен оценочно посредством вердиктивной формулировки (*your obvious ignorance/ Once you start to understand/ you don't know anything*). Информационная компонента вербализована посредством актуального уточнения, выявляющего, помимо прочего, уровень общих знаний комментирующего не только в рамках собственно статьи, но и более широкого экономического контекста (*Governments that issue currency do not and should not function like the average person and their simple bank account*). Для

последовательного доказательства своей объективности автор также апеллирует к известному в экономике явлению – ориентированности на потребительскую функцию (*Supply-side Propaganda machine*), что позволяет сформировать образ автора как компетентного не только в теоретической, но и в практической сфере.

Формулируя свои идеи в форме оценочных/ультимативных вердиктов, автор избавляет читателя от необходимости проведения собственного анализа информации. В данном контексте использование таких речевых средств, как сарказм, способствует усилению эмфатического эффекта, но в то же время подобная концептуализация генерирует дополнительную энтропию, в силу чего высказывание теряет часть экспланаторности (*The first step is to start by understand you don't know anything – Good luck!*).

Очевидные обращения толка (*you've been brainwashed your entire life... you still dont understand the situation*) выявляют не только высокий уровень ассертивности, но и повышают уровень эмоциональности, размывая, таким образом, концентрацию информативности.

(4) HopiumDealer

David Canann also, your flat tax idea is a totally via option to consider, but again proves your igrance on the subject. Billionaires pay a very small net effective tax, well below the average person.

Ответ выше – последний в полемическом диалоге между участниками HopiumDealer и David Canann, однако не последний по значимости. Пост, как можно видеть, реализует экспланаторную функцию понимания сути диалога, а также выявления окончательного отношения сторон-участников. Центральным компонентом вердикта является информативная оценка на основании общепризнанного факта (*Billionaires pay a very small net effective tax, well below the average person*). Этим аргументом автор пользуется для того, чтобы выявить невалидность аргументов оппонента по коммуникации, утверждая буквально, что предложенная концепция неработоспособна (*your flat tax idea is a totally via option to consider, but again proves your igrance on the subject*).

Таким образом, в приведенном выше блоке участник с «говорящим ником» HopiumDealer активно спекулирует на популярных стереотипах (*obvious and easy solve for defecits: tax billionaires*). Можно отметить обилие экспрессивной лексики с негативной семантикой и прагматикой (*sorry, your obvious igrance, criticisms meaningless*). Автор противопоставляет собственное видение ситуации посредством снижения смысловой значимости статьи через концепты незнания, непонимания ситуации в различной степени имплицативной и эксплицитной эмоциональной модальности (*realize you've been brainwashed, you still dont understand the situation, intellectually bankrupt, sorry, your obvious igrance, your criticisms meaningless, Once you start to understand... you will set yourself down the path of actually knowing, by understand you don't know anything, proves your igrance*). Данное коммуникативное поведение ассертивно в большей степени, нежели информативно, ибо, в сущности, реализует явный менторский посыл и осуществляет функцию заявления собственного превосходства.

Таким образом, приведенная диалогически организованная группа комментариев представляет собой обмен мнениями с выраженными элементами речевой агрессии, что негативно сказывается на степени экспланаторности. В процессе разбора суждений обоих участников становится видно, как диалог включает в изначально безличную интеракцию элементы субъективизации, отодвигая на второй план действительный предмет обсуждения.

Помимо очевидных оппонентов в первом блоке есть комментарий, не противоречащий корневому, но переводящий дискуссию из области политической экономики в область парламентских технологий.

(5) **Teena Marie**

It's frustrating that Democrats and Republicans won't restore appropriate taxation because Republicans will use this against Democrats and billionaires use this against Republicans.

Комментарий указывает на принципиальную роль политических партий как заказчиков и исполнителей бюджетов, их роль к организации процедур налогообложения и их зависимость от экономического истеблишмента. За счет референции к политическим институтам происходит расширение с чисто экономического контекста статьи в повестку политических вопросов, касающихся деятельности партий и олигархии. Содержание комментария носит номинативный характер и не лишено объяснительной силы в части предъявления алгоритма смены принципов налогообложения в ее невозможности (*Republicans will use this against Democrats and billionaires use this against Republicans*). Позиция выражена через нарратив, содержит эмоциональный компонент (*It's frustrating*), категорические формулировки (*won't restore, will use*), а также референцию к гипотетическим действиям, которые невозможно в реальных условиях ни принять, ни опровергнуть (*billionaires use this against* и т.д.).

Следует заметить, что контекстуально основной посыл комментария коррелирует с первым проанализированным постом, причем одно утверждение отвечает на другое: *There is an obvious and easy solve for defecits: tax billionaires. – won't restore appropriate taxation because Republicans will use*. Так, представленные комментарии образуют своего рода особый контекстуальный комплекс, составляющий позицию, противопоставленную заявленной в статье. Оценочная формулировка и отсутствие аргументации являются поводом причислять замечания к обывательским несмотря на то, что несут качественные характеристики информативного комментария.

Далее мы пронаблюдаем существенное разнообразие диалогических взаимоотношений участников форума в отношении автора статьи, друг друга и некоего обобщенного адресата, которого невозможно идентифицировать. Два поста, приведенных ниже, вербализуют очевидное согласие с автором комментируемой статьи.

(6) **Russom**

Congratulations. This is not happening only in the USA, but also in several important depeloped and emerging countries. Government spending is out of control, **even** in China, although there they hide the bad numbers and the consequence

is an unsustainable GDP growth as you need to increase taxes to pay off debt and/or let inflation run higher to devalue debt slong time (*along time*: правка автора статьи). Usually everything is artificially kept until elections and then the frog jumps as the water is boiling and a recession takes place...

(7) **DaveSP**

True. As a European, I can assure you that here is even worse because our population is getting older and even starting to decrease, save for immigration. **Even** All four Euro Area largest economies (Germany, France, Spain, and Italy) are under large deficits and there is no possibility of solving it and winning the elections.

Приведенный фрагмент форума включает развернутое аргументированное высказывание, напрямую коррелирующее с тематикой статьи, и последующий утвердительный ответ на него. Оба поста реализуют функцию диалогического гипертекстного дополнения информативного контекста статьи, подтверждая доводы результатами наблюдения за новостной повесткой. Это выражается в тексте посредством развернутой дискуссионной модели: «постулат – аргумент – гипотеза/вердикт – аллюзия ... оценка – аргумент – вердикт».

Цель первого поста в конкретном случае выражена эксплицитно – согласие с позицией автора статьи. Ироничная оценочность, вербализованная в начальной позиции поста (*Congratulations*), реализует прагматику ассертивности, том числе и фатическую функцию. Постулируя идею о том, что ситуация не является единичной или необычной, автор поста упоминает страны и группы стран со схожей финансовой ситуацией, недвусмысленно приписывая этой ситуации характеристики нормы, и выводит вердиктивное суждение: *...and then a recession takes place...* с использованием метафорической конструкции (*the frog jumps as the water is boiling and a recession takes place*). Таким образом осуществляется емкая характеристика статьи, что реализует экспланаторную функцию комментария, давая возможность узнать о нарративах и дополнительных контекстах собственно статьи.

Второй приведенный пост поддерживает первый, однако переводит его в узкую географическую локальность, противопоставляя Европу (*All four Euro Area largest economies (Germany, France, Spain, and Italy)*) остальному миру (*in the USA, ...also in several important developed and emerging countries ... even in China*), что не меняет, однако, окончательного вердикта: no possibility of solving it.

Примечательно, что при различии исходной аргументации (*bad numbers and the consequence ... need to increase taxes to pay off debt and/or let inflation... vs ... population is getting older and even starting to decrease, save for immigration*), определяемой экономической проблематикой каждого отдельного участника, выводы формулируются почти идентичные, что также увеличивает информационную валидность. Еще одной функциональной характеристикой можно назвать эмотивную, в том плане, что суждения объективно призваны усиливать уровень тревожного напряжения от не самой положительной информации, содержащейся в статье, посредством оборота

сравнения (*even in China, / Even All four Euro Area*) с последующим заверением в своей объективности (*Usually everything is artificially kept / I can assure you that here is even worse*), что также влияет на информационную состоятельность как статьи, так и комментирующих лиц.

Далее приводится ряд постов, объединенных вербализованной негативной позицией по отношению к статье.

(8) **HopiumDealer:**

Crap article. If you think it's good, take a step back and *realize you've been brainwashed your entire life* by the Supply-side Mafia.

(9) **Otis Grant**

Blah blah blah *you* missed out on an 18 month bull market

Представленный выше комментарий реализует негативную оценку в отношении автора статьи, не выявляя сути события, но оценивая его как однозначно неблагоприятное в контексте последствий (*you missed out on an 18 month bull market*). Таким образом, автор комментария упрекает аналитика в неполном соответствии картины происходящего или одностороннем описании экономической перспективы и вербализует свой посыл посредством приема обесценивания (*Blah blah blah*). Данный коммуникативный прием довольно распространен в этом слое коммуникации, и уже в ответном посте автор реализует оценочность через критику коммуникативной личности оппонента (*Otis its obvious you have no clue what you are talking about*).

(10) **Mark Richard**

Otis its obvious you have no clue what you are talking about. If you had followed Lance for any length of time, you would know that he caught most if not all of the bull market.

Приведенный комментарий вербализует негативное отношение к статье через прямую критику ее автора (*If you had followed Lance for any length of time... you would know that he caught most if not all of the bull market*). Предмет полемики отчасти смещается с собственно статьи на обсуждение ее автора через апелляцию к его авторитету и опыту, при этом можно видеть, что эмоциональный компонент в виде явной речевой агрессии фактически нивелирует степень информативной составляющей.

Далее предъявляется ряд комментариев с отсутствующей, на наш взгляд, информационной составляющей.

(11) **Steve Bojo**

If I keep digging deeper I'm bound to get out.

Комментарий, по-видимому, апеллирует к той части анализа статьи, в которой упоминается нарастающий уровень государственного долга. Краткая оценочная формулировка могла имплицировать посыл вроде следующей логической цепочки: «за рецессией неизбежно последует подъем, а если его нет, то следовательно дно не достигнуто». Однако в силу отсутствия очевидных маркеров, указывающих на упомянутую аллюзию, эта оценка комментария не может быть принята в расчет, так как импликация амбигуэнтна.

Таким образом, высказывание эксплицирует оценку неочевидного происхождения в силу отсутствия оформленной тема-рематической связи суждения с содержательной сутью информационного источника (статьи), что не позволяет провести анализ уровня экспланаторности в контексте описываемой статьи.

(12) **Merica Moment**

Sounds like a real sustainable plan

Комментарий реализует положительную оценку аналитики, представленной в статье, утверждая, что написанное можно использовать как последовательный и рабочий план действий (*a real sustainable plan*). Прослеживается положительная оценочная прагматика представленного сообщения в форме обезличенного вердикта.

Представленный ниже блок комментариев вербализует положительную оценку статьи в отсутствие какой-либо аргументации.

(13) **Shahid Ahmed**

Thanks for a detailed explanation of a matter not understood by many of us.

(14) **Ringki Nababan**

very good article

(15) **Warren Wesley**

great article

(16) **peter neal**

Great article also. Thanks

Подобные комментарии не реализуют функцию экспланаторности в отсутствии минимального информативного компонента, на основании таких комментариев и позитивных отметок к ним можно лишь косвенно утверждать о том, как складывается положительный рейтинг статьи и ее автора.

Далее были скомпилированы результаты анализа пристайейного форума с количественно-качественными показателями высказываний в порядке предъявления в работе (табл. 1).

Таблица 1 еще не позволяет четко и наглядно проследить зависимость информативности от простого подсчета семантических и прагматических единиц текста комментария, однако уже демонстрирует разнообразие количественных параметров. Для выявления искомых зависимостей предлагается ввести ряд критериальных коэффициентов, позволяющих выяснить удельные значения отдельных единиц и коммуникативных ходов в комментариях с их перекрестным сравнением.

Так, будут рассмотрены следующие коэффициенты:

– в каких пропорциях находятся служебные и значимые слова (k_1 в табл. 2);

– какова доля лексики тематической релевантной контекстам комментируемой статьи (k_2 в табл. 2);

– соотношение тематически валидной и специальной (термин, профессиональный сленгизм или жаргонизм) лексики при их наличии (k_3 в табл. 2);

– отношение экспрессивной и экспрессивно-оценочной компоненты к значимой компоненте комментария (k_4 в табл. 2);

– влияние энтропии экспрессивно-оценочной компоненты на информационную ценность комментария, при учете, что наличие в нем аргументации принимается за единицу (1) при любом ее количестве и за ноль (0) при ее отсутствии или невозможности контекстуальной идентификации (к5 в табл. 2).

Таблица 1
Количественно-качественные показатели высказываний

№	Лексические единицы				Экспрессивные маркеры			Оценочные маркеры			Наличие аргументации
	Всего	Значимых	С тематической семантикой	Термины проф. Сленг	Автора статьи	Текста статьи	Участника форума	Автора статьи	Текста статьи	Участника форума	
1	57	36	17	11	0	6	0	0	2	0	1
2	71	35	14	12	0	0	0	0	0	1	1
3	111	62	15	5	2	6	26	0	2	10	1
4	33	20	9	4	0	0	9	0	0	1	1
5	24	14	8	3	1	1	0	0	0	0	1
6	84	48	22	16	5	5	0	0	0	0	1
7	55	32	19	6	0	7	1	0	0	1	1
8	24	18	5	2	0	1	3	0	1	5	0
9	12	9	2	2	2	3	0	0	3	0	1
10	36	18	8	2	5	0	4	0	0	4	1
11	10	6	0	0	0	0	0	0	0	0	0
12	6	5	2	2	0	1	0	0	4	0	1
13	14	6	0	0	2	6	6	2	6	6	0
14	3	2	0	0	0	2	0	0	2	0	0
15	2	2	0	0	0	1	0	0	1	0	0
16	4	4	0	0	0	2	0	0	2	0	0

Таблица 2
Удельные значения отдельных единиц и коммуникативных ходов в комментариях

№	Критериальные показатели				
	к1	к2	к3	к4	к5
2	0,49	0,40	0,00	0,03	0,97
5	0,58	0,57	0,00	0,14	0,86
6	0,57	0,46	0,73	0,21	0,79
1	0,63	0,47	0,00	0,22	0,78
7	0,58	0,59	0,32	0,28	0,72
4	0,61	0,45	0,00	0,50	0,50
8	0,75	0,28	0,00	0,56	0,44
3	0,56	0,24	0,00	0,74	0,26
9	0,75	0,22	1,00	0,89	0,11
11	0,60	0,00	0,00	0,00	0,00

№	Критериальные показатели				
	к1	к2	к3	к4	к5
10	0,50	0,44	0,25	0,72	-0,72
12	0,83	0,40	1,00	1,00	-1,00
15	1,00	0,00	0,00	1,00	-1,00
16	1,00	0,00	0,00	1,00	-1,00
14	0,67	0,00	0,00	2,00	-2,00
13	0,43	0,00	0,00	4,67	-4,67

Таблица 2 представляет более выраженные отношения между формально-семантическими и прагматическим параметрами комментария и позволяет выявить две основные критические закономерности: зависимость степени экспрессивности и степени тематической валидности комментария и, наверное, самую показательную зависимость – обратную пропорциональность тематичности и экспрессивности, что указывает на высокую степень энтропийности эмоциональной окраски комментария (рис. 1, 2).

Тот факт, что диаграммы построены на материале половины из имеющихся в пристатейном форуме комментариев, не изменяет коренным образом основной тенденции и главных зависимостей, как видно из рис. 3, 4, сформированный уже на материале всех 34 комментариев форума.

Так, приведенный анализ показывает закономерную зависимость степени информативности поста в пристатейном форуме от наличия/отсутствия в нем аргументации и экспертной оценки.

Однако, как показал более пристальный анализ, наиболее показательными являются:

- соотношение тематичности к экспрессивности, продемонстрировавшее очевидную обратную пропорцию (рис. 1, 3);
- соотношение экспрессивности и информативности, находящиеся в очевидной противофазе (рис. 2, 4).

Добавление в базу параметров пристатейного форума другой статьи [6] того же портала (рис. 5) и пристатейного форума из другого источника со схожей тематикой [7] выявило ту же тенденцию (рис. 6).

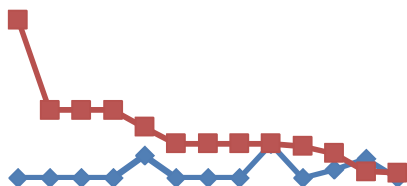

Рис. 1. Взаимозависимость степени экспрессивности и степени тематической валидности (иллюстративный корпус)

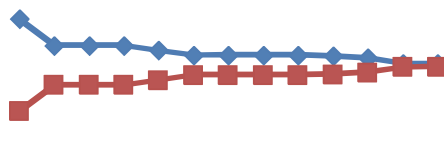

Рис. 2. Взаимозависимость степени экспрессивности и степени тематической валидности (весь форум)

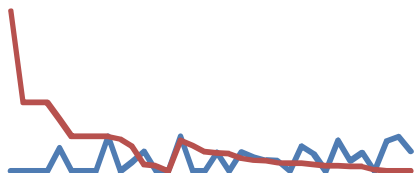

Рис. 3. Соотношение тематичности к экспрессивности (иллюстративный корпус)

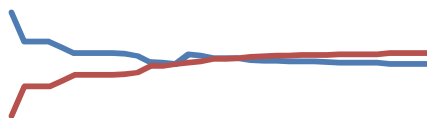

Рис. 4. Соотношение экспрессивности и информативности (весь форум)

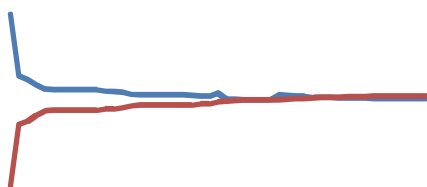

Рис. 5. Соотношение тематичности к экспрессивности, контрольные замеры (по: [6])

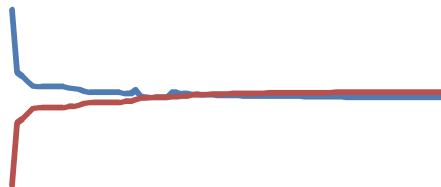

Рис. 6. Соотношение экспрессивности и информативности, контрольные замеры (по: [7])

Таким образом, если принимать во внимание удельный вес значимых слов с конвергентной тематике статьи семантикой, то можно вывести ряд критериев информативности поста в пристатейном форуме:

- обязательная эксплицитная вербализация мысли в рамках заявленного контекста статьи или информационного источника, другими словами, очевидная корреляция с заявленной тематикой, выражающаяся в наличии тематических и узкопрофессиональных лексем;

- текст комментария должен предполагать четко выраженный аргументированный контент;

- текст комментария содержит минимальное или нулевое количество оценочных и эмоционально окрашенных речевых компонентов в отношении автора/участников форума или собственно статьи.

Высказывание может быть сформулировано с привлечением лингвистических средств выразительности, что будет обуславливать высокую степень экспрессивности, однако, следует учитывать, что любая экспрессивность размывает общую информативность комментария, а в большинстве случаев закономерно снижает уровень информативности или вносит в общее контекстуальное поле элемент энтропии.

Заключение

Таким образом, критериальная база для интерпретации суждений участников является адекватным основанием утверждать о наличии повышения/понижения информативности сообщения, однако, не применима к значительной части материала исследования.

На основании проведенного анализа было также замечено, что объем комментария косвенно влияет на его объективность, но лишь с точки зрения рационального подхода. Это логично, так как для развития структурированной мысли требуются развернутые формулировки, что предполагает увеличение объема высказывания.

Анализ примеров дает повод утверждать, что оценочность суждения является фактором понижения информативности комментария. Средства, используемые для формирования оценки (художественные средства выразительности, например), будут значительно сужать семантико-прагматический слой содержательности комментария, даже несмотря на наличие информативного компонента. Данные закономерности прослеживаются в представленных диаграммах.

Таким образом, исходя из проанализированного материала, в качестве фактора информативности можно учитывать выявляемую осведомленность комментатора, включающую его знание предмета обсуждения и наличие очевидных связей с контекстом обсуждаемой проблематики. Все это позволяет судить о взаимной зависимости повышения или уменьшения информативности статьи, как от общей компетентности участника форума, так и от выбранной им коммуникативной стратегии.

Безусловно, нельзя изучить текст или дискурс больше того, насколько можно изучить данность его контекста. В этом плане интерактивный дискурс является очень подвижным явлением, потому что контекстуальные условия меняются при добавлении комментариев, т.е. здесь мы имеем дело с формированием особой информационной площадки, где качественное обогащение или деградация информационной составляющей происходит за счет вовлечения в диалог третьих лиц. Рассмотрев пристальный форум в его целостности и проанализировав высказывания участников форума как с точки зрения их коммуникативно-когнитивной содержательности, так и с точки зрения их диалогических и дискурсивных характеристик, мы можем заключить, что пост в пристатейном форуме в контексте публикации с ярко выраженной профессиональной тематикой может быть подвергнут анализу, определяющему его информационные характеристики. При этом анализ имеет смысл определять из расчета, что объективно каждый комментарий имеет когнитивно-коммуникативное наполнение и это будет сказываться как на общем содержании (речевом наполнении) комплекса статья + комментарии, так и в информационном статусе статьи.

Исходя из представленных устойчивых компонентов, выявляемых в материале исследования, могут быть выявлены следующие условия, при которых комментарий может быть причислен к категории «информативный»:

- наличие эксплицитной аргументации, приводимой в форме утверждений, предъявляющих объективные факты относительно содержания комментируемого текста (статьи или другого поста);

- присутствие тематической или профессиональной лексики, релевантной тематике как собственно статьи, так и разворачивающегося в пристатейном форуме дискуссии;

- наличие сведений или точки зрения, не актуализированных в статье, но повышающих ее экспланаторный потенциал или предъявляющих знания или положения, альтернативные содержанию и (или) проблематике статьи в рамках общего профессионального контекста.

В свою очередь, комментарий принимается за «неинформативный» в случаях, если:

- не содержит достоверной аргументации;

- по объему экспрессивной составляющей превышает или исключает значимый информационный компонент;

- осуществляет иррациональное заполнение коммуникативного пространства статьи (комментирование не в рамках темы) [3].

Вышеприведенное исследование показывает, что рассуждения, которым присуща явно выраженная и доминирующая экспрессивная компонента, часто не отличаются информативностью, голословны (вырваны из контекста), ассертивны (являются своего рода способом самоопределения комментатора в контексте информационного потока, но не предполагают его компетентного участия в нем). Предполагается, что категория комментариев подобного рода исключает ключевые этапы развития рациональной оценки (таких как анализ, синтез и моделирование), превращая их в необоснованные утверждения. Ключевой особенностью большей части этих комментариев является отсутствие обоснованной связи с заданным контекстом, т.е. они либо не отражают тематики сообщества и статьи, либо отражают его только номинально при помощи единично упоминаемых тематических лексем.

При этом очевидно, что рассматриваемые характеристики могут определяться как принадлежностью или близостью к концептуальному смысловому или семантическому ядру исходной публикации, так и референцией к самым дальним перифериям и иным концептуальным зонам, что, однако, не мешает активному включению в когнитивную или экспрессивную составляющую пристатейного форума в качестве равноправных реплик общего дискурсивного взаимодействия. Это позволяет предположить, что для технологии анализа единиц подобного рода в данном аспекте (статус информативности или не информативности) собственно ни качество медиаплатформы, ни ее тематические составляющие не имеют решающего значения до тех пор, пока мы не начинаем концентрироваться на смысловой валидности форума головной статье комплекса.

Имеет смысл утверждение, что пристатейные форумы являются не только новомодным явлением сетевой коммуникации, но могут квалифицированно воздействовать на информационное поле комментируемой статьи, увеличивая или уменьшая его валидность в профессиональных контекстах.

Кроме того, пристатейные форумы вносят дополнительный параметр публичной успешности или неуспешности публикации как своим числом (количество комментариев/продолжительность комментирования), так и уровнем профессиональной вовлеченности комментирующих в контексты статьи. Последнее очевидным образом определяет дальнейшие перспективы исследований в границах проблематики.

Список источников

1. Лотман Ю.М. Феномен культуры // Избранные статьи в трех томах. Т. I Статьи по семиотике и топологии культуры. Таллин : Александра, 1992. С. 34–45.
2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1986. 442 с.
3. Bloom Benjamin S. Taxonomy of Educational Objectives. Published by Allyn and Bacon, Boston, MA. Copyright (c) 1984 by Pearson Education. (1956). URL: https://www.ifeet.org/files/-Benjamin_S._Bloom-_Taxonomy_of_Educational_Object.pdf (дата обращения: 1.02.2024).
4. Свойкин К.Б. Дискретные характеристики речевого смысла // Вестник Мордовского университета. 2008. Т. 18, № 3. С. 159–162.
5. Roberts L. Deficit Spending the Only Thing Keeping the Economy Out of Recession Now // investing.com: онлайн-платформа. URL: <https://www.investing.com/analysis/deficit-spending-the-only-thing-keeping-the-economy-out-of-recession-now-200645311#comments> (дата обращения: 19.09.2024).
6. Alfonso Peccatiello. Europe Is Slowly Dying, Yet Markets Are Still in La-La Land // investing.com: онлайн-платформа. URL: <https://www.investing.com/analysis/europe-is-slowly-dying-yet-markets-are-still-in-lala-land-200653189> (дата обращения: 21.09.2024).
7. Ines Ferré. Why have solar stocks have been so volatile? One reason: The specter of a Republican victory in November // Finance.yahoo% онлайн-платформа. URL: <https://finance.yahoo.com/news/why-have-solar-stocks-have-been-so-volatile-one-reason-the-specter-of-a-republican-victory-in-november-171611184.html> (дата обращения: 24.09.2024).
8. Акулова А.А. Содержание термина «комментарий» в научном тексте и в узальном употреблении // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/soderzhanie-termina-kommentariy-v-nauchnom-tekste-i-v-uzualnom-upotreblenii> (дата обращения: 27.09.2024).
9. Дахалаева Е. Ч. Интернет-комментарии портала «новости mail.ru» как объект лингвистического исследования // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 6. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=11418> (дата обращения: 27.09.2024).
10. Ивлева А.Ю., Свойкин К.Б. Категория эквивалентности в отечественном и западном переводе // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2017. Т. 23, № 3. С. 71–77.
11. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М. : КомКнига, 2007. 144 с.
12. Актуальные проблемы современной лингвистики : учеб. пособие / сост. Л.Н. Чурилина. 6-е изд., стер. М. : Флинта: Наука, 2011. 416 с.
13. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века: (Опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века. М. : Издательский центр Российского государственного гуманитарного университета, 1995. С. 144–238.
14. Свойкин К.Б. Способы проявления продуцентного авторства в англоязычном научном тексте // Интеграция образования. 2006. № 1 (42). С. 178–182.
15. Арестова Е.В. Информативная составляющая комментария в интерактивном англоязычном медиадискурсе // XLVIII Огарёвские чтения : материалы науч. конф. : В 3 ч. / сост. А.В. Столяров ; отв. за вып. П.В. Сенин. Саранск : Изд-во Мордовского университета, 2020. С. 369–373.

References

1. Lotman, Yu.M. (1992) *Izbrannye stat'i v trekh tomakh* [Selected Articles in Three Volumes]. Vol. 1. Tallinn: Aleksandra. pp. 34–45.
2. Bakhtin, M.M. (1986) *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of Verbal Creativity]. Moscow: Iskusstvo.
3. Bloom, B.S. (1956) *Taxonomy of Educational Objectives*. Boston, MA: Allyn and Bacon. [Online] Available from: https://www.ifeet.org/files/-Benjamin_S._Bloom-_Taxonomy_of_Educational_Object.pdf (Accessed: 1.02.2024).
4. Svoikin, K.B. (2008) Diskretnye kharakteristiki rechevogo smysla [Discrete characteristics of speech meaning]. *Vestnik Mordovskogo universiteta*. 3 (18). pp. 159–162.
5. Roberts, L. (n.d.) Deficit spending the only thing keeping the economy out of recession now. *Investing.com*. [Online] Available from: <https://www.investing.com/analysis/deficit-spending-the-only-thing-keeping-the-economy-out-of-recession-now-200645311#comments> (Accessed: 19.09.2024).
6. Peccatiello, A. (2024) Europe is slowly dying, yet markets are still in La-La Land. *Investing.com*. 22 October. [Online] Available from: <https://www.investing.com/analysis/europe-is-slowly-dying-yet-markets-are-still-in-lala-land-200653189> (Accessed: 21.09.2024).
7. Ferré, I. (2024) Why have solar stocks have been so volatile? One reason: The specter of a Republican victory in November. *Finance.yahoo*. 26 October. [Online] Available from: <https://finance.yahoo.com/news/why-have-solar-stocks-have-been-so-volatile-one-reason-the-specter-of-a-republican-victory-in-november-171611184.html> (Accessed: 24.09.2024).
8. Akulova, A.A. (2019) Soderzhanie termina "kommentariy" v nauchnom tekste i v uzual'nom upotreblenii [The content of the term "commentary" in a scientific text and in everyday use]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/soderzhanie-termina-kommentariy-v-nauchnom-tekste-i-v-uzual'nom-upotreblenii> (Accessed: 27.09.2024).
9. Dakhalaeva, E.Ch. (2013) Internet-kommentarii portala "novosti mail.ru" kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovaniya [Internet comments on the Mail.Ru news portal as an object of linguistic research]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. 6. [Online] Available from: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=11418> (Accessed: 27.09.2024).
10. Ivleva, A.Yu. & Svoikin, K.B. (2017) Kategoriya ekvivalentnosti v otechestvennom i zapadnom perevodovedenii [The category of equivalence in domestic and Western translation studies]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya*. 3 (23). pp. 71–77.
11. Gal'perin, I.R. (2007) *Tekst kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text As an Object of Linguistic Research]. Moscow: KomKniga.
12. Churilina, L.N. (ed.) (2011) *Aktual'nye problemy sovremennoy lingvistiki* [Current Problems of Modern Linguistics]. 6th ed. Moscow: Flinta: Nauka.
13. Kubryakova, E.S. (1995) Evolyutsiya lingvisticheskikh idey vo vtoroy polovine XX veka: (Opyt paradigmalnogo analiza) [Evolution of linguistic ideas in the second half of the 20th century: (an experience of paradigmatic analysis)]. In: *Yazyk i nauka kontsa XX veka* [Language and Science of the Late 20th Century]. Moscow: Russian State University for the Humanities. pp. 144–238.
14. Svoikin, K.B. (2006) Sposoby proyavleniya produktivnogo avtorstva v angloyazychnom nauchnom tekste [Methods of manifestation of productive authorship in the English-language scientific text]. *Integratsiya obrazovaniya*. 1 (42). pp. 178–182.
15. Arestova, E.V. (2020) [Informative component of the commentary in the interactive English-language media discourse]. *XLVIII Ogarevskie chteniya* [48th Ogarev Readings]. Proceedings of the Conference. Saransk. 6–13 December 2019. Saransk: N.P. Ogarev Mordovia State University. pp. 369–373. (In Russian).

Информация об авторах:

Арестова Е.В. – ассистент кафедры английского языка для профессиональной коммуникации факультета иностранных языков, Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва (Саранск, Россия). E-mail: arestova.lena14@yandex.ru

Свойкин К.Б. – д-р филол. наук, заведующий кафедрой английской филологии, Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва (Саранск, Россия). E-mail: svoikin@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

E.V. Arestova, teaching assistant, Mordovia State University (Saransk, Russian Federation). E-mail: arestova.lena14@yandex.ru

K.B. Svoikin, Dr. Sci. (Philology), head of the Department of English Philology, Mordovia State University (Saransk, Russian Federation). E-mail: svoikin@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 12.04.2024;
одобрена после рецензирования 14.11.2024; принята к публикации 21.07.2025.*

*The article was submitted 12.04.2024;
approved after reviewing 14.11.2024; accepted for publication 21.07.2025.*

Научная статья
УДК 070:316.77
doi: 10.17223/19986645/96/13

Генезис медиаформатов отечественной гейм-журналистики

Дмитрий Анатольевич Беляев¹

¹ *Липецкий государственный педагогический университет
им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, Липецк, Россия, dm.a.belyaev@gmail.com*

Аннотация. Реконструируется история (с маркированием периодизации) российской игровой журналистики в контекстуальной взаимосвязи с технологической и социальной эволюцией медиа. Исследуется генезис медианарративов о видеоиграх. Эксплицируются семантико-семиотические характеристики (с поправкой на медиаформат) дискурсивных практик российской игровой журналистики. На основе данных опросов выявляются и интерпретируются особенности зрительских медиапредпочтений форматов отечественной гейм-журналистики.

Ключевые слова: игровая журналистика, видеоигры, печатные медиа, телевидение, сетевая гейм-журналистика, эволюция российской гейм-журналистики

Для цитирования: Беляев Д.А. Генезис медиаформатов отечественной гейм-журналистики // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2025. № 96. С. 243–266. doi: 10.17223/19986645/96/13

Original article
doi: 10.17223/19986645/96/13

Genesis of media formats of domestic game journalism

Dmitriy A. Belyaev¹

¹ *Lipetsk State Pedagogical P.P. Semenov-Tyan-Shansky University,
Lipetsk, Russian Federation, dm.a.belyaev@gmail.com*

Abstract. The research focus of the article is on reconstructing the dynamics of the development of Russian game journalism, the transformation of its media formats and multimodal semiotics, as well as on exposing peculiarities of viewers' media preferences. Methodologically, the research is based on a set of theoretical and empirical techniques: the principle of historical reconstruction of media narratives, the method of the multimodal semiotic analysis of media texts, and the method of a single answer online survey. In the history of domestic game journalism, two main stages can be identified: the classical (print-televisual) – from the early 1990s to the early 2010s – and the online-digital – from 2011–2013 to the present. During the first period, two mass media formats of public discourse about video games emerged – print and televisual. Within the framework of print media, the groundwork for the language of Russian game journalism was laid – the modal structure of presenting the material, its rubrication, narrative features and even nomenclature. A semiotic standard of a video game review as a non-linearly organised, semiotically asymmetric media text built on the convergence of the textual and the visual was formed. The frame of the internal structure of a game review comprises three central semantic clusters – narrative-related (plot and setting),

gameplay-related (gameplay, control and interface), and technical (graphics and sound). The new stage of domestic game journalism is characterised by the spread of online media platforms – websites, video hosting and streaming services. The existentially oriented concept of video game reviews, theoretically substantiated by Kieron Gillen in the manifesto "The New Game Journalism", according to which the main value of the game is concentrated in the player's personal experience, is gaining considerable popularity in the segment of citizen/blogger YouTube journalism. In the dynamics of the genesis of Russian game journalism, the semiotics of video game narratives gravitated to ever greater multimodality, and its semantics became more complex, evolving along the path of narrative professionalisation, which included the formation of conceptual identity and authorial stylisation. Data on game journalism media preferences in the 1990s demonstrate a greater influence of the televisual (58%) media format compared to print (42%). In the first decade of the 21st century, a change in media preferences was recorded with a noticeable shift (74%) towards print media. Modern information media preferences of game journalism testify to the leadership of the YouTube video hosting service (68%), with website media resources being in the second place (24%). The study notes the absolute marginality of classic media formats – television and print media, which together account for less than 1% in the structure of media consumption.

Keywords: game journalism, video games, print media, television, network game journalism, evolution of Russian game journalism

For citation: Belyaev, D.A. (2025) Genesis of media formats of domestic game journalism. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 96. pp. 243–266. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/96/13

Введение

Сегодня стало общим местом утверждение, что видеоигры (или «компьютерные игры» и «электронные игры» – в данном случае все эти понятия используются как синонимы, в случае их семантического различия это будет отмечаться отдельно) являются сегодня заметным медиафеноменом актуальной технокультуры. Соответственно, как любое значимое явление, видеоигры имеют вторичную медийную представленность в массовом публичном информационно-коммуникационном пространстве, т.е. становятся объектом журналистской репрезентации. В целом игровая журналистика выполняет множество разнообразных функций, среди которых, например, Р.П. Баканов и Р.И. Сабирова особенно выделяют рекреационную и информационную [1. С. 175].

На наш взгляд, рассмотрение игровой журналистики (или гейм-журналистики) важно в двух частично пересекающихся дискурсивных топиках. Во-первых, в динамике развития самой журналистики, освоения ею новых сфер и тематических направлений. Здесь видеоигры, с учетом особенностей их медиаязыка и культурной новизны, стали новым вызовом для журналистики, которая должна была во многом стихийно сформировать адекватные форматы их информационной репрезентации в публичном пространстве. Во-вторых, в контуре культурного масштабирования и социальной легитимации самих видеоигр гейм-журналистика имеет важное значение, форми-

руя инфосферу (со своими тематическими фокусами и семиотическими модулами) публичной дискурсивности, структурируя, направляя и создавая ориентиры (в широком диапазоне от критериально-оценочного инструментария до языка).

Данная работа посвящена отечественной гейм-журналистике, которая зародилась в России почти одновременно с началом массового проникновения в культурное пространство видеоигр в начале 1990-х гг. Основной исследовательской проблемой является реконструкция и анализ исторического развития и трансформации российской игровой журналистики, включая ее динамику, изменения в медиапредпочтениях аудитории и языковую эволюцию. Предполагается историческая экспликация отечественной гейм-журналистики в двух частично пересекающихся оптиках – с точки зрения журналистских медиаформатов и структурной семантико-семиотической организации журналистских текстов. При этом их раскрытие будет осуществляться в широкой контекстуальной рамке динамики медиатехнологий и отечественной видеоигровой индустрии.

Здесь сразу необходимо сделать одно существенное понятийное уточнение. Под «игровой журналистикой» мы в данном исследовании будем понимать всю совокупность публичного медийного контента о видеоиграх, распространяемого через различные массовые информационно-коммуникационные платформы. Соответственно, нами будет рассмотрен широкий пласт современных интернет-ресурсов (в частности, видеохостингов и сайтов), которые формально-юридически не квалифицируются в качестве СМИ и результата журналистской деятельности, но имеют важное значение в формировании современного видеоигрового медиадискурса.

Хронологически, отталкиваясь от использования доминантных медиаформатов, в истории отечественной гейм-журналистики можно выделить два основных этапа: классический (печатно-телевизионный) и дигитально-сетевой. Первый длился примерно 20 лет – с начала 1990-х гг. до начала 2010-х гг. Соответственно, на второй приходится последние 10–12 лет – примерно с 2011–2013 гг. по настоящее время. При этом сразу следует оговориться, что данные хронологические рамки в части перехода от одного периода к другому подвижны и имеют лишь условную привязку к какому-то конкретному событию/явлению. В переходе между этапами больше важно накопление критической массы различных количественных изменений (в развитии технологий скоростного интернета, появлении популярных сетевых платформ, смене стратегий медиапотребления и т.д.), создавших условия и основания для выделения качественно нового этапа в динамике гейм-журналистики. Далее в процессе раскрытия эволюции игровой журналистики мы, безусловно, отметим ряд, на наш взгляд, важных событийно-феноменальных маркеров.

Печатно-телевизионный период развития отечественной гейм-журналистики

Итак, переходя к рассмотрению становления и генезиса отечественной гейм-журналистики, необходимо отметить, что отдельные публикации в периодической печати о видеоиграх можно найти уже в СССР. Так, уже в 1977 г. в журнале «Радио» выходит статья «Домашние телеигры», в которой подробно разбирается функциональная схема игровой приставки «Magnavox Odyssey 200» и упоминается о возможности запуска на ней нескольких вариаций игры «Pong» [2], а в 1985 г. в советском компьютерном журнале «Микропроцессорные средства и системы» выходят сразу две статьи [3, 4], написанные по итогам посещения США делегацией от Академии наук СССР. Описание видеоигр в них было предельно лапидарным и имело научно-популярную направленность с акцентуацией на технической составляющей. В целом, они рассматривались как новый перспективный кластер развития бытовой электроники и «важное средство расширения масштабов внедрения компьютерной техники»¹. Далее выходит научно-популярная книга «ЭВМ: игра и творчество» [5], в которой видеоигры рассматривались в качестве инструмента развития технического творчества. Кроме того, в 1991 г. начинает издаваться журнал «ZX-Ревю», специализирующийся на рассмотрении относительно популярного в СССР компьютера «ZX Spectrum», его аппаратной архитектуры и программных приложений. Частью последних были видеоигры, которым в журнале был посвящен отдельный раздел. Они схематично описывались с точки зрения основ геймплея и управления, а также могли присутствовать поэтапные прохождения.

Однако эти примеры попадания видеоигр в медийный дискурс носили эпизодический и крайне ограниченный (с точки зрения информационного охвата) характер. Поэтому годом рождения уже собственно гейм-журналистики можно считать 1993 г., когда начинается издательство журнала «Видео-Акц Dendy» – первого специализированного российского медиа, имевшего массовое распространение (официальные тиражи выпусков превышают 10 000) и повлиявшего на дальнейшее развитие отечественной гейм-журналистики.

В первый период развития отечественной игровой журналистики сформировалось два массовых медиаформата публичного говорения о видеоиграх – печатный и телевизионный. Первый представлен довольно многочисленным спектром журналов, получивших широкое распространение. Кроме того, в эту группу можно отнести различные книжные издания с описаниями игр, их прохождениями и секретами, имевшими заметную популярность в 90-е гг. прошлого столетия. Другим медиаформатом стало телевидение, где появилось несколько специализированных программ и даже отдельных телеканалов, посвященных видеоиграм.

¹ Цитата с обложки журнала «Микропроцессорные средства и системы». 1985. № 3.

Рассматривая отечественную игровую журналистику на первом этапе ее развития, необходимо особое внимание уделить экспликации оснований возникновения и динамики ее сегмента, представленного журнальной периодикой, так как именно она в начале XXI в. стала концентрированным выражением всей российской гейм-журналистики. В ряду наиболее популярных игровых журналов, ставших значимой частью медийной архитектуры этого времени, можно назвать «Великий Дракон», «Магазин Игрушек»/«Game.EXE», «Страна Игр», «Навигатор игрового мира» и «Игромания». История появления и эволюции каждого из этих изданий по-своему интересна и примечательна, демонстрируя как характерные особенности всей отечественной гейм-журналистики, так и особые, авторские, траектории становления идентичности и профессионального развития.

Можно выделить ряд общих знаменателей и факторов исходного становления, характерных для практически всех первых гейм-журналистских медиапроектов (как в журнальном, так и телевизионном форматах). Во-первых, имела место тесная коллаборация, а иногда и прямая аффилированность с отечественными компаниями из видеоигровой индустрии. Чаще всего ими выступали фирмы (например, «Steepler» и «Gameland»), занимающиеся продажей видеоигр, приставок и компьютеров. Компании часто рассматривали гейм-журналы в качестве рекламного и маркетингового инструмента по продвижению своих товаров. Соответственно, данная зависимость прямо сказывалась на содержании журнальных публикаций и финансовой устойчивости изданий. Однако уже к концу 1990-х гг. печатные СМИ заметно эмансипируются, а оставшаяся рекламная связь с индустриальными партнерами не оказывает (за редким исключением) влияния на редакционную политику. Во-вторых, становление первых игровых журналов происходило в ситуации острейшего дефицита профессиональных кадров. В. Поляков, бывший в середине 1990-х гг. главным редактором журналов «Видео-Асс Денди» и «Великий Дракон», так описывает ситуацию: «Главной проблемой было отсутствие авторов. Профессиональной игровой журналистики как таковой в ту пору просто не существовало. Первые пять номеров практически полностью я написал в одиночку» [6]. Так, авторами текстов в первых выпусках журналов выступали сами же читатели – часто старшеклассники, а состав редакций на 80% состоял из недавних школьников и нередко студентов начальных курсов журфака и филфака. Е.Д. Кукшинова справедливо отмечает, что на модели «читатель–автор» строился значительный объем первых выпусков практически всех гейм-журналов [7. С. 78]. С одной стороны, это отрицательно сказывалось на формальном качестве (в плане языка, структурирования, нарративной логики и т.п.) публикуемого материала. С другой стороны, данная ситуация привела к формированию редакций журналов настоящими *любителями* (не только с точки зрения профессионально-журналистских компетенций, но и с точки зрения подлинной заинтересованности), что способствовало творческим инновациям и возникновению оригинальных решений, изначально не скованных профессиональным шаблоном мышления. Экс-главный редактор журнал «Game.EXE»

И. Исупов, на наш взгляд, очень точно характеризует общую атмосферу первых лет российской гейм-журналистики: «Это было безумно интересно ещё и потому, что мы получили редчайший шанс: взять и сделать невероятное – создать эту самую игровую журналистику» [8].

Одновременно каждый из названных журналов, исходя из преобладающих редакционных настроений и подспудно стремясь к формированию уникальной идентичности в публичном игровом медиадискурсе, внес свой особый вклад в пространство отечественной гейм-журналистики. Так, «Великий Дракон», будучи одним из прародителей игровой периодики, запомнился, в первую очередь, подростковой экспрессивностью текстов, «детским» дизайном и активной коммуникацией с читателями посредством публикации их текстов в различных рубриках. Примечательно, что если в середине 1990-х гг. все это было достоинством, способствующим популяризации изданий, то уже спустя 5–7 лет превратилось в недостаток, став одной из причин закрытия журнала.

«Game.EXE» специализировался исключительно на компьютерных играх, его редакционная политика отличалась ярко выраженным РС-фундализмом. Но больше всего его выделял авторский, часто артхаусный подход к формированию публичного дискурса о видеоиграх. «Большая часть статей в Game.EXE – авторские колонки, художественные рассказы, критические заметки и эссе в духе гонзо-журналистики» [9]. Авторы публикаций часто использовали постмодернистские техники работы с нарративом и художественно-рефлексивные приемы. Видеоигра, интерпретируемая в качестве культурного гипертекста, становилась отправной точкой для философски-софистических размышлений. Кроме того, для журнала было характерно концептуальное экспериментирование с текстом и дизайном. Его до некоторой степени антиподом был журнал «Страна Игр», стремившийся охватить и репрезентировать максимально широкий спектр видеоигрового пространства, не фиксируясь на отдельных аппаратных платформах. Издание позиционировалось в качестве универсального игрового СМИ, ориентированного на массовую и относительно взрослую аудиторию (с соответствующей нарративной стилистикой и дизайном). Одновременно в «Стране Игр» использовались отдельные экспериментальные интеграции, имевшие, однако, вполне массовое ориентирование. Например, стилизация под известную газету «Speed Info» или использование ретродизайна, копирующих стилистику верстки «Великого Дракона». Весьма показательно, что слоганом журнала в 2005 г., в разработке которого принял участие Т. Гэд¹, стал концепт: «игры как искусство» [10]. «Страна Игр» и «Game.EXE» пытались реализовывать концептуально одну и ту же идею, суть которой была в расширении границ интерпретации видеоигр, выход за рамки их социального маркирования в качестве исключительно развлека-

¹ Специалист по брендингу и автор знаменитого слогана «Nokia» – «Connecting people».

тельного феномена. Оба СМИ пытались открыть публике видеоигры как искусство, но если «Game.EXE» тяготел к постмодернистским деконструкциям, то «Страна Игр» опиралась на классические формы.

«Игромания», ставшая на пике (2005–2009 гг.) развития печатной гейм-журналистики самым массовым изданием в России, выделялась проработкой цифрового контента, распространяемого на CD/DVD-дисках вместе с журналом. Здесь особого внимания заслуживает видеоприложение «Видеомания», которое предложило новую, видеоцентричную концепцию подачи материала и стало прообразом медиаформ гейм-журналистики, характерных уже для следующего этапа ее развития. Наконец, «Навигатор игрового мира» первым среди российских СМИ (уже с 2000 г.) стал целенаправленно и системно заниматься популяризацией киберспорта, задолго до того, как это стало мейнстримовым направлением. Также он получил признание и в международном формате – с 2014 г. оценки, выставленные в журнале видеоигр, стали учитываться наиболее авторитетным международным агрегатором оценки видеоигр «Metacritic».

Весьма примечательна динамика тиражей игровых журналов в этот период. Начинают большинство изданий с печатных объемов от 5 000 до 15 000, со стандартной ежемесячной периодичностью выхода номера. Уже в 2000 г. тиражи увеличиваются в 3–5 раз, достигая 50 000–80 000, а на пике популярности печатных гейм-СМИ в 2006–2008 гг. объемы достигают 1 500 000–2 000 000. После этого начинается нисходящий тренд, имеющий более интенсивную динамику, – уже к 2012–2013 гг. тиражи большинства существующих журналов падают до 10 000–25 000, что, с учетом стоимости полиграфии и производственных затрат, недостаточно даже для окупаемости изданий. Соответственно, в 2012 г. был заморожен выпуск «Навигатора игрового мира», а в следующем году перестает издаваться «Страна Игр». «Игромания» формально будет издаваться до конца 2018 г., но последние 3–5 лет у журнала будет скорее «имиджевое» существование, которое содержательно не оказывало заметного влияния на актуальное к тому времени медийное пространство. Особняком в этой истории отечественной гейм-периодики стоит «Навигатор игрового мира», который всегда занимал не слишком заметное, в чем-то периферийное место в медиадискурсе. Однако сегодня он обладает уникальным статусом старейшего (и в общем-то единственного) российского игрового журнала, который продолжает издаваться в печатном формате.

Именно в рамках печатных изданий сформировались основы языка отечественной гейм-журналистики – модальная структура подачи материала, его рубрикация, нарративные особенности и даже понятийный аппарат. Все это, с поправкой на смену медиаформата, во многом актуально и сегодня. Медийная новизна видеоигр, представляющих разновидность кибертекста [11], их особенности (совокупность интерактивности, процедурности, мультимедийности, виртуальности и гипертекстуальности) в сравнении с другими формами экранных медиа обусловили изначальную неопределенность в том, как стилистически и структурно выстраивать рассказ о видеоиграх.

На первый взгляд, их ближайшим аналогом были кинофильмы, которые также являлись вариациями экранных текстов со сложной мультимодальной структурой. К тому же за последние 20 лет произошло значительное сближение видеоигр и кинофильмов, даже сформировался отдельный игровой жанр «интерактивное кино». Поэтому и журналистские дискурсы о них заметно сблизились. Однако на заре складывания отечественной гейм-журналистики игры и фильмы были еще весьма далеки друг от друга. Они принципиально отличались с нарративной, визуальной и сценарной точек зрения. Кроме того, геймплейный элемент, являющийся ядром любой игры, являлся принципиально новым измерением проявленности экранного текста. Соответственно, формат устоявшихся журналистских обзоров фильмов нельзя было экстраполировать на видеоигры, что требовало выработки новых стратегий описания. В силу этого язык игровой журналистики сразу оказался достаточно подвижен и гибок, формируясь в ситуации свободы от каких бы то ни было шаблонов и штампов, одновременно вбирая в себя множество специально сленговых выражений, англицизмов и неологизмов [12. С. 4].

К основным жанровым топикам журналов можно отнести следующие: новости, обзор, интервью, прохождение, хит-парад, обратная связь и секреты. Ведущим среди них является жанр обзора/рецензии, в рамках которого комплексно рассматривается игра [12. С. 3–4]. Первые описания видеоигр сводились к совмещенной дескрипции сюжета и геймплея. Причем сюжету в ранних обзорах игр часто уделялось неоправданно много места в сравнении с его реальной значимостью в рамках всего видеоигрового кибертекста, где он носил номинальный характер. В данном случае журналистская апелляция к нему была обусловлена необходимостью наращивать объем публикаций и сравнительно простотой возможностью конвертации сюжетного описания в нарратив обзора игры. Однако в течение 2–3 лет обзоры заметно усложняются, обретают внутреннюю тематическую организацию и семантическую стилистику. Сложилось множество стилистических вариаций обзора – от обезличенного, информативно-фактического пересказа геймплея и сюжета игры до авторского отвлеченного эссе. Так, В.И. Тармаева констатирует: «Можно выделить многочисленные варианты текстов рецензий, обращенных к разной аудитории и в связи с этим обладающих разнообразием систем взаимодействия между автором и адресатом; коммуникативных целей и стратегий; способов расположения и взаимодействия информативного, аргументативного и оценочного блоков; используемых речевых средств» [13. С. 346]. Однако примерно к началу XXI в. сформировался относительно устойчивый каркас внутренней структуры обзора. В ней можно выделить три центральных смысловых кластера: нарративный (сюжет и сеттинг), геймплейный (игровой процесс, управление и интерфейс) и технический (графика и звук). Соответственно, классический обзор игры включал в себя описание и оценку данных элементов. С учетом медийной специфики видеоигр, ключевым являлся геймплейный кластер, который, собственно, и выделял игры в ряду прочих экранных медиа.

Отечественные печатные издания изначально в качестве примера форматов подачи гейм-информации и ее нарративно-графического дизайна ориентировались на специализированные зарубежные игровые журналы, которые появились еще в 80-е гг. прошлого века. Более того, в самых первых выпусках «Видео-Асс Денди» использовались переводные репринты отдельных статей из французских и английских игровых профильных изданий. Все это значительно помогло в понимании основных принципов адекватной подачи печатной информации о видеоиграх.

Вообще быстро становится понятно, что популярный дискурс о видеоиграх не может строиться исключительно на текстуальной информации, она должна сочетаться с другими модусами знаковой выраженности. Медиальная информация об игре концептуально и семиотически складывается из нарративной и иконической частей. Быстро сформировался семиотический стандарт обзорной репрезентации видеоигры, который предусматривает одновременное текстуальное описание игры и ее визуальную демонстрацию. Причем последняя, выраженная в виде интерфейса, кат-сцен и геймплея, обычно доминирует в структуре общего сообщения об игре, занимая примерно 70% информационного пространства страницы журнала. А.А. Селютин справедливо отмечает: «Несмотря на то, что текст имеет важное значение по предоставлению информации об игре, он скорее является своеобразной комментирующей формой по отношению к визуальным элементам, наглядно и красочно демонстрирующим особенности компьютерной игры» [14. С. 210]. В связи с этим для печатных изданий критически важным являлось качество полиграфии, что непосредственным образом сказывалось на информационной привлекательности статей журнала. Одновременно нельзя однозначно говорить о безусловно подчиненной, вторичной функции текстуальных описаний. Обзор игры являлся нелинейно организованным, количественно асимметричным медиатекстом, который строился на конвергенции текстуального и визуального, создающей особый формат гейм-повествования.

Кроме того, понимая мультимодальный характер видеоигр и пытаясь использовать возможности аппаратных игровых платформ (компьютеров и консолей), издатели уже с конца 1990-х гг. делают приложения к журналам на CD-дисках, которые значительно расширяли информационно-коммуникационные возможности печатных изданий, превращая их в гибридные игровые СМИ. И эта практика с цифровым приложением к печатной версии журнала обретет всеобщую популярность (не останется игровых журналов, распространяемых без дисковых расширений) и будет стремительно масштабироваться. Так, общий информационный объем этого приложения за 10 лет возрастет более чем в 10 раз (от одного CD-диска до двух DVD-дисков). Данная тенденция ярко иллюстрирует то, что печатная гейм-журналистика пыталась осваивать новые, цифровые медиамодальности, которые фактически стали переходными форматами организации информационного дискурса о видеоиграх. Более того, отдельные журналистские проекты

носили опережающий характер для уровня развития современных медиатехнологий. Например, следует особенно выделить проект «Видеомания», состоящий из видеообзоров игр и репортажей, выходявший с 2004 г. в цифровом формате на дисках-приложениях к журналу «Игромания». Это мультиплатформенное видеоприложение стало для своего времени инновационным проектом, отчасти предвосхитившем форматы, получившие распространение на YouTube лишь спустя 5–7 лет. Журналистские материалы «Видеомании» отличались динамичным и параллельным монтажом, разнообразием нарративных видеорежимов презентации игры и качественной компьютерной анимацией. Все это создавало качественно иной уровень информационной подачи в гейм-журналистике, который, что особенно важно, полностью соответствовал динамике и вектору медиатехнологического прогресса.

Здесь уместно будет упомянуть пример зарождения альтернативного, локально-цифрового формата гейм-журналистики, который также появился в начале 90-х гг. прошлого столетия, но не получил широкого распространения, оставшись явлением нишевым и в общем-то маргинальным. В его рамках также создавались игровые журналы (например, «Spectrofon»), но не в печатном, а электронно-цифровом формате. Изначально выбор такого формата был обусловлен экономическими основаниями, так как качественная полиграфия требует значительных финансовых вложений. Электронные же версии журналов, распространяемые, как правило, на магнитных носителях информации (дискеты 5,25" и 3,5"), были несоизмеримо дешевле в производстве. В плане дизайна и организации информации эти издания были схожи (с поправкой на графические возможности компьютеров 1990-х гг.) с современными сетевыми версиями журналов, имея те же инструменты гипертекстуальной навигации, графические эффекты и т.п. Несмотря на такой, казалось бы, прогрессивный медиаформат реализации, на тот момент он оказался технологически несвоевременным, так и оставшись нишевым журналистским экспериментом.

Другим популярным медиаформатом отечественной гейм-журналистики на первом этапе ее развития стало телевидение. Содержательно оно развивалось параллельно печатному медиа, имея с ними крайне мало пересечений. В 1990-е гг. на центральных телеканалах появилось всего две тематические программы – «Dendy – Новая реальность» и «От винта!», пробывших в эфире 2–3 года. Несмотря на сравнительно небольшой временной период их трансляции, они быстро обрели в видеоигровом комьюнити культовый статус, став одними из символов массовой российской медиакультуры 1990-х гг. Далее в начале XXI в. на отечественном ТВ появляется более десятка различных телепрограмм и тематических рубрик о видеоиграх, которые транслировались исключительно на развлекательных каналах – «СТС», «Муз-ТВ», «MTV Россия» и «ТНТ». Кроме того, в 2007 г. создаются четыре специализированных канала – «Gameland TV», «Gamanoid», «Первый игровой» и «CyberGame TV».

Итак, первой телепрограммой, специально посвященной видеоиграм, стала «Dendy – Новая реальность», транслируемая с 1994 г. в эфире канала «2x2», а годом позже на «ОРТ». Основания появления данной передачи те же, что и в случае с первым игровым журналом, а именно – рекламно-маркетинговые. Ее продюсировала фирма «Steepler», являющаяся в середине 1990-х гг. крупнейшим в России продавцом игровых приставок и видеоигр. Поэтому выпуски содержали большое количество прямой и нативной рекламы товаров, распространяемых «Steepler». По общему информационному концепту, уровню профессионального исполнения и стилистики подачи информации телепрограмму «Dendy – Новая реальность» вполне можно сравнить с журналами «Видео-Асс Dendy» и «Великий Дракон». Их роднит любительски-экспрессивная информационная подача, «наивная» аналитика, «детский» дизайн и подчеркивание связи с аудиторией. Вообще сегодня эту программу оценивать достаточно сложно, так как она создавалась в ситуации отсутствия не только стандартов, но и даже примеров телевизионных форматов репрезентации видеоигр. В этом смысле положение телевизионной гейм-журналистики было значительно более сложное, чем печатной, так как у последней были вполне конкретные примеры в лице зарубежных игровых журналов. Однако в телевизионном формате таких примеров для ориентирования не было (точнее, они не были известны авторам), поэтому приходилось создавать передачу «с нуля».

Во многом популярность программы базировалась на двух основных факторах. Во-первых, на личной харизме популярного телеведущего детских передач С.Е. Супонева. Он обладал талантом интересно (в формате именно детской подачи) рассказать об игре при минимуме наличной о ней информации. Нередко при составлении обзора игры ведущий мог опираться на 1–2-минутный геймплей, само название игры и визуальное оформление полиграфии картриджа. Супонев максимально использовал имеющуюся информацию, конструируя увлекательное (в первую очередь, для подростковой аудитории) описание игры. Конечно, такой подход приводил к наличию множества фактологических ошибок, а сам обзор превращался в достаточно вольную фантазию на тему демонстрируемого игрового процесса. Второй группой факторов популярности программы стала ее объективная безальтернативность, тематическая новизна и, что особенно важно, набирающий силу тренд популярности в России самих видеоигр.

Другой знаковой телепрограммой 1990-х гг. о видеоиграх была «От винта!» с ее бессменными авторами и ведущими А.Г. Зайцевым и Б.А. Репетуром. Если прибегать к тем же аналогиям из медиадискурса печатных СМИ, то «От винта!» можно в какой-то степени сравнить с журналом «Game.EXE». Тематически передача также фокусировалась на компьютерных играх, а формально-стилистически ее обзоры часто представляли собой авторские видеозэссе с множеством различных культурных отсылок и контекстуальных интеграций, носящих исторический и художественный характер. Кроме того, практически каждый выпуск имел свою нарративную тему, в которую встраивался рассказ о конкретных играх. Обзор игры становился

частью более широкого телевизионного скетча. В «От винта!» был создан оригинальный формат игрового видеодискурса, который ориентировался на взрослую аудиторию. Тональность и стилистика разговора ведущих о видеоиграх выводили последние из стереотипной рамки социального маркирования как «детского развлечения». Наконец, достаточно примечательно и в определенной степени справедливо, что некоторыми исследователями передача квалифицируется в ряду отечественных предшественников видеоблогинга [15. С. 107]. Действительно, основываясь на описаниях авторами производственного процесса и целей создания программы, становятся очевидны параллели с некоторыми форматами современного игрового видеоблогинга.

Однако, несмотря на множество очевидных различий в форме подачи и целевых аудиторий программ «Dendy – Новая реальность» и «От винта!», их роднит то, что в собственно информационно-игровом плане их самый ценный сегмент – это непосредственная демонстрация геймплея игр, а вовсе не комментарии ведущих. Внутреннее смысловое структурирование, которое быстро стало характерно для обзоров игр в печатных медиа, не получило распространения в телевизионных передачах 1990-х гг. Соответственно, собственно рассказ об игре не содержал четких критериев описания и оценки контента, а значит не имел большой информационной ценности. Однако этот факт никак не умаляет значимости данных программ, а указывает на их адекватность временному моменту, понимание интересов и весьма стесненных технических возможностей целевой аудитории. Авторы программ чутко уловили, что на том конкретном этапе развития игровой индустрии в России для аудитории гораздо важнее было увидеть на телеэкране, тогда еще обладающем «магией» признания, разнообразные варианты видеоигр, публичная демонстрация которых сама по себе имела информационную ценность. В итоге обоим телепрограммам удалось создать уникальные для отечественной гейм-журналистики того времени форматы медиадискурса о видеоиграх, оставивших след в культурной памяти. Между тем дальнейшая история показала большую жизнеспособность и востребованность модальности, предложенной в «От винта!».

В первое десятилетие XXI в. появилось сразу несколько передач («Икона видеоигр», «Аватары» и «Без Винта!») и рубрик («Былое и DOOMы») на каналах «MTV Россия», «Games-TV» и «Gameland TV», в которых А.Г. Зайцев и Б.А. Репетур воспроизводили общий концепт их прошлого ТВ-шоу из 1990-х гг. Однако долговременного возрождения проекта не получилось. Он воспринимался с уважением и теплотой, в первую очередь, через начинающую набирать популярность оптику ностальгии по 90-м, но актуальность для новых зрителей в значительной степени утратил. В это время стремительную известность обретают новые авторы и подходы выстраивания телевизионного дискурса о видеоиграх.

Например, среди молодежной аудитории особую популярность обретают обзоры-комментарии видеоигр И.С. Давыдова (медийный псевдоним – Илья Мэддисон), который вел авторскую программу «Игры на вынос» на

«ТНТ». Нарратив был построен в форме авторско-экспрессивного комментария (с большим объемом сленговых выражений) геймплея, с акцентуацией на субъективные впечатления и множество отсылок из личного прошлого. Интересно, что в данном случае публику уже больше интересовал не транслируемый в передаче видеоряд из игры, который сам по себе не вызывал ажиотажа (в отличие от ситуации в 1990-е гг.), а авторский комментарий. Илье Мэддисону удалось найти чрезвычайно востребованную разговорную модальность медийной репрезентации видеоигр, именно она получает массовое распространение в широкой предметной оптике, но уже в другом медиаформате – видеоблогинге [16. С. 57]. Сам того не зная, ведущий реализовывал в своей обзорной практике идеи, заложенные в манифесте о «Новой игровой журналистике» К. Гилленом еще в 2004 г. «Ценность игры – не в игре, а в играющем. Что игрок чувствует и думает, когда инородный механизм овладевает его восприятием – вот в чём интерес, а не только в принципе действия. Игры всегда были цифровыми галлюциногенами – но игровые журналисты упорно изображали из себя химиков, рассуждающих о нейронных процессах мозга. Я же предлагаю описывать, как преобразается реальность, когда нас начинает накрывать» [17]. Здесь предлагался новый экзистенциально ориентированный концепт видеоигровых обзоров, как «где автор рассказывает о столкновении с субъективным опытом, который представляет ему игровой мир, или же взаимодействие с другими игроками, реальные события, окружающие игровой процесс и другой персональный опыт, который создает необычную историю» [18]. Именно эта модель игрового нарратива будет пользоваться огромной популярностью в формате сетевого видеоблогинга, но относиться это будет уже к новому этапу развития гейм-журналистики.

Одновременно на «MTV Россия» и «Муз-ТВ» появляется ряд достаточно типичных и концептуально стандартизированных передач о видеоиграх («ZOOM», «F.A.Q.», «Виртуалити» и «Страшно интересно»), имеющих информационно-новостную и обзорную направленность. В среднем каждая из них просуществовала в эфире около 2 лет, не снискав особой зрительской популярности. Та же участь постигла и появившиеся видеоигровые каналы. Сетка вещания на них была достаточно шаблонной, контент часто дублировался, а сам подход к его созданию был в плохом смысле любительским. В частности, нередко эфир заполнялся нарезками геймплея с дескриптивными комментариями игроков. Естественно, это не способствовало повышению интереса к телевизионному гейм-контенту, который все чаще начинал ассоциироваться с низким качеством и монотонностью. Как итог, к 2010 г. все игровые ТВ-каналы были закрыты, что подвело черту под всеми основными журналистскими практиками и экспериментами в телеформате.

Вообще весь телевизионный дискурс отечественной гейм-журналистики 2000-х гг. можно поделить на три семантико-стилистических медиамодальных сегмента: 1. Эксплуатация концепта «От винта!» и апелляция к ностальгии. 2. Интеграция видеоигр в типично-телевизионные стандарты развлекательно-молодежных программ. 3. Создание авторских (протоблогерских)

медиадискурсивных модальностей. В формате телевидения ни один из них не оказался жизнеспособным.

Причины упадка как печатного, так и телевизионного сегментов гейм-журналистики концептуально одинаковы. Конечно, можно много приводить экономических аргументов. Например, серьезное негативное влияние оказал кризис 2008 г., после которого значительно возросли производственные издержки и сократились рекламные поступления. Но нечто подобное было и в 1998 г., когда финансовый кризис ощутимо ударил по игровым изданиям. Однако большинством СМИ он был преодолен, и они вышли на траекторию роста и масштабирования, чего в конце 2000-х гг. не произошло, так как медиаинформационный контекст был совершенно другим. В этом смысле экономический кризис стал катализатором, уже назревающих в медиапространстве процессов. Стремительное развитие технологий скоростного интернета вкупе с динамичным масштабированием самого интернет-пространства, где появлялось множество новых форматов и платформ, привело к популяризации этой сетевой инфосферы. Информационная архитектура устройства и логика работы делала интернет-платформы оперативнее, свободнее, гибче и интерактивнее любых традиционных медиаформатов. Кроме того, новая медиасреда расширяла и делала естественным весь спектр цифровых мультимодальных семиотических структур, особенно важных для построения релевантного дискурса о видеоиграх, являющихся разновидностью мультимодальных кибертекстов. Новый формат, на что справедливо указывает А.А. Селютин, позволил по-новому (например, с точки зрения дескрипции и сигнификации) раскрыть конвергенцию визуального и вербально-текстуального, создав условия для максимизации успешности как производства контента, так и его потребления [14. С. 212].

Дигитально-сетевой период генезиса отечественной игровой журналистики

С начала 10-х гг. XXI в. можно отсчитывать новый этап в отечественной гейм-журналистике, характеризующейся доминированием интернета как новой сетевой медиаплатформы, на базе которой создаются отдельные субплатформы, а уже на них конкретные информационные ресурсы. Среди ключевых субплатформ можно выделить классические сайты с html-разметкой, видеохостинги (в первую очередь, YouTube) и стриминговые сервисы. Изначально сетевая гейм-журналистика развивается в формате сайтов, которые появляются уже в начале века. Новостной профиль стал самым успешным и востребованным их направлением, так как в случае новостной повестки скорость и оперативность публикации имели принципиальное значение. Здесь сайты сразу смогли качественно превзойти любое печатное и телевизионное игровое медиа. Другим преимуществом сайтов стало то, что их программный инструментарий позволял организовать каналы оперативной связи с потребителями контента, а также создать коммуникационные кластеры (как правило, форумы) для общения комьюнити. Все

это стало конкурентным технологическим преимуществом и базой в начале развития интернет-ориентированной гейм-журналистики.

Многие современные популярные игровые медиаресурсы изначально появились в формате сайтов. Например, можно назвать порталы «PlayGround», «GameMag», «Канобу», «StopGame» и «Игромания». В контексте демонстрации смены эпох и метаформатов гейм-журналистики показательна судьба сайта «Игромания», который также появляется в начале 2000-х гг. и изначально являлся периферийным интернет-приложением к одноименному печатному журналу. Однако с 2013 г. отдельные статьи с сайта начинают перепечатываться в основном журнале, а уже с 2016 г. на сайте появляется больше эксклюзивных текстов-обзоров, чем в журнале, после чего сайт окончательно становится основной медиаплатформой для всего информационного ресурса.

Далее сайты начинают расширять формы контентного наполнения, акцентируя внимание на мультимедиа-возможностях WWW-платформ. Особой популярностью пользовались тематически разнообразные видеointеграции. Вообще, с учетом возросших пропускных способностей интернет-соединений, позволявших просматривать потоковое видео в реальном времени, наиболее востребованным становится контент в видеоформате. И это совпадает с началом динамичного развития видеохостинга YouTube, который с 2010-х гг. становится основным пространством генезиса отечественной гейм-журналистики.

Практически каждый известный игровой сайт создает свое видеорасширение в качестве YouTube-канала. В ряде случаев именно эти каналы становились драйверами и основными форматами развития игровых порталов. Думается, самым показательным примером этого стала траектория эволюции «StopGame». Кроме того, именно YouTube и Twitch технически максимально упростили точку входа в публичное пространство видеоигрового медиадискурса, что привело туда массу обычных людей, совсем недавно являвшимися медиапотребителями, а теперь ставшими контент-мейкерами. Некоторые из них заняли заметное место в информационном пространстве.

Собственно, именно на этом этапе становится невозможно говорить о гейм-журналистике, опираясь только на формализованные маркеры журналистского различия, такие как официальная регистрация СМИ, аффилиация с редакцией и т.п. Например, у сайта «Канобу» есть официальное свидетельство о регистрации СМИ, а популярнейший (с охватом более 2 млн человек) ресурс «StopGame» не имеет официального статуса СМИ. То же относится к множеству игровых YouTube-каналов, имеющих большой пользовательский охват и влияние на комьюнити, которые ведут отдельные люди без всяких формализованных статусов. Соответственно, в этой ситуации оказывается категорически необходимо учитывать широкий спектр так называемой блогерской или «гражданской» журналистики. В этом отношении мы солидарны с А.А. Селютиным, считающим игровой видеоблогинг медийно-технологически естественной формой развития, масштабирования

журналистского дискурса [19. С. 140]. А в случае жесткого противопоставления условно «профессиональной» и «граждански-блогерской» журналистики, сегодня часто более востребована оказывается последняя. Уже в 2014 г. научный исследователь и инженер-программист Д. Ауэрбах отметил, что издателям для продвижения своих игровых продуктов выгоднее обращаться к гейм-блогерам, нежели к профессиональным журналистам, так как они влиятельнее и у них гораздо лучше выстроен контакт с аудиторией [20].

Среди множества существующих сегодня игровых YouTube-каналов необходимо отдельно выделить те, которые вносят наибольший вклад в формирование популярного игрового медиадискурса, а также повлияли на создание в нем новых трендов и жанрово-тематических направлений. В-первых, это YouTube-канал информационной платформы «StopGame». Несмотря на то, что ее экосистема является весьма разветвленной, присутствуя на различных сетевых субплатформах (сайт, YouTube, Twitch, Telegram и «ВКонтакте»), именно канал на видеохостинге YouTube является драйвером развития всего медиаресурса. На сегодня он имеет 2,4 млн подписчиков, что делает его одним из самых популярных в игровом сегменте. Вместе с высокими количественными показателями востребованности, «StopGame» активно развивает новые, подчас весьма оригинальные жанровые рубрики презентации видеоигр. Например, можно отметить рубрики: «История серии», где публикуются наиболее полные и проработанные исторические рассматривания известных серий игр; «Ретрозор», являющийся стилизованным видео-дайджестом классических игр прошлого; «Разбор полетов» – авторски-диалоговое (в лично-ориентированной тревел-стилистике) подробное рассмотрение видеоигр, неоднозначно принятых пользователями или незаслуженно забытых. Одновременно развивая новые тренды, они и весьма креативно подходят к реализации традиционных жанров рассказа о видеоиграх – обзоров, репортажей, хит-парадов. Особое внимание уделяется новостному блоку, под который выделен отдельный канал – «StopGame Инфакт».

Во-вторых, канал «IGM», имеющий 2,76 млн подписчиков. Он также отличается оригинальными тематическими рубриками и качеством их проработки. Например, в разделах «Легенды гемдева», «Игры, определившие время», «Эпоха пиратства» и «Игры по фильмам» рассматривается история видеоигр в широком контексте эволюции медиакультуры современности.

В-третьих, канал «TVG», у которого «всего» 432 тысячи подписчиков, выделяется нестандартной, социокультурной и отчасти научно ориентированной оптикой нарративного анализа видеоигр. В частности, рассматриваются темы философии, пропаганды, религии и психоанализа в видеоиграх. Причем все эти топики с теоретической точки зрения раскрываются весьма профессионально, на хорошем уровне оперирования широким спектром социально-гуманитарного знания и многочисленными культурными примерами. Одновременно ролики «TVG» сохраняют стилистическую увлекательность и информационную доступность для широкой аудитории.

Наконец, в-четвертых, канал «Kinamania» за авторством П. Гринева, имеющий также сравнительно немного подписчиков – 344 тысячи, но сыгравший большую роль в формировании и популяризации целого большого тематического направления в медиадискурсе о видеоиграх. А именно – П. Гринев, выпустив на своем канале в 2012 г. ролик «Проклятие серого слоненка» (имеет более 4 млн просмотров), посвященный экспликации в повседневно-бытовой оптике с множеством лично окрашенных комментариев динамики популяризации в России 1990-х гг. видеоигр. Далее в своих роликах автор окончательно сформировал жанр ностальгического тревел-обзора, важнейшей составляющей которого являются воспоминания о личных переживаниях и ситуациях, связанных с игрой. Этот формат дискурса о видеоиграх обрел в YouTube-пространстве большую популярность как среди зрителей, так и среди других контент-мейкеров, которые создают свои ролики в такой же стилистике.

Говоря о персональных YouTube-каналах, следует отдельно выделить весьма популярные ресурсы, созданные бывшими журналистами печатных игровых медиа. Например, канал А. Логвинова – автора и экс-продюсера «Видеомании», канал А. Макаренкова – главного редактора журнала «Игромания» в 2010–2015 гг., а также официальный YouTube-канал упоминаемого выше журнала «Навигатор игрового мира», имеющий ресурсную зрительскую базу в количестве 462 тысяч подписчиков. Последний интересен попыткой объединения в рамках YouTube-платформы ранее успешных проектов игровой журналистики, создаваемых в других медиаформатах. В частности, в период с 2016 по 2022 г. на канале был возобновлен выход программы «От Винта!» с ее бессменным составом ведущих. Также издание продолжает сотрудничество с Д. Пучковым, начавшееся еще в 1998 г. в рамках печатного журнала, который публикует в видеоформате свои новостные комментарии и обзоры видеоигр.

Примечательно, что семантическая модальность дискурса о видеоиграх многих популярных ресурсов выходит за рамки их исключительно развлекательного маркирования. Видеоигровой нарратив помещается в более широкую культурную рамку, тем самым подчеркивая объемное смысловое наполнение видеоигр, а также их полиморфный культурный статус. Так, в ряду наиболее оригинальных форм концептуально-семантической организации дискурса о видеоиграх можно выделить программу А. Глагольева «Хожение по играм», выходившую в 2011 г. на «Канобу». Ее автор – выпускник философского факультета СПбГУ и главный редактор (2003–2004 гг.) журнала «Страна игр», создал постструктуралистский формат говорения о видеоиграх в контексте множества смысловых пересечений с философскими, культурологическими и искусствоведческими сюжетами. В итоге передача об играх обрела форму артхаусных видеоэссе, с акцентуацией на вербально-текстуальной экспликации, раскрывающих множество линий стыковки видеоигрового нарратива с различными культурными топиками.

Можно констатировать, что в актуальном сетевом пространстве существует множество разной степени популярности видеоигровых медиаресурсов, тематика которых охватывает весь спектр жанров современной гейм-журналистики. Характерно, что в новом медиаформате сохранились практически все основные жанровые топики, сформировавшиеся еще в печатных СМИ. Семиотически они трансформировались в экранно-мультимедийный формат видео и гипертекста, реализуемого на различных сетевых субплатформах. К ним добавился еще один жанр организации дискурса о видеоиграх – анбоксинг (от англ. «unboxing» – «распаковка»). В его рамках информационный нарратив строится через репрезентацию сюжетной практики распаковки «игрового артефакта», носящей оценочный характер и содержащей личностные комментарии. Современные гейм-журналисты/контент-мейкеры при создании медиаконтента стремятся к максимальному (эмоциональному, коммуникационному и т.д.) вовлечению аудитории в информационный дискурс, «ставя на первый план возможность человека стать непосредственным участником и очевидцем происходящего в игровой индустрии» [7. С. 89]. Здесь очевидна стыковка основных особенностей самих видеоигр, направленных на максимальное субъектное вовлечение аудитории в виртуальную реальность, и, собственно, журналистского инфопространства. Оно стремится создать медиамодальности субъект-субъектного взаимодействия, выступающие основой сетевой коммуникации для новых медиа [21. С. 316]. Думается, эта модальная синхронность заметно влияет на популярность современных игровых медиаресурсов. Эта идея подтверждается исследовательскими выводами Е.А. Салиховой, которая констатирует, что «цифровая молодежь» переносит «опыт потребления видеоигр на потребление журналистского контента» [22. С. 274]. Наконец, для блогерской/гражданской гейм-журналистики характерна практика инфотейнмента, т.е. конвергенции информационной и развлекательной направленности конечного контента. Нередко экранный текст оценивается медиапотребителем в бинарной оптике «скучно/нескучно», и, собственно, за этим поведенческим паттерном следует современная игровая журналистика, предлагая «нескучные» вариации нарративов о видеоиграх [22. С. 269].

Социология динамики медиапредпочтений в отечественной игровой журналистике

В процессе рассмотрения данной темы было важно попытаться ответить на два вопроса: 1. Какой формат (печатный или телевизионный) СМИ был более востребован, как основной источник информации о видеоиграх, у профильной аудитории на первом этапе развития гейм-журналистики? 2. Какой формат медиа наиболее актуален в качестве информационного транслятора на современном этапе игровой журналистики? Ответ на них важен для формирования адекватного и дифференцированного понимания места гейм-журналистики в системе профильного медиапотребления. У нас была базо-

вая гипотеза, основанная на некоторых фактологических данных (объем тиражей, количество просмотров/посещений и т.д.) и логических конструкциях, реконструирующих модели и стратегии медиапредпочтений. Однако ответ на эти вопросы для максимизации его релевантности, на наш взгляд, обязательно должен иметь непосредственное эмпирическое фундирование. Поэтому в рамках соответствующих топик был проведен сетевой, закрытый опрос.

Для большей информативности и контекстуально-исторической дифференциации результатов сбор данных по первому вопросу был разделен на две хронологические рамки – 1990-е гг. и первое десятилетие XXI столетия. С учетом ретроспективного характера сбора данных по первому вопросу, при его проведении было одно принципиальное требование к респондентам – их возраст в период проведения опроса должен был быть не менее 8–10 лет. В сборе данных по каждому хронологическому периоду, относящемуся к первому вопросу, приняли участие по 900 респондентов. Опрос проводился с использованием релевантной в возрастном отношении базы пользователей YouTube-каналов «Kinamania» и «Дмитрий Бачило». В эмпирическом исследовании по второму вопросу для синхронизации данных также приняли участие 900 респондентов, являющихся студентами, магистрантами и аспирантами российских вузов.

Таблица 1

**Информационные медиапредпочтения в первый период развития
гейм-журналистики*, %**

Медиаформат	Телевидение	Печатные медиа
Уровень предпочтений в 1990-е гг.	58	42
Уровень предпочтений в 2000-е гг.	26	74

* В каждой временной рамке можно было выбрать один доминантный вариант.

По результатам первого, ретроспективного опроса мы получили весьма интересные данные (см. табл. 1). Расстановка информационно-игровых медиапредпочтений в 1990-е гг. оказалась в целом ожидаемой. Здесь мы наблюдаем большее влияние телевизионного медиаформата в сравнении с печатным. С учетом сохранения в то время пиетета к ТВ-контенту и трансляции передач о видеоиграх по центральным телеканалам, небольшое лидерство телевидения в структуре медиапотребления кажется вполне логичным. Характерно и показательно, что, несмотря на отмеченную нами информационную ограниченность телевизионной гейм-журналистики в это время, по своему влиянию на аудиторию телевизионный контент превосходил печатный. Хотя последний был заметно лучше по степени насыщенности полезной видеоигровой информацией. Еще раз отметим, это не стало новостью. Данный медиафеномен имеет множество объективных и вполне понятных факторов, объясняющих его. В их числе можно назвать как объективно значительно больший зрительский охват телевиденья, так и эмоциональное превалирование для подростковой аудитории эксклюзивной видеоинформации над текстуальными описаниями.

Более интересные и в какой-то степени парадоксальные данные получены по игровым медиапредпочтениям в первое десятилетие XXI в. (табл. 2). Здесь мы наблюдаем смену медиапредпочтений с заметным акцентом в сторону печатных медиа. В контексте наибольшего развития в этот период именно телевизионной гейм-журналистики большая информационная востребованность журналов, на первый взгляд, кажется неожиданной. Думается, объяснение этому кроется не в содержании игрового контента, который, на наш взгляд, в это время был примерно на одинаковом уровне в обоих медиаформатах, а, в первую очередь, в стремительной утрате актуальности для целевой аудитории самого телевизионного формата. В этом отношении журналы оказались технологически впереди телевидения благодаря своим дисковым цифровым приложениям, ставших шагом уже в другую медиаэпоху.

Таблица 2

Современные информационные медиапредпочтения гейм-журналистики*, %

Медиаформат	Сайты	YouTube-платформы	Twitch-трансляции	Telegram-каналы	Телевидение	Печатные медиа
Современный уровень предпочтений	24	68	4,9	2,3	0,3	0,5

* Можно было выбрать один доминантный вариант.

Исходя из полученных результатов, ландшафт современного медиапотребления в гейм-журналистике вполне предсказуем и, в целом, подтверждает наши базовые ожидания. В качестве доминантной информационной платформы с огромным перевесом лидирует видеохостинг YouTube, на долю которого приходится 68% медиапотребления от общей профильной аудитории. Далее, но уже почти с трехкратным отрывом, следуют сайты, которые являются основным информационным ресурсом для четверти аудитории. Несмотря на то, что в последние годы в целом в инфопространстве наблюдается заметный рост популярности платформы «Telegram», эта тенденция не затронула видеоигровой дискурс, присутствие в котором Telegram-каналов незначительно. Наконец, обращает на себя внимание абсолютная периферийность в структуре медиапотребления классических медиаформатов – телевидения и печатных СМИ, на долю которых в сумме сегодня приходится менее 1%. Это дополнительно указывает на произошедшую глобальную смену медиаэпох в гейм-журналистике.

Заключение

В итоге можно констатировать, что российская гейм-журналистика за последние 30 лет проделала большой путь от становления «с нуля» (со всеми с этим связанными организационными и профессиональными проблемами), через взлеты популярности, масштабирование и кризисы до концептуального медийного переформатирования и освоения современных се-

тевых платформ. Вместе с технологической трансформацией форм медийной репрезентации публичного дискурса о видеоиграх менялся и его язык. Семиотика видеоигрового нарратива стремилась к все большей мультимодальности, а его семантика усложнялась, эволюционируя по пути нарративной профессионализации, включающей формирование понятийной идентичности и авторской стилизации. Кроме того, гейм-журналистика играет важную роль в преодолении видеоиграми исключительно развлекательной рамки социального маркирования. Она создает семантически разнообразные дискурсы о видеоиграх, конституирующие их в качестве полиморфного технокультурного феномена.

Современное состояние отечественной игровой журналистики, с одной стороны, кажется вполне адекватным актуальному модусу развития информационно-коммуникационных технологий. Открытость сетевых медиаплатформ позволила значительно демократизировать журналистский дискурс, способствуя появлению множества примечательных авторских проектов. Кроме того, сетевой характер блогерской/гражданской журналистики более устойчив к корпоративному давлению индустрии, которое может негативно влиять на качество экспертной оценки [23], и позволяет избегать прямого конфликта интересов, сохраняя больший уровень независимости от игровых изданий. С другой стороны, предельная размытость профессионального статуса и, что в свете последних событий особенно важно, медийное центрирование в рамках видеохостинга YouTube создает риски для перспективного развития.

Список источников

1. Баканов Р.П., Сабирова Р.И. Игровая журналистика в современном российском медиапространстве: проблематика и функциональное разнообразие // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2018. № 2. С. 166–176.
2. Великович Е. Домашние игры // Радио. 1977. № 10. С. 60–61.
3. Лысенко Е.Е. Компьютерная игра с точки зрения психолога // Микропроцессорные средства и системы. 1985. № 3. С. 15.
4. Кочетков Г.Б. Компьютерные игры: свет и тени психолога // Микропроцессорные средства и системы. 1985. № 3. С. 16.
5. Александров В.В., Алексеев А.И., Семенко А.И. ЭВМ: игра и творчество. Л. : Машиностроение, 1989. 128 с.
6. Интервью с главным редактором «Великого Дракона» // Великий Дракон. URL: <https://gdragon.ru/gddarticle/valeriy-polyakov-interview/>
7. Кукушинова Е.Д. Жанры игровой журналистики: ретроспективный взгляд // VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал. 2022. № 2. С. 78. С. 76–92. doi: 10.34680/VERBA-2022-2(4)-75-91
8. Интервью. Игорь Исупов. URL: <https://kanobu.ru/articles/intervyu-igor-isupov-362831/>
9. Костин С. Журналы «Магазин Игрушек» и «Game.EXE». URL: <https://dtf.ru/retro/124874-zhurnaly-magazin-igrushek-i-gameexe>
10. История журнала. URL: <https://gameland.ru/history/>
11. Aarseth E.J. Cybertext: Perspectives on Ergodic Literature. Baltimore, 1997. 216 p.

12. Коданина А.Л., Стурова А.О. «Игровая» журналистика как массово-коммуникационный феномен // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. 2020. № 6 (31). С. 1–5. doi: 10.34680/2411-7951.2020.6(31).4
13. Тармаева В.И. Компьютерные игры и игровая журналистика // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 5. С. 343–350.
14. Селютин А.А. Визуализация текстового пространства в отечественной гейм-журналистике (на примере журнала «Игромания») // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2019. № 1. С. 209–215.
15. Текутьева И.А. Жанрово-тематическая классификация видеоблогинга // Медиасреда. 2016. № 11. С. 107–113.
16. Луциков В.А., Терских М.В. Жанрово-тематические и языковые особенности видеоблогов // Вестник Тамбовского университета. Серия: Общественные науки. 2018. Т. 4, № 14. С. 57–75.
17. Гиллен К. Новая игровая журналистика. URL: <https://gamer.livejournal.com/341026.html>
18. Яремчук А. Видеоигровая журналистика и медиаиндустрия: история развития и сегментация // А-фактор: научные исследования и разработки (гуманитарные науки). 2020. № 1. URL: <http://www.a-factor.ru/tekushchij-nomer/itemlist/category/113-sotsiologicheskie-nauki>
19. Селютин А.А. Жанровая специфика игровых видеоблогов // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2018. № 3. С. 139–144.
20. Auerbach D. Gaming Journalism Is Over // Slate. URL: <https://slate.com/technology/2014/09/gamergate-explodesgaming-journalists-declare-the-gamers-are-over-but-they-are.html>
21. Волкова И.И. Компьютерные игры и новые медиа: игровой подход к коммуникациям в виртуальном пространстве // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2017. Т. 22, № 2. С. 312–320. doi: 10.22363/2312-9220-2017-22-2-312-320
22. Салихова Е.А. Игровой контент в медиапотреблении «учащейся молодежи»: результаты опроса // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 83. С. 257–278. doi: 10.17223/19986645/83/13
23. Howard F., Sufyan M-B. Video Game Journalism and the Ideology of Anxiety: Implications for Effective Reporting in Niche Industries and Oligopolies // Journal of Media Ethics. 2020. Vol. 35, is. 1. P. 45–59. doi: 10.1080/23736992.2020.1731312

References

1. Bakanov, R.P. & Sabirova, R.I. (2018) Igrovaya zhurnalistika v sovremennom rossiyskom mediaprostranstve: problematika i funktsional'noe raznoobrazie [Game journalism in the modern Russian media space: problems and functional diversity]. *Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V.N. Tatishcheva*. 2. pp. 166–176.
2. Velikovich, E. (1977) Domashnie igry [Home games]. *Radio*. 10. pp. 60–61.
3. Lysenko, E.E. (1985) Komp'yuternaya igra s tochki zreniya psikhologa [Computer game from the point of view of a psychologist]. *Mikroprotsessornye sredstva i sistemy*. 3. P. 15.
4. Kochetkov, G.B. (1985) Komp'yuternye igry: svet i teni psikhologa [Computer games: light and shadows of a psychologist]. *Mikroprotsessornye sredstva i sistemy*. 3. P. 16.
5. Aleksandrov, V.V., Alekseev, A.I. & Semenko, A.I. (1989) *EVM: igra i tvorchestvo* [Computers: Game and creativity]. Leningrad: Mashinostroenie.
6. Dolina Velikogo Drakona. (2024) Interv'yu s glavnym redaktorom "Velikogo Drakona" [Interview with the editor-in-chief of "The Great Dragon"]. *Dolina Velikogo Drakona*. [Online] Available from: <https://gdragon.ru/gddarticle/valeriy-polyakov-interview/>

7. Kukshinova, E.D. (2022) Zhanry igrovoy zhurnalistiki: retrospektivnyy vzglyad [Genres of game journalism: a retrospective look]. *VERBA. Severo-Zapadnyy lingvisticheskiy zhurnal*. 2. pp. 76–92. doi: 10.34680/VERBA-2022-2(4)-75-91
8. Kanobu. (2016) Interv'yu. Igor' Isupov [Interview. Igor Isupov]. *Kanobu*. [Online] Available from: <https://kanobu.ru/articles/intervyu-igor-isupov-362831/>
9. Kostin, S. (2020) Zhurnaly "Magazin Igrushek" i "Game.EXE" [Magazines Toy Store and Game.EXE]. *DTF*. [Online] Available from: <https://dtf.ru/retro/124874-zhurnaly-magazin-igrushek-i-gameexe>
10. Strana igr. (n.d.) Istoriya zhurnala [History of the magazine]. *Strana igr*. [Online] Available from: <https://gameland.ru/history/>
11. Aarseth, E.J. (1997) *Cybertext: Perspectives on Ergodic Literature*. Baltimore: The Johns Hopkins University Press.
12. Kodanina, A.L. & Sturova, A.O. (2020) "Igrovaya" zhurnalistika kak massovo-kommunikatsionnyy fenomen ["Game" journalism as a mass communication phenomenon]. *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Yaroslava Mudrogo*. 6 (31). pp. 1–5. doi: 10.34680/2411-7951.2020.6(31).4
13. Tarmaeva, V.I. (2015) Komp'yuternye igry i igrovaya zhurnalistika [Computer games and game journalism]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 5. pp. 343–350.
14. Selyutin, A.A. (2019) Vizualizatsiya tekstovogo prostranstva v otechestvennoy geym-zhurnalistike (na primere zhurnala "Igromaniya") [Visualization of text space in domestic game journalism (using the Igromania Magazine as an Example)]. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya*. 1. pp. 209–215.
15. Tekut'eva, I.A. (2016) Zhanrovo-tematicheskaya klassifikatsiya videobloginga [Genre-thematic classification of video blogging]. *Mediasreda*. 11. pp. 107–113.
16. Lushchikov, V.A. & Terskikh, M.V. (2018) Zhanrovo-tematicheskie i yazykovye osobennosti videoblogov [Genre-thematic and linguistic features of video blogs]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Obshchestvennye nauki*. 14 (4). pp. 57–75.
17. Gillen, K. (2011) Novaya igrovaya zhurnalistika [New gaming journalism]. *Livejournal*. [Online] Available from: <https://gamer.livejournal.com/341026.html>
18. Yaremchuk, A. (2020) Videoigrovaya zhurnalistika i mediaindustriya: istoriya razvitiya i segmentatsiya [Video game journalism and media industry: History of development and segmentation]. *A-faktor: nauchnye issledovaniya i razrabotki (gumanitarnye nauki)*. 1. [Online] Available from: <http://www.a-factor.ru/tekushchij-nomer/itemlist/category/113-sotsiologicheskie-nauki>
19. Selyutin, A.A. (2018) Zhanrovaya spetsifika igrovyykh videoblogov [Genre specificity of gaming video blogs]. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya*. 3. pp. 139–144.
20. Auerbach, D. (2014) Gaming journalism is over. *Slate*. [Online] Available from: <https://slate.com/technology/2014/09/gamergate-explodesgaming-journalists-declare-the-gamers-are-over-but-they-are.html>
21. Volkova, I.I. (2017) Komp'yuternye igry i novye media: igrovoy podkhod k kommunikatsiyam v virtual'nom prostranstve [Computer games and new media: a gaming approach to communications in virtual space]. *Vestnik RUDN. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika*. 2 (22). pp. 312–320. doi: 10.22363/2312-9220-2017-22-2-312-320
22. Salikhova, E.A. (2023) Game content in the media consumption by studying youth: Survey results. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 83. pp. 257–278. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/83/13
23. Howard, F. & Sufyan, M-B. (2020) Video game journalism and the ideology of anxiety: implications for effective reporting in niche industries and oligopolies. *Journal of Media Ethics*. 1 (35). pp. 45–59. doi: 10.1080/23736992.2020.1731312

Информация об авторе:

Беляев Д.А. – д-р филос. наук, профессор кафедры философии, политологии и теологии, Липецкий государственный педагогический университет им. П.П. Семенова-Тян-Шанского (Липецк, Россия). E-mail: dm.a.belyaev@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

D.A. Belyaev, Dr. Sci. (Philosophy), professor, Lipetsk State Pedagogical P.P. Semenov-Tyan-Shansky University (Lipetsk, Russian Federation). E-mail: dm.a.belyaev@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 05.08.2024;
одобрена после рецензирования 01.11.2024; принята к публикации 21.07.2025.*

*The article was submitted 05.08.2024;
approved after reviewing 01.11.2024; accepted for publication 21.07.2025.*

Научная статья

УДК 004.55

doi: 10.17223/19986645/96/14

Установление повестки дня третьего уровня: опыт изучения медиапотребления российской «цифровой молодежи»

Денис Владимирович Дунас¹, Дарьяна Александровна Бабына²

^{1, 2} МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

¹ dunasdv@my.msu.ru

² babynada@my.msu.ru

Аннотация. Приводятся результаты верификации «смысловых рамок», сформулированных на основе изучения контента социальных сетей, популярных среди «цифровой молодежи», в ходе фокусированных групповых интервью в Москве, Барнауле, Нижнем Новгороде и Ростове-на-Дону. «Смысловые рамки» обсуждаются, уточняются и верифицируются с целью обнаружить возможный эффект фрейминга, т.е. обоснованной способности контента медиа воздействовать на умозаключения и поведение аудитории. В результате однозначное подтверждение воздействия получает не каждая конкретная «смысловая рамка» (порой одна противоречит другой), а сетевое единство нескольких «смысловых рамок», хотя и отличающихся в частном – нарративном проявлении, но объединённых общим – метанарративным суждением.

Ключевые слова: медиапотребление, «цифровая молодежь», установление повестки дня третьего уровня, фрейминг, фокус-группа

Благодарности: исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда (проект № 22-18-00398).

Для цитирования: Дунас Д.В., Бабына Д.А. Установление повестки дня третьего уровня: опыт изучения медиапотребления российской «цифровой молодежи» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2025. № 96. С. 267–284. doi: 10.17223/19986645/96/14

Original article

doi: 10.17223/19986645/96/14

Setting the third level agenda: A study of media consumption by Russian "digital youth"

Denis V. Dunas¹, Dariana A. Babyna²

^{1, 2} Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

¹ dunasdv@my.msu.ru

² babynada@my.msu.ru

Abstract. This article describes the results of verification of "meaningful frames" formulated on the basis of studying the content of social networks popular among "digital youth" during focus group interviews in Moscow, Barnaul, Nizhny Novgorod, and

Rostov-on-Don. "Meaningful frames" were discussed in 8 focus group interviews, which involved young people aged 17 to 21 years. The number of participants in each varied from 8 to 12 respondents, with a total of 77 respondents taking part in the study. The interviews were conducted from October 25 to November 10, 2023. "Meaningful frames" were verified in focus groups in order to detect a possible framing effect, that is, the justified ability of media content to influence the audience's conclusions and behavior. As a result, not each specific "meaningful frame" receives unambiguous confirmation of its impact (sometimes one contradicts another), but the network unity of several "meaningful frames", although differing in their particular – narrative – manifestation, but united by a common – metanarrative – judgment. If the narratives contained in the media are perceived by the audience in a heterogeneous manner, then the metanarratives to which they refer at a higher level of generalization create ideas about the picture of the world in the media, which are very cohesively shared by the audience representatives. Thus, a conclusion is made about the unconfirmed effect of framing as the second level of agenda setting, but the effect of setting the agenda of the third level is confirmed. The interconnection of "meaningful frames" at the metanarrative level was discovered: patriotism, self-esteem, civic duty and freedom were at the center of the network agenda. Patriotism was reflected in a variety of "semantic frames" expressed both in the thesis about improving life in Russia and in the thesis about love for national culture and pride in it. Social responsibility was associated with the topic of education, and the right to choose was perceived by young people, among other things, as the right to improve the quality of their own lives and improve their country. The focus groups showed that their participants have a generally similar and balanced picture of the world (both ontologically and constructed by the media). Similarities in basic values and ideas about what should and should not be, about the right and wrong were revealed. The study confirmed the network model of audience's perception of information, when the cognitive understanding of external social reality is presented in the minds of the media audience as something resembling a network, where numerous nodes are connected to each other in the form of associations, memory, feelings, and other cognitive processes.

Keywords: media consumption, digital youth, third-level agenda setting, framing, focus group

Acknowledgments: The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 22-18-00398.

For citation: Dunas, D.V. & Babyna, D.A. (2025) Setting the third level agenda: A study of media consumption by Russian "digital youth". *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 96. pp. 267–284. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/96/14

Введение

Теоретические исследования журналистики и массовой коммуникации, а позже новых медиа и цифровых медиакоммуникаций во многом опирались на исходную гипотезу о потенциальной возможности воздействия медиасодержания на убеждения, взгляды, представления, ценности и в конечном счете поведение аудитории через производство содержания – ключевой медиатехнологии, способной иметь медиаэффект [1]. При этом вопрос о влиянии медиа в нормативной традиции изучения медиакоммуникации не имеет однозначного решения, а суждения об их огромном потенциале воздействия

распространены прежде всего во внеакадемических кругах. Тем не менее отчасти гипотезу о медиавоздействии возможно подтвердить с помощью теории фрейминга. И. Гофман [2. С. 21] выявил, что социальное знание, которым владеют индивиды, существует в виде фреймов как «схем интерпретации», которые позволяют людям «находить, воспринимать, идентифицировать и обозначать» проблемы, события и темы и понимать, как все устроено [3–5]. Медиа контент также содержит знания, организованные в структуры – те же самые «схемы», которые разделяются обществом и помогают аудитории структурировать социальный мир [6. С. 11]. Журналисты, медиакommunikаторы, авторы цифрового контента, как правило, используют фреймы, которые соответствуют «схемам» аудитории, что, в свою очередь, усиливает доступность определенных схем в сознании общественности. По сути, ключевой целью исследования фрейминга является изучение того, как медиа связывают новые, медийно произведенные конструкты, с существующими схемами аудитории, хранящимися в их памяти и основанными на социальном и личном опыте. В большинстве исследований фрейминга анализируется именно содержание новостей [7, 8], в то время как сам процесс конструирования связей между содержанием медиа и восприятие его аудиторией с позиций фрейминга эмпирически изучался лишь в немногих работах.

Целью настоящего исследования стала попытка соотнести выявленные в контенте социальных медиа «смысловые рамки» с социальными установками молодых россиян в ходе проведения фокус-групп.

От иерархичной к сетевой модели повестки дня

В исходную гипотезу теории установления повестки дня положено представление о значимости пунктов повестки дня, транслируемых в медиа, для реальной – общественной – повестки дня [9–11]. Под пунктами повестки дня на раннем этапе концептуализации понимались такие темы и вопросы, как проблемы общества, политические кандидаты и потребительские товары и услуги, а также атрибуты, их описывающие [12], т.е. перечень тем и их оценочных характеристик, традиционно свойственных новостным медиа. Сегодня в условиях разрушенной монополии новостных медиа повестку дня формируют медиатизированные «значимые другие», алгоритмы, информационные пузыри, эхо-камеры, медиакультурные среды и прочие активные агенты цифровой многокомпонентной медиасреды [13], а перечень тем распространяется на все пространство жизнедеятельности современного индивида, который в процессе медиапотребления способен удовлетворить самые разные запросы [14].

Если первый уровень установления повестки дня определяет объекты, по отношению к которым медиа уделяют повышенное и, следовательно, приоритетное для общественности внимание; то второй уровень установления повестки дня фокусируется на атрибутах, утверждая, что свойства или характеристики, которые медиа придают объектам, репрезентируя их, влияют

на то, как аудитория их воспринимает. В истории медиаисследований насчитывается более 400 работ, эмпирически подтверждающих способность медиа устанавливать повестку дня в самых разных социокультурных контекстах [11, 15].

Как на первом, так и на втором уровнях установления повестки дня в центре внимания медиаисследователей оказываются те медиаэффекты, которые определяют значимость событий и их атрибутов в виде иерархий: т.е. какие темы более значимы, чем другие; и какие оценочные характеристики тем распространены более, чем другие. Внимание к новостям или освещаемым в них объектам определяет порядок значимости объектов или атрибутов в повестке дня СМИ, что, в свою очередь, влияет на относительную важность каждого элемента в сознании общественности. Традиционные исследования повестки дня основаны на иерархической линейной модели. В ее основе лежит представление об иерархичном способе восприятия информации: когда индивид воспринимает происходящие в обществе процессы или думает о конкретных событиях, то спонтанно формирует ранжированный список проблем и атрибутов.

В последние годы распространение получили теоретические описания не иерархических моделей восприятия человеком медиаконтента, а сетевых [16, 17]. В отличие от предыдущих исследований повестки дня, сетевая модель установления повестки дня обращает внимание на взаимосвязанные сетевые медиаэффекты. Данная модель в большей степени фокусируется на взаимосвязи проблем, атрибутов и других элементов, нежели на передаче значимости отдельных элементов как таковых. Согласно широко распространенной точке зрения, значимость индивидуальных объектов и атрибутов в медийной повестке дня напрямую влияет на значимость этих элементов в повестке дня публичной. Напротив, сетевая модель установления повестки дня утверждает гораздо более широкую и сильную связь: значимость взаимосвязи объектов и атрибутов в медиасреде влияет на значимость связи между данными элементами в обществе. Другими словами, то, как медиа ассоциируют различные объекты и атрибуты, будет влиять на когнитивные связи в обществе. При этом такие весомые прежде категории, как место события или его атрибута в иерархии повестки дня, не представляют принципиального значения, поскольку медиа конструируют семантическую связь между совокупностью различных элементов и формируют ментально широкие среды и пространства, а не отдельные элементы, значимые в общественном сознании ограниченно. Семантическая связь объединяет разрозненные проблемы и атрибуты и способна конструировать новые «схемы» или «смысловые рамки» и изменять давно предполагаемые семантические отношения между различными сообщениями. В конечном итоге появляющийся набор взаимосвязей в медиапространстве может быть перенесен в социальную реальность.

Дизайн эмпирического исследования: операционализация терминов, описание методов

Для выявления «третьего уровня» установления повестки дня нами была предпринята попытка верифицировать «смысловые рамки», выявленные в процессе контент- и интерпретативного анализа (выполненного на предыдущем этапе исследования), в ходе фокус-групп.

Операционализация. Под «смысловой рамкой» в медиа мы понимаем краткое, но логически завершённое смыслосодержащее умозаключение, наиболее очевидную интерпретацию из всех возможных интерпретаций медиасообщения, предполагающую знание как социокультурного контекста, так и актуальной повестки дня, в которую «смысловая рамка» встраивается. Понятие смысловой рамки избрано нами в качестве операционального термина, хотя мы понимаем его тесную связь с такими терминами, как метанарратив, культурный код и медиафрейм. Метанарратив представляет собой всеобъемлющую рамку, находящуюся над конкретным повествованием, сконструированную в определенном социокультурном контексте и состоящую из комплекса нарративов, формирующего в том числе базовые установки, понимание человеком «правильного» и «неправильного» [18, 19]. При этом метанарративы неразрывно связаны с социокультурным контекстом той эпохи, к которой относится их возникновение [20]. Метанарратив – стереотипизированный и абстрагированный культурный код, соотносимый с доминирующей системой ценностей и государственной идеологией, системой ценностей общества, нормами морали и другими весомыми для конкретных культур детерминантами макроконтента. Интегрируя в себя ценности и культурные коды, они имеют весьма устойчивую структуру, фундаментальную основу и являются незыблемыми на протяжении продолжительного периода.

Культурный код представляет собой систему символов, знаков, образов, языка и иных элементов, применяемых в рамках культуры для передачи информации и формирования ценностей. Он выступает своеобразным «языком» культуры, легко воспринимаемым членами данного общества. В более широком значении культурный код базируется на нормативных соглашениях, отвечая на ожидания, знакомые представителям конкретной культуры или субкультуры [21].

Под медиафреймом мы понимаем индивидуальную «схему» журналиста, медиакommunikатора или автора цифрового контента [4], способную активизировать существующую «схему» в когнитивных процессах представителя аудитории медиа, предопределяя его восприятие, отношение и поведение. Несмотря на то, что когнитивные процессы, а следовательно, и «схемы» уникальны для каждого индивида, некоторые из них являются общими для общества [22]. Естественно, что медиафрейм более эффективен в воздействии на общественное мнение, если он лучше соответствует уже сложившимся представлениям и убеждениям широкой общественности.

**«Смысловые рамки» медиасообщений в социальных сетях
в период с 20 по 26 июня 2022 г.***

Россия – сильная страна, которая защищает свой суверенитет. В основе ее мощи – сильный лидер, устойчивый рубль, закон, порядок и безопасность	404	21,7%
Семья и рождение детей – большое счастье для человека	140	7,5%
Россия в окружении врагов. Ее враги, прежде всего, США и Запад. Китай не враг, но относиться к нему следует осторожно. Белоруссия – друг	134	7,2%
У России богатая культура, как исторически, так и сегодня	111	6,0%
Современная популярная культура глобальна. Российская молодежь хорошо знакома с топовыми американскими блогерами и селебрити, фильмами и музыкой, а также с глобальными брендами	106	5,7%
Безусловно, в России есть свои проблемы: например, коррупция в регионах, несовершенное законодательство, недобросовестные бизнесмены	98	5,3%
У России богатая история, которую нужно помнить. Прежде всего, нужно хранить память о ВОВ	96	5,2%
Маленький человек часто попадает в беду. То на нем наживается крупный бизнес, то происходит природный катаклизм. Маленький человек нуждается в защите государства и общества	92	5,0%
Рэп и хип-хоп – самое прогрессивное сегодня музыкальное направление в России, которое представляют талантливые музыканты и блогеры	91	4,9%
Детство – это период жизни человека, который вызывает тёплые ассоциации	81	4,4%
Природа и животный мир восхищают своей красотой и умиляют	81	4,4%
Всегда важно во взаимоотношениях с людьми оставаться порядочным человеком: быть уважительным, вести себя достойно, уметь дружить	71	3,8%
Смерть человека – большое горе, но умершие живут в нашей памяти	68	3,7%
Важно вести здоровый образ жизни, что включает в себя активные виды отдыха, спорт, правильное питание, отказ от алкоголя и наркотиков	54	2,9%
Употребление алкоголя и курение допустимы. Особенно по праздникам	49	2,6%
Выдающиеся спортсмены — люди, достойные восхищения	36	1,9%
Действующая власть на Украине – это враг России, но это не относится к украинцам как народу, который для россиян остается братским	26	1,4%
Блогеры напоминают о том, что добиться успеха, славы и денег может каждый	23	1,2%
Бытовое насилие неприемлемо	21	1,1%
Высказывать свое мнение публично и иметь возможность свободно говорить все, что ты думаешь, – очень важно	20	1,1%
Традиционные патриархальные ценности устарели	17	0,9%
Криптовалюты не принесут ничего хорошего	10	0,5%
Образование, саморазвитие и прогресс важны как для отдельной личности, так и для всего общества	9	0,5%
Совершенной демократии на Западе нет	8	0,4%
Иноагенты остаются значимой частью российской культурной и общественной жизни	6	0,3%
Старших надо уважать	6	0,3%
Всего	1858	100%

* Всего изучены 1 134 публикации; в выборку вошли телеграм-каналы и публичные страницы: «Топор 18+» – 163 поста, «НЕ МОРГЕНШТЕРН» – 164 поста, «Кровавая барыня» – 142 поста, «Леонардо Дайвинчик» – 96 постов, «Рифмы и панчи» – 283 поста и «Овсянка, сэр!» – 286 постов.

На начальном этапе были выявлены «смысловые рамки» методами контент-аналитического исследования, интерпретативного анализа и мозгового штурма.

Для выявления «смысловых рамок» были отобраны 1 134 публикации телеграм-каналов и публичных страниц VK. Затем была произведена нарративизация, т.е. создание повествования о каждой из публикаций, которые впоследствии позволили сформулировать 26 «смысловых рамок» (см. таблицу). «Смысловые рамки» изложены подробно, по структуре напоминают завершённое по форме и содержанию развернутое, логичное умозаключение, содержащее изложение определенной позиции. Это основное отличие «смысловых рамок» от «медиафреймов» [23], которые, как правило, формулируются кратко в виде одного-двух слов. «Смысловые рамки» учитывают детерминанты как макроконтекста (соотносимость со стереотипизированным и абстрагированным культурным кодом, с доминирующей системой ценностей и государственной идеологией, системой ценностей общества, нормами морали), так и детерминанты микроконтекста (вариативность возможных интерпретаций конкретного медиасообщения, знание актуальной повестки дня), т.е. принимали во внимание метанарративы и культурные коды.

На следующем этапе были проведены фокус-группы с целью подтверждения или опровержения способности медиа оказывать влияние на оценку, интерпретацию или понимание того или иного события в информационной повестке дня представителями аудитории (эффект фрейминга) [24, 25].

«Смысловые рамки» обсуждались на восьми фокусированных групповых интервью, в которых приняли участие молодые люди в возрасте от 17 лет до 21 года. Количество участников в каждой варьировалось от 8 до 12 респондентов, всего в исследовании приняли участие 77 респондентов. Интервью проведены период с 25 октября по 10 ноября 2023 г. в Москве, Барнауле, Нижнем Новгороде и Ростове-на-Дону.

Нижний Новгород и Ростов-на-Дону были выбраны как города-миллионники, отличающиеся от Москвы по удаленности от центра, по расположению по сторонам света, по представленности молодежи в количестве около 1/3 от общего населения, а также по распространенности вузов и «учащейся молодежи» как аудиторной когорты, объединяющей старших школьников и студентов, т.е. ядра «цифровой молодежи». Барнаул был выбран осознанно как наиболее удаленный одновременно от Москвы, Нижнего Новгорода и Ростова-на-Дону город, не являющийся миллионником, однако с широкой представленностью вузов и «учащейся молодежи». В каждом из перечисленных городов было проведено по две фокус-группы, одна из которых включала студентов вузов, а вторая – учащихся колледжей. Все участники должны были быть подписчиками одного-двух исследованных нами сообществ.

Состав участников каждой группы был смешан по полу в пропорции 50:50 и предусматривал широкий спектр получаемого участниками образования (естественно-научного, технического и гуманитарного).

При проведении фокус-группы участникам по порядку демонстрировалась группа постов (от 4 до 8). Было предложено внимательно прочитать эти посты, посмотреть на их элементы (заголовок, подзаголовок, иллюстрацию, хештеги и эмодзи) и ответить на вопрос, какую повестку они создают, какая идея их объединяет. Далее зачитывалось содержание «смысловой рамки», и модератор спрашивал о том, согласны ли респонденты с этим обозначением. Другие вопросы касались эмоций, которые вызывают публикации, частоты встреч с публикациями, с которыми респонденты не согласны; причин быть подписчиком каналов и сообществ, с которыми не согласны; случаев, когда публикация заставила бы респондентов или их окружение пересмотреть свое мнение или поведение.

Средняя продолжительность фокус-групп составила 86 мин (минимальная – 75 мин, максимальная – 96 мин).

В каждой фокус-группе и городе ввиду ограниченности ресурсов на проведение полевого социологического исследования проверялось по одной «смысловой рамке» из четырех групп («небезопасные», «политические», «стиль жизни» и «традиционные ценности»). В каждой группе дополнительно были выделены обязательные и факультативные «смысловые рамки».

В статье приведены примеры прямой речи респондентов. Цитаты приводятся с минимальным редактированием – в том виде, как они были произнесены участниками исследования.

Результаты фокусированных групповых интервью

В ходе дискуссий выявлено, что объединяющим поляризованные точки зрения инструментом прекрасно выступают юмор и ирония. Использование их в постах позволяло достичь консенсуса при обсуждении вопросов, показавшихся участникам интервью спорными, – несогласные с мнением редакции акцентировали внимание именно на юмористическом подтексте: *«Я думаю, такие посты я бы спокойно пропускал, если бы не мог наложить на них слой иронии. То есть [надо] понять, что уже над этим стоит как-то смеяться только потому, что это уже не смешно»* (Нижний Новгород, студент вуза); *«Потому что, как я уже сказала, это отражение современной действительности через призму постиронии»* (Ростов-на-Дону, студентка колледжа).

В некоторых случаях ветви дискуссии, выражающие согласие или несогласие с содержанием публикаций, равно как и обсуждение «смысловых рамок», практически сразу уходили в обсуждение общих для всех участников ценностей, значение которых для респондентов выходило далеко за рамки конкретных нарративов: *«Понимаете, ценность – это то, о чем мы даже не задумываемся»* (Нижний Новгород, студентка вуза).

Так, выявленные в содержаниях публикаций «смысловые рамки» находили подтверждение или опровержение в процессе верификации совсем

других «смысловых рамок», объединяя их в сложные сети ассоциированных взглядов и установок.

Наиболее широко представленная смысловая рамка «Россия – сильная страна, которая защищает свой суверенитет. В основе ее мощи – сильный лидер, устойчивый рубль, закон, порядок и безопасность» обнаруживалась и расширялась при верификации ряда других рамок. Например, в ходе обсуждения рамки «Россия в окружении врагов. Ее враги, прежде всего, США и Запад. Китай не враг, но относиться к нему следует осторожно. Белоруссия – друг» респондентка выразила свое несогласие, подчеркнув влияние России на международной арене: *«Потому что была такая шутка, что весь мир против России, – это, допустим, вот эта маленькая Европа, США, Канада – и все. А есть еще очень много стран. И это не враги. Они в основном либо в нейтралитете, либо поддерживают нашу страну»* (Ростов-на-Дону, студентка колледжа).

При этом к теме международных отношений респонденты обращались не раз, выражая несогласие с политикой западных стран и их представлениями о справедливости: *«Нападение Хамас на фестиваль музыки. Насколько они там зверски с людьми обошлись. И ничего никто не говорит, то есть нет каких-то обвинений, нет каких-то сильных санкций, в отличие от начала СВО. Показало, насколько сильно пропаганда работает в разных странах»* (Москва, студентка вуза). Справедливо было и обратное, когда тема внешнеполитического противостояния звучала при обсуждении нарратива о силе России: *«Я правда люблю Россию и люблю нашего президента, потому что он всегда держит свое слово, даже сейчас, учитывая то, что у нас много врагов»* (Москва, студентка колледжа).

Обсуждение «смысловой рамки» «Детство – это период жизни человека, который вызывает теплые ассоциации» вводило респондентов в обсуждение государственных инициатив: *«Про детский проезд – это гордость за свою страну, в первую очередь, что хотя бы что-то»* (Нижний Новгород, студент колледжа).

Способность России быть опорой и оплотом справедливости и порядка подтверждалась респондентами в ходе обсуждения смысловой рамки «Маленький человек часто попадает в беду. То на нем наживается крупный бизнес, то происходит природный катаклизм. Маленький человек нуждается в защите государства и общества», однако здесь же поднимается и другая значимая для молодежи тема – социальной ответственности человека и гражданина: *«Что общество, что государство, оно может обеспечить [защиту]. У него есть такие ресурсы. Общество, если видит какую-то несправедливость, может вмешаться. Государство, если видит какую-то несправедливость, у него больше шансов вмешаться и как-то потребовать справедливости в той или иной ситуации. У государства больше средств для этого. Общество может своими силами. Государство располагает и обществом, и какими-то своими возможностями»* (Москва, студент колледжа); *«Лично я, когда хожу [по улицам. – Прим. авт.], чувствую себя в без-*

опасности. Я уверен за то, что правоохранительные органы наши справляются... и у меня были опыты, и спокойно приезжали правоохранительные органы. Я за это уверен» (Москва, студент колледжа).

Тема социальной ответственности и справедливости представлялась респондентам важной при обсуждении целого ряда «смысловых рамок», и дискуссия сводилась к необходимости, во-первых, осознавать последствия своих действий для других людей, во-вторых, проявлять озабоченность проблемами как близких, так и сограждан в целом.

Гражданская активность представляется способом решения насущных проблем, с которыми сталкивается человек каждый день, при этом самосуд резко осуждается: *«Такой насечкой намек на самосуд небольшой. Но зачем провоцировать насилие и насилие? [...] Да, он сделал плохой поступок, но у человека нет права вершить чужие судьбы»* (Нижний Новгород, студентка вуза). Общее неприятие насилия также видится респондентам социальной проблемой, требующей решения в том числе через убеждение: *«В принципе, насилие неприемлемо. Бытовое, гражданское, любое»* (Нижний Новгород, студентка колледжа). *«Нет, я согласен с людьми. То, что бытовое насилие неприемлемо. Но люди все равно это осознают. И люди понимают, что это неприемлемо, но каждый раз наступают будто бы на одни и те же грабли»* (Нижний Новгород, студент колледжа).

Стоит отметить, что насилие в условиях войны воспринималось в ходе дискуссии как возможное: *«Насилие, допустим, на войне, – это нормально»* (Нижний Новгород, студентка колледжа).

Социальная ответственность в вопросах защиты своих сограждан, в особенности женщин и детей, находила отражение в дискуссиях как о насилии, так и о счастливом детстве, об уважении к старости, о сохранении традиционных семейных ценностей, о помощи слабым: *«Даже в ранних патриархальных обществах за посягательство на половую неприкосновенность женщины, а если не дай Бог она и замужняя, следовало строгое наказание не только от этой самой женщины»* (Нижний Новгород, студентка вуза). *«Даже сходить в туалет, сходить руки помыть 10 рублей стоит. Вопиющая несправедливость»* (Москва, студент колледжа). *«Это просто непонимание, куда вообще родители смотрят [обсуждение поста о девочке, которая родила в 13 лет. – Прим. авт.]»* (Барнаул, студент вуза). *«Ну, с одной стороны, да, какое-то уважение есть к людям [блогерам. – Прим. авт.], потому что они нашли какую-то точку продвижения. Они на этом зарабатывают и так далее. Но [есть] непонимание того, почему за какие-то подобные работы такая большая оплата, а за работы как бы действительно полезные обществу люди не получают таких денег. Все сейчас стремятся у нас как раз-таки в такие вот блогерства, а работать никто не хочет уже»* (Нижний Новгород, студентка колледжа).

Ответственное отношение к здоровью, признание личной ответственности человека за свое здоровье, выражение негативного отношения к употреблению алкоголя и курению среди молодой аудитории озвучено респондентами: *«Я сам человек, который от алкоголя и никотина отказался, и для*

меня это все отодвинулось. Я понимаю, что для многих людей это хорошо, для многих людей это может быть лекарством. Но я понимаю деструктивность этого, и тут каждый уже сам найдет, хорошо это или плохо» (Ростов-на-Дону, студент вуза). «Все эти посты пропагандируют нездоровый образ жизни» (Ростов-на-Дону, студент колледжа). «Все эти посты объединяются тем, что молодое поколение принуждают употреблять алкоголь и курить» (Ростов-на-Дону, студентка колледжа).

Особой критике респондентов подвергалось безответственное отношение к распространяемой в медиа информации – вплоть до признания допустимости государственного регулирования контента в Сети: «В Китае запретили вести стримы образовательные. Думаю, в Китае все хорошо с этим, и они специально контролируют контент образовательный, чтобы не туманить людей» (Ростов-на-Дону, студент вуза). «Над содержанием никто особо не парится. Нет темы <...> Это распространение ради распространения. Здесь нет никакой смысловой нагрузки. Правильно заметили, что эта информация никак не усваивается в дальнейшем. Потому что она бесполезна. Она не несет в себе ровным счетом ничего» (Ростов-на-Дону, студентка вуза). «В пабликах половина может быть ложью» (Москва, студент вуза).

При этом опрошенные студенты оперировали такими понятиями, как «окно Овертона» или «информационные манипуляции», и часто критиковали медиа за попытку управлять их мнением: «Мне не нравится, когда я получаю новость в каком-то не нейтральном виде» (Москва, студент вуза), «Человек [блогер-иноагент. – Прим. авт.] бесконечно уверен в своей правоте, и поэтому он, в отличие от журналиста, не думает, что он остается между строк, говорит прямо. И вот там уже часто встречаются такие черно-белые высказывания, бесконечная уверенность в том, как все должно быть. И у меня отворачивание это все вызывает» (Москва, студент вуза).

Обнаруживая попытку манипуляции со стороны социальных медиа, респонденты реагировали остро, воспринимая это болезненно, как оскорбление чувства собственного достоинства: «Если серьезно это воспринимать, то во мне это вызывает только гнев, потому что, во-первых, сразу видно, что посыл такой – внушить что-то человеку. Это не нейтральная какая-то информация, которую можно проанализировать. Это просто нам выдают факты какие-то – думай вот так» (Москва, студент вуза). «У меня складывается такое ощущение, что моим мнением хотят манипулировать. И более того, не просто манипулировать мнением, а делать это очень грязно. Они пытаются испугать меня и внушить мне идею, что мало того, что лично я нахожусь в огромной опасности, так еще и опасность, она меня окружает...» (Ростов-на-Дону, студент вуза). «Меня удивляет, что такое утверждение основывается на фейковых новостях» (Ростов-на-Дону, студент колледжа).

О необходимости государственного вмешательства в установление рамок дозволенного упоминается респондентами в контексте борьбы с недоб-

росовестными инфобизнесменами, посягающими на право людей на качественное образование – важную ценность для «цифровой молодежи». Саморегулирование, в том числе в границах допустимого в юморе, представляется основой возможности гармоничного существования другой ценности – свободы слова: *«Соглашусь с тем, что должны быть какие-то рамки. Например, ты можешь высказывать свое мнение, но так, чтобы не задеть чью-то личность»* (Барнаул, студент вуза). *«Какие-то шутки делать из этого [политики, санкций. – Прим. авт.], мне кажется, ужасно»* (Ростов-на-Дону, студент вуза). *«По поводу образования для общества, если поговорить о Китае, то можно сказать, что, в принципе, да, там общество будет развиваться, потому что некомпетентных людей, которые не обладают знаниями в данной сфере, их забанят просто. А те, которые обладают каким-то дипломом или документами, подтверждающими их знания, то они могут заниматься в этой сфере, и тогда люди будут им доверять хотя бы на такой структурной основе, что у них есть хотя бы сертификат, что он магистрант»* (Ростов-на-Дону, студент вуза).

Значимость образования в жизни «цифровой молодежи» подчеркивалась резким неприятием «псевдообразовательного» контента, который, по мнению опрошенных, не представляет информационной ценности и может даже вредить. При этом важность саморазвития не вызывала сомнений у респондентов: *«Эти вот посты с саморазвитием, которые здесь представлены, – это как съесть шоколадку вместо нормального обеда. То есть это выступает больше в роли деструктивна, нежели чем какого-то развития»* (Ростов-на-Дону, студент вуза). *«Образование должны давать компетентные люди, а не какие-то там паблики: которые даже не подкреплены никакой ссылкой из официальных источников»* (Ростов-на-Дону, студент колледжа). *«А вот тут посты делают чисто ради денег, только ради денег. Получил ли какие-то знания? Ну да, про Китай интересно, что они реально спохватились и ограничивают контент, только там с какой-то проверкой. То есть у них, видать, сейчас все налаживается»* (Ростов-на-Дону, студент колледжа).

Позитивное отношение к государственному регулированию сферы образования и образовательного контента в интернете не следует приравнивать к полному одобрению подобных мер повсеместно. Оценивая ценность свободы и, что важно, свободы выбора, респонденты довольно остро воспринимали попытки вмешательства в сферу личной жизни, сохраняя неприязненность, например, традиционным семейным ценностям – как при выражении собственных взглядов, так и через критику западных веяний, повестки инклюзивности и чрезмерного расового разнообразия: *«Допустим, я вот не поддерживаю там всякую ЛГБТ¹-тематику, а когда, бывает, это выкладывают, просто пролистнешь и все»* (Нижний Новгород, студент колледжа). *«Я не расист, но считаю, что там, где их не было никогда, их*

¹ Деятельность «Международного общественного движения ЛГБТ» запрещена в Российской Федерации.

не должны туда подсаживать» (Барнаул, колледж). «Я заметила общее, что женщины стали достаточно одинокими, доступными. Начали высмеивать какие-то мужские низменные потребности в переписках» (Нижний Новгород, студентка колледжа). «Патриархальные традиционные ценности – это когда есть мужчина, женщина и у них есть большая семья» (Нижний Новгород, студент колледжа). «Потому что здесь все высказывают свое мнение, кто за ЛГБТ¹, кто за феминизм. Кому-то это интересно. Просто в Интернете это вызывает только негативные эмоции, потому что очень многие с этим не согласны, особенно в России» (Барнаул, колледж). «Знаете, вот самая лучшая мысль – о том, что здесь [в постах, описывающих, например, женщину, вышедшую замуж за куклу, или проявление насилия. – Прим. авт.] на самом деле у всех людей достаточные психические отклонения. Когда ты нарушаешь границы другого, умышленно [начинаешь. – Прим. авт.] приставать к кому-то домогаться – это отклонение. Пол сменил – это отклонение» (Нижний Новгород, студентка колледжа).

Защита традиционных российских ценностей проявлялась и в обсуждении публикаций культурной тематики, в особенности – проблемы глобализации культуры. В ходе дискуссии респонденты подчеркивали значимость российской культуры как в мировом культурном пространстве, так и для самих себя: «Я не знаю, как это сформулировать, но нет прямо единой популярной культуры, и популярно для каждой группы людей что-то свое» (Барнаул, студент колледжа). «Как и сказали, почему тут нет ни одной русской новости. Нет именно о русском ком-нибудь, именно о каких-то русских» (Барнаул, студентка вуза), «Почему мы не говорим там о сильной нашей культуре, многовековой?» (Москва, студент колледжа).

Будучи по своей природе патриотами, настроенными на конструктивную деятельность на благо России, респонденты оставляли за собой право на свободу высказываний, под чем подразумевали возможность артикулировать существующие несовершенства, а также право на свободу выбора, которую, по их мнению, нарушают выявленные ими информационные манипуляции: «Каждый может говорить, что хочет» (Ростов-на-Дону, студент вуза). «Здесь про людей вообще ни слова нет. Россия – это в первую очередь человек как таковой» (Москва, студент колледжа). «Так как я видел много постов подобного толка, и я считаю, что те, кто их публикует, просто пытаются поэксплуатировать опять-таки ностальгические чувства, причем непонятно, какой конкретно возрастной группы» (Нижний Новгород, студент вуза). «Особенно хитрыми философами, которые хотят пробудить чувство социальной несправедливости в своих подписчиках» (Нижний Новгород, студентка вуза). «У каждого своя подача, то, как он видел детство в России» (Нижний Новгород, студент вуза).

¹ Деятельность «Международного общественного движения ЛГБТ» запрещена в Российской Федерации.

Российская «цифровая молодежь» наравне с ценностью свободы ставит чувство собственного достоинства – в том числе и гражданского достоинства: *«Почему мы используем понятие «терпила» в отношении суверенитета? Мне кажется, что это несколько странно, потому что разве можно говорить такими, ну, условно жаргонизмами, я не знаю, как правильно сказать. Это такое полукриминальное понятие даже – «терпила», используемое в местах заключения и так далее. Почему мы проецируем это вообще на нашу страну?»* (Москва, студент колледжа). *«Вообще в обществе есть такое явление, что все люди сразу становятся придворными справедливости, как только у человека другого, который, по их мнению, живет не так достойно, жизнь складывается несколько лучше»* (Нижний Новгород, студентка вуза).

Тема гражданского долга и человеческого достоинства раскрывалась в ходе обсуждения всех «смысловых рамок», выступая основой для заявлений респондентов, касающихся как вопросов социальной ответственности, так и культуры, семейных ценностей и свободы. Возникшая в ходе дискуссий тема взаимоотношений молодежи и медиа наглядно продемонстрировала привычку подвергать сомнению «смыслы», транслируемые медиа. Обнаружение технологий формирования общественного мнения, таких как фрейминг, воспринималось респондентами как попытка посягательства на их достоинство и свободу выражать свои мысли.

Таким образом, нами была обнаружена взаимосвязь «смысловых рамок» на метанарративном уровне: в центре сетевой повестки дня оказались патриотизм, чувство собственного достоинства, гражданского долга и свободы. Патриотизм находил отражение во множестве «смысловых рамок», выраженных как в тезисе об улучшении жизни в России, так и в тезисе о любви к национальной культуре и гордости за нее. Социальная ответственность сопрягалась с темой образования, а право выбора воспринимались молодежью в том числе и как право на улучшение качества собственной жизни и совершенствование своей страны.

Выводы и заключение

Проведенные фокус-группы показали, что их участники имеют в целом схожую и сбалансированную картину мира (как онтологически, так и конструируемую медийно). Выявлено сходство базовых ценностей и представлений о должном и не должном, о правильном и неправильном. Метанарратив о человеческом достоинстве раскрывался через нарративы о высоком уровне социальной ответственности, в приверженности здоровому образу жизни, в требовательности к себе и другим, в особенности – к актерам в общественно значимых сферах (например, образовании), в склонности оценивать людей по поступкам, в культурном патриотизме и противодействии явным манипуляциям – заявлению о своем праве не просто думать и говорить, но и вносить свой вклад, основанный на личном, медиатизированном и немедиатизированном опыте.

Таким образом, проведенные фокусированные групповые интервью выявили ограниченность влияния конкретных единиц медиаконтента на умозаключения и поведение представителей молодежной аудитории, то есть ограниченность эффекта фрейминга. Медiateкст, наполненный атрибутивными характеристиками фактов социальной реальности, традиционно рассматривался как актор воздействия на аудиторию медиа, что составляло второй уровень установления повестки дня. Однако проанализированные нами «смысловые рамки» представляли собой весьма противоречивые конструкты, порой не всегда поддающиеся однозначной интерпретации. Мы смогли наблюдать, как они вызывали, прежде всего, не рациональные мысли, а эмоции и переживания. Сложилось устойчивое впечатление, что «смысловая рамка» как мыслеформа сработала не в том, что аудитория согласна с этой мыслеформой, а в том, что эта мыслеформа вызывает определенный системный эффект, который срабатывает в качестве медиатеchnологии, вступив во взаимодействие с другой «смысловой рамкой», что в совокупности создает «сетевой» эффект.

Проведенное нами исследование подтвердило сетевую модель восприятия информации аудиторий, когда когнитивное понимание внешней социальной реальности представлено в сознании аудитории медиа как нечто напоминающее сеть, где многочисленные узлы связаны друг с другом в виде ассоциаций, памяти, чувств и прочих когнитивных процессов. Причём узлы этой сети – «смысловые рамки» – могут относиться к любой единице информации, включая отдельные слова и фразы, объекты и их атрибуты, цели, ценности и мотивации, аффективные или эмоциональные состояния, конструкты более высокого уровня, а также информацию, полученную посредством органов чувств – через зрение, слух, обоняние, осязание. Когнитивные процессы восприятия медиа включают в себя не только линейные и иерархические структуры мышления, которые представляют собой предмет классических исследований в области установления повестки дня, но и сетевые, сформированные как ассоциативной, так долговременной памятью, широким социальным контекстом, культурными кодами и метанарративами, так и актуальной повесткой, личным и социальным опытом. Когда необходимо осмыслить какую-либо информацию, полученную из медиа, или принять когнитивное, требующее серьезных умственных усилий решение, представитель аудитории задействует всю систему – или сеть – узлов, «смысловых рамок», памяти, опыта, чувств и эмоций. Одна конкретная «смысловая рамка», или медиафрейм, ничтожны для оказания медиэффекта. Очевидна потребность в системном взгляде на медиаэффекты, поскольку конкретные частные «смысловые рамки» могут противоречить друг другу, дополнять один другого, но в целом создавать гомогенизированную модель мира. Восприятие аудитории медиасообщений также не должно ограничиваться верификацией вербальной коммуникацией. Следует оценивать когнитивные реакции, следующие из взаимодействия реципиента с медиа, то есть весь ход мыслей, ассоциаций и переживаний, которые вызывает это взаимодействие.

Список источников

1. Вартанова Е.Л. Термин «медиапрезентация»: к актуализации теоретического фундамента // Меди@льманах. 2023. № 5 (118). С. 8–13. doi: 10.30547/mediaalmanah.5.2023.813
2. Goffman E. *Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience*. Boston, MA : Northeastern University Press, 1974. 600 p.
3. Fiske S.T., Taylor S.E. *Social cognition*. 2nd ed. McGraw-Hill Book Company, 1991.
4. Scheufele B.T., Scheufele D.A. Of spreading activation, applicability, and schemas conceptual distinctions and their operational implications // *Doing news framing analysis: Empirical and theoretical perspectives*. New York, NY : Routledge, 2010. P. 110–134.
5. Wicks R.H. Schema theory and measurement in mass communication research: Theoretical and methodological issues in news information processing // *Communication Yearbook*. 1992. № 15. P. 115–145.
6. Reese S.D. Prologue: Framing public life: A bridging model for media research // *Framing public life: Perspectives on media and our understanding of the social world*. Mahwah, NJ : Lawrence Erlbaum, 2001. P. 7–31.
7. Angelo P.D., Kuypers J.A. *Doing news framing analysis: Empirical and theoretical perspectives*. New York, NY : Routledge, 2010.
8. Reese S.D., Gandy O.H., Grant A.E. *Framing public life: Perspectives on media and our understanding of the social world*. Mahwah, NJ : Lawrence Erlbaum, 2001.
9. McCombs M. *Setting the agenda: The mass media and public opinion*. Cambridge, UK : Polity Press, 2004.
10. McCombs M. *Setting the agenda: The mass media and public opinion*. 2nd ed. Cambridge, UK : Polity Press, 2014.
11. McCombs M., Shaw D.L. Agenda-setting function of mass media // *Public Opinion Quarterly*. 1972. № 36. P. 176–187.
12. McCombs M., Ghanem S. The convergence of agenda setting and framing // *Framing public life*. Mahwah, NJ : Lawrence Erlbaum, 2001. P. 67–81
13. Салихова Е.А., Вартанов С.А., Гладкова А.А., Дунас Д.В. Алгоритмические рекомендательные системы и цифровые медиаплатформы: теоретические подходы // *Информационное общество*. 2022. № 6. С. 84–95.
14. Дунас Д.В., Толоконникова А.В., Черевко Т.С. Актуальные концептуальные подходы к рассмотрению процесса медиапотребления онлайн-новостей молодежью // *Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика*. 2017. № 5. С. 30–50.
15. Zhou S., Kim Y., Kim Y. Theoretical and methodological trends of agenda-setting theory: A thematic meta-analysis of the last five decades. Working paper, University of Alabama, 2015.
16. Guo L., McCombs M. Network agenda setting: A third level of media effects // Presented at the International Communication Association annual conference. Boston, 2011.
17. Guo L., McCombs M. Toward the third level of agenda setting theory: A Network Agenda Setting Model. In Presented at the Association for Education in Journalism and Mass Communication annual conference. St. Louis, 2011.
18. Лиотар Ж.-Ф. *Состояние постмодерна* / пер. с фр. Н.А. Шматко. М. : Институт экспериментальной социологии. СПб. : Алетейя, 1998. 160 с.
19. Троцук И.В. Нарратив как междисциплинарный методологический конструкт в современных социальных науках // *Вестник РУДН. Сер. Социология*. 2004. № 6–7. С. 41–53.
20. Bourdieu P. *Language and Symbolic Power*. Cambridge : Polity Press, 1991
21. Baudrillard J. *Le Système des Objets*. Paris : Gallimard, 1968. 288 p.
22. Axelrod R. Schema theory: An information processing model of perception and cognition // *American Political Science Review*. 1973. № 67 (4). P. 1248–1266.

23. Асланов И.А. Представление в журналистском тексте информации о психических расстройствах: эффект метафорического фрейминга : дис ... канд. филол. наук. М., 2021.

24. Дунас Д.В., Салихова Е.А., Толоконникова А.В., Бабына Д.А. Установление повестки дня и эффект фрейминга: о необходимости концептуального единства в медиаисследованиях цифровой молодежи // Вестник Московского университета. Сер. 10: Журналистика. 2022. № 4. С. 47–78.

25. Dunas D., Babyna D., Salikhova E., Gladkova A. 'Digital youth' agenda in social media: The study of popular Russian platforms // World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies. 2023. No 3. P. 26–40. doi: 10.30547/ worldofmedia.3.2023.2

References

1. Vartanova, E.L. (2023) Termin "mediareprezentatsiya": k aktualizatsii teoreticheskogo fundamenta [The term "media representation": towards updating the theoretical foundation]. *Medi@l'manakh*. 5 (118). pp. 8–13. doi: 10.30547/medialmanah.5.2023.813

2. Goffman, E. (1974) *Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience*. Boston, MA: Northeastern University Press.

3. Fiske, S.T. & Taylor, S.E. (1991) *Social Cognition*. 2nd ed. McGraw-Hill Book Company.

4. Scheufele, B.T. & Scheufele, D.A. (2010) Of spreading activation, applicability, and schemas conceptual distinctions and their operational implications. In: *Doing News Framing Analysis: Empirical and theoretical perspectives*. New York, NY: Routledge. pp. 110–134.

5. Wicks, R.H. (1992) Schema theory and measurement in mass communication research: Theoretical and methodological issues in news information processing. *Communication Yearbook*. 15. pp. 115–145.

6. Reese, S.D. (2001) Prologue: Framing public life: A bridging model for media research. In: *Framing Public Life: Perspectives on media and our understanding of the social world*. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum. pp. 7–31.

7. Angelo, P.D. & Kuypers, J.A. (2010) *Doing News Framing Analysis: Empirical and theoretical perspectives*. New York, NY: Routledge.

8. Reese, S.D., Gandy, O.H. & Grant, A.E. (2001) *Framing Public Life: Perspectives on media and our understanding of the social world*. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum.

9. McCombs, M. (2004) *Setting the Agenda: The mass media and public opinion*. Cambridge, UK: Polity Press.

10. McCombs, M. (2014) *Setting the Agenda: The mass media and public opinion*. 2nd ed. Cambridge, UK: Polity Press.

11. McCombs, M. & Shaw, D.L. (1972) Agenda-setting function of mass media. *Public Opinion Quarterly*. 36. pp. 176–187.

12. McCombs, M. & Ghanem, S. (2001) The convergence of agenda setting and framing. In: *Framing Public Life*. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum. pp. 67–81

13. Salikhova, E.A. et al. (2022) Algoritmicheskie rekomendatel'nye sistemy i tsifrovye mediaplatformy: teoreticheskie podkhody [Algorithmic recommender systems and digital media platforms: theoretical approaches]. *Informatsionnoe obshchestvo*. 6. pp. 84–95.

14. Dunas, D.V., Tolokonnikova, A.V. & Cherevko, T.S. (2017) Aktual'nye kontseptual'nye podkhody k rassmotreniyu protsessa mediapotrebleniya onlayn-novostey molodezh'yu [Relevant conceptual approaches to considering the process of media consumption of online news by young people]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika*. 5. pp. 30–50.

15. Zhou, S., Kim, Y. & Kim, Y. (2015) *Theoretical and methodological trends of agenda-setting theory: A thematic meta-analysis of the last five decades. Working paper*. University of Alabama.

16. Guo, L. & McCombs, M. (2011) *Network Agenda Setting: A third level of media effects*. Paper presented at the International Communication Association annual conference. Boston: [s.n.].
17. Guo, L. & McCombs, M. (2011) *Toward the third level of agenda setting theory: A Network Agenda Setting Model. Presented at the Association for Education in Journalism and Mass Communication annual conference*. St. Louis [s.n.].
18. Lyotard, J.-F. (1998) *Sostoyanie postmoderna* [The State of Postmodernism]. Translated from French by N.A. Shmatko. Moscow: Institut eksperimental'noy sotsiologii; Saint Petersburg: Aleteyya.
19. Trotsuk, I.V. (2004) Narrativ kak mezhdistsiplinarnyy metodologicheskiy konstrukt v sovremennykh sotsial'nykh naukakh [Narrative as an interdisciplinary methodological construct in modern social sciences]. *Vestnik RUDN. Ser. Sotsiologiya*. 6–7. pp. 41–53.
20. Bourdieu, P. (1991) *Language and Symbolic Power*. Cambridge: Polity Press.
21. Baudrillard, J. (1968) *Le Système des Objets*. Paris: Gallimard.
22. Axelrod, R. (1973) Schema theory: An information processing model of perception and cognition. *American Political Science Review*. 67 (4). pp. 1248–1266.
23. Aslanov, I.A. (2021) *Predstavlenie v zhurnalistском tekste informatsii o psikhicheskikh rasstroistvakh: effekt metaforicheskogo freiminga* [Presentation of information about mental disorders in journalistic texts: the effect of metaphorical framing]. Philology Cand. Diss. Moscow.
24. Dunas, D.V. et al. (2022) Ustanovlenie povestki dnya i effekt freiminga: o neobkhodimosti kontseptual'nogo edinstva v mediaissledovaniyakh tsifrovoy molodezhi [Agenda setting and the framing effect: On the need for conceptual unity in media studies of digital youth]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 10: Zhurnalistika*. 4. pp. 47–78.
25. Dunas, D. et al. (2023) 'Digital youth' agenda in social media: The study of popular Russian platforms. *World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies*. 3. pp. 26–40. doi: 10.30547/worldofmedia.3.2023.2

Информация об авторах:

Дунас Д.В. – канд. филол. наук, доцент РАО, ведущий научный сотрудник кафедры теории и экономики СМИ факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: dunasdv@my.msu.ru

Бабына Д.А. – аспирантка кафедры теории и экономики СМИ факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: babynada@my.msu.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

D.V. Dunas, Cand. Sci. (Philology), Docent of the Russian Academy of Education, leading research fellow, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: dunasdv@my.msu.ru

D.A. Babyna, postgraduate student, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: babynada@my.msu.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.02.2024;
одобрена после рецензирования 27.09.2024; принята к публикации 21.07.2025.

The article was submitted 20.02.2024;
approved after reviewing 27.09.2024; accepted for publication 21.07.2025.

РЕЦЕНЗИИ

Рецензия
УДК 811.1(038)
doi: 10.17223/19986645/96/15

«Сокровищница» старославянского языка

Рецензия на «Большой фразеологический словарь старославянского языка : в 5 т. / Научно-исследовательская словарная лаборатория МГТУ им. Г.И. Носова ; авторы-составители: С.Г. Шулежкова [и др.] ; редколлегия: С.А. Анохина [и др.]. Москва : ФЛИНТА, 2020. Т. 1. 2020. 552 с.; Т. 2. 2022. 560 с.; Т. 3. 2023. 608 с.; Т. 4. 2024. 680 с.»

Светлана Леонидовна Андреева¹

¹ *Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, Магнитогорск, Россия, 216zamsv@mail.ru*

Аннотация. Рассматривается многотомное издание фразеологического словаря старославянского языка, представляющее собой событие не только в области лексикографии, но и в сфере изучения исторической фразеологии славянских языков – фразеологии одного из древних литературных языков Европы. Выявляется специфика содержания словаря, научный подход к описанию фразеологического пласта первого письменного языка славян, принцип отбора текстовых источников, структура словарной статьи, а также лингвокультурологический и лингводидактический векторы рецензируемого издания. Делается вывод, что словарь такого рода является новаторским словарем диахронического типа, обладающим многовекторным научным потенциалом для славистов, фразеологов, историков языка, культурологов, этнографов и других специалистов, изучающих старославянский язык как литературный язык.

Ключевые слова: историческая фразеология, фразеологический словарь, словарь диахронического типа, старославянский язык, фразеология старославянского языка X–XI вв.

Для цитирования: Андреева С.Л. «Сокровищница» старославянского языка. Рецензия на «Большой фразеологический словарь старославянского языка : в 5 т. / Научно-исследовательская словарная лаборатория МГТУ им. Г.И. Носова ; авторы-составители: С.Г. Шулежкова [и др.] ; редколлегия: С.А. Анохина [и др.]. Москва : ФЛИНТА, 2020–. Т. 1. 2020. 552 с.; Т. 2. 2022. 560 с.; Т. 3. 2023. 608 с.; Т. 4. 2024. 680 с.» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2025. № 96. С. 285–301. doi: 10.17223/19986645/96/15

Review

doi: 10.17223/19986645/96/15

The "Treasury" of the Old Slavonic language

Book review: Shulezhkova, S.G. (ed.) (2020–) *Bol'shoy frazeologicheskiy slovar' staroslav'yanskogo yazyka*

[Large Phraseological Dictionary of the Old Church Slavonic Language]. In 5 volumes. Vol. 1 (2020), 552 p.; Vol. 2 (2022), 560 p.; Vol. 3 (2023), 608 p.; Vol. 4 (2024), 680 p. Moscow: FLINTA

Svetlana L. Andreeva¹

¹ *Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russian Federation, 216zamsv@mail.ru*

Abstract. The article considers a multi-volume edition of the phraseological dictionary of the Old Slavonic language. The publication is an event not only in the field of lexicography, but also in the field of studying the historical phraseology of the Slavonic languages – the phraseology of one of the ancient literary languages of Europe. The reviewer identifies the specifics of the dictionary's content, scientific approach to describing the phraseological layer of the first written language of the Slavs, principle of selecting text sources, entry structure, as well as its linguistic and cultural and linguistic didactic vectors. It is concluded that a dictionary of this kind is an innovative dictionary of the diachronic type, with a multi-vector scientific potential for Slavists, phraseologists, language historians, cultural scientists, ethnographers and other specialists studying the Old Slavonic language as a literary language.

Keywords: historical phraseology, phraseological dictionary, dictionary of diachronic type, Old Slavonic language, phraseology of Old Slavonic language of the 10th–11th centuries

For citation: Andreeva, S.L. (2025) The "Treasury" of the Old Slavonic language. Book review: Shulezhkova, S.G. (ed.) (2020–) *Bol'shoy frazeologicheskiy slovar' staroslav'yanskogo yazyka* [Large Phraseological Dictionary of the Old Church Slavonic Language]. In 5 volumes. Vol. 1 (2020), 552 p.; Vol. 2 (2022), 560 p.; Vol. 3 (2023), 608 p.; Vol. 4 (2024), 680 p. Moscow: FLINTA. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 96. pp. 285–301. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/96/15

Издание фразеологических словарей – это всегда событие не только для лингвистов, фразеологов, фразеографов, но и для широкого спектра исследователей, занятых изучением культуры, общественных связей и быта носителей языка. Недаром Н.И. Толстой считал фразеологию видом этнографии, настолько разнообразный и глубокий материал сохраняется в устойчивых оборотах, настолько широкие возможности дает фразеология для проверки множества этнографических теорий и выводов [1].

Проблема словарного описания фразеологического состава древнего языка славян – это смелая задача не только по объёму исследованного материала, который нужно собрать, систематизировать и интерпретировать, но

и по поиску, идентификации текстовых источников, если учитывать различные варианты старославянского языка, исторически сложившиеся за период его функционирования. Авторам нужно было представить научные доказательства устойчивости словесных комплексов. Такую амбициозную цель, казавшуюся некоторым специалистам вообще невыполнимой, поставили перед собой и, на наш взгляд, блестяще решили учёные словарной лаборатории Научно-исследовательского института исторической антропологии и филологии Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова – С.Г. Шулежкова, А.А. Осипова, Н.В. Позднякова, А.Н. Михин, В.Ф. Хайдарова, С.А. Анохина, Л.Н. Мишина, Л.Н. Чурилина.

Под руководством учёного с мировым именем, профессора, доктора филологических наук и идейного вдохновителя Светланы Григорьевны Шулежковой с 2020 г. началось издание монументального пятитомного Большого фразеологического словаря старославянского языка (далее – БФССЯ, Словарь): в 2021 г. вышел первый том Словаря [2], в 2022 – второй [3], в 2023 – третий [4] и 2024 г. очередной, четвертый, том [5] (рис. 1). Пятитомное издание значительно расширяет и дополняет материалы малого «Фразеологического словаря старославянского языка», изданного еще в 2011 г. [6].

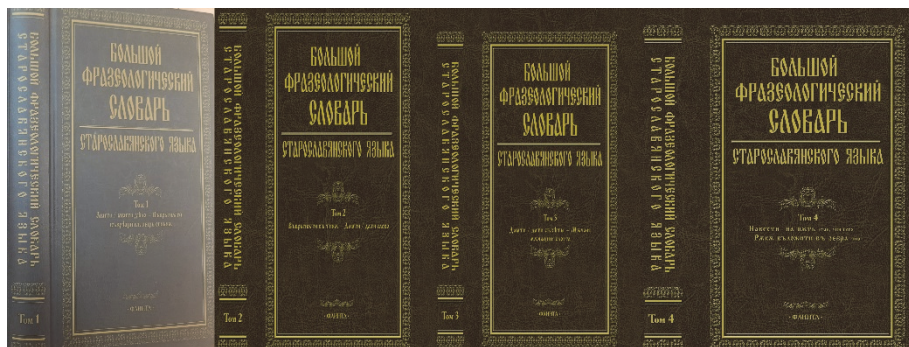

Рис. 1. Обложки. Т. 1–4 Большого фразеологического словаря старославянского языка

Почему сегодня, в XXI в., актуально изучение фразеологии фактически книжного языка, который более 1000 лет оказывает влияние на все литературные славянские языки, в течение которых на нём преимущественно писали? Почему этот труд можно отнести к прорывным открытиям в цифровую эпоху? Ответы на эти вопросы появляются в ходе изучения материалов БФССЯ.

Свою задачу создатели БФССЯ видят в «создании фразеологического словаря, где системно с лингвокультурологических позиций был бы представлен фразеологический корпус одного из древнейших литературных языков Европы» [2. С. 4]. Согласимся с авторами анализируемого фундаментального издания: эта задача сегодня остаётся актуальной не только для сла-

вистической науки, но и «системы образования: в высших учебных заведениях на филологических факультетах», потому что «программа курса старославянского языка до сих пор не содержит раздела по фразеологии» [2. С. 4]. Лингвокультурологический и лингводидактический векторы рецензируемого издания четко прослеживаются и гармонично реализуются в нём. Рассмотрим каждый вектор отдельно.

Лингвокультурологический вектор словаря

Лингвокультурологическая ценность словаря складывается из его источникового, лингвистического и лексикографического достоинств.

Коллектив Магнитогорской словарной лаборатории несколько лет собирал копии всех известных науке старославянских рукописей, строго подходил к их проверке, систематизации и анализу, чтобы затем на их основе составить фразеологическую картотеку.

Как известно, старославянский язык отделён от других славянских языков и от иных церковнославянских традиций «рядом географических и темпоральных демаркационных линий», причём внутри самой старославянской традиции есть вариативность в исторической и лингвистической оценке [7. С. 4]. Кроме того, следует помнить, что старославянский язык считается, например А. Мейе, очень близким к общеславянскому языку на завершающем этапе существования последнего [8. С. 7], однако, по мнению нидерландского исследователя Дж. Камфуиса, старославянский язык нельзя считать предковой формой для славянских языков, возникших позднее, хотя в нём нашел отражение восточноюжнославянский диалект общеславянского языка [7. С. 5]. Словом, создание словаря старославянского языка любого типа сегодня сопряжено и с решением многих проблемных теоретических и методологических вопросов, и с выбором собственной научной позиции по множеству дискуссионных аспектов описания фразеологического состава этого языка, но прежде всего – с выбором обоснованной научной позиции для построения источниковой базы.

Сфера создания словарей максимально требовательна к источникам информации, которая в них систематизируется, поэтому накопление и обобщение фактического материала начинается с выбора источников, в данном случае – памятников древности – единственных свидетелей минувшего. Поэтому авторам рецензируемого словаря нужно было решить источниковую проблему, которая давно существует в славяноведении, и определиться с тем, какие же памятники должны стать основой будущего словаря.

Словарное описание именно старославянский язык получил в 1994 г., когда под эгидой Славянского института Академии наук Чешской республики и Института славяноведения и балканистики Российской академии наук вышел «Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков)» (авторы – Р.М. Цейтлин, Р. Вечерка, Э. Благова) [9]. Руководителем проекта была чешский лингвист-палеославист и лексиколог Эмилия Благова – известная исследовательница древнейших памятников славянской письменности и

межславянских литературных связей древнейшего периода. В Предисловии к этому словарю говорится о том, как сложно шла работа (от идеи и составления картотеки и воплощения в этом виде прошло 65 лет). Именно источниковые исследования требовали постоянного внимания и вызывали споры специалистов. Старославянский словарь был составлен на основе только 18 памятников, которые получили описание в одном из его разделов [9]. В БФССЯ количество источников почти вдвое больше – 32, следовательно, репрезентативность словарной выборки намного выше.

Во вступительном разделе «Большого фразеологического словаря старославянского языка» авторы дают подробный анализ не только имеющихся лексикографических опытов описания старославянского языка и его исторически сложившихся версий, но и оценивают наиболее значительные достижения современной науки по палеославистике [2. С. 3–8]. Проанализированные подходы предшественников к выбору источников для описания старославянского языка заставили авторов БФССЯ признать соответствующим задаче их проекта путь Линды Садник и Рудольфа Айтцетмюллера, создателей «Краткого (Карманного) словаря древнецерковнославянских текстов» 1955 г. [10], которые территориально расширили традиционную и недостаточно информативную источниковую базу, когда отбирали для своего словаря 20 древнейших славянских памятников (16 классических старославянских, два – восточнославянских XI в. и два – чешского извода X и XI вв.), т.е. Л. Садник и Р. Айтцетмюллер использовали в качестве источников не только южнославянские, но и западнославянские, а также восточнославянские памятники. Такой подход составители будущего БФССЯ сочли вполне оправданным и руководствовались им в формировании круга источников своего словаря [2. С. 7]. Общеизвестно, что обоснованное расширение источников словаря добавляет убедительности оценке языковых фактов.

Когда речь заходит об описании древних языков, при отборе текстов каждому исследователю приходится руководствоваться двумя ключевыми критериями: первый – ценность текста для решения поставленной научной задачи, второй – доступность самих текстов. Те тексты, которые можно было обнаружить в открытом доступе, а также ряд значимых переходных источников между старославянским (или «староцерковнославянским», если речь идет о периоде с X по XI в.) языком и церковнославянским в широком смысле (более поздние тексты, испытавшие влияние соответствующих славянских языков в соответствующих ареалах), что позволило оптимально точно определить круг источников, релевантных для решения поставленной задачи.

В результате кропотливой работы магнитогорскими учёными были отобраны 32 памятника литературного языка славян Средневековья (X–XI вв.). За этой сухой строчкой стоит огромная организационная работа по поиску древнейших славянских памятников, которые хранятся сегодня в архивах, музеях, библиотеках, монастырях разных стран. Лишь некоторая их часть доступна в цифровом формате, причём в сокращённом виде (см. сайт Библиотеки святоотеческой литературы [11], Corpus Cyrillo-Methodianum

Helsingiense, корпус старославянского языка университета Хельсинки [12]). К настоящему моменту из сети Интернет исчезло несколько корпусов старославянского языка, что связано с задачей их пересоставления. Многие из отобранных источников вообще не были изданы и до этого не входили в широкий научный обиход, часть была издана маленькими тиражами. В этом смысле ценность источниковедческой работы, которая была проведена авторами рецензируемого издания, на наш взгляд, трудно переоценить.

Лингвистические достоинства данного словаря и репрезентативность привлечённого для анализа языкового материала позволяют читателю наблюдать за процессами фразеологизации в старославянском языке, судить о факторах, способствовавших ей. Объектом описания в БФССЯ являются «сверхсловные языковые единицы, обладающие устойчивостью компонентного состава и грамматической структуры, не исключающей вариантности; воспроизводимостью в качестве готовых единиц языкового общения; постоянным, закреплённым за данным словесным комплексом значением» [2. С. 11], что, по мнению доктора филологических наук, почётного председателя Фразеологической комиссии при Международном комитете славистов В.М. Мокиенко, отзывавшегося рецензией на издание первого тома БФССЯ, является вполне приемлемым. Валерий Михайлович пишет: «Сам термин УСК (устойчивые словесные комплексы), восходящий к подходам В.В. Виноградова и поддержанный затем школой Л.И. Ройзензона и многими историками языка, включая Словарную лабораторию Магнитогорского технического университета им. Г.И. Носова под руководством С.Г. Шулежковой, здесь полностью оправдан спецификой описываемого материала. Многие словосочетания избранного периода представляют собой разнообразные коллокации, объединённые признаком устойчивости и воспроизводимости» [13. С. 52]. Словарный материал не просто собран, он интерпретирован, описан в основе на непротиворечивой классификации УСК с возможностью рассмотрения синтагматики и парадигматики единиц.

Отслеживая по Словарю регулярность фразеологизмов и их вариантов, можно оценить влияние разных типов текста на формирование семантики и устойчивости оборота, его трансформационную активность, поэтому данный словарь в определенной мере можно считать и фразеологическим словарем каждого из 32 источников.

Еще в 1988 г. Н.И. Толстой упрекал лингвистов, обращавшихся к сведениям исторической фразеологии, в неоправданно узком использовании диахронического плана фразеологии – только как «второстепенного или подсобного, объясняющего истоки современного состояния фразеологического фонда или характера лексико-фразеологического состава отдельного памятника языка» [1. С. 373]. Причины этого Толстой видел «не только в недостатках методического (и общетеоретического) порядка», но и в отсутствии достаточного базового материала для исследования. В этом смысле издание БФССЯ восполняет этот пробел, поскольку предоставляет ценнейший материал, обогащая фразеологическую (и не только) науку в методическом и общетеоретическом плане.

Авторам анализируемого словаря, на наш взгляд, удалось использовать особенности старославянского языка как письменного языка для представления сакральных текстов православия. Материалы позволяют отследить два специфических фразеологических процесса.

1. Движение развития словаря «от вербального текста к слову» (по А.А. Потебне), т.е. как своеобразная конденсация сакрального текста (как вербального, так и акционального) в устойчивое словосочетание или даже слово. Этот процесс отмечен уже в памятниках XI в. – известная притча о блудном сыне «свернулась» во фразеологическое сочетание *блудный сын*, имеющее сегодня три значения: ‘ирон. или шутил. 1. О человеке, вышедшем из повиновения отцу (родителям, наставникам) и вернувшемся с раскаянием’; 2. ‘О беспутном, нравственно нестойком человеке; о раскаявшемся в своих заблуждениях и грехах человеке’; 3. ‘О ком.-л., долго отсутствовавшем и наконец вернувшемся’ [14. С. 108]. Сочетание, как известно, в таком виде не встречается в Евангелии, а только восходит к нему, но фразеологизация этого типа отмечена уже в период формирования старославянского языка как литературного: оборот *блѣднѣи сынѣ* (предм.) отмечен в двух значениях: 1. ‘Человек, который после долгих скитаний в чужой стране, где он жил распутно и промотал своё имущество, с раскаянием вернулся домой и получил прощение’; 2. ‘Тот, кто с помощью Бога освободился от грехов’. Оборот обнаружен авторами Словаря в Изборнике 1073 г. и Синайской евхологии [2. С. 239–241]. Компрессию, которая произошла со временем, можно заметить в отношении устойчивого сочетания *на колѣноу падати, припадати прѣдъ цѣмь* [5. С. 9] – ср. современное *коленипреклоненный*.

2. Процесс превращения слова в текст (ритуал, верование, представление), например, реализация бытования и осмысления слова в вербальный текст (небольшое апокрифическое или фольклорное произведение). Хотя БФССЯ описывает конструкции больше, чем одно слово (сверхсловные единицы), но некоторые отмеченные обороты в диахронической перспективе выступают в качестве «точек разворачивания» нового «текста», ценного для этнографов и славистов. Как нам кажется, такой «точкой» стал отмеченный Словарем как устойчивый оборот Лазаре *гради* / иди, *излѣзи вѣнѣ* ‘фраза, характеризующая Иисуса Христа как победителя смерти; формула, символизирующая возможность воскрешения умерших’ [4. С. 478]. Он восходит к легенде о бедном Лазаре. Как известно, это притча была широко известна православным и особенно любима нищими, которые часто пели её, прося подаяние. Эта практика со временем закрепила в сознании носителей русского языка образ нищего, зарабатывающего себе на пропитание песнями о бедном Лазаре, который обрел Царствие Небесное. Тот факт, что данный евангельский сюжет использовали нищие и попрошайки, которые стремились разжалобить людей, выманить деньги, а не заработать, закрепили фразеологизм *петь Лазаря (лазаря)* ‘жаловаться на судьбу, плакаться, прикидываться несчастным’. Люди не верили в искренность нищих, поэтому выражение *петь Лазаря* получило негативное оценочное значение, которое

отсутствует в притче. Мы видим, как сакральный текст, закрепившийся в сознании средневекового носителя языка сначала в виде УСК **Лазаре гради, нди, излѣзи вънѣ** в соответствующем Евангелию смысле, позже порождает на русской почве фразеологическое «гнездо», где среди прочих появляется оборот **петь Лазаря**. Его появление показывает, что сакральный текст может быть воспринят народом в совершенно неожиданном ключе из-за закрепившейся в определённый момент социальной практики, которую лишь отчасти можно назвать случайной. Это как раз тот случай, когда, по убеждению Н.И. Толстого, фразеология становится источником этнографических находок.

Анализируемый словарь, будучи словарём диахронического типа, благодаря специально созданной (7-й) зоне словарной статьи, позволяет исследовать историю освоения, фразеологической «обработки» священных текстов носителем языка. В этой части описания Словарь даёт полный сопоставительный анализ интерпретации данных известных словарей. Авторы заботливо сопровождали все цитаты библиографическими ссылками, которые к тому же выстроили в хронологической последовательности, поэтому видна не только диахрония развития семантики и структуры самого УСК, но и диахрония его интерпретации в научной и справочной литературе. Исследовательская ценность такой подачи материала очевидна. По свидетельству авторов Словаря, в ходе такой проработки материала была уточнена этимология некоторых оборотов. Так, УСК **прийти в себя** до момента издания 4-го тома БФССЯ считался заимствованным из французского языка, тогда как собранный материал доказал, что оборот встречается в старославянских памятниках X–XI вв. и не может быть французской калькой в русском языке: **въ себѣ же пришедѣ рече• колико наимъникъ• оу о(тъ)ца мокого избывають хлѣви• азъ же съде гладѣмъ погыбаю**» (Арх 185: 21–186: 1–4) [5. С. 516–517].

В БФССЯ мы можем увидеть примеры УСК, для которых фразеологизация началась ещё в X–XI вв. Часть из них почти не изменилась за тысячу лет и вошла в современный фразеологический запас русского языка, например: **ищите и обряцете** / **Ищите и обряцете**; ангел-хранитель / **Ангелъ хранаць**; волей-неволей / **Волкъ ли неволкъ**; **Да будет свет!** / **Да бѣдетъ свѣтъ**; **Иди и смотри** / **Гради и виждь**; **раб божий** / **рабъ божин**; **отделять зерна от плевел** / **разлѣчати пѣвѣлы отъ пшеница**; **небесное воинство** / **небесьное воньство**; **иметь надежду** / **надеждѣ имѣти** и др. Но большая часть УСК – это отражение «языкового вкуса эпохи» только X–XI вв., и этим материалы Словаря особенно ценны.

Интересные наблюдения позволяют сделать обороты, которые дошли до наших дней в трансформированном варианте, иногда значительно изменив семантику и компонентный состав. Ср. совр. **внести свою лепту** (процесс.), **лепта** и **лепта вдовицы** (предм.) ‘о скромном, но сделанном от всего сердца и поэтому особенно ценном пожертвовании’ [14. С. 565]; и ст.-сл. **Вдовница въметаѣца (въвѣргаѣца) двѣѣ лептѣ** (предм.) ‘вдова, отдающая последнее, что у неё есть, – две монеты’ [3. С. 264–265]. Трансформация УСК

в русском языке шла в направлении смещения фокуса внимания носителя языка с субъекта действия на сам процесс и его прямой объект. Последняя группа фразеологизмов очень любопытна, потому что позволяет проследить как менялась картина мира славянина: что средневековый человек фиксировал в евангельском тексте, какие элементы сакрального текста стали обозначаться с помощью УСК, а какие акценты в этом же тексте расставили его потомки. Листая Словарь, замечаешь множество других удивительных фактов, которые он, как чудесная кладовая, точнее сокровищница, собрал и хранит в себе, ожидая молодых исследователей исторической славянской фразеологии.

Итак, функциональная особенность старославянского языка по обслуживанию религиозного сакрального текста (в широком смысле и словесного, и акционального, поведенческого) дала возможность составителям анализируемого словаря запечатлеть три основных компонента взаимодействия социума с сакральным текстом – словесный, акциональный (действия) и реальный (предметный). В этом смысле словарь устанавливает множественные связи и выходит уже в другую научную плоскость лингвистических и этнографических исследований, дает «возможность услышать голос средневекового человека, познающего и осваивающего мир», осваивающего христианскую веру, живущего «не только в реальном, предметном мире, но и в идеальном, который сам же и создавал в процессе своей языкотворческой деятельности» [2. С. 9].

Лексикографическая ценность Словаря определяется его объемом, полнотой, достоверностью научного описания и информативностью словарной статьи, ссылками, пометами и всем научно-справочным аппаратом БФССЯ.

По объёму, характеру и аспекту изложения информации БФССЯ является многофункциональным и многопрофильным словарём, совмещающим в себе признаки как энциклопедических, так и лингвистических словарей, что совершенно оправданно, поскольку рецензируемый словарь создается для пользователей XXI в., которых отделяет от текстов-источников 1 000 лет. Кроме того, целевая аудитория широкая, ведь книга адресована не только студентам-филологам, преподавателям историко-лингвистических дисциплин, специалистам в области славянской филологии, но и тем, кто интересуется историей славян и их первым литературным языком.

Сами авторы определяют тип словаря как «толково-энциклопедический», продолжающий те лексикографические традиции, которые «совмещают в себе сведения из трёх сфер социальной жизни человека – языка, культуры и религии» [15. С. 63]. Кроме того, Словарь вписывается в историческую лексикографию, поскольку его можно причислить к словарям исторических памятников X и XI вв. Авторы БФССЯ посчитали важным сопроводить лингвистическое описание фразеологизма энциклопедической информацией: сведениями экстралингвистического харак-

тера, связанными с событиями, которые легли в основу содержания старославянских текстов, реалиями социально-экономической, политической, юридической, культурной и – прежде всего – религиозной жизни того времени, а также некоторыми фактами из истории иудаизма и христианской церкви, имеющими прямое отношение к формированию текста и семантики самого УСК.

И, конечно, БФССЯ является аспектным лингвистическим словарём, представляющим специализированные сведения об устойчивых словесных комплексах (фразеологизмах), их значении и семантической парадигме, грамматических свойствах, правилах написания, нормализованного для старославянского языка X–XI вв., и особенностях функционирования (сведения о наличии фонетических, словообразовательных, лексических, позиционных, структурных вариантах единицы), распространении на отдельных территориях.

Каждая словарная статья содержит семантическую и грамматическую характеристику устойчивого словесного комплекса; часто сопровождается лингвокультурологическими сведениями, которые связаны с происхождением УСК. Словарное описание отражает место УСК в языковой системе через синонимы, антонимы, гиперо-гипонимические и прочие связи; иллюстрируется примерами употребления сверхсловной языковой единицы в древнейших славянских текстах. Судьба старославянских УСК прослеживается по данным различных словарей. Пример словарной статьи представлен на рис. 2 [2. С. 304–305].

Основная статья состоит из нескольких зон: 1) инициальной; 2) грамматической; 3) семантической; 4) культурологической и (или) этимологической; 5) иллюстративной; 6) синонимо-антонимической и 7) справочной. 1-, 2-, 3- и 5-я зоны являются обязательными, остальные могут остаться незаполненными либо потому, что в них нет необходимости (4-я зона), либо из-за реального отсутствия синонимов и антонимов в описываемом фразеологическом корпусе (6-я зона), либо из-за того, что описываемая единица не попала ни в какие лексикографические издания (7-я зона).

Составители словаря снабдили каждый том энциклопедическими сведениями по топонимии и антропонимии УСК, выделив эту информацию в самостоятельный раздел, что будет интересно и удобно тем, кто занимается изучением имен собственных.

Удачной и продуктивной для фразеографического описания нужно признать идею сопроводить каждый том перечнем сравнительных конструкций, которые многие исследователи рассматривают как потенциальную зону развития фразеологического состава языка. Сравнительные конструкции подаются по ключевым словам, что позволяет исследователю дополнить сведения о развитии внутренней формы фразеологизма, понять степень востребованности какого-то образа и т.п. Все сравнительные конструкции сопровождаются иллюстративным материалом (рис. 3).

Възимати / възати (свѣтокъ) комѣканиѣ. *Процесс.*

Причащаться / причаститься (святых тайн). См. также **Възимати / възати възсѣдѣ.** *Процесс.*

► **Комѣканиѣ** означает 'причастие (св. тайн)' [СтСл 1994: 289], то есть сопричастность верующего к судьбе Иисуса Христа. Причащаясь, «бѣря комѣканиѣ», вкушая освящённое вино и освящённую просвиру, которые символизируют кровь и тело Сына Божьего, христианин доказывает свою веру в Спасителя. УСК **Възимати / възати (свѣтокъ) комѣканиѣ** является аналогом греч. оборота *μετέχειν τῶν θεῶν μυστηρίων* [СБР, т. 1, 1999: 247].

Нѣ ѡ чловѣчѣ аште сего дѣлаѣа не хощеши прити на показанъ. іако чловѣкъ кстѣ попѣ грѣшынъ. то и не крѣсти сѧ. чловѣкъ бо кстѣ крѣстан тѧ. ни свѣтааго комѣканиѣа въземнѣ. чловѣкъ бо кстѣ дробан є. да аште томоу вѣроуѣши іако вѣрж иматѣ. то и то вѣроуѣ примнѣ. Супр 361: 23-30: иже недостоинно въземь'ѣтъ с(вѣ)токъ комѣканиѣ. въ тѣы паче възскачетѣ и възлазитѣ часто дѣяволѣ. Супр 421: 5-7.

Синонимы: **възимати / възати възсѣдѣ**, **примати / прѣимати възсѣдѣ**.

Антонимы: 1) **комѣканиѣа бѣгати**, **комѣканиѣа не знати**; 2) **комѣканиѣа дати**, **възсѣдѣ дати**.

◊ **Възимати комѣканиѣ** *μετέχειν τῶν θεῶν μυστηρίων* **причащаться** (св. тайн) [СтСл 1994: 138]; **Възимати свѣтокъ комѣканиѣ**. **Комѣкам се**, **причестявам се**, **вземам комѣка**, **причастие** [СБР, т. 1, 1999: 247]; **Комѣканиѣ възати**. *Гр. Κοινωνέω*. **Комѣкам се**, **причестя се**, **взема комѣка**, **причастие** [СБР, т. 1, 1999: 738]; **Възимати / възати комѣканиѣ**. **Причащаться / причаститься** (святых тайн) [ФССЯ 2011: 117-118].

Рис. 2. Пример словарной статьи БФССЯ

Громъ

ѣко громъ (быстѣ плюскѣ)

Слышавѣ же комисѣ гласѣ звѣринѣ. оуѣбоѧ сѧ. и хотѣашѣ бѣжати. и глагола мѣченикъ. не бои сѧ была. се бо оуѣже измьрѣтъ. въздоуѣж же на на правѣдникѣ. и падѣше прѣдѣ ногама ѣго расѣдаша сѧ. іакоже отѣ пл'ѣска того мьнѣти възсѣмъ іако громъ быстѣ. Супр 229: 28-30 – 230: 1-5.

Рис. 3. Пример описания сравнительной конструкции

Очевидно, что с точки зрения исследовательских возможностей данный словарь обладает огромным многовекторным научным потенциалом для славистов, фразеологов, историков языка, культурологов, этнографов и других специалистов, изучающих старославянский язык как литературный язык или другие древние языки.

Лингводидактический вектор словаря

Уже упоминалось, что одной из задач Словаря было обеспечение лингводидактического сопровождения процесса обучения старославянскому языку в вузе, в частности, в представлении фразеологии этого языка как законного компонента языковой системы.

Обучающими возможностями обладает не только сам корпус, но и вступительная статья «Большой фразеологический словарь старославянского языка в контексте современной славистики» [2. С. 3–19], которая погружает студента (и аспиранта) в широкую проблематику изучения исторической фразеологии и славистики, учит будущего лингвиста обоснованно подходить к выбору своей позиции по каждой проблемной точке так, как это сделали авторы Словаря.

В материалах, предваряющих собственно словник, дается описание содержания словаря, детально разъясняется структура словарной статьи, система помет, что открывает возможности использования его материалов не только в курсе обучения старославянскому языку, но и при выполнении учебно-научных или научных исследований.

Список сокращений наименований источников даётся не в валовом, а систематизированном порядке: сначала перечисляются библейские тексты, затем памятники иных жанров и далее словари. Это приучает пользователей различать первоисточники и разные их интерпретации, даёт возможность обратиться и к другим словарям, кодифицирующим древний литературный язык, сопоставить принципы описания с задачами лексикографирования. Данный принцип сохраняется и при подаче иллюстративного материала: если примеры взяты из разных источников, то они группируются в блоки по принадлежности к определённым памятникам, а внутри блоков располагаются в порядке, аналогичном следованию в самом источнике.

Для осваивающих старославянский язык будет полезна кириллическая азбука и таблица обозначения чисел буквами кириллицы, представленная в начале каждого тома БФССЯ.

Авторы Словаря оформили красные строки, с которых начинаются разделы, в духе кириллических памятников буквицами (инициалами) (рис. 4).

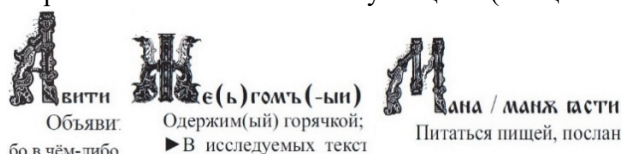

Рис. 4. Буквицы БФССЯ

Это не только стилизация в духе «чернильных веков» книгоиздания, первых рукописных или печатных книг, но и повод поговорить со студентами о традиции украшать первые буквы текстов или разделов орнаментами, которая уже более полутора тысячелетий (буквицы найдены ещё в античной рукописи сочинений Вергилия конца IV – начала V в.) сохраняет культурный код книги. Студентам и начинающим изучать старославянский язык важно рассказать, что для славянского мира буквица – символ, как справедливо заметил С.С. Аверинцев, «времён писцов как хранителей культуры и Писания как ориентира жизни <...> времён трепетного преклонения перед святыней пергамена и букв» [16. С. 218].

Каждая зона Словаря даёт возможность преподавателям, работающим с будущими филологами, учителями-словесниками, отрабатывать умения семантического, словообразовательного, фонетического анализа лексических и сверхсловных единиц старославянского языка. Так, в инициальной зоне УСК даны авторами с заглавной буквы, в начальной, нормализованной для старославянского языка X–XI вв., форме, а при наличии у УСК фонетических, словообразовательных, лексических, позиционных, структурных вариантов все они представлены в инициальной зоне с указанием факультативных компонентов (заключены в круглые скобки). Можно наблюдать видовые пары, которые приводятся (при наличии) и обозначаются в словаре через косую черту (как и всякие варианты). На рис. 5 приведен пример подачи семантических, словообразовательных, структурных и орфографических вариантов фразеологизма [4. С. 57].

До сего днѣ. *Адвербиальн.*

До сего дня, доньне, до настоящего момента. *См. также* **Дѡ дньсь, дѡ дньсьнѣаго / дньсьнѣаго (днѣ).** *Адвербиальн.,* **Дѡ селѣ нынѣ / дѡ селѣ / доселѣ / доселѣ.** *Адвербиальн.*

Рис. 5. Пример подачи вариантов фразеологической единицы

Информативность инициальной зоны очень важна, особенно если речь идет о фразеологическом словаре. В БФССЯ читатели могут наблюдать через систему помет классификационные характеристики УСК по их соотносительности с категориальной грамматической семантикой частей речи – процессуальные, адвербиальные, предметные и т.д., что, на наш взгляд, формирует системное представление об УСК как единице языковой системы и полезно для формирования системных знаний не только в области исторической, но и современной фразеологии. С этой же точки зрения бесценными являются сведения о семантической парадигматике оборотов, которая представлена в 6-й, синонимо-антонимической, зоне статьи (рис. 6).

Самостоятельную дидактическую ценность имеет иллюстративный блок, который можно использовать в качестве материала для упражнений по самым разным разделам и темам при изучении старославянского языка.

В этом блоке помещаются в кириллической транскрипции примеры употребления УСК в различных старославянских памятниках и указываются случаи использования описываемого УСК в текстах, цитируемых в Словаре. Авторы Словаря предусмотрительно подбирали цитаты из рукописей таким образом, чтобы они представляли собой законченные предложения, и это позволяет не только судить о реализуемом в данном контексте значении УСК, но и использовать эти предложения для наблюдения над структурой и грамматическими особенностями разных типов предложений старославянского языка, причем на неадаптированном материале с сохранением орфографии памятника.

Синонимы: до селѣ нынѣ / до селѣ / доселѣ / досели; до дньсь, / до дньсьнааго / дньшьнааго (днье).

Антонимы: отъ селѣ / отъ сели / отъселѣ / отъсели; отъ сего врѣмене, отъ толи.

Рис. 6. Пример синонимо-антонимической зоны словарной статьи

Решение составителей расшифровывать сокращённые слова, недостающие фрагменты слов, приводя полный вариант в круглых скобках, дает возможность изучающим первый славянский литературный язык наблюдать случаи сокращения и правильно интерпретировать их, чтобы потом при самостоятельном прочтении старославянских текстов верно переводить их.

Заключает словарную статью справочная зона, где в хронологическом порядке приведены сведения из словарей и справочников, по которым читатель сможет сам проследить судьбу описываемого УСК в истории русского языка и обнаружить, что характеристики оборотов могут не совпадать у разных авторов.

Таким образом, Словарь становится прекрасным дополнением к пособиям и учебникам по старославянскому языку, истории русского литературного языка, русской и общей фразеологии и другим дисциплинам.

Вместо заключения

Безусловно, авторами рецензируемого Словаря дана его пользователям уникальная возможность понять, какая «духовная глубина скрыта в лаконичных старославянских оборотах»; «увидеть истоки множества выражений современного русского языка; почувствовать, как много этических, эстетических ценностей через посредство старославянского языка вошло в плоть и кровь русского народа; как красив и выразителен был первый литературный язык славян» [2. С. 16].

Профессор В.М. Мокиенко, имея возможность в 2021 г. оценить идею и только первый том БФССЯ, написал: «Как видим, рецензированный Словарь – ценнейший вклад в отечественную и мировую лексикографию диахронического типа, памятник не только старославянского языка, но и общеславянской культуры. Вот почему слависты многих стран ждут выхода следующих томов этого палеославянского тезауруса» [15. С. 53].

Мы присоединяемся к этой оценке и очень рады, что сегодня издано уже четыре тома БФССЯ. С нетерпением будем ждать финальный, пятый, том этого монументального научного труда.

Список источников

1. Толстой Н.И. Этнолингвистические аспекты славянской фразеологии // Толстой Н.И. Язык и народная культура Очерки по слав. мифологии и этнолингвистике, [предисл. А. Журавлева]. М. : Индрик, 1995. С. 371–282.
2. БФССЯ Т. 1. Большой фразеологический словарь старославянского языка / Научно-исследовательская словарная лаборатория МГТУ им. Г.И. Носова / авт. вступ. ст. и гл. ред. С.Г. Шулежкова; авторы-составители: С.Г. Шулежкова, С.А. Анохина, А.А. Осипова, А.Н. Михин, В.Ф. Хайдарова; ред. колл.: С.А. Анохина, А.А. Осипова, Н.В. Позднякова. М. : Флинта, 2020. Т. 1: **Дѣити вѣити дѣло – вѣрыгнѣти, вѣрѣци въ печь огньнѣ**. 552 с.
3. БФССЯ Т. 2. Большой фразеологический словарь старославянского языка / Научно-исследовательская словарная лаборатория МГТУ им. Г.И. Носова ; гл. ред. С.Г. Шулежкова ; ред. колл.: С.А. Анохина, А.А. Осипова, Н.В. Позднякова. М. : Флинта, 2022. Т. 2: **вѣрыгнѣти въ тинѣ – Дати дати слово**. 560 с.
4. БФССЯ Т. 3. Большой фразеологический словарь старославянского языка / С.Г. Шулежкова, А.Н. Михин, А.А. Осипова, О.В. Франчук, В.Ф. Хайдарова; Научно-исследовательская словарная лаборатория МГТУ им. Г.И. Носова ; гл. ред. С.Г. Шулежкова; ред. колл.: Л.Н. Мишина, А.А. Осипова, Н.В. Позднякова. М. : Флинта, 2023. Т. 3: **Дати дати съвѣты – Мжчи, мжчацин слоуга**. 608 с.
5. БФССЯ Т. 4. Большой фразеологический словарь старославянского языка / С.Г. Шулежкова, С.А. Анохина, А.А. Осипова, Н.В. Позднякова, Л.Н. Чурилина, Л.Н. Мишина, А.Н. Михин ; Научно-исследовательская словарная лаборатория МГТУ им. Г.И. Носова / гл. ред. С.Г. Шулежкова; ред. колл.: С.А. Анохина, А.А. Осипова, Н.В. Позднякова. М. : Флинта, 2024. Т. 4: **Навести на пѣтъ кѣи, чини кого – Ржж въложити въ ребра чн**. 680 с.
6. Фразеологический словарь старославянского языка: свыше 500 ед. / Научно-исследовательская словарная лаборатория МаГУ; отв. ред. С.Г. Шулежкова, члены редколлегий: М.А. Коротенко, Л.Н. Мишина, А.А. Осипова. М. : Флинта : Наука, 2011. 424 с.
7. Kamphuis J. Verbal Aspect in Old Church Slavonic. Brill : Leiden, 2020. 329 S.
8. Meïe A. Общеславянский язык. М. : Прогресс, 1934. 499 с.
9. Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв.) Ок. 10 000 сл. / ред. Р.М. Цейтлин, ред. Р. Вечерка, ред. Э. Благова. М. : Рус. яз., 1994. 842 с.
10. Sadnik L., Aitzetmüller R. Handwörterbuch zu den altkirchenslavischen Texten. Heidelberg : Carl Winter-Universitätsverlag, 1955. XX + 341 S.
11. Библиотека святоотеческой литературы [сайт]. URL: <http://www.orthlib.ru/> (дата обращения: 17.08.2024).
12. Corpus Cyrillo-Methodianum Helsingiense: Corpus of Old Church Slavonic Texts // The Language Bank of Finland, FIN-CLARIN and CSC – IT Center for Science. 2015–2024. URL: <https://www.kielipankki.fi/corpora/ccmh> (дата обращения: 13.10.2024).
13. Мокиенко В.М. Большой фразеологический словарь старославянского языка: рецензия на первый том // Гуманитарно-педагогические исследования. 2021. Т. 5, № 1. С. 51–54.
14. Берков В.П., Мокиенко В.М., Шулежкова С.Г. Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка: ок. 5000 ед. : в 2 т. / под ред. С.Г. Шулежковой. 2-е изд., испр. и доп. Магнитогорск : МаГУ; Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2008. Т. 1. 624 с.

15. Крысин Л.П. Рецензия на кн.: Складарская Г.Н. Словарь православной церковной культуры. М.: Наука, 2000. 278 с. // Известия АН. Сер. лит. и яз. 2001. Т. 60, № 5. С. 63–65.
16. Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. М.: Coda, 1997. 343 с.

References

1. Tolstoy, N.I. (1995) *Yazyk i narodnaya kul'tura Ocherki po slav. mifologii i etnolingvistike* [Language and Folk Culture Essays on Slavic Mythology and Ethnolinguistics]. Moscow: Indrik. pp. 371–282.
2. Shulezhkova, S.G. (ed.) (2020) *Bol'shoy frazeologicheskiy slovar' staroslav'yanskogo yazyka* [Large Phraseological Dictionary of the Old Church Slavonic Language]. Vol. 1. Moscow: FLINTA.
3. Shulezhkova, S.G. (ed.) (2022) *Bol'shoy frazeologicheskiy slovar' staroslav'yanskogo yazyka* [Large Phraseological Dictionary of the Old Church Slavonic Language]. Vol. 2. Moscow: FLINTA.
4. Shulezhkova, S.G. (ed.) (2023) *Bol'shoy frazeologicheskiy slovar' staroslav'yanskogo yazyka* [Large Phraseological Dictionary of the Old Church Slavonic Language]. Vol. 3. Moscow: FLINTA.
5. Shulezhkova, S.G. (ed.) (2024) *Bol'shoy frazeologicheskiy slovar' staroslav'yanskogo yazyka* [Large Phraseological Dictionary of the Old Church Slavonic Language]. Vol. 4. Moscow: FLINTA.
6. Shulezhkova, S.G. (ed.) (2011) *Frazeologicheskiy slovar' staroslav'yanskogo yazyka: svyshe 500 ed.* [Phraseological Dictionary of the Old Church Slavonic Language: over 500 units]. Moscow: Flinta: Nauka.
7. Kamphuis, J. (2020) *Verbal Aspect in Old Church Slavonic*. Brill: Leiden.
8. Meye, A. (1934) *Obshcheslav'yanskiy yazyk* [Common Slavic Language]. Moscow: Progress.
9. Tseytlin, R.M., Vecherka, R. & Blagova, E. (eds) (1994) *Staroslav'yanskiy slovar' (po rukopisyam X–XI vv.) Ok. 10000 sl.* [Old Church Slavonic Dictionary (Based on the manuscripts of the 10th – 11th centuries) Approx. 10,000 words]. Moscow: Russkiy yazyk.
10. Sadnik, L. & Aitzetmüller, R. (1955) *Handwörterbuch zu den altkirchenslavischen Texten*. Heidelberg: Carl Winter-Universitätsverlag.
11. *Biblioteka svyatootecheskoy literatury* [Library of Patristic Literature]. (n.d.) [Online] Available from: <http://www.orthlib.ru/> (Accessed: 17.08.2024).
12. The Language Bank of Finland, FIN-CLARIN and CSC – IT Center for Science. (2015–2024) *Corpus Cyrillo-Methodianum Helsingiense: Corpus of Old Church Slavonic Texts*. [Online] Available from: <https://www.kielipankki.fi/corpora/ccmh> (Accessed: 13.10.2024).
13. Mokienko, V.M. (2021) *Bol'shoy frazeologicheskiy slovar' staroslav'yanskogo yazyka: retsenziya na pervyy tom* [Big Phraseological Dictionary of Old Church Slavonic: review of the first volume]. *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya*. 1 (5). pp. 51–54.
14. Berkov, V.P., Mokienko, V.M. & Shulezhkova, S.G. (2008) *Bol'shoy slovar' krylatykh slov i vyrazheniy russkogo yazyka: ok. 5000 ed.* [Big Dictionary of Catchphrases and Expressions of the Russian Language: approx. 5000 units]. 2nd ed. Vol. 1. Magnitogorsk: Magnitogorsk State University; Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität.
15. Krysin, L.P. (2001) *Retenziya na kn.: Sklyarevskaya G.N. Slovar' pravoslavnoy tserkovnoy kul'tury*. M.: Nauka, 2000. 278 s. [Review of the book: Sklyarevskaya G.N. Dictionary of Orthodox Church Culture. Moscow: Nauka, 2000. 278 p.]. *Izvestiya AN. Ser. lit. i yaz.* 5 (60). pp. 63–65.
16. Averintsev, S.S. (1997) *Poetika rannevizantiyskoy literatury* [Poetics of Early Byzantine Literature]. Moscow: Coda.

Информация об авторе:

Андреева С.Л. – канд. филол. наук, доцент кафедры педагогического образования и документоведения Института гуманитарного образования Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова (Магнитогорск, Россия). E-mail: 216zamsv@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

S.L. Andreeva, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Magnitogorsk, Russian Federation). E-mail: 216zamsv@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 21.10.2024;
одобрена после рецензирования 25.11.2024; принята к публикации 21.07.2025.*

*The article was submitted 21.10.2024;
approved after reviewing 25.11.2024; accepted for publication 21.07.2025.*

ОТ РЕДАКЦИИ

Научный журнал «Вестник Томского государственного университета. Филология» был выделен в самостоятельное периодическое издание из общенаучного журнала «Вестник Томского государственного университета» в 2007 г.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия (свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-29496 от 27 сентября 2007 г.), ему присвоен международный стандартный номер сериального издания (ISSN 1998-6645).

«Вестник ТГУ. Филология» выходит 6 раз в год и распространяется по подписке, его подписной индекс – 44041 в объединенном каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: <http://journals.tsu.ru/philology>

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию; рукописи не возвращаются. Публикации в журнале осуществляются на некоммерческой основе.

Ознакомиться с требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала: <http://journals.tsu.ru/philology>

Редакция не вступает с авторами в переписку по методике написания и оформлению научных статей и не занимается доведением статей до необходимого для публикации уровня.

Редакция может не разделять точку зрения авторов статей. Ответственность за содержание публикуемых материалов несет автор. При любом использовании материалов ссылка на журнал обязательна.

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, филологический факультет.

Ответственный секретарь редакции журнала – М.М. Угрюмова.

Научный журнал

**ВЕСТНИК
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА.
ФИЛОЛОГИЯ**

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOLOGY

2025. № 96

Редактор Ю.П. Готфрид
Редактор-переводчик В.В. Кашпур
Оригинал-макет А.И. Лелоюр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцова

Подписано в печать 25.08.2025 г. Формат 70×100 ¹/₁₆.
Печ. л. 19; усл. печ. л. 24,7. Цена свободная.
Тираж 50 экз. Заказ № 6405.

Дата выхода в свет 12.09.2025 г.

Адрес издателя и редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Томский государственный университет

Журнал отпечатан на оборудовании Издательства ТГУ
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 52-98-49
<http://publish.tsu.ru>; e-mail; rio.tsu@mail.ru